

**ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ**

РУСЬ.

РОССІЯ.

БЕЛАРУСЬ

ТОМ ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ

2020

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

ISSN 2306-4978

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУСЬ. РОССИЯ. БЕЛАРУСЬ

ТОМ ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Под общей редакцией
И.В. Курукина

МОСКВА, 2020

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков**
главный редактор, кандидат исторических наук
- Ф.Г. Тараторкин**
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Керемецкий**
зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства
- Т. Лефко**
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская**
ученый секретарь

Редакционный совет

- М.В. Баранов**
президент «Руниверс»
- С.П. Брюн**
сотрудник Музеев Московского Кремля
- В.З. Голдман**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Горекский**
доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- С.В. Девятов**
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жангиев**
кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исааков**
доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории
- Г. Кантор**
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- С.А. Кириллина**
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- Т.Ю. Кобищанов**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- И.В. Курюкин**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ
- Г.Н. Ланской**
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ
- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе
- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе
- М.С. Мейер**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, президент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.В. Орлов**
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- Е.И. Пивовар**
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, директор учебно-научного центра «Кремль-9» РГГУ
- А.А. Улунян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Я.М. Хамеен-Ангтила**
профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Filipp G. Taratorkin
Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor, Corresponding Fellow of International Academy of Art and Culture
- Todd Lefko
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary

Editorial Board

- Mikhail V. Baranov
President of «Runivers»
- Sergei P. Brun
Staff member at the Moscow Kremlin Museums
- Wendy Z. Goldman
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department
- Anton A. Gorskiy
D. Sc. (History), Professor at the Moscow State University, Historical Faculty, Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Sergey V. Deviatov
D. Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty
- Dmitriy R. Zhantiev
Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Salavat M. Iskhakov
D. Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History
- Georgy Kantor
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford
- Svetlana A. Kirillina
D. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Taras Y. Kobishchanov
Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Igor V. Kurukin
D. Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Gregory N. Lanskoj
D.Sc. (History), Professor of the Department of Transregional Studies and Foreign Policy of the International Affairs and Transregional Studies Faculty of the History and Archives Institute of RSUH
- Gail D. Lenhoff
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey
Ph.D. in History, in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Mikhail S. Meyer
D. Sc. (History), Professor at the Department of Middle and Near East History, President of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Stepan V. Orlov
Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty
- Daniel Panateri
D. Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Efim I. Pivovarov
Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences, President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences
- Alexey E. Titkov
Ph.D. in History, Director of the «Kremlin-9» Centre for Studies and Research at Russian State University for the Humanities
- Arutyun A. Ulunyan
D. Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Jaakko Markus Hämeen-Anttila
Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

ОТ РЕДАКЦИИ

Судьбы соседей — России и Белоруссии — тесно между собой связаны, и связь эта уходит вглубь времен. Этот номер редакция решила посвятить взаимоотношениям России и Белоруссии — чтобы познакомить отечественных читателей с работами современных белорусских исследователей из разных научных центров. Историки наших стран неизбежно соприкасаются с проблемами, порожденными и конфликтами восточнославянских держав, и пребыванием в одном имперском пространстве.

Е.С. Глинский пишет о существующих в истории шляхетских родов мотивах прибытия рода в Великое княжество Литовское из Москвы. Несмотря на многочисленные войны между Речью Посполитой и Российским государством, апелляция к «московскому» происхождению служила для незнатной или вовсе безземельной шляхты аргументом для подтверждения принадлежности к благородному сословию.

А.В. Мацук исследует события бескоролья 1733 г. в Речи Посполитой, во время которого Россия в союзе с Австрией активно вмешалась в процедуру избрания короля. Его российский коллега К. А. Кочегаров посвятил свою работу конфликту вокруг избрания архимандрита Слуцкой архимандрии — одного из важнейших православных центров Великого княжества Литовского. В итоге против «московского» киевского архиерея и его консистории выступили местные православные братства вместе с католиком-патроном православной церкви в Слуцком княжестве — Иеронимом Флорианом Радзивиллом.

В.В. Аниперков выяснял реальную историю взаимоотношений российских военных властей с представителями

Тарговицкой конфедерации (1792–1793 гг.), созданной по инициативе и в интересах Российской империи, с целью восстановления ее политического влияния в Речи Посполитой.

А.В. Унучек показал, как на страницах белорусского еженедельника «Наша Ніва» (1906–1915 гг.) формировался образ России и освещались события в стране и политика властей Российской империи как в отношении Белоруссии, так и в целом. В статье Н. К. Альховика изучаются особенности советской национальной политики в БССР и РСФСР в середине — конце 1930-х гг.

Содержательный очерк Д.Ч. Матвейчика посвящен анализу современных работ по проблематике восстания 1863–1864 гг. на территории Белоруссии. В работе выявляются основные тенденции развития в Беларуси исследований восстания, выделяются основные тематические направления, раскрывается вклад наиболее крупных исследователей. Особое внимание обращается на деятельность по введению в научный оборот новых источников по истории восстания (архивные документы, мемуары и др.).

За рамками собственно российско-белорусских исследований в номере публикуются основанное на архивных данных сообщение А.С. Сенина о строительстве самой южной российской железной дороги и полемическая статья Т.А. Матасовой о роли Софьи Палеолог в придворной жизни Москвы и приглашении итальянских мастеров на московскую службу в конце XV в.

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»

EDITORIAL

The historical fate of two neighbouring countries — Russia and Belarus — are closely intertwined, with their connection spanning back centuries. The current issue of *The Historical Reporter* is dedicated to Russian-Belarusian relations. We hope that Russian readers will have this chance to encounter the research of contemporary Belarusian scholars, working in various academic centres. Historians from both countries naturally encounter problems, brought about by the conflicts between Eastern Slavic countries and many years spent alongside one another in the united imperial landscape.

Jauhien S. Hlinski examines the theme of migration from Moscow into the Grand Duchy of Lithuania in the dynastic the histories of local szlachta families. Despite numerous wars between the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Russian Tsardom, the appeal to the «Muscovite» roots served as the basic argument of the lesser or landless szlachta in their attempts to be recognized as full-scale nobility.

Andrei V. Macuk studies the «kingless» year of 1733 in the Polish-Lithuanian Commonwealth, during which Russia and Austria both actively intervened in the election of a new king.

His Russian colleague — Kirill A. Kochegarov dedicated his work to the conflict around the nomination of the Archimandrite of Slutzk, one of the leading Orthodox centers in the Grand Duchy of Lithuania. The «Muscovite» Metropolitan of Kiev and his consistory faced staunch opposition from local Orthodox brotherhoods, the latter being directly patronized by a Catholic benefactor of the Orthodox Church in the Principality of Slutzk, Jeronimus Florian Radzivil.

Vadzim Anipiarkou explores the real history of the relationship between the Russian military and representatives of the Targovitzky Confederation (1792–1793), which was created at the initiative and in the direct interests of the Russian Empire, being aimed at the restoration of Russian influence in the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Andrei Unuchak exhibits how Russia and the imperial policies (including those that were directly aimed at Belarus) were portrayed in the Belarussian weekly journal *Наша Ніва* (Our Field) in 1908–1915.

The article of Mikalaj K. Alchovik studies the peculiar traits of the Soviet national policy in Belarus and Russia in the mid and late 1930's.

Dmitriy C. Matveichik's detailed report is dedicated to the analysis on contemporary works on the problematics of the 1863–1864 Uprising in Belarus. This work clearly establishes the main tendencies on the Uprising's studies in Belarus, also examining the basic themes and major researchers. Special attention is given to the new sources on the Uprising (archives, memoirs, etc.) that are now being brought into the academic orbit.

Two works in the issue lie beyond the framework of Russian-Belarussian relations: the archival material on the construction of Russia's southernmost railroad, provided by Alexander S. Senin, and the polemic article by Tatiana A. Matasova on the role of Sofia Paleologos in the court life of Moscow and in the invitation of Italian architects into Russian service in the late 15th century.

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief of the Historical Reporter

СОДЕРЖАНИЕ

- Е.С. Глинский.** Легенды о «московском» происхождении отдельных шляхетских родов в историческом дискурсе Великого княжества Литовского XVII–XVIII вв. 10
- А.В. Мацук.** Взаимоотношение магнатов и шляхты ВКЛ с Россией в 1733 г. 48
- К.А. Кочегаров.** Киевская митрополия, князь Иероним Радзивилл и назначение служким архимандритом Давида Нащинского в 1755 г. . . 110
- В.В. Аниперков.** Под маской сотрудничества: конфликты российских войск и пророссийских конфедераций на землях Великого княжества Литовского в 1792–1793 гг. 138
- А.В. Унучек.** Россия и русские на страницах газеты «Наша Ніва» начала XX в. 182
- Н.К. Альховик.** Особенности советской национальной политики в БССР и РСФСР в середине – конце 1930-х гг. 206

ОБЗОРЫ

- Д.Ч. Матвейчик.** Современная белорусская историография восстания 1863–1864 гг. на территории Беларуси (общий обзор и основные проблемы развития) 236

СООБЩЕНИЯ

- А.С. Сенин.** Дорога на Кушку 280

ПОЛЕМИКА

- Т.А. Матасова.** Влияние или молчание? Еще раз о роли Софьи Палеолог при дворе Ивана III и степени ее участия в привлечении итальянских мастеров в Москву 298

CONTENTS

RUS'. RUSSIA. BELORUSSIA

Editor: Igor V. Kurukin

- Jauhien S. Hlinski.** Legends on the «Muscovite» origins of several szlachta dynasties in the historical discourse of the Grand Duchy of Lithuania in the 17th–18th century 10
- Andrei V. Macuk.** The relationship of magnates and the szlachta of the Great Principality/Grand Duchy of Lithuania with Russia in 1733.....48
- Kirill A. Kochegarov.** The Kievan Metropolia, Prince Jeronime Radzivill, and the nominatin of David Nischinsky as the Archimandrite of Slutzk in 1755..... 110
- Vadzim V. Anipiarkou.** Under the mask of collaboration: conflicts between Russian forces and pro-Russian confederations in the Great Principality/Grand Duchy of Lithuania in 1792–1793 138
- Andrei V. Unuchak.** Russia and the Russians on the pages of the *Наша Hiба* («Our Field») Newspaper at the dawn of the 20th century 182
- Mikalaj K. Alchovik.** Defining Traits of the Soviet National Policy in the Belarussian and Russian Soviet Republics in the mid-late 1930's... 206

OVERVIEWS

- Dmitriy C. Matveichik.** Contemporary Belarussian historiography of the 1863–1864 Uprising in Belarussian territories: a general overview and main problems of academic development. 236

REPORTS

- Alexander S. Senin.** The Road to Kushka 280

POLEMICS

- Tatiana A. Matasova.** Influence or Silence? Once more on the role of Sophia Paleologos in the court life Ivan III and the question of her participation in the invitation of Italian masters to Moscow 298

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.33.010

Е.С. Глинский

ЛЕГЕНДЫ О «МОСКОВСКОМ» ПРОИСХОЖДЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ШЛЯХЕТСКИХ РОДОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО XVII—XVIII ВВ.

Тенеалогическая составляющая являлась важной частью шляхетского самосознания в Речи Посполитой (и Великом княжестве Литовском)¹ в XVII—XVIII вв. Общеизвестно конституирующее значение «сарматского» мифа и легенды о происхождении литовской аристократии от римских патрициев для историко-политического дискурса Речи Посполитой². Однако представления о происхождении отдельных родов часто

¹ В данной статье внимание будет сконцентрировано именно на легендах родов, преимущественно проживавших на землях Великого княжества Литовского (ВКЛ), с 1569 г. являвшегося частью Речи Посполитой.

² Об этом см.: *Zachara-Wawrzyńczyk M.* Geneza legendy o rzymskim pochodzeniu Litwinów // *Zeszyty Historyczne*. Warszawa, 1963. Т. 3. S. 5–35; *Kulicka E.* Legenda o rzymskim pochodzeniu Litwinów i jej stosunek do mitu sarmackiego // *Przegląd Historyczny*. 1980. Т. 71. Z. 1. S. 1–22; *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002; *Petrauskas R.* Socialiniai ir istoriografiniai lietuvių kilmės iš romėnų teorijos aspektai // *Literatūros istorija ir jos kurėjai*. Vilnius, 2004. P. 270–285; *Tereškinas A.* Imperfect communities. Identity, discourse and nation in the Seventeenth-century Grand Duchy of Lithuania. Vilnius: LLTI, 2005. P. 270–284; *Łatyszonek O.* Polityczne aspekty przedstawienia średniowiecznych dziejów ziem białoruskich w historiografii Wielkiego Księstwa Litewskiego XV–XVI w. // *Бiałoruskie Zeszyty Historyczne*. 2006. № 25. S. 5–44; *Jurkiewicz J.* Od Palemona do Giedymina.

выходили за рамки отсылок к «сарматскому» или «римскому» прошлому. В отличие от Московского государства, где общим местом генеалогических легенд был мотив «выезда» на службу к великому князю Московскому («из Немец», «из Литвы» и т. д.), т.е. преобладающей была модель иноземного происхождения боярских и дворянских родов³, шляхетское самосознание Речи Посполитой демонстрировало разнообразные стратегии «нахождения» собственного родового прошлого. Кроме «сарматского» и «римского» мифа, шляхта Речи Посполитой могла апеллировать к княжескому родословию (например, Войны выводили себя от мифических князей Загомыльских и Илговицких⁴), происхождению от татарских родов (Глинские)⁵, близкому родству с наиболее известными магнатскими фамилиями (так, среднешляхетский род Гинтовтов-Дзевялтовских из Вилькомирского повета манифестировал общее происхождение с могущественными Радзивиллами⁶) и т. д.

Не чужд был аристократии и шляхте ВКЛ также мотив «выезда», в том числе из Московского государства. О своих московских корнях помнили представители родов, действительно происходивших из Московской Руси. Прежде всего это относится к аристократическим семействам. Потомки князя Матвея Микитинича, приехавшего из Москвы вместе с женой великого князя Литовского Александра Ягеллона (1492–1506 гг.) Еленой Ивановной, Микитиничи-Головчинские в XVII в. считались членами известного княжеского рода Ряполовских⁷. Если их

Wczesnonowożytnie wyobrażenia o początkach Litwy. Cz. 1: W kręgu latopisów litewskich. Poznań, 2012; Семянчук А.А., Бідная Г.А. Легенда аб рымскім паходжанні ліцвінаў у сярэднявечнай гістарыяграфіі (XV–XVII стст.) // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Серыя 1. 2015. № 1. С. 52–62; Kiaupienė J. Tarp Romos ir Bizantijos: Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės politinės kultūros aukso amžius (XV a. antroji pusė — XVII a. pirmoji pusė). Vilnius, 2016. P. 93–121; Orzeł J. Historia — tradycja — mit w pamięci kulturowej szlachty Rzeczypospolitej XVI–XVIII wieku. Warszawa, 2016.

³ Бычкова М.Е. Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. 2-е изд. М., 2015. С. 83–87, 312–317.

⁴ Глінскі Я.С. Родавыя легенды шляхты ўсходнеславянскага паходжання ў Вялікім Княстве Літоўскім: тэндэнцыі развіцця ў XVII ст. // Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура: зб. навук. арт. Ч. 1. Мінск, 2017. С. 436.

⁵ Канановіч У.І. Радавод князёў Глінскіх: памяць пра мінулае як зброя палітычнай барацьбы // Arche. 2015. № 9. С. 195–218.

⁶ Łauxmin Z. Głosy trąb oczysztych Jego Mości Pana p. Stanisława Gintolowicza Dziewałtowskiego, stolnika Kowienskigo, przy pogrzebie w kościele S. Iana w Wilnie kazaniem wytłumaczone. Wilno, 1654. K. B2 v.–C; Wijuk Kojalowicz W. Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego / Wyd. F. Piekosińskiego. Kraków, 1897. S. 309–312.

⁷ Kojalavičius-Vijūkas A. Šventasis Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos bei jai priklausančių provincijų giminių ir herbu vardynas = Sacer nomenclator familiarum et stemmatarum

московские корни не подлежат сомнению, то непосредственное происхождение от Ряполовских остается дискуссионным⁸. Ряполовские были значительным и древним княжеским родом⁹, поэтому попытки Головчинских подчеркнуть родство с ними выглядят достаточно логично. При этом родовая легенда Микитиничей не нашла яркого выражения на страницах панегириков. Их авторы преимущественно концентрировались на важных государственных должностях (воевод, каштелянов), занимаемых представителями рода¹⁰. Свое развитие легенда получила в конце XVII — первой половине XVIII в., уже после угасания рода. Как следует из заметки о них в гербовнике Каспера Несецкого (издавался в 1728–1743 гг.), в это время Головчинских относили к «северским князьям»¹¹. Однако такое родословие служило возвеличиванию не столько Микитиничей, сколько их родственников князей Огинских¹².

Еще в меньшей степени, чем в случае Головчинских, в генеалогической литературе XVII–XVIII вв. отражена ранняя история потомков бежавшего в ВКЛ во второй половине 30-х гг. XVI в. Ивана Дмитриевича Губки Шуйского¹³. Писавший в середине XVII в. Альберт (Войцех) Вижок-Коялович знал только современных себе представителей рода (преимущественно проживавших в Брестском воеводстве), о его княжеском достоинстве он не сообщает вовсе¹⁴. Больше информации о Шуйских (в том

Magni Ducatus Lituaniae et provinciarum ad eum pertinentium (далее — Nomenclator). Vilnius, 2015. P. 250–251; *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 116.

⁸ Казакоў А.У. Князь Мацвей Мікіцініч: паходжанне і эміграцыя // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 1. Минск, 2018. С. 77–80.

⁹ О них см.: *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 35–43.

¹⁰ *Gierkiewicz M.* Nieśmiertelna pamięć nad grobem ... Iey Msci Paniey Reiny z Hołowczyna Hołowczynskiej Kiszczyny ... postawiona ... Jego Msci Panu Krzysztophowi z Ciechanowca Kiszce, woiewodzie witepskiemu etc. żalosnemu po zmarłej małżonce małżonkowi ofiarowana. Wilno, 1640. К. А4–А4 v.

¹¹ То есть к выходцам из черниговских, брянских и новгород-северских земель (*Цемушаў В.М.* Северская зямля // *Вялікае Княства Літоўскае: Энцыклапедыя*. Т. 2. 2-е выд. Мінск, 2007. С. 561–562).

¹² К. Несецкий отмечал, что сведения о ранней истории Головчинских он почерпнул из генеалогической таблицы рода Огинских (*Niesiecki K.* Herbarz polski / Wyd. J. P. Bobrowicza. Т. 4. Lipsk, 1839. S. 364–365).

¹³ Казакоў А.У. Лёсы маскоўскай знаці ў Вялікім Княстве Літоўскім у першай палове XVI ст. // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 4. Минск, 2011. С. 163–165.

¹⁴ *Wijuk Kojalowicz W.* Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego. S. 178; Nomenclator. P. 616–617.

Герб Богдана Огинского. 1601 г.

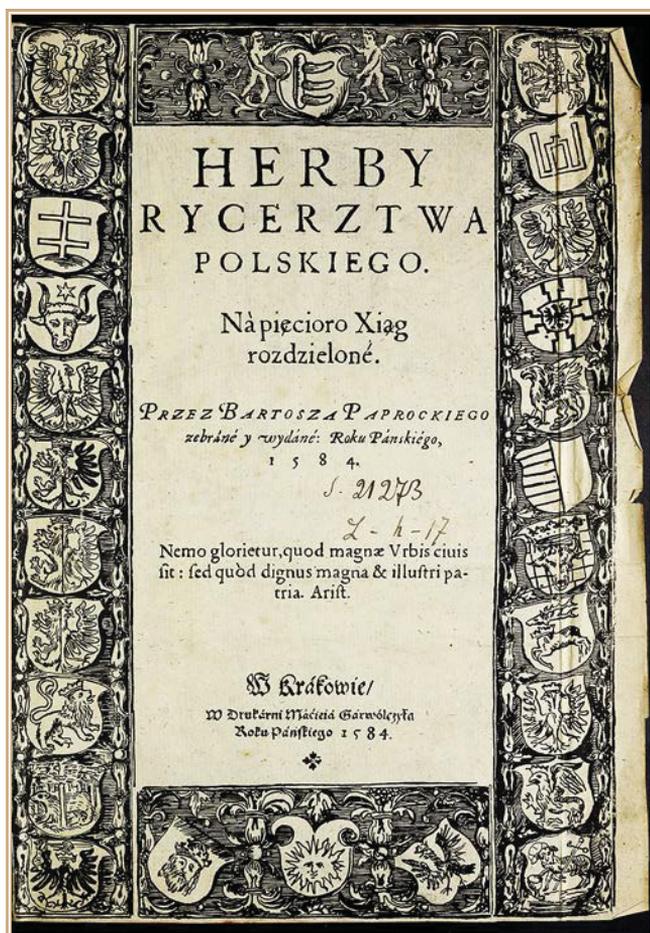
числе о княжеском происхождении) помещено в гербовнике К. Несецкого¹⁵. Тем не менее Шуйские помнили о своем княжеском титуле. Особенно активно он стал подчеркиваться в панегирической литературе конца XVII–XVIII в.¹⁶

Не только действительные выходцы из Великого княжества Московского использовали в своем родословии «московские» сюжеты. Определенные отсылки к «московскому» родословию присутствовали в легендах о происхождении фамилий, не имевших отношения к Российскому государству. Интересным примером подобных манипуляций является родовая легенда знаменитого рода князей Огинских.

Ее развитие было тесно связано с возрастанием роли фамилии в политической жизни ВКЛ и Речи Посполитой. В отличие от других представителей государственной элиты, родословие Огинских нашло отражение

¹⁵ Niesiecki K. Herbarz polski. T. 8. Lipsk, 1841. S. 634–637.

¹⁶ Например, в панегириках, посвященных брестскому хорунжему и писарю ВКЛ Константину (*Kurcz S. Oddawanie JW. Jey Mści Panny Ludowiki Sapieżanki Pisarzowny Polney koron. W. jmść. panu Konstantemu kniazowi Szuyskiemu Chorążemu Brzeskiemu, Staroście Jadowskiemu, a potym Pisarzowi wielkiemu W. X. L. [b. m.], 1687*), загальскому старосте Аполлонию Александру Шуйским (*Kuczewski M. Kazanie na pogrzebie w Bogu zeszęgo Jaśnie Wielmożnego Kniazia Apolloniusza Alexandra Szuyskiego Starosty Zahalskiego w Janowie Poleskim. Warszawa, 1763; Żmijowski F. Kazanie Wtore Na Pogrzebie Jasnie Wielmożnego Kniazia Apolloniusza Alexandra Szuyskiego Starosty Zahalskiego. Warszawa, 1764*). См. также: *Grala H. «Ex Moscouia ortum habent». Uwagi o sfragistycie i heraldyce uchodźców moskiewskich w państwie polsko-litewskim w XVI–XVII wieku // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowa seria. 1999. T. 4. S. 111–112.*

Гербы польского рыцарства. Бартош Папроцкий. 1584 г.

в генеалогической литературе достаточно поздно — сведений о них нет в фундаментальных гербовниках конца XVI — первой половины XVII в. авторства Бартоша Папроцкого и Шимона Окольского¹⁷. Основной причиной такого равнодушия к их происхождению следует назвать долгое отсутствие Огинских среди главных магнатских фамилий ВКЛ. Так, первым представителем рода, достигшим относительно высоких государственных должностей, являлся Богдан Матвеевич Огинский, в 1581 г. назначенный трокским подкоморием (его отец Матвей был виленским тиуном). В дальнейшем сын и внук Богдана сделают блестящие карьеры — Александр Богданович (ум. 1667 г.) последовательно станет минским воеводой (1645 г.) и трокским каштеляном (1649 г.), а Марциан Александрович

¹⁷ Stankiewicz A. «...Kleynoty których my przez żelazne nabywamy groty». Kreacja zasług i pochodzenia Marcjana Aleksandra Ogińskiego w świetle grafik z druków ulotnych // Studia nad staropolską sztuką wojenną. T. 4. Oświęcim, 2015. S. 159.

(1632–1690 г.) трокским воеводой (1670 г.) и, наконец, канцлером ВКЛ (1684 г.)¹⁸. Таким образом, взлет рода был стремительным и, естественно, отразился в панегирической и геральдической литературе.

Показательно, что в произведениях первой половины XVII в., посвященных членам рода Огинских, полностью отсутствуют мотивы героизации и легендаризации прошлого рода¹⁹. Тем не менее основы будущей родовой легенды были заложены еще в конце XVI в. При этом первые упоминания о ней восходят не к панегирикам или гербовникам, а к актовому материалу. В одном из документов (от 1585 г.) Богдан Матвеевич назван «с Козельска Огинским»²⁰. В действительности с Козельском, в конце XVI в. находившимся в составе Московского государства, Огинские связаны не были. Они вели происхождение от смоленского Мономаховича Ивана Васильевича Глазынича, бежавшего в XV столетии в Москву, но вынужденного оставить свою семью в ВКЛ, где его сын Дмитрий выслужил Огинты в Трокском воеводстве, ставшие впоследствии гнездом рода²¹.

По мнению белорусского историка Алексея Шаланды, сюжет с Козельском был воспринят Огинскими из летописных сообщений об обороне этого города во время монгольского нашествия и имел целью продемонстрировать преданность представителей рода великокняжеской династии²². Если тезис о проявлении лояльности как главном посыле «козельского» мотива в родословии Огинских представляется верным, то истоки появления этого сюжета, скорее всего, были иными. Во-первых, Козельск находится относительно недалеко от Мосальска, из которого вывелись еще одни князья из ВКЛ — Массальские²³. Возможно, их происхо-

¹⁸ *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 293–304; *Kempa T.* Kariery przedstawicieli prawosławnych rodów Ogińskich i Stetkiewiczów w XVII wieku — podobieństwa i różnice awansu społecznego, ekonomicznego i politycznego // *Władza i prestiż. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku.* Białystok, 2003. S. 346–358.

¹⁹ *Railaitė-Bardė A.* Ogińskių genealoginės savimonės atspindžiai XVII–XVIII a. proginuose leidiniuose // *Kunigaikščiai Ogiškiai Lietuvos istorijoje. Kultūrinės veiklos pėdsakais–2: mokslo straipsnių rinkinys.* Vilnius, 2015. P. 40.

²⁰ *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 294; *Шаланда А.И.* Геральдика князёў Агінскіх: генезіс, легенда, факты // *Герольд Litherland.* 2013. № 19. С. 22, 25 (там же обоснованная критика существовавших в историографии заблуждений об использовании Огинскими отсылки к «козельскому» происхождению еще в середине XVI в.).

²¹ *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 289.

²² *Шаланда А.И.* Геральдика князёў Агінскіх... С. 22–24.

²³ Такое их происхождение нашло отражение, например, в гербовниках А. Виюка-Кояловича (*Wijuk Kojalowicz W.* Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego. S. 171; *Nomenclator.* P. 400–401). Среди прочего, в более позднем «Номенклаторе» А. Виюк-Коялович

ждение подсказало Огинским направление для «поиска» своих корней. Во-вторых, Богдан «с Козельска» Огинский принимал деятельное участие в Ливонской войне против Московского государства²⁴, во время которого мог узнать, что в Великом княжестве Московском проживает ряд княжеских фамилий, а также боярские роды Шонуровых и Сатиных, ведущие свое родословие от «князей Козельских»²⁵. Данное обстоятельство также могло вдохновить Богдана Матвеевича на «приписывание» себя к этой не самой известной в те времена княжеской династии.

Происхождение от князей Козельских в соответствии с тогдашними представлениями превращало Огинских в «северских князей», что нашло отражение в раннем генеалогическом сочинении А. Виюка-Кояловича «Компендиум»²⁶. Причисление к «северским князьям» означало введение Огинских в круг фамилий, происходящих из земель, отобранных у ВКЛ Москвой. По всей видимости, «козельским» родословием Огинские стремились утаить факт бегства их предка в Москву — наоборот, теперь они становились князьями, оставшимися верными ВКЛ, несмотря на присоединение их родовых владений к Московскому государству²⁷.

Легенда Огинских привлекает внимание исследователей в контексте сохранения ими «русинской» и православной²⁸ идентичности, что проявлялось, среди прочего, в подчеркивании происхождения рода от киевского князя Владимира Святого²⁹. В историографии возникновение данного сюжета связывается с деятельностью трокского каштеляна Александра Огинского³⁰ или его сына канцлера ВКЛ Марциана³¹, т.е. относится ко

оспаривал утверждение Ш. Окольского о том, что Массальские происходили из Москвы (*Okolski S. Orbis Polonus. T. 2. Cracovia, 1643. P. 218–221*). Эту правку вслед за А. Виюком-Кояловичем буквально передал К. Несецкий (*Niesiecki K. Herbarz polski. T. 6. Lipsk, 1841. S. 350*). В данном случае фактическое нахождение родового гнезда Массальских в Российском государстве приводило к тому, что и сам род мог осмысляться как «московский».

²⁴ *Ketpra T. Kariery przedstawicieli prawosławnych rodów... S. 347.*

²⁵ *Кузьмин А.В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. Т. 1. М., 2014. С. 172–173.*

²⁶ *Wijuk Kojalowicz W. Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego. S. 189; Nomenclator. P. 452–453.*

²⁷ *Шаланда А.І. Геральдыка князёў Агінскіх... С. 23–24.*

²⁸ Вплоть до времени канцлера ВКЛ Марциана Огинского, перешедшего в католицизм.

²⁹ *Марзалюк І.А. Наша «кіеўская» й «лігоўская» спадчына // Спадчына. 2002. № 5–6. С. 14.*

³⁰ *Шаланда А.І. Геральдыка князёў Агінскіх... С. 24.*

³¹ *Stankiewicz A. «...Kleynoty których my przez żelazne nabywamy groty». S. 172–174.*

второй половине XVII в.³² Однако в данном случае апелляция к родству с князем Владимиром Святославовичем непосредственно не коррелировала с вероисповеданием. Владимир в качества предка Огинских едва ли не впервые прямо называется в панегирике в честь католика Марциана (1685 г.)³³. В данном тексте Владимир характеризуется как объединитель земель Руси, в том числе (несколько анахронично) «Московии». Включение Владимира в родословие Огинских вписывалось в «генеалогические» тенденции конца XVII в. Так, Сапеги (с которыми Марциан был связан в политическом отношении³⁴) примерно в этот период в подобном ключе усовершенствовали собственную легенду о происхождении, превратив себя в потомков Наримунта — сына великого князя Литовского Гедимина³⁵. В обоих случаях подобные генеалогии были своего рода политической манифестацией. Они должны были обосновывать право рода на место не просто в элите государства, а на самом ее верху³⁶.

В начале XVIII в. в генеалогических и панегирических произведениях сюжет с Владимиром был развит и посредством гербовника Каспера Несецкого стал общепринятым³⁷, тем самым несколько потеснив более ранние легендарные «козельские» мотивы. Однако оба сюжета функцио-

³² Утверждение, что идея о происхождении от великого князя Владимира функционировала уже во время Богдана Матвеевича Огинского (*Plochy S. The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 228*), безосновательно.

³³ Данное стихотворное произведение посвящено его браку с дочерью великого коронного канцлера Яна Велепольского Констанцией (*Portae triumphales honori illustrissimi domini D. Martiani de Kozielski Oginiski, supremi Cancellarii M. D. L. nec non illustrissimae dominae D. Constantiae Wieloposka / a Collegio et Alma Universitate Vilnensi Soc. Iesu. Vilna, 1685. P. A2 v.*).

³⁴ *Rachuba A. Ogiński Marcján Aleksander // Polski Słownik Biograficzny. T. 23. Wrocław et al., 1978. S. 618–620.*

³⁵ *Kossakowski S.K. Monografie historyczno-genealogiczne niektórych rodzin polskich. T. 3. Warszawa, 1872. S. 12–14; Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 678–680; Kałamajska-Saeed M. Genealogia portretowa Sapiechów i jej twórcy // Sapiehowie epoki Krasiczyna i Kodnia. Lublin, 2007. S. 248–252; Turczak Ł. Sapieżyńska genealogia portretowa w kościele świętej Anny w Kodniu nad Bugiem // Sapiehowie epoki Krasiczyna i Kodnia. Lublin, 2007. S. 256, 259. Попытка А. Шаланды отнести создание легенды о происхождении Сапег из рода Гедимина к середине XVI в. (*Шаланда А.І. Гербы Льва Іванавіча Сапегі (1580–1633 гг.): склад, легенда, функцыі // Магнацкі двор і сацыяльнае ўзаемадзеянне (XV–XVIII стст.): зборнік навуковых прац. Мінск, 2014. С. 215–219*) представляется убедительной.*

³⁶ *Railaitė-Bardė A. Oginskių genealoginės savimonės atspindžiai... P. 41; Stankiewicz A. «...Kleynoty których my przez żelazne nabywamy grotę». S. 172.*

³⁷ *Niesiecki K. Herbarz polski. T. 7. Lipsk, 1841. S. 48–56; Шаланда А.І. Гераальдыка князёў Агінскіх... С. 20–24, 29; Railaitė-Bardė A. Oginskių genealoginės savimonės atspindžiai... P. 41–42.*

нировали совместно и, прежде всего, должны были подчеркивать значное и славное происхождение рода. Такие акценты явственно проступают в панегириках. Например, в речи Яна Ежи Юревича, произнесенной на погребении Александра Огинского (1667 г.), высокий общественный статус последнего обосновывался тем, что он был «крови Огинских, древнейших северских князей», а его мать Регина Воллович являлась дочерью смоленского воеводы³⁸. Таким образом, герой произведения по своим предкам — как по мужской, так и по женской линии — выделялся особой родовитостью. Более того, панегирист отмечал, что невесткой Александра (первой женой его сына Марциана) являлась Марцибелла Ганна Глебович, по представлениям того времени, относившаяся к роду потомков Гедимины³⁹. Вкупе с подчеркиванием военных заслуг рода⁴⁰ и акцентом на занятие важных государственных должностей⁴¹ происхождение от северских князей (а затем от Владимира Святого) и матримониальные связи с могущественными родами ВКЛ создавали образ выдающегося прошлого рода Огинских.

В этом контексте именно «козельское» родословие были компонентом, связывавшим род с Москвой. В стихах в память об умершем ребенке единственном сыне Марциана Ежи (1680 г.) «козельская» легенда осмысливается именно в московском контексте: «С Тобой [Ежи] вместе полегло в землю // Московских князей благородное Козельских племя»⁴². Таким образом, происхождение Огинских могло непосредственно интерпретироваться как московское. В данном случае имели место как отсылка к фактической принадлежности Козельска — во второй части XVII в. он был частью Российского государства, так и представление о значимости иностранного происхождения. Благодаря московским сюжетам Огинские превращались из окраинных князей в выходцев из

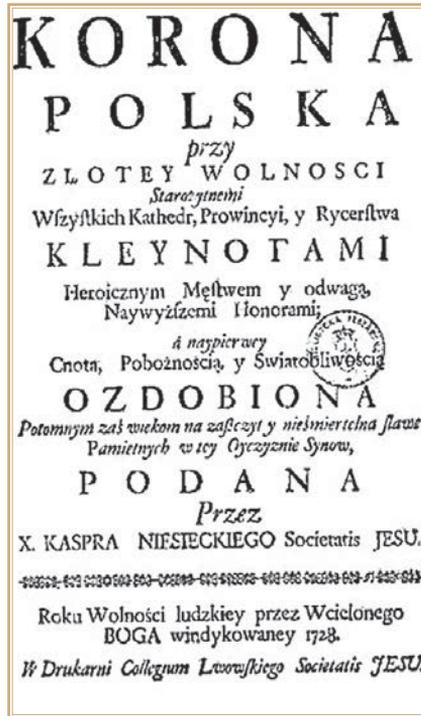
³⁸ *Iurewicz I.G.* Trophaeum gloriae illustrissimo domino Domino Alexandro Oginski, castellano Trocensi. Vilna, 1667. P. A1 v.

³⁹ *Ibidem.* P. B2. *Tereškinas A.* Imperfect communities. Identity, discourse and nation in the Seventeenth-century Grand Duchy of Lithuania. Vilnius: LLTI, 2005. P. 275–276; О родовой легенде Глебовичей см. также: *Рыбчонак С.А.* Да праблемы паходжання магнатаў Глябовічаў — уладальнікаў Заслаўскага замка ў XVI ст. // Магнацкі двор і сацыяльнае ўзаемадзеянне (XV–XVIII стст.): зборнік навуковых прац. Мінск, 2014. С. 92–104.

⁴⁰ *Stankiewicz A.* «...Kleynoty których my przez żelazne nabywamy groty». S. 178.

⁴¹ *Railaitė-Bardė A.* Oginskių genealoginės savimonės atspindžiai... P. 42.

⁴² *Nadzeia Iaśnie Oświeconych, Iaśnie Wielmożnych domów, z ziemi do nieba, w Wielmożnym Jego Mości Panu Ierzym z Kozielska Ogińskim, woiewodzicu Trockim / Od Akademiej Wileńskiej Societatis Iesu.* Wilno, [b. d.]. K. A2.

Титульный лист гербовника Каспера Несецкого «Корона польская»

могущественного соседнего государства⁴³. «Московское» родословие Огинских было хорошо известно в XVII в. Более того, известный геральдик и генеолог Альберт Виюк-Коялович в более позднем своем гербовнике «Номенклатор» даже подверг такой вариант критике, утверждая, что данная фамилия происходит не из Московии, а из Северной земли (в которую в данном случае он включал также Смоленск)⁴⁴.

Таким образом, родовая легенда Огинских была направлена на выражение лояльности рода по отношению к правящей династии, демонстрацию его значения в общественно-политической и военной сферах. Особое внимание уделялось в ней княжескому происхождению рода, интерпретация которого, однако, могла приобретать различные акценты —

⁴³ Как уже отмечалось, мотив иностранного происхождения знати присутствовал в историческом нарративе ВКЛ. Кроме «римского мифа», зафиксированы примеры легенд, выводивших предков определенных родов из Сербии (Зеновичи), Корсики (Корсаки), Германии (Юдицкие). О них см.: *Jurkiewicz J. Legendarna genealogia Despotów Zenowiczów // Studia z dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego (XVI–XVIII wiek). Warszawa, 2014. S. 169–189; Галубович В.У. Проблемы генеалогії шляхты Полачкага ваяводства XVI–XVII стагоддзяў // *Miscellanea historica polocensia = Даследаванні па гісторыі Полаччыны XII–XVII стст. Гродна, 2014. С. 28–29; Uruski S. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej. T. 6. Warszawa, 1909. S. 109–112.**

⁴⁴ *Nomenclator. P. 452–453.*

возведение линии предков к Владимиру Святому или внимание к «козельским» мотивам (вместо действительной принадлежности к смоленским князьям). В свою очередь, нахождение Козельска в Московском государстве создавало почву для осмысления Огинских как выходцев из Московии, что, по всей видимости, в реалиях конца XVII в. могло считаться подходящим сюжетом для возвеличивания фамилии.

Еще более поздний характер имела легенда о московском происхождении рода Козелов (Козелов-Поклевских), относившегося в XVII—XVIII вв. к локальной элите Ошмянского повета⁴⁵. Ее формирование связано с именем кормяловского старосты Михала Станислава Антония Козела. В 1736 г. он составил семейную хронику, в которой в качестве родоначальника указал князя Ивана Козлова, выехавшего из Москвы в ВКЛ во времена Ивана IV Грозного и получившего от Жигимонта II Августа имение Поклев (Паклево) Ошмянского повета⁴⁶. Иван Петрович Козлов — личность вполне историческая. Во время Ливонской войны он действительно перешел на сторону Великого княжества Литовского, но в 1567 г. был схвачен московскими воинами и казнен⁴⁷. Иван Козлов был женат, но сведений о его детях не имеется. Также его земельные владения в ВКЛ никак не связывались с Ошмянщиной — он получил от великого князя имение в Шерешевской волости Брестского повета⁴⁸. Кроме того, вопреки сведениям семейной хроники, московский перебежчик был не князем, а слугой князя Михаила Воротынского. Настоящим предком Козелов-Поклевских был совсем иной человек — Иван Васильевич Козел, в 60-е гг. XVI в. являвшийся урядником (администратором) имения Трабы Ошмянского повета⁴⁹. Его сын подстароста ошмянский (1596—1610 гг.)⁵⁰ Иван Иванович заложил основы мо-

⁴⁵ *Boniecki A. Herbarz polski. T. 12. Warszawa, 1908. S. 72–77.*

⁴⁶ Собственно хроника осталась нам недоступна, более того, неизвестно, сохранилась ли она в принципе. Однако сведения из нее отложились в так называемом «выводе» — родословной росписи, представленной Козелами-Поклевскими в 1823 г. в Минское губернское дворянское депутатское собрание в рамках подтверждения своего дворянского происхождения в Российской империи («разбора шляхты»), см.: НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Д. 117. Л. 245–245 об.

⁴⁷ *Ерусалимский К.Ю. Московиты в Польско-Литовском государстве второй половины XVI — начала XVII в.: дисс. ... д. ист. наук. М., 2011. С. 371, 864.*

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Boniecki A. Poczec rodów w Wielkiem Księstwie Litewskiem w XV–XVI w. Warszawa, 1883. S. 152.*

⁵⁰ *Boniecki A. Herbarz polski. T. 12. S. 72; Uruski S. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej. T. 7. Warszawa, 1910. S. 370; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 1: Województwo wileńskie, XIV–XVIII wiek. Warszawa, 2004. S. 268.*

гущества рода. Примечательно, что он упоминается и в хронике Михала Станислава Антония Козела, где называется внуком Ивана Петровича. К подстаросте Ивану в ней также отнесены сведения о приобретении родом имени Светляны⁵¹.

По всей видимости, именно Михал Станислав Антоний Козел был создателем или, по крайней мере, инициатором создания гипотезы о происхождении рода от выходца из Москвы Ивана Петровича Козлова. И в более ранней (А. Виук-Коялович⁵²), и в современной ему (К. Несецкий⁵³) генеалогической литературе ошмянские Козелы выводились от Савича Козла и его не названного по имени брата, оставшихся в ВКЛ после занятия Москвой Северной земли («Севера»). Как и в случае Огинских, здесь речь шла о событиях начала XVI в., когда Великое княжество Московское заняло смоленские и брянские («северские») земли ВКЛ. Среди брянских бояр носители фамилии или родового прозвища Козел (Козлов) в данный период не зафиксированы, однако подобные имена имелись у нескольких смоленских панцирных и щитных слуг⁵⁴. В любом случае, возможность происхождения Козелов с окраинных земель ВКЛ исключать нельзя, хотя настоящие корни рода по-прежнему мало исследованы.

Такое родословие в первой половине XVIII в. уже не устраивало членов фамилии. Вероятно, оно не казалось достаточно почетным. Для прославления рода фигура Ивана Козлова подходила значительно лучше. Если «северское» происхождение подчеркивало только лояльность рода к суверену (остались на службе у великого князя даже после занятия их владений Москвой), то деятельность Ивана Козлова свидетельствовала также о заслугах рода по отношению к ВКЛ (а затем и Речи Посполитой) и его правителям. Кроме того, в семейной хронике 1736 г. Иван назывался князем, что, несомненно, должно было повышать престиж фамилии. Присваивание Козелами-Поклевскими для себя княжеского достоинства, в целом, соответствовало тенденциям развития шляхетского самосознания в XVIII столетии, когда мно-

⁵¹ НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Д. 117. Л. 245 об.–246.

⁵² *Wijuk Kojalowicz W. Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego*. S. 112. Nomenclator. P. 352–353.

⁵³ *Niesiecki K. Herbarz polski*. T. 5. Lipsk, 1840. S. 343.

⁵⁴ *Lietuvos Metrika* (далее — LM). Knyga Nr. 4 (1479–1491). *Užrašymų knyga 4 / Parengė L. Anužytė*. Vilnius, 2004. P. 159, 163; *Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в.* 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 264–287.

гие нетитулованные роды стремились «изобрести» собственное княжеское происхождение⁵⁵.

Еще одним существенным мотивом генеалогической легенды Козелов был акцент на занятии представителями рода должностей («урядов») на общегосударственном и местном уровне. В хронике 1736 г. сыновьями московского выходца Ивана Козлова названы Вацлав, Владислав и Альбрехт. Двое последних охарактеризованы как ошмянский стольник и виленский подкоморий⁵⁶. Естественно, на таких должностях они по независимым источникам не прослеживаются⁵⁷. В поколении сыновей подстаросты Ивана также практически для всех отмечены занимаемые ими «уряды»⁵⁸, в ряде случаев фиктивные. Например, Филон Иванович Козел назван ловчим ВКЛ, в действительности он им не был⁵⁹. Вершиной карьеры одного из наиболее значительных представителей рода в первой половине XVII в. королевского секретаря Фабиана Козела-Поклевского стала должность ошмянского хорунжего⁶⁰. В свою очередь, в семейной хронике он определен как витебский каштелян⁶¹, т.е. человек, получивший сенаторское достоинство, что не соответствовало действительности⁶². Показательно, что в гербовниках XVII—XVIII вв.⁶³ высшая должность Фабиана указана верно — ошмянский хорунжий.

Мотив заслуг Козелов-Поклевских перед государством (судьба Ивана Козлова, занятие высоких должностей) во многом проистекал из исторического контекста первой трети XVIII в., в котором происходило становление их родовой легенды. В это время представители рода приняли деятельное участие в конфликтах, сотрясавших Речь Посполитую — гражданской войне 1698—1702 гг., противостоянии между

⁵⁵ Многочисленные примеры подобного приведены Юзефом Вольффом, см.: *Wolff J. Książowie litewsko-ruscy...* S. 649–687.

⁵⁶ НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Д. 117. Л. 245 об.

⁵⁷ *Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 1: Województwo wileńskie.* S. 149–151, 301–304.

⁵⁸ НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Д. 117. Л. 245 об.; Оп. 2. Д. 1455. Л. 351.

⁵⁹ *Urządnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Spisy. Kórnik, 2004.* S. 65–71.

⁶⁰ *Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 1: Województwo wileńskie.* Warszawa, 2004. S. 212.

⁶¹ НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Д. 117. Л. 245 об.

⁶² *Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego (1386–1795).* Kraków, 1885. S. 138–142.

⁶³ *Wijuk Kojalowicz W. Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego.* S. 112; *Nomenclator.* P. 352–353; *Niesiecki K. Herbarz polski.* T. 5. S. 343.

сторонниками Августа III и Станислава Лещинского в 30-е гг. XVIII в.⁶⁴ Политическое значение фамилии в современности должно было быть подкреплено таким же выдающимся прошлым. Влияние на возникновение легенды могли оказать и внутрисемейные обстоятельства. Матерью автора хроники 1736 г. Михала Станислава Антония Козела являлась Юстина Бенедикта Олехнович-Дорогостайская⁶⁵ — представительница рода, пользовавшегося развитой и почетной легендой о происхождении, оформившейся еще в XVI в.⁶⁶ Ее структура во многом схожа с использованной Козелами-Поклевскими. В ней также подчеркивалось многовековое присутствие предков рода среди элиты ВКЛ (Олехновичи выводились от виленского воеводы первой четверти XV в. Войцеха Монивида, в действительности не были его прямыми потомками)⁶⁷, им приписывалось фиктивное княжеское происхождение (будто бы Войцех Монивид был внуком великого князя Литовского Гедимина)⁶⁸. Родовая легенда Олехновичей могла послужить образцом для Козелов. Возможно, именно благодаря ей в ней появился уникальный для генеалогического дискурса Речи Посполитой концепт о княжеском происхождении Ивана Козлова.

Косвенно «московские» сюжеты присутствуют в легенде о происхождении Слизней. Данный род, владевший именьями преимущественно в Ошмянском и Слонимском поветах, происходил от смоленских бояр, переселившихся вглубь ВКЛ после занятия Смоленска Великим княжеством Московским в начале XVI в.⁶⁹ Как и в случае с еще одними смоленскими выходцами — князьями Огинскими, генеалогическая литература XVIII в. несколько искажала сведения о месте их первоначального проживания. Так, К. Несецкий относил их к «северским» родам⁷⁰. Родовая легенда Слизней оформилась немногим ранее легенды Козелов-Поклевских. Еще А. Виюк-Коялович, создававший генеалогические труды

⁶⁴ *Boniecki A. Herbarz polski. T. 12. S. 74; Віцько Д. В.* Галоўны Трыбунал ВКЛ 1698 г.: судовая расправа над Сапегамі // *Arche*. 2016. № 3. С. 103.

⁶⁵ НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Д. 117. Л. 247–247 об.

⁶⁶ *Рыбчонак С.А.* Да праблемы паходжання магнатаў Глябовічаў... С. 93–95.

⁶⁷ *Ochmański J. Moniwid i jego ród // Lituanio-Slavica Posnaniensia. 2003. T. 9. S. 17–19; Пятраўскас Р.* Літоўская знаць у канцы XIV–XV ст.: Склад — структура — улада. Смаленск, 2014. С. 262–265, 290–291.

⁶⁸ *Глінскі Я.С.* Стварэнне і функцыянаванне легенды аб паходжанні шляхецкіх родаў «Манівідавічаў» у ВКЛ XVI–XVII стст. // *Веснік БДУ. Серыя 3*. 2014. № 2. С. 10–13.

⁶⁹ *Ерусалимский К.Ю.* Московиты в Польско-Литовском государстве... С. 335–337.

⁷⁰ *Niesiecki K. Herbarz polski. T. 8. S. 402.*

в середине XVII в., владел минимумом информации о данном роде⁷¹. В свою очередь, К. Несецкий подробно останавливается на их родословии. Он утверждал, что род пришел в Северское княжество в правление великого князя Литовского Александра Ягеллона (1492–1506 гг.) из Семиградья (Трансильвании), а затем отметил, что «Андрею Ратшу это перемещение приписывают»⁷². Очевидно, что не К. Несецкий был автором такого родословия.

Наиболее вероятно, что легенду о происхождении из Трансильвании и включение в родословие фигуры Андрея Ратши следует увязать с одним из наиболее влиятельных представителей рода Слизней в XVII–XVIII вв. — референдарием ВКЛ Стефаном Яном Слизнем (ум. 1707 г.). Он не был чужд литературных и исторических занятий. В 1674 г. Стефан Ян написал поэму, посвященную победе войска Речи Посполитой над турками в Хотинской битве (1673 г.)⁷³, также он был автором достаточно большой книги разнообразных заметок — так называемой *silva rerum*⁷⁴. Сюжет с приходом из Трансильвании мог быть навеян именно войнами с турками⁷⁵ (собственно сам Стефан Ян принимал участие в вышеупомянутой Хотинской битве⁷⁶), под властью которых данная историческая область находилась большую часть XVII в. Что касается Андрея Ратши, то вторая часть его имени имеет несомненное «московское» происхождение. Ратшей назывался предок целого ряда московских боярских фамилий (прежде всего, Бутурлиных и Пушкиных), будто бы прибывший в XII в. «из Немец»⁷⁷. Среди потомков Ратши составленная в 1687 г. «Бар-

⁷¹ Он упоминает лишь своих современников — стольника ошмянского и королевского секретаря Александра и Михала Слизней (*Wijuk Kojalowicz W. Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego*. S. 310; *Nomenclator*. P. 587–588).

⁷² *Niesiecki K. Herbarz polski*. Т. 8. Lipsk, 1841. S. 402.

⁷³ *Ślizień S.J. Haracz krwią turecką Turkom wypłacony*. Wilno, 1674.

⁷⁴ *Віцько Д.В. Silva rerum Стафана Яна Слізня XVII–XVIII стст. з успамінамі Аляксандра Слізня за 1561–1649 гг. (са збораў Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі) // Здабыткі*. Мінск, 2009. Вып. 11. С. 62–88.

⁷⁵ Неочевидным мотивом «семиградского» сюжета в родословии Слизней могло быть то, что в 1585 г. владения в Ошмянском повете были подтверждены роду королем Польским и великим князем Литовским Стефаном Баторием (Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). КМФ 18. Оп. 1. Д. 76. Л. 583–583 об.), происходившим именно из Трансильвании.

⁷⁶ *Niesiecki K. Herbarz polski*. Т. 8. S. 403; *Rachuba A. Ślizień Stefan Jan // Polski Słownik Biograficzny*. Т. 51. Warszawa; Kraków, 2016. S. 26.

⁷⁷ *Долгоруков П.В. Российская родословная книга*. Ч. 2. СПб., 1855. С. 151; *Долгоруков П.В. Российская родословная книга*. Ч. 4. СПб., 1857. С. 183; *Кузьмин А.В. На пути в Москву...* Т. 1. С. 284–290.

хатная книга» упоминала род Слизневых⁷⁸. В конце XVII — начале XVIII в. Стефан Ян Слизень относился сначала к «республиканцам» (во время Гражданской войны в ВКЛ), а затем к сторонникам короля польского Августа II (в его борьбе против Станислава Лещинского и его партии)⁷⁹. В свою очередь, Август II являлся союзником России в Северной войне, более того, Стефан Ян в 1705 г. как маршалок (председатель) Главного Трибунала ВКЛ произнес приветственную речь перед российским царем Петром I⁸⁰. Вероятно, контакты с российской стороной способствовали получению Стефаном Яном сведений о носителях похожей фамилии, проживавших в Московском государстве и выведивших свое происхождение от Ратши⁸¹.

Открытым, однако, остается вопрос об этапах создания легенды о происхождении Слизней. Какая из ее составных частей — «семиградская» или «московская» — являлась первичной. Если основу легенды составляло родословие московских Ратшичей, то перенесение их предка в Семиграде могло служить затемнению «российских» корней рода. Однако это противоречит практически синхронным случаям легенд Огинских и Козелов-Поклевских, где подобные мотивы, наоборот, подчеркивались. Также политическая позиция Стефана Яна не была открыто антироссийской⁸². В историографии отмечались случаи (на материале XVI в.), когда потомки беглецов из Великого княжества Московского меняли свои фамилии на более характерные для ВКЛ, по-видимому, стремясь не афишировать московские корни⁸³. С другой стороны, люди, не происходившие из Московии, могли в силу определенных (прежде

⁷⁸ Родословная книга дворян российских и выезжих. Ч. 1. СПб., 1787. С. 347–350.

⁷⁹ *Вицько Д.В.* Silva rerum Стафана Яна Слізня... С. 62–63; *Wićko D.* Silva rerum z XVIII wieku z pamiętnikiem Michała Adama Śliźnia (1691–1752) ze zbiorów Biblioteki Narodowej Białorusi w Mińsku // *Zapiski Historyczne*. Т. 75. R. 2010. Z. 3. S. 99–100; *Rachuba A.* Ślizień Stefan Jan. S. 26–29.

⁸⁰ Powitanie cara Piotra I od Trybunału WXL przez Stefana Slizienia referendarza WXL y vice marszałka Trybunału w Wilnie die 20 Julij 1705 // www.wbc.poznan.pl/dlibra/show-content/publication/edition/224087?id=224087.

⁸¹ Следует отметить, что уже дед Стефана Яна стольник ошмянский Александр Павлович Слизень в первой четверти XVII в. неоднократно бывал в Москве (во время Лжедмитрия I, а также дважды как посол) (*Вицько Д.В.* Silva rerum Стафана Яна Слізня... С. 79–84). Возможно, информацией о Слизневых и их родословии от Ратши мог располагать уже он, однако никаких точных сведений об этом не имеется.

⁸² Не исключено, однако, что на содержание легенды могли повлиять события 30-х гг. XVIII в., когда сын Стефана Яна Михал Адам был сторонником Станислава Лещинского, а не поддерживаемого Россией Августа III (*Matsuk A.* Ślizień Michał Adam // *Polski Słownik Biograficzny*. Т. 51. Warszawa; Kraków, 2016. S. 16).

⁸³ *Ерусалимский К.Ю.* Московиты в Польско-Литовском... С. 339.

всего, идеологических) причин апеллировать к своему воображаемому происхождению с земель восточнее ВКЛ. Наиболее ярким примером этого является легенда рода Вельяминов-Руцких, оформление которой связано с униатским митрополитом Иосифом Вельямином-Руцким (1574–1637 гг.) и его окружением⁸⁴. Так или иначе, родовая легенда Слизней представляет собой случай трансформации московской легенды «выезда на службу», ведь в оригинальной легенде Ратшичей их предок прибыл на Русь из Германии.

Так или иначе, происхождение Слизней от Андрея Ратши стало преобладающим — оно культивировалось как авторами панегириков, так и самим родом⁸⁵. Дальнейшая же трансформация легенды была направлена на еще большее прославление рода. При этом оно осуществлялось в подобном со случаем Козелов-Поклевских ключе — посредством приписывания представителям фамилии «урядов», которые они никогда не занимали. В данном отношении показательным является панегирик, созданный монахом Несвижского бернардинского монастыря Донатом Шишко в 1755 г. в память об умершей жене Михала Адама Слизня Элеоноре Хлусович. В нем были сохранены «семиградские» и «московские» мотивы, но сын Андрея Ратши Иван Топлык и внук Евстафий были охарактеризованы как воевода и подкоморий брянский соответственно. Жена последнего из них, относившаяся к роду Яцыничей, была названа дочерью витебского каштеляна⁸⁶. Естественно, ни одну из этих должностей представители рода в XVI в. не занимали. Более того, сведений о данных «урядах» не было в гербовнике К. Несецкого⁸⁷. В начале 50-х гг. XVIII в. Михал Адам претендовал на занятие сенаторского кресла в Речи Посполитой — он стремился стать мстиславским, полоцким или новогрудским каштеляном. Несмотря на то, что эти усилия закончились неудачей⁸⁸, дополнения, внесенные в родовую легенду в панегирике Д. Шишко, могли служить обоснованием притязаний Михала Адама на сенаторское достоинство, ведь в соответствии с ними в его роду уже были высшие государственные сановники.

⁸⁴ *Лісейчыкаў Д.В.* Мітрапаліт Іосіф Вельямін-Руцкі і яго тастамент // *Асоба і час.* Вып. 2. Мінск, 2010. С. 38.

⁸⁵ НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Д. 32. Л. 304–306; *Афанасьева Т.Ю.* Архивный фонд рода Слизней // *Беларускія архівы на мяжы тысячагоддзяў: здабыткі і страты.* Мінск, 2019. С. 35.

⁸⁶ *Szyszko D.* Wiosna niezwiędłych w niebie posiech. Wilno, 1755. K. F v.

⁸⁷ *Niesiecki K.* Herbarz polski. T. 8. S. 402.

⁸⁸ *Matsuk A.* Ślizień Michał Adam. S. 17.

Если для конца XVII — начала XVIII в. антимосковские сюжеты не являлись преобладающими, то в более ранний период первой половины — середины XVII в., когда между Российским государством и Речью Посполитой шли многочисленные войны, акценты в родовых легендах расставлялись несколько иначе. Так, именно в данный временной промежуток оформилась легенда о происхождении влиятельного рода Ляцких. Эта фамилия действительно происходила из Московии. Их предок представитель древнего боярского рода Иван Васильевич Ляцкий (Лядский) бежал в ВКЛ из Москвы в 1534 г.⁸⁹ Сведения о Ляцких встречаются уже у геральдика конца XVI в. Бартоша Папроцкого. Однако он знал только современных себе представителей рода и никак не охарактеризовал их происхождение⁹⁰. В «*Orbis Polonus*» Шимона Окольского (1643 г.) относительно ранней истории рода в ВКЛ упоминается лишь о их прибытии из Московского государства в правление Жигимонта I⁹¹. Уже младший современник Ш. Окольского Альберт Виюк-Коялович в своих генеалогических трудах сообщил важное дополнение к родословию. В соответствии с ним Ляцкие хоть и прибыли из Москвы, но их предком являлся поляк по фамилии Завихорский (Завихвойский, Завихойский), до этого оказавшийся в Великом княжестве Московском⁹². Такое уточнение не имело под собой исторических оснований. В действительности Ляцкие были ответвлением древнего боярского рода Кошкиных⁹³. Однако А. Виюк-Коялович только передал в гербовнике уже существовавшую легенду о происхождении. По-видимому, оформилась она немногим ранее (тот же Ш. Окольский «польского» сюжета в генеалогии москвичей Ляцких не знал) и наиболее полное отражение нашла в ряде панегириков, посвященных каштеляну минскому и старосте генеральскому жемайтскому Яну Альфонсу Ляцкому (ум. 1646 г.)⁹⁴. При этом в произведении известного панегириста, архимандрита Виленского униатского Свято-Троицкого монастыря Алексея Дубовича (1642 г.) утверждалось, что предок Ляцких был

⁸⁹ Казакоў А. У. Лёсы маскоўскай знаці... С. 162–163.

⁹⁰ *Paprocki B.* Herby rycerstwa polskiego / Wyd. K. J. Turowskiego. Kraków, 1858. S. 856.

⁹¹ *Okolski S.* Orbis Polonus. T. 2. P. 19.

⁹² *Wijuk Kojalowicz W.* Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego. S. 289; *Nomenclator.* P. 370.

⁹³ *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии... С. 183–190.

⁹⁴ *Pac K.* [*Raczyński D.*] Fastigium Triplex in Gentilitiis Joannis Alphonsi Lacko. Vilna, 1644. P. B2–B2 v.; *Kamiński P.* Kazanie na pogrzebie JW. Jego mości pana Jana Alphonsa Lackiego Księstwa Żmoydzkiego generalnego Starosty. Wilno, 1647. K. E.

польским послом в Московию, где в итоге и остался⁹⁵. А. Дубович также подал имя этого посла — Захария Завихойский⁹⁶. Интересно, что оно было тождественно имени настоящего деда Ивана Ляцкого — Захария Кошкина⁹⁷. Это, вероятно, свидетельствует о сохранении в роду Ляцких памяти о своих предках, которая была своеобразно трансформирована в панегирической литературе. С Яном Альфонсом, а также его отцом Теодором (ум. 1616 г.) и следует связать возникновение данного варианта родовой легенды. Оба они являлись известными военачальниками, более того, Ян Альфонс принимал участие в Смоленском походе королевича Владислава (1609–1611 гг.)⁹⁸. В контексте сложных отношений с Московским государством превращение московского эмигранта в потомственного «поляка» должно было сделать происхождение Ляцких более подходящим для своего времени⁹⁹.

В среде более мелкой шляхты в XVII–XVIII вв. также могла культивироваться память о «московском» происхождении. Характерным примером в данном случае является ряд мелкошляхетских родов, проживавших в Радошковичском тракте Минского повета. Имение Радошковичи в конце XV в. было пожаловано бежавшему из Москвы князю Василию Михайловичу Верейскому¹⁰⁰. Можно было бы предложить, что часть местной шляхты относилась к потомкам пришедших с Верейским бояр, и этим были обусловлены «московские» сюжеты в их родовой памяти. В действительности ситуация была несколько сложнее. В конце XVII — начале XVIII в. наиболее ярко манифестировали свое «московское» происхождение представители рода Басов-Стретовичей, прежде всего, самый состоятельный из них — Самуэль, владевший имением Довбарово Минского повета¹⁰¹. На нескольких документах

⁹⁵ *Dubowicz A.* Wyprawienie osoby, którą od Boga wziął y na theatrum świata szczęśliwie odprawił jasnje wielmożny jego mość pan Ianusz Skumin Tyszkiewicz wojewoda wileński, brasławski, jurborski, nowowolski etc. starosta. Wilno, 1642. К. С4–С4 v.

⁹⁶ Имя упоминается и в панегирике доминиканца Петрониуша Каменского (*Kamieński P.* Kazanie na pogrzebie... К. Е).

⁹⁷ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии... С. 183.

⁹⁸ *Herbst S.* Lacki Teodor // *Polski Słownik Biograficzny.* Т. 16. Wrocław et al., 1971. S. 407–408; *Seredyka J.* Lacki Jan Alfons // *Polski Słownik Biograficzny.* Т. 16. Wrocław et al., 1971. S. 406–407.

⁹⁹ Польско-литовские мотивы отразились и в геральдике Ляцких (*Grala H.* «Ex Moscouia ortum habent». S. 107–110).

¹⁰⁰ *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 549.

¹⁰¹ НИАБ. Ф. 319. Оп. 2. Д. 3140. Л. 13 об.

Польский шляхтич. Художник Рембрандт Харменс ван Рейн

он подписался как «Самуэль Антоний с Можайска Баса-Стретович»¹⁰². Князья Верейские не имели отношения к Можайску. В свою очередь, среди московских эмигрантов в ВКЛ середины XV в. были князья Можайские¹⁰³. Именно с ними связано появление Басов-Стретовичей в Радошковичском имении. В 1549 г. среди «бояр-шляхты каменецкой»¹⁰⁴ фигурировал Семен Баса, выслуживший имение у вдовы князя Андрея Можайского Овдотьи Александровны Чарторыйской¹⁰⁵. Последняя была владелицей имения Каменец, которое в 1523 г. записала виленскому воеводе Альбрехту Гаштольду и его жене Софье — дочери Василия Верейского¹⁰⁶. Именно так Каменецкое владение стало частью имения Радошковичи. Возможность того, что предок Басов-Стретовичей действительно прибыл вместе с Можайскими из одноименного княжества, исключать нельзя. Однако высокой является вероятность того, что придомок¹⁰⁷ «с Можайска» появился в фамилии Басов-Стре-

¹⁰² Там же. Д. 3411. Л. 82 об.

¹⁰³ Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy...* S. 261–263.

¹⁰⁴ Каменец — сейчас деревня Роговского сельсовета Минского района Минской области Республики Беларусь.

¹⁰⁵ Документы Московского архива Министерства юстиции (далее — ДМАМЮ). Т. 1. М., 1897. С. 111–112.

¹⁰⁶ Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy...* S. 20; *Kuźmińska M.* Olbracht Marcinowicz Gasztold (dokończenie) // *Ateneum Wileńskie*. 1928. R. 5. Nr 14. S. 132.

¹⁰⁷ Придомок (*польск.* przydomek) — вторая (дополнительная) часть фамилии.

товичей в результате интерпретации сведений родовых документов. Среди них могли остаться свидетельства о получении земли от княгини Можайской, что могло послужить основой для выведения себя из этой территории. Действительное происхождение Басов-Стретовичей остается невыясненным. Среди смоленского боярства конца XV — начала XVI в. фиксируются носители подобной фамилии — Басы (Басины)¹⁰⁸, отдельные ее представители могли служить Чарторыйским и Можайским, тем самым оказавшись в окрестностях Радошкович. Собственно апелляция к можайскому происхождению, действительная или фиктивная, способствовала поднятию престижа рода, превращая его из мелкой шляхты в выходцев из другого государства.

Деятельность, направленная на подчеркивание знатного происхождения рода, в случае радошковичской шляхты исполняла не только престижную функцию, но и носила практический характер. Басы-Стретовичи вместе с другими местными жителями в 60–90-е гг. XVII в. вели продолжительный судебный процесс против держателей Радошковичского старства — Глебовичей и Огинских¹⁰⁹, считавших их своей зависимой шляхтой (земянами) и принуждавших к выполнению определенных повинностей (прежде всего, поконщины¹¹⁰) в пользу старства. В свою очередь, радошковичские шляхетские роды утверждали, что их земли не подчиняются Радошковичскому двору, а были пожалованы им на вотчинном праве еще до Люблинской унии. В XVII–XVIII вв. они были далеко не единственными представителями зависимой шляхты, которые пытались выйти из-под юрисдикции администрации того имени, где находились земли, на которых они проживали¹¹¹. Однако в отличие от большинства таких процессов, закончившихся не в пользу зависимой шляхты, Басы-Стретовичи и другие бывшие бояре князей Верейских в 1690 г. были признаны полноправной поветовой шляхтой¹¹². В немалой степени это было обусловлено наличием у них документов, отражавших пожалования им земель. При этом их интерпре-

¹⁰⁸ Кром М. М. Меж Русью и Литвой... С. 269.

¹⁰⁹ НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Д. 117. Л. 458–459 об.; Оп. 2. Д. 1255. Л. 53–54, 59–60.

¹¹⁰ Поконщина — денежный оброк, платившийся зависимой шляхтой за пользование землей крупного землевладельца.

¹¹¹ О зависимой шляхте в ВКЛ и Речи Посполитой и ее попытках выйти из-под юрисдикции магнатов см.: *Sienkiewicz W. Ziemianie zależni w Wielkim Księstwie Litewskim od połowy XVII do połowy XVIII wieku. Studium z dziejów feudalizmu litewskiego: maszynopis pracy doktorskiej.* Warszawa, 1982. S. 83–87.

¹¹² НИАБ. Ф. 1727. Оп. 1. Д. 11. Л. 370–371 об.; Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). F. 391. Ap. 1. B. 603. L. 5–8.

Польский шляхтич. Художник Жан Пьер Норблен де ла Гурден

тация различалась на отдельных этапах многолетнего судебного процесса. В его начале, в 1664 г., получение привилеев на земельные владения соотносилось исключительно с именем князя Василия Верейского¹¹³. В свою очередь, в конце XVII в. не только Басы-Стретовичи, но и, например, представители рода Бахматовичей (Бахметовичей) возводили получение пожалований к временам князей Чарторыйских¹¹⁴. Интересно, что такая «память» о началах рода коррелирует с набором документов, имевшимся у радошковичской шляхты в середине XVI в. Тогда здешние бояре-шляхта располагали привилеями, выданными не только князем Василием Верейским, но и его дочерью Софьей, ее мужем виленским воеводой и канцлером ВКЛ Альбрехтом Гаштольдом, а также вышеупомянутой княгиней Овдотьей из Чарторыйских Можайской¹¹⁵. Именно тяжба о неподчинении Радошковичскому двору способствовала интенсификации генеалогического сознания местной шляхты¹¹⁶. Показательно, что в 60-е гг. XVII в. ни один из здешних родов

¹¹³ НИАБ. Ф. 319. Оп. 2. Д. 1255. Л. 53–54, 59–60.

¹¹⁴ Там же. Д. 3411. Л. 80–83 об.

¹¹⁵ ДМАМЮ. Т. 1. С. 95–96, 111–112.

¹¹⁶ Случай апелляции бывшей зависимой шляхты к происхождению от московского эмигранта описан украинским историком Игорем Тесленко. Он обстоятельно показал, как потомок волыньских бояр князей Острожских Иоахим Ерлич, писавший свой

не пользовался придомками, а уже в 1690 г., кроме Басов-Стретовичей (которые снова упомянуты с топонимической привязкой «с Можайска»), дополнительную фамилию использовали пять родов¹¹⁷. При этом на протяжении всего процесса именно Басы-Стретовичи упоминались во главе списка местной шляхты, вероятно, они считались неформальными лидерами сообщества. Поэтому не вызывает удивления, что как раз они обладали наиболее развитыми представлениями о собственном происхождении.

Для мелкой, часто безземельной шляхты память о неместном, в том числе «московском», происхождении являлась актуальной именно в контексте подтверждения принадлежности к шляхетскому сословию. В 1640 г. представители рода Пантусовичей (Пантусов) внесли в актовые книги Слуцкого замкового суда привилей Жигимонта I от 1533 г. сокольникам Новогрудского замка — Щербовичам, Панфиловичам и Пантусовичам, в котором отмечалось, что они «с предков своих за отца нашего короля его милости Казимера до Великого Князьства Литовского прыехали»¹¹⁸.

Пантусовичи, как и другие адресаты привилея Жигимонта I, известны на Новогрудчине с конца XV в. и, действительно, первоначально отно-

«Летописец» во второй половине XVII в., фальсифицировал родословие от бежавшего в начале XVI в. из Москвы в ВКЛ боярина Ивана Тимофеевича Юрлова (Плещеева) (*Тесленко І. Родинний клан Ерличів // Соціум. Альманах соціальної історії. 2004. Вип. 4. С. 137–147*). В действительности Иван Юрлов не оставил мужских потомков (*Казаков А.В. «За его к нам верную службу...». Иван Тимофеевич Юрлов из рода Плещеевых в Великом княжестве Литовском // Исторический вестник. Т. 7. М., 2014. С. 112*). Другое дело, что в произведении И. Ерлича московское происхождение его мнимого предка никак не отмечено. Не исключено, что автор о нем не знал вовсе.

¹¹⁷ НИАБ. Ф. 1727. Оп. 1. Д. 11. Л. 370. Вызывает интерес придомок радошковичского шляхетского рода Щодров — Мордвина (НИАБ. Ф. 319. Оп. 1. Д. 117. Л. 458–459 об.). Он образовался от имени их предка, жившего в первой половине XVI в., — Ивана Мордвина (в 1549 г. упоминалась его вдова Ганна, см. ДМАМЮ. Т. 1. С. 95). В XVII в. данный придомок также мог восприниматься как свидетельство о «московском» происхождении. По крайней мере, теми, кто был знаком с историко-географической литературой. Так, в «Описании Европейской Сарматии» Александра Гваньини на территории Великого княжества Московского указан «народ мордва» (*Gwagnin A. Kronika W. X. Moskiewskiego u Państw do niego należących // Kronika Sarmacyey Europejskiej. Kraków, 1611*). Сложно сказать, вкладывали ли в него такое значение сами Щодры или просто апеллировали к родовому прозвищу предка.

¹¹⁸ НИАБ. Ф. 319. Оп. 2. Д. 2579. Л. 12–13 об. Этот документ, представленный в виде копии в Метрике ВКЛ, анализировал белорусский историк Александр Казаков (*Казакоў А.У. Маскоўскія эмігранты ў Вялікім Княстве Літоўскім у другой палове XV ст. па матэрыялах Метрыкі // Труды БГТУ. 2013. № 5. С. 13–14*).

сились к господарским сокольникам¹¹⁹. Однако уже попис войска ВКЛ 1567 г. фиксирует их среди полноправной новогрудской поветовой шляхты¹²⁰. Часть рода в 70-е гг. XVI в. осела в Слуцком княжестве Олельковичей¹²¹, где выполняла повинности землян¹²² — зависимой шляхты, проживавшей в имениях крупных землевладельцев и, как правило, несшей военную службу в их частных полках. Именно слуцкая ветвь Пантусовичей в 1640 г. намеревалась при помощи документа от 1533 г. утвердить свой шляхетский статус. Касаемо их происхождения, необходимо отметить, что в списке сокольников, получивших отпавы в 1488 г., вместе с Пантусовичами, Панфиловичами и Щербовичами указан Васюк Москвитин¹²³. Также в 1506—1512 гг. упоминался господарский дворянин Григорий (Гридя) Пантусов (вместе с двумя сыновьями)¹²⁴, безусловно определявшийся как «москвитин». Правда, невозможно уверенно отождествить данного человека с его однофамильцами с Новогрудчины. Тем не менее очевидно, что эти три рода новогрудских сокольников являлись если не выходцами непосредственно из Москвы, то происходили из княжеств литовско-московского пограничья, которые в конце XV — начале XVI в. перешли под власть Великого княжества Московского и, как уже отмечалось, в XVII—XVIII вв. могли осмысляться как «московские».

Привилей Жигимонта I от 1533 г. не раскрывает точного места, откуда Пантусовичи со Щербовичами и Панфиловичами¹²⁵ прибыли на службу к великому князю Литовскому. Его позволяют уточнить судебные дела о «нагане шляхетства»¹²⁶, которые велись представителями дру-

¹¹⁹ LM. Knyga Nr. 4. P. 69; LM. Knyga Nr. 20 (1535–1537). *Užrašymų knyga 20* / Parengė R. Ragauskienė, D. Antanavičius. Vilnius, 2009. P. 261–262; Малы гербоўнік Наваградзкай шляхты. Мінск, 1997. С. 86; Перепіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Кн. Публічных спраў 1 / Падрыхт. А.І. Груша, М.Ф. Спірыдонаў, М.А. Вайтовіч. Мінск, 2003. С. 66.

¹²⁰ Русская историческая библиотека. Т. 33: Литовская Метрика. Отд. 1. Ч. 3: Книги Публичных дел. Переписи войска литовского. Петроград, 1915. Стб. 818–819.

¹²¹ В XVII в. Слуцкое княжество перешло в собственность князей Радзивиллов.

¹²² Archiwum Główne Akt Dawnych (далее — AGAD). Archiwum Warszawskie Radziwiłłów (далее — AR). Dz. 23. Teka 159/2. K. 266; НИАБ. КМФ 5. Оп. 1. Д. 4022. Л. 122; Д. 4023. Л. 127.

¹²³ LM. Knyga Nr. 4 (1479–1491). P. 69.

¹²⁴ LM. Knyga Nr. 8 (1499–1514). *Užrašymų knyga 8* / Parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. Vilnius, 1995. P. 164, 400, 429.

¹²⁵ По мнению Александра Казакова, их могли связывать родственные отношения (*Казакоў А.У. Маскоўскія эмігранты...* С. 13–14).

¹²⁶ В ВКЛ и Речи Посполитой существовала практика, когда шляхтича могли обвинить в незаконном присвоении шляхетского достоинства («нагана шляхетства»). В таком случае он должен был произвести «вывод» шляхетства, среди прочего, предоставив

гого слуцкаго землянскаго рода — Браневичей (Брановицких) — в 1562 и 1668 гг. Представленные Браневичами в 1562 г. свидетели утверждали, что они прибыли в Слуцкое княжество из Карачева на Брянщине. Более того, одним из свидетелей (и одновременно дальним родственником Браневичей) являлся потомок сокольников — Павел Мишкович Панфилович, давший показания, что его предок также происходил из Карачева¹²⁷. По всей видимости, как Браневичи, так и несколько родов новгородских сокольников оказались в Новгородской земле во времена великого князя Казимира (1440–1492 гг.) вместе с одним из перебежчиков из княжеских родов Великого княжества Московского. Из них с Карачевом непосредственно были связаны только Можайские, чей представитель, князь Семен Иванович, держал данный город по привилею великого князя Литовского Александра. Более того, в Новгородской земле Семен Иванович также владел имением — Сверхнем¹²⁸. Но Карачев он получил только в 1496 г.¹²⁹, когда Браневичи и Панфиловичи уже выехали вглубь ВКЛ. Еще одним потенциальным инициатором их выезда мог быть родственник Семена Можайского князь Василий Михайлович Верейский. После эмиграции в ВКЛ в 1484 г. он, среди прочего, получил от великого князя Казимира соседствующее с Новгородчиной имение Койданов и размещенный на исторической Северщине Любеч¹³⁰. Но в действительности последний достаточно далеко отстоит от Карачева, так что уверенно увязать появление карачевских бояр в Новгородской земле с князем Василием Верейским не представляется возможным. Наконец, в самом выводе шляхетства Браневичей-Брановицких утверждается, что они выехали из Карачева «по своей доброй воли». Сложно сказать, что в действительности скрывалось за этой традиционной для документов того времени формулой.

двух родственников (по отцовской и материнской линии), которые бы засвидетельствовали его происхождение (Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989. С. 121–122; *Вінниченко О.* Доведення шляхетства на сеймиках Руського воєводства у Вишні (XVII — середина XVIII ст.): права регламентація і повсякденна практика // *Повсякдення ранньомодерної України. Історичні студії.* Т. 1. Київ, 2012. С. 13–40; *Мяцельскі А.А.* Наганы і вывады шляхецтва ў Вялікім Княстве Літоўскім. Два дакументы 1579 года з судовай кнігі № 272 Метрыкі ВКЛ // *Герольд Litherland.* № 19. 2013. С. 110–117).

¹²⁷ AGAD. AR. Dz. 25. Sygn. 4069. K. 79–80.

¹²⁸ *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku. Poznań, 1995. S. 105–106.

¹²⁹ LM. Knyga Nr 6 (1494–1506). Užrašymų knyga 6 / Parengė A. Baliulis. Vilnius, 2007. P. 129.

¹³⁰ *Wolff J.* Kniazowie litewsko-ruscy... S. 549.

Шляхтич с супругой.

Акварель из «Всемирного театра старинной и современной моды»
 Лукаса де Гиры (1575)

Слуцкое княжество Оленьковичей считалось достаточно притягательным местом для проживания «московских» выходцев. В 1562 г. Павел Панфилович утверждал, что предок Браневичей Ходор «приказался» князю Оленьку. Вряд ли в данном случае речь действительно шла о князе Оленьке (Александре) Владимировиче (ум. 1454/1455 гг.). Вероятно, Ходор мог начать служить сыновьям Оленьки — Семену (ум. 1470 г.), Михаилу (ум. 1481 г.) или даже внуку Семену Михайловичу (ум. 1505 г.). При этом Браневичи являлись не единственным родом, которому источники XVI в. приписывали выезд на службу Оленьковичам из «Москвы» или сопредельных ей территорий. Так, в написанной в 1567 г. Андреем Алябишем родовой хронике еще одного местного рода — Гуриновичей — отмечалось, что отец известного господарского писаря Федора Святоши Михаил Васильевич «родом з Москвы, прыехавшы, прыказал се князю Слуцкому, которому князь Слуцкий дал именье в Слуцку Киселевичы»¹³¹. С учетом того, что Федор Святоша служил при дворе великого

¹³¹ НИАБ. Ф. 1730. Оп. 1. Д. 11. Л. 625 об.

князя Литовского уже в 1506 г.¹³², его отец также должен был оказаться на службе у Олельковичей во второй половине XV в. Олельковичи были связаны с московским великокняжеским домом. Собственно Олелько Владимирович был женат на дочери Василия I Анастасии. Также «Хроника Быховца» глухо вспоминает о выезде его отца Владимира Ольгердовича в Москву («бегал на Москву») во время одного из политических кризисов в ВКЛ¹³³. Возможно, налаженные отношения между служкими и московскими князьями содействовали оседанию на Случчине выходцев из Москвы и соседствующих с ней княжеств.

Однако наличие пожалований от связанных с Москвой князей не всегда вызывало возникновение отсылок к «московскому» происхождению. В 20-е гг. XVIII столетия мелкошляхетский род из Мстиславского воеводства Евневичи был обвинен в присвоении шляхетского достоинства¹³⁴. В итоге он должен был производить вывод на мстиславском громничном сеймике 1727 г.¹³⁵ В качестве самого раннего родового документа представители рода выставили лист великого князя Литовского Александра, подтверждавший братьям Митке, Томашу, Ждану и Онацке Евневичам выслугу в Обольцевской волости, полученную от бывших держателей Семена и Василия Ивановичей Шемячичей¹³⁶. Несмотря на то, что Шемячичи были сыновьями московского эмигранта, а Евневичи гипотетически могли относиться к боярам, прибывшим с их отцом из Москвы, в XVIII в. никаких отсылок к их иноземному происхождению не производилось.

Тем не менее, как было отмечено выше, в среде мелкой шляхты «память», в том числе сконструированная, о московском происхождении играла немаловажную роль. Она могла использоваться в качестве дополнительного подкрепления при подтверждении принадлежности к шляхетскому сословию.

Таким образом, легенды о корнях родов, отсылавшие к «московским» мотивам и сюжетам, были распространены в разных слоях шля-

¹³² Груша А.І. Канцлярэя Вялікага Княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. Мінск, 2006. С. 148–149.

¹³³ Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań; Wrocław, 1999. S. 86–88; Полное собрание русских летописей. Т. 32. М., 1975. С. 162.

¹³⁴ Анищенко Е.К. Шляхта Мстиславского воеводства. Список XVIII в. Минск, 2013. С. 7.

¹³⁵ НИАБ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 30. Л. 18–27 адв.

¹³⁶ Там же. Л. 20 об.–21 об. В выводе документ отнесен к 1510 г. Это ошибка, Александр умер в 1506 г. Лист дополнительно датирован 3-м индиктом. В правление Александра он приходился на 1500 г. Именно в этом году Василий Шемячич перешел на сторону Москвы, тем самым утратив права на Обольцы. Вероятно, это и есть настоящая дата выставления документа.

хетского сословия ВКЛ. Их использовали как роды, занимавшие высшие государственные должности (Огинские, Ляцкие) или к ним стремившиеся (Слизни), представители локальных элит (Козелы-Поклевские), так и мелкошляхетские фамилии. В большинстве таких родословий «московское» происхождение было фиктивным или сомнительным, апелляция к нему должна была компенсировать недостаточно знатное действительное происхождение, ретушировать неоднозначные эпизоды реальной семейной истории или вовсе служить единственным доказательством благородного происхождения. В целом, несмотря на напряженные отношения между Речью Посполитой и Российским государством, «московские» сюжеты в родовых легендах являлись вполне приемлемыми для самосознания шляхты ВКЛ, хотя в ряде случаев (прежде всего, казус происхождения Ляцких) они могли заменяться иными, более подходящими для конкретного исторического периода.

REFERENCES

1. *A fanas'eva T. Yu.* The archival collection of the Slizien family // Belarusian archives at the turn of millennium: findings and losses [Arkhivnyy fond roda Slizeney // Belaruskaya arkhivy na myazhy tysyachagoddzyaŭ: zdabytki i straty]. Minsk, 2019. P. 33–37.
2. *Anishchanka Ya. K.* The gentry of the Mscislaŭ voivodeship. The list of the eighteenth century [Shlyakhta Mstislavskogo voevodstva. Spisok XVIII v.]. Minsk: V. Khursik, 2013. 308 p.
3. Ancestry book of Russian and foreign nobles [Rodoslovnaya kniga dvoryan rossiyskikh i vyezshikh]. Vol. 1. St. Petersburg: Universitetskaya tipografiya u N. Novikova, 1787. 352 p.
4. *Boniecki A.* Herbarz polski. T. 12. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1908. 400 s.
5. *Boniecki A.* Poczet rodów w Wielkiem Księstwie Litewskiem w XV–XVI w. Warszawa: J. Berger, 1883. XV, 425, XLIX s.
6. *Bychkova M. E.* The Russian-Lithuanian nobles, ca 15–17. Source Studies. Genealogy. Heraldry. [Russko-litovskaya znat' XV–XVII vv. Istochnikovedenie. Genealogiya. Gerałdika] / 2nd ed. Moscow: Kvadriga, 2015. 368 p.
7. Documents of Moscow archives of the Ministry of Justice [Dokumenty Moskovskogo arkhiva Ministerstva yustitsii]. Vol. 1 / Ed. by M. V. Dovnar-Zapol'skiy. Moscow: Tovarishchestvo Tipografii A. I. Mamontova, 1897. 570 p.
8. *Dolgorukov P. V.* Russian lineage book [Rossiyskaya rodoslovnaya kniga]. Vol. 2. St. Petersburg: Tipografiya Eduarda Veymara, 1855. 327 p.
9. *Dolgorukov P. V.* Russian lineage book [Rossiyskaya rodoslovnaya kniga]. Vol. 4. St. Petersburg: Tipografiya III Otdeleniya Sob. E. I. V. Kantselyarii, 1857. 482 p.
10. *Dubowicz A.* Wyprawienie osoby, którą od Boga wziął y na theatrum świata szczęśliwie odprawił jasnie wielmożny jego mość pan Ianusz Skumin Tyszkiewicz woiewoda wileński, brasławski, jurborski, nowowolski etc. starosta. Wilno: Drukarnia Monastera Wileńskiego S. Troyce, 1642.
11. *Erusalimskiy K. Yu.* Muscovites in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the second half of the sixteenth and early seventeenth century: dissertation ... of Doctor of History [Moskovity v Pol'sko-Litovskom

- gosudarstve vtoroy poloviny XVI — nachala XVII v.: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk]. Moscow, 2011. 1057 p.
12. Full collection of Russian chronicles [Polnoe sobranie russkikh letopisey]. Vol. 32 / Ed. by N. N. Ulashchik. Moscow: Nauka, 1975. 235 p.
  13. *Gierkiewicz M.* Nieśmiertelna pamięć nad grobem ... Iey Msci Paniey Reiny z Hołowczyna Hołowczynskiey Kiszczyney ... postawiona ... Jego Msci Panu Krzysztophowi z Ciechanowca Kiszce, woiewodzie witepskiemu etc. żalosnemu po zmarłej małżonce małżonkowi ofiarowana. Wilno, 1640.
  14. *Grala H.* «Ex Moscouia ortum habent». Uwagi o sfragistyce i heraldyce uchodźców moskiewskich w państwie polsko-litewskim w XVI–XVII wieku // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowa seria. 1999. T. 4. S. 101–130.
  15. *Gwagnin A.* Kronika W. X. Moskiewskiego y Państw do niego należących // Kronika Sarmacyey Europskiey. Kraków: Drukarnia Mikołaiia Loba, 1611.
  16. *Halubovich V. U.* The problems of ancestry of the gentry of the Polack voivodeship, ca 16–17 [Prablemy genealogii shlyakhty Polatskaga vayavodstva XVI–XVII stagoddzyaŭ] // Miscellanea historica polocensia = Dasledavanni pa gistoryi Polachchyny XII–XVII stst. Grodna, 2014. P. 21–35.
  17. *Herbst S.* Lacki Teodor // Polski Słownik Biograficzny. T. 16. Wrocław et al., 1971. S. 407–408.
  18. *Hlinski Ya. S.* The formation and functioning of the legend about the ancestry of the «Moniwidids» family in the GDL, ca 16–17 [Stvarenne i funktsyyanavanne legendy ab pakhodzhanni shlyakhetskikh rodaŭ «Manividavichaŭ» u VKL XVI–XVII stst.] // Vesnik BDU. Series. 3. No. 2. P. 10–14.
  19. *Hlinski Ya.S.* Family legends of the gentry of East-Slavic origin in the Grand Duchy of Lithuania: tendencies of development in the seventeenth century [Rodavyya legendy shlyakhty ŷskhodneslavyanskaga pakhodzhannya ŷ Vyalikim Knyastve Litoŷskim: tendentsyi razvitstsya ŷ XVII st.] // The Grand Duchy of Lithuania: politics, economics, culture. Vol. 1. Minsk, 2017. P. 429–438.
  20. *Hrusha A.I.* The Chancellery of the Grand Duchy of Lithuania, 1440s — first half of the 16th century [Kantsylyaryya Vyalikaga Knyastva Litoŷskaga 40-kh gadoŷ XV — pershay palovy XVI st.]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2006. 215 p.
  21. *Iurewicz I.G.* Trophaeum gloriae illustrissimo domino Domino Alexandro Oginski, castellano Trocensi. Vilno: Typis Academicis Soc. Iesu, 1667.

22. *Jurkiewicz J.* Legendarna genealogia Despotów Zenowiczów // *Studia z dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego (XVI–XVIII wiek)*. Warszawa, 2014. S. 169–189.
23. *Jurkiewicz J.* Od Palemona do Giedymina. Wczesnonowożytnie wyobrażenia o początkach Litwy. Cz. 1: W kręgu latopisów litewskich. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2012. 300 s.
24. *Kałamajska-Saeed M.* Genealogia portretowa Sapiehów i jej twórcy // *Sapiehowie epoki Krasiczyna i Kodnia*. Lublin, 2007. S. 247–253.
25. *Kamieński P.* Kazanie na pogrzebie JW. Jego mości pana Jana Alphonsa Lackiego Księstwa Żmoydzkiego generalnego Starosty. Wilno, 1647.
26. *Kananovich U.I.* The ancestry of the Dukes Hlinskis: memories about the past as a weapon of political struggle [Radavod knyazeŭ Glinskikh: pamyats' pra minulae yak zbroya palitychnay barats'by] // *Arche*. 2015. No. 9. P. 195–218.
27. *Kazakou A.U.* Duke Macwiej Mikitynicz: origin and emigration [Knyaz' Matsvey Mikitsinich: pakhodzhanne i emigratsyya] // *Studia Historica Europae Orientalis = Issledovaniya po istorii Vostochnoy Evropy*. Issue 1. Minsk, 2018. P. 77–83.
28. *Kazakou A.U.* «For his loyal duty to us...»: Ivan Timofeevich Yurlov, of Pleshcheyev kin, in the Grand Duchy of Lithuania [«Za ego k nam vernuyu sluzhbu...» Ivan Timofeevich Yurlov iz roda Pleshcheevykh v Velikom knyazhestve Litovskom] // *Historical Reporter*. Vol. 7. Moscow, 2014. P. 86–113.
29. *Kazakou A.U.* Moscow emigrants in the Grand Duchy of Lithuania in the second half of the fifteenth century on the materials of the Metrica [Maskoŭskiya emigranty ŭ Vyalikim Knyastve Litoŭskim u drugoy palove XV st. pa materyyalakh Metryki] // *Trudy BGTU*. 2013. No. 5. P. 12–14.
30. *Kazakou A.U.* The fates of Moscow nobility in the Grand Duchy of Lithuania in the first half of the sixteenth century [Lesy maskoŭskay znatsi ŭ Vyalikim Knyastve Litoŭskim u pershay palove XVI st.] // *Studia Historica Europae Orientalis = Issledovaniya po istorii Vostochnoy Evropy*. Issue 4. Minsk, 2011. P. 150–174.
31. *Kempa T.* Kariery przedstawicieli prawosławnych rodów Ogińskich i Stetkiewiczów w XVII wieku — podobieństwa i różnice awansu społecznego, ekonomicznego i politycznego // *Władza i prestiż. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku*. Białystok, 2003. S. 345–368.
32. *Kiaupienė J.* Tarp Romos ir Bizantijos: Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės politinės kultūros aukso amžius (XV a. antroji pusė — XVII a. pirmoji pusė). Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2016. 344 p.

33. *Kojalavičius-Vijūkas A.* Šventasis Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos bei jai priklausančių provincijų giminių ir herbu vardynas = Sacer nomenclator familiarum et stemmatarum Magni Ducatus Lituaniae et provinciarum ad eum pertinentium / Iš lotynų vertė S. Narbutas; komentarus parašė S. Narbutas, E. Rimša. Vilnius: Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka, 2015. LXX, 809 p.
34. *Kossakowski S.K.* Monografie historyczno-genealogiczne niektórych rodzin polskich. T. 3. Warszawa: Drukarnia J. Bergera, 1872. II, 294 s.
35. *Krom M.M.* Between Rus' and Lithuania. Border lands in the system of Russian-Lithuanian relations in the late fifteenth and the first third of the sixteenth century [Mezh Rus'yu i Litvoy. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa XV — pervoy treti XVI v.] / 2nd ed. Moscow: Kvadriga; Ob'edinennaya redaktsiya MVD Rossii, 2010. 320 p.
36. *Kulicka E.* Legenda o rzymskim pochodzeniu Litwinów i jej stosunek do mitu sarmackiego // Przegląd Historyczny. 1980. T. 71. Z. 1. S. 1–22.
37. *Kuczewski M.* Kazanie na pogrzebie w Bogu zesłego Jaśnie Wielmożnego Kniazia Apolloniusza Alexandra Szuyskiego Starosty Zahalskiego w Janowie Poleskim. Warszawa: Drukarnia Collegii Soc. Jesu, 1763.
38. *Kurcz S.* Oddawanie JW. Jey Mści Panny Ludowiki Sapieżanki Pisarzowny Polney koron. W. jmść. panu Konstantemu kniaziewi Szuyskiemu Chorążemu Brzeskiemu, Staroście Jadowskiemu, a potym Pisarzowi wielkiemu W. X. L. [b. m.], 1687.
39. *Kuz'min A.V.* On the way to Moscow: sketches of the ancestry military nobles of North-Eastern Rus', ca 13 — mid-15 [Na puti v Moskvu: ocherki genealogii voenno-sluzhiloy znati Severo-Vostochnoy Rusi v XIII — seredine XV v.]. Vol. 1. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2014. 335 p.
40. *Kuźmińska M.* Olbracht Marcinowicz Gasztołd (dokończenie) // Ateneum Wileńskie. 1928. R. 5. Nr 14. S. 120–174.
41. *Łatyszonek O.* Polityczne aspekty przedstawienia średniowiecznych dziejów ziem białoruskich w historiografii Wielkiego Księstwa Litewskiego XV–XVI w. // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2006. № 25. S. 5–44.
42. *Łauxmin Z.* Głosy trąb oyczystych Jego Mości Pana p. Stanisława Gintołtowicza Dziewałtowskiego, stolnika Kowińskiego, przy pogrzebie w kościele S. Iana w Wilnie kazaniem wytłumaczone. Wilno: Drukarnia Akademiei Societatis Iesu, 1654.
43. *Leskinen M.V.* Myths and Images of Sarmatism. Origin of the national ideology of the Polish-Lithuanian Commonwealth [Mify i obrazy

- sarmatizma. Istoki natsional'noy ideologii Rechi Pospolitoj]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2002. 178 p.
44. Lietuvos Metrika (LM). Knyga Nr. 4 (1479–1491). Užrašymų knyga 4 / Parengė L. Anužytė. Vilnius: Žara, 2004. 285 p.
  45. LM. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Užrašymų knyga 6 / Parengė A. Baliulis. Vilnius: LII leidykla, 2007. 516 p.
  46. LM. Knyga Nr. 8 (1499–1514). Užrašymų knyga 8 / Parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. 709 p.
  47. LM. Knyga Nr. 20 (1535–1537). Užrašymų knyga 20 / Parengė R. Ragauskienė, D. Antanavičius. Vilnius: LII leidykla, 2009. 444 p.
  48. *Liseichykau D.V.* Metropolitan Bishop Josephus Velamin-Rutski and his testament [Mitrapalit Iosif Vel'yamin-Rutski i yago testament] // *Asoba i chas*. Issue 2. Minsk, 2010. P. 33–49.
  49. *Marzalyuk I.A.* Our «Kyiv» and «Lithuanian» heritage [Nasha «kieŭskaya» y «litoŭskaya» spadchyna] // *Spadchyna*. 2002. No. 5–6. P. 7–30.
  50. *Matsuk A.* Ślizień Michał Adam // *Polski Słownik Biograficzny*. T. 51. Warszawa; Kraków, 2016. S. 15–18.
  51. *Myatseľski A.A.* Accusations and confirmations of the noble status in the Grand Duchy of Lithuania. Two documents, dated 1579, from court book № 272 of the Metrica of the GDL [Nagany i vyvady shlyakhetstva ŷ Vyalikim Knyastve Litoŭskim. Dva dakumenty 1579 goda z sudovay knigi № 272 Metryki VKL] // *Gerol'd Litherland*. 2013. No. 19. P. 110–117.
  52. Nadzeia Iaśnie Oświeconych, Iaśnie Wielmożnych domów, z ziemi do nieba, w Wielmożnym Iego Mości Panu Ierzym z Kozielska Ogińskim, woiewodzicu Trockim / *Od Akademiei Wileńskiei Societatis Iesu*. Wilno: Drukarnia Akademicka Soc. Iesu, [b. d.].
  53. *Ochmański J.* Moniwid i jego ród // *Litvano-Slavica Posnaniensia*. 2003. T. 9. S. 13–74.
  54. *Okolski S.* Orbis Polonus. T. 2. Cracovia: Officina Typographica Francisci Caesarii, 1643. 672 p.
  55. *Orzeł J.* Historia — tradycja — mit w pamięci kulturowej szlachty Rzeczypospolitej XVI–XVIII wieku. Warszawa: Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie, 2016. 459 s.
  56. *Niesiecki K.* Herbarz polski / Wyd. J. P. Bobrowicza. T. 4. Lipsk: Breitkopf i Haertel, 1839. 518 s.
  57. *Niesiecki K.* Herbarz polski / Wyd. J.P. Bobrowicza. T. 5. Lipsk: Breitkopf i Haertel, 1840. 476 s.

58. *Niesiecki K.* Herbarz polski / Wyd. J. N. Bobrowicz. T. 6. Lipsk: Breitkopf i Haertel, 1841. 588 s.
59. *Niesiecki K.* Herbarz polski / Wyd. J. N. Bobrowicz. T. 7. Lipsk: Breitkopf i Haertel, 1841. 582 s.
60. *Niesiecki K.* Herbarz polski / Wyd. J. N. Bobrowicz. T. 8. Lipsk: Breitkopf i Haertel, 1841. 652 s.
61. *Pac K.* [Raczyński D.] Fastigium Triplex in Gentilitiis Joannis Alphonsi Lacko. Vilna: Typis Soc. Jesu, 1644.
62. *Paprocki B.* Herby rycerstwa polskiego / Wyd. K. J. Turowskiego. Kraków: Biblioteka Polska, 1858. 964, CLXIII, 13 s.
63. *Petrauskas R.* Socialiniai ir istoriografiniai lietuvių kilmės iš romėnų teorijos aspektai // Literatūros istorija ir jos kurėjai. Vilnius, 2004. P. 270–285.
64. *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku. Poznań: Wyd-wo Naukowe UAM, 1995. 256 s.
65. *Plokhy S.* The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. XIX, 379 p.
66. *Portae triumphales honori illustrissimi domini D. Martiani de Kozielsk Oginski, supremi Cancellarii M. D. L. / a Collegio et Alma Universitate Vilmensi Soc. Iesu.* Vilno: Typis Academicis Soc. Iesu, 1685.
67. Powitanie cara Piotra I od Trybunału WXL przez Stefana Slizienia referendarza WXL y vice marszałka Trybunału w Wilnie die 20 Julij 1705 // www.wbc.poznan.pl/dlibra/show-content/publication/edition/224087?id=224087.
68. *Pyatrajškas R.* Lithuanian nobility in the late fourteenth and fifteenth centuries. Composition — structure — authority [Litojškaya znats' u kantsy XIV–XV st.: Sklad — struktura — ulada]. Smolensk: Inbelkul't, 2014. 386 p.
69. *Rachuba A.* Ogiński Marccjan Aleksander // Polski Słownik Biograficzny. T. 23. Wrocław et al., 1978. S. 618–620.
70. *Rachuba A.* Ślizień Stefan Jan // Polski Słownik Biograficzny. T. 51. Warszawa; Kraków, 2016. S. 26–29.
71. *Railaitė-Bardė A.* Oginskių genealoginės savimonės atspindžiai XVII–XVIII a. proginiuose leidiniuose // Kunigaikščiai Oginskiai Lietuvos istorijoje. Kultūrinės veiklos pėdsakais–2: mokslo straipsnių rinkinys. Vilnius, 2015. P. 35–57.
72. Russian historical library, published by the Imperial Archaeographic Committee. Vol. 33: Lithuanian Metrica. Section 1, part 3: Book of

- Public Affairs. Census of the Lithuanian Army [Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Imperatorskoy Arkheograficheskoy komissiyey. Vol. 33: Litovskaya Metrika. Section 1, part 3: Knigi Publichnykh del. Perepisi voyska litovskogo] / Ed. by S. L. Ptaszycki. Petrograd: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1915. II, 1378 col.
73. *Rybchonak S.A.* On the problem of the origin of the Hlebowicz magnates — owners of Zaslauje Castle in the sixteenth century // Noble court and social relationship (ca 15–18): collections of scholarly works [Da problemy pakhodzhannya magnataŭ Glyabovichaŭ — uladal'nikaŭ Zaslaŭskaga zamka ŷ XVI st. // Magnatski dvor i satsyyal'nae ŷzaemadzeyanne (XV–XVIII stst.): zbornik navukovykh prats]. Minsk, 2014. P. 79–104.
  74. *Semyanchuk A.A., Bidnaya G.A.* The legend of origin of Lithuanians in medieval historiography (ca 15–17) [Legenda ab rymskim pakhodzhanni litsvinaŭ u syarednyavechnay gistoryyagrafii (XV–XVII stst.)] // *Vesnik GrDU imya Yanki Kupaly*. Series 1. 2015. No. 1. P. 52–62.
  75. *Seredyka J.* Lacki Jan Alfons // *Polski Słownik Biograficzny*. T. 16. Wrocław et al., 1971. S. 406–407.
  76. *Shalanda A.I.* Crests of Leo Iwanowicz Sapieha (1580–1633): composition, legend, function // Noble court and social relationship (ca 15–18): collections of scholarly works [Gerby L'va Ivanavicha Sapegi (1580–1633 gg.): sklad, legenda, funktsyi // Magnatski dvor i satsyyal'nae ŷzaemadzeyanne (XV–XVIII stst.): zbornik navukovykh prats]. Minsk. 2014. P. 209–225.
  77. *Shalanda A.I.* Heraldry of Dukes Oginski: genesis, legend, facts [Gerałdyka knyazeŷ Aginskikh: genezis, legenda, fakty] // *Gerol'd Litherland*. 2013. No. 19. P. 20–29.
  78. *Sienkiewicz W.* Ziemianie zaleźni w Wielkim Księstwie Litewskim od połowy XVII do połowy XVIII wieku. Studium z dziejów feudalizmu litewskiego: maszynopis pracy doktorskiej. Warszawa, 1982. 460 s.
  79. *Ślizień S.J.* Haracz krwią turecką Turkom wyplacony. Wilno, 1674.
  80. Small book of family crests of the Navahrada nobility [Maly gerboŷnik Navagradzkay shlyakhty] / Ed. by S. A. Rybchonak. Minsk: BelNDIDAS, 1997. 161 p.
  81. *Stankiewicz A.* «...Kleynoty których my przez ŷelazne nabywamy groty». Kreacja zaślug i pochodzenia Marcjana Aleksandra Ogińskiego w świetle grafik z druków ulotnych // *Studia nad staropolską sztuką wojenną*. T. 4. Oświęcim, 2015. S. 155–185.
  82. Statute of the Grand Duchy of Lithuania: Texts. Guide. Comments [Statut Vyalikaga knyastva Litoŷskaga 1588: Teksty. Davednik. Kamentaryi]. Minsk: BelSE, 1989. 570 p.

83. *Teslenko I.* The family of the Jerliczes [Rodinniy klan Erlichiv] // *Sotsium*. 2004. Issue 4. P. 135–188.
84. The 1528 census of the armies of the Grand Duchy of Lithuania. The *Metrica of the Grand Duchy of Lithuania*. Book 523. Book of Public Affairs 1 [Perapis voyska Vyalikaga knyastva Litoŭskaga 1528 goda. *Metryka Vyalikaga knyastva Litoŭskaga*. Kn. 523. Kn. Publichnykh sprayŭ 1] / Ed. by A. I. Hrusha, M. F. Spiridonau, M. A. Vaytovich. Minsk: Belaruskaya navuka, 2003. 444 p.
85. *Szysko D.* *Wiosna niezwiędłych w niebie pociech*. Wilno: Drukarnia Akademicka Soc. Jesu, 1755.
86. *Tereškinas A.* Imperfect communities. Identity, discourse and nation in the Seventeenth-century Grand Duchy of Lithuania. Vilnius: LLTI, 2005. 346 p.
87. *Tęgowski J.* *Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów*. Poznań; Wrocław: Wyd-wo Historyczne, 1999. 320 s.
88. *Tsemushau V.M.* Sever Land [Severskaya zyamlya] // *Vyalikae Knyastva Litoŭskae: Entsykłapedyya*. Vol. 2. 2nd ed. Minsk, 2007. P. 561–562.
89. *Turczak Ł.* Sapieżyńska genealogia portretowa w kościele świętej Anny w Kodniu nad Bugiem // *Sapiehowie epoki Krasieczyna i Kodnia*. Lublin, 2007. S. 255–264.
90. *Uruski S.* Rodzina. *Herbarz szlachty polskiej*. T. 6. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1909. 379 s.
91. *Uruski S.* Rodzina. *Herbarz szlachty polskiej*. T. 7. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1910. 388 s.
92. *Urządnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku*. Spisy / Oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba. Kórnik: Biblioteka Kórnicka, 2004. 255 s.
93. *Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego*. Spisy. T. 1: *Województwo wileńskie, XIV–XVIII wiek* / Oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba, P. P. Romaniuk, przy współpr. U. Jemialianczyka, A. Macuka. Warszawa: DiG, 2004. 764 s.
94. *Vinnychenko O.* Evidence of the nobility status at the sejmiks of the Ruthenian voivodship in Vyshnia (ca 17 — mid-18): legal regulation and everyday practice // *Everyday life of early modern Ukraine. Historical research [Dovedennya shlyakhetstva na seymikakh Rus'kogo vovodstva u Vishni (XVII — seredina XVIII st.): pravova reglamentatsiya i povsyakdenna praktika // Povsyakdennya rannomodernoi Ukraini. Istorichni studii]*. T. 1. Kyiv: Institut istorii Ukraini NAN Ukraini, 2012. P. 13–40.

95. *Vits'ko D.V.* Silva rerum of Stefan Jan Slizien of the seventeenth and eighteenth centuries with the memories of Aleksander Slizien, 1561–1649 (from the collections of the National Library of Belarus) [Silva rerum Stefana Yana Sliznya XVII–XVIII stst. z uspaminami Alyaksandra Sliznya za 1561–1649 gg. (sa zborayŭ Natsyyanal'nay bibliyateki Belarusi)] // Zdabytki. Minsk, 2009. Issue 11. P. 62–88.
96. *Vits'ko D.V.* The 1698 Tribunal of the GDL: legal persecution of the Sapiehas [Galoŭny Trybunal VKL 1698 g.: sudovaya rasprava nad Sapegami] // Arche. 2016. No. 3. P. 84–139.
97. *Wićko D.* Silva rerum z XVIII wieku z pamiętnikiem Michała Adama Śliźnia (1691–1752) ze zbiorów Biblioteki Narodowej Białorusi w Mińsku // Zapiski Historyczne. T. 75. R. 2010. Z. 3. S. 99–110.
98. *Wijuk Kojalowicz W.* Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego / Wyd. F. Piekosińskiego. Kraków: «Czas» Fr. Kluczyckiego i Spółki, 1897. IV, 527 s.
99. *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa: Drukiem J. Filipowicza, 1895. XXV, 698 s.
100. *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego (1386–1795). Kraków: Drukarnia Wł. L. Anczyca i Spółki, 1885. XXV, 354 s.
101. *Zachara-Wawrzyńczyk M.* Geneza legendy o rzymskim pochodzeniu Litwinów // Zeszyty Historyczne. Warszawa, 1963. T. 3. S. 5–35.
102. *Zimin A.A.* The formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the fifteenth and the first third of the sixteenth centuries [Formirovanie boyarskoy aristokratii v Rossii vo vtoroy polovine XV — pervoy treći XVI v.]. Moscow: Nauka, 1988. 350 p.
103. *Żmijowski F.* Kazanie Wtore Na Pogrzebie Jasnie Wielmoznego Kniazia Apolloniusza Alexandra Szuyskiego Starosty Zahalskiego. Warszawa: Drukarnia Collegii Soc. Jesu, 1764.

Ключевые слова:

Великое княжество Литовское, Великое княжество Московское, родовые легенды, шляхта, генеалогия, гербовники, панегирики, Огинские.

Jauhien S. Hlinski

LEGENDS ON THE «MUSCOVITE» ORIGINS OF SEVERAL SZLACHTA DYNASTIES IN THE HISTORICAL DISCOURSE OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE 17th—18th CENTURY

Legends on the «Muscovite» origins of several szlachta dynasties in the historical discourse of the Grand Duchy of Lithuania (and in the Polish-Lithuanian Commonwealth) in the 17th—18th century. Among the potential interpretations of the early dynastic histories in recorded sources (armorials, panegyrics, legal acts and court materials) one finds a recurring motif of a family claiming its ancestors came to the Great Principality/Grand Duchy of Lithuania from Moscow or Muscovite-controlled lands. In the majority of cases, these dynastic histories had a fictional character and was created in order to compensate a pedigree that lacked noble origins. For the lesser and often landless szlachta the appeal to «Muscovite» family origins could become an important argument when seeking to confirm one's place amidst the szlachta class.

In turn, the idea of leaving Moscow and moving into Lithuania, in the eyes of the Grand Duchy's state and local elites of the was called to demonstrate the loyalty towards Polish Kings and Lithuanian Grand Dukes, as well as to the Polish-Lithuanian Commonwealth as a whole. In the given context the accent on the Muscovite roots came hand in hand with a family's claim at a centuries' long occupation in state service. Despite numerous wars between Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth, «Muscovite» origins were seen as a perfectly acceptable and solid argument in the genealogical discourse of the Grand Duchy of Lithuania, even though it wasn't the most popular pillars in the construction of local family histories.

Key words: the Grand Duchy of Lithuania, the Great Principality of Moscow, family legends, the szlachta, genealogy, armorials, panegyrics, the Oginsky family.

Jauhien S. Hlinski — Master of History, Leading Researcher in the Department of Academic Research and Publishing of the National Historic Archive of Belarus (the Republic of Belarus, Minsk).

 Глинский Евгений Станиславович

магистр исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела научно-исследовательской и издательской деятельности Национального исторического архива Беларуси (Республика Беларусь, г. Минск).

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.33.001

А.В. Мацук

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ МАГНАТОВ И ШЛЯХТЫ ВКЛ С РОССИЕЙ В 1733 г.¹

Проблема взаимоотношения магнатов и шляхты ВКЛ с Россией в 1733 г. не является такой простой, как кажется из ее формулировки. Причина в том, что эти взаимоотношения были зависимы от множества факторов международной политики. А именно они являлись элементом «трактата Левенвольде» 1732 г. («трактат трех черных орлов»), а также частью многоуровневой политики России того времени. Одновременно они оказались в центре политической борьбы, которая развернулась в Речи Посполитой в 1733 г. в связи с избранием нового короля. В этой борьбе активное участие приняли иностранные государства, так как в сложившейся международной ситуации выборы монарха Речи Посполитой были важны почти для всех ведущих ев-

¹ Основные мысли, высказанные в этой статье, впервые были представлены в иной публикации автора: *Macuk A. Polityka rosyjska w Rzeczypospolitej w 1733 roku a kandydatura «Piasta» // Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym. Т. 29 (2). 2014. S. 41–110* (поэтому ссылки на эту публикацию в тексте статьи в дальнейшем не присутствуют). Кроме того, они были дополнены новыми материалами, выявленными со времени этой публикации. Даты в статье для лучшего понимания даются только согласно новому стилю.

ропейских государств: Франции, Австрии и России. Именно поэтому рассмотрение этих взаимоотношений необходимо делать в контексте международных факторов, которые оказывали на них значительное влияние.

Первые исследования по бескорольеву в Речи Посполитой в 1733 г. и войне «за польское наследство» появились еще в XVIII в. Среди них безусловно выделяется исследование Николая Бантыш-Каменского, которое было опубликовано только в 1841 г.² Фактически это подборка документов, которые были собраны Бантыш-Каменским в архиве Коллегии иностранных дел. Не только значительно дополнила эти источники, но и показала основные этапы борьбы за выбор монарха Речи Посполитой монография Владимира Герье «Борьба за польский престол в 1733 году»³. Известный немецкий историк Иоганн Густав Дройзен в одном из томов многотомной работы «История прусской политики», посвященных политике прусского короля Фридриха Вильгельма I, рассмотрел бескорольеве в Речи Посполитой 1733–1735 гг., в основном опираясь на прусские документы, а также значительно использовал австрийские документы⁴. Появление этой работы обусловило разделение, которое до сих пор не преодолено в историографии. Оно заключается в использовании европейскими историками в основном документов из архивов Австрии, Германии и Польши, а российскими историками — документов из Архива внешней политики Российской империи. К первым относятся в первую очередь работы польских исследователей Клеменса Кантецкого⁵, Шимона Ашкенази⁶,

² Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // Русский вестник. 1841. № 4. С. 117–302.

³ Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862.

⁴ Droysen J. Geschichte der preußischen Politik. T. IV. Abt. 2. Friedrich Wilhelm I. Band I. Leipzig, 1869.

⁵ Kantecki K. Po zgonie Augusta II // Przewodnik naukowy i literacki. 1877. S. 673–688, 767–786, 865–887, 961–989, 1057–1083; Kantecki K. Stronnictwo saskie w Polsce roku 1733: kilka rysów da charakterystyki ludzi i czasu // Niwa. 1877. Rocznik 6. T. 11. S. 631–646, 697–709, 772–784, 856–866.

⁶ Askenazy S. Z przedostatnego bezkrólewia // Biblioteka Warszawska. 1895. T. 1. S. 126–158; Askenazy S. Koniec Augusta II // Biblioteka Warszawska. 1900. T. 2. S. 389–416; Askenazy S. Elekcja Augusta III // Biblioteka Warszawska. 1900. T. 3. S. 9–28; Askenazy S. Przedostatnie bezkrólewie // Dwa stulecia XVIII i XIX. Badania i przyczynki. T 1. Warszawa, 1901. S. 1–148.

Яцка Сташевского⁷, Ежи Дыгдалы⁸, Томаша Цесельского⁹, Адама Лисека¹⁰

⁷ *Staszewski J.* «Jak Polskę przemienić w kraj kwitnący...» Szkice i studia z czasów saskich. Olsztyn, 1997.

⁸ *Dygdała J.* Dylematy austriackiej polityki wobec Rzeczypospolitej podczas bezkrólewia 1733 roku // *Acta Universitatis Nicolai Copernici.* 1993. Historia. Nr XXVIII. S. 103–124; *Dygdała J.* Polityka informacyjna prymasa Teodora Potockiego w bezkrólewiu 1733 roku // *Rozprawy z dziejów XVIII wieku. Z dziejów komunikacji socjalnej epoki nowożytnej / red. J. Wojtowicza.* Toruń, 1993. S. 63–78; *Dygdała J.* Postawa «familii» Czartoryskich w bezkrólewiu 1733 roku z perspektywy Wiednia // *Między wielką polityką a szlacheckim partykularizmem: Studia z dziejów nowożytnej Polski i Europy ku czci Profesora Jacka Staszewskiego / red. K. Wajda.* Toruń, 1993. S. 275–283; *Dygdała J.* Konfederacja krakowska Teodora Lubomirskiego z początków bezkrólewia 1733 roku a polityka Austrii wobec Rzeczypospolitej // *Trudne stulecie. Studia z dziejów XVII i XVIII wieku ofiarowane profesorowi Jerzemu Michalskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin / red. Ł. Kądziałą, W. Krieseisen, Z. Zielińska.* Warszawa, 1994. S. 46–54; *Dygdała J.* Kwestia dysydencka w Rzeczypospolitej doby bezkrólewia 1733 roku // *Zapiski Historyczne.* 1997. T.LXII. S. 45–67; *Dygdała J.* Saskie próby infiltracji środowisk szlacheckich podczas bezkrólewia 1733 roku // *Kwartalnik Historyczny.* 2003. Z. 4. S. 47–70; *Dygdała J.* Śląskie wątki polskiego bezkrólewia 1733 roku, w: *Między Lwowem a Wrocławiem. Księga jubileuszowa Profesora Krystyna Matwijowskiego / red. B. Rok, J. Maroń.* Toruń, 2006. S. 617–630; *Dygdała J.* Urażone magnackie ambicje czy racja stanu? U źródeł opozycji wobec kandydatury Stanisława Leszczyńskiego w bezkrólewiu 1733 roku // *Spory o państwo w dobie nowożytnej. Między racją stanu a partykularyzmem.* Łódź, 2007. S. 187–199; *Dygdała J.* Rywalizacja dyplomatów cesarskiego i francuskiego w Polsce 1733 roku — Heinrich Wilhelm Wilczek i Antonine-Félix de Monti // *Polska wobec wielki konfliktów w Europie nowożytnej. Z dziejów dyplomacji i stosunków międzynarodowych w XV–XVIII wieku / red. Ryszard Skowron.* Kraków, 2009. S. 495–512; *Dygdała J.* Gra pozorów: zabiegi dyplomacji cesarskiej o rosyjską interwencję zbrojną w Rzeczypospolitej w 1733 roku // *W cieniu wojen i rozbiorów. Studia z dziejów Rzeczypospolitej XVIII i początków XIX wieku / red. U. Kosińska, D. Dukwicz, A. Danilczyk.* Warszawa, 2014. S. 137–160.

⁹ *Ciesielski T.* Irlandczyk w służbie carskiej. Piotr Lacy — feldmarszałek i generał-gubernator Inflant // *Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej.* T. 3: *Inflanty Polskie / red. W. Walczak, K. Łopatecki.* Białystok, 2012. S. 227–264; *Ciesielski T.* Potencjał militarny Rzeczypospolitej Obojga Narodów w okresie polskiej wojny sukcesyjnej 1733–1735. Wybrane aspekty // *Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym.* T. 25 (2). 2013. S. 81–117; *Цясельскі Т.* Узброеныя сілы ВКЛ падчас вайны за польскую спадчыну 1733–1735 гг. // *Архэ.* 2011. № 6 (105). С. 246–259; *Цясельскі Т.* Баявыя дзеянні на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага падчас вайны за польскую спадчыну ў 1733–1735 гг. // *Архэ.* 2012. № 6 (117). С. 347–371; *Цесельскі Т.* Участие генерал-фельдцейхмейстера Людвиг Гессен-Гомбургского в военных действиях на территории Польши в 1734–1736 годах // *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции.* Ч. 4 / *Науч. ред. С. Ефимов.* СПб., 2014. С. 333–350; *Ciesielski T.* Problem zdrady w dobie bezkrólewia po śmierci Augusta II i polskiej wojny sukcesyjnej 1733–1735 // *Tarnowskie Studia Historyczne.* 2013. Nr 3. S. 29–48; *Ciesielski T.* «Gorący» koniec lata i początek jesieni 1733 roku // *Wokół wolnych elekcji w państwie polsko-litewskim XVI–XVIII wieku. O znaczeniu idei wyboru — między prawami a obowiązkami / red. M. Markiewicz, D. Rolnik, F. Wolański.* Katowice, 2016. S. 465–489.

¹⁰ *Lisek A.* Litwini na sejmie elekcyjnym w 1733 roku // *Z dziejów XVII i XVIII wieku. Księga jubileuszowa ofiarowana Profesorowi Michałowi Komarzyńskiemu / red. J. Kwak.*

и иных¹¹, а также немецких (Рудольф Бейрих¹²) и австрийских (Вальтер

Katowice, 1997. S. 138–154; *Lisek A.* Postawa Radziwiłłów w okresie przedostatniego bezkrólestwa i w pierwszych miesiącach wojny domowej (1733–1734) // *Radziwiłłowie. Obrazy literackie. Biografie. Świadczenia historyczne* / red. K. Stępnika. Lublin, 2003. S. 358–370; *Lisek A.* Działalność polityczna wojewody podlaskiego Michała Józefa Sapiehy i innych przedstawicieli tego Domu w okresie powtórnej elekcji Stanisława Leszczyńskiego w 1733 roku // *Sapiehowie epoki Kodnia i Krasiczyna*. Lublin, 2007. S. 413–428. *Lisek A.* Obóz stanisławowski na Litwie w okresie wojny o tron polski do zawiązania konfederacji generalnej wileńskiej (1733–1734) // *Studia Historyczne*. 2007. Z. 2. S. 127–141; *Lisek A.* Ku pacyfikacji. Rozpad obozu stanisławowskiego na Litwie w okresie wojny o tron polski w latach 1735–1736 // *Limes. Studia i materiały z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej*. 2015. Nr 8. S. 22–70.

¹¹ *Cieślak E.* Dyplomatyczne i militarne zaangażowanie Francji w drugą elekcję Stanisława Leszczyńskiego // *Rocznik Gdański*. 1986. Z. 1. S. 83–106; *Cieślak E.* Z dziejów drugiej elekcji Stanisława Leszczyńskiego. Tajna przesyłka broni francuskiej do Gdańska w końcu 1733 r. // *Śląski kwartalnik historyczny Sobotka*. 1982. T. 37. Z. 3–4. S. 421–430; *Cieślak E.* Udział Szwedów w obronie Stanisława Leszczyńskiego i Gdańska w latach 1733–1734 // *Zapiski Historyczne*. 1987. T. LII. Z. 4. S. 105–117; *Cieślak E.* W obronie tronu króla Stanisława Leszczyńskiego. Gdańsk, 1986. 299 s.; *Anusik Z.* Z dziejów stosunków polsko-szwedzkich w dobie przedostatniego bezkrólestwa w historii Rzeczypospolitej (1733–1735) // *Przegląd nauk historycznych*. 2015. Nr 1. R. XIV. S. 5–31; *Anusik Z.* Misja Antoniego Ponińskiego w Sztokholmie w 1733 roku. Przyczynek do dziejów walki o koronę polską w czasach przedostatniego bezkrólestwa // *Między barokiem a oświeceniem. Nowe spojrzenie na czasy saskie* / red. K. Stasiewicz i S. Achremczyk. Olsztyn, 1996. S. 149–165; *Anusik Z.* Szwecja wobec rozdwojonej elekcji w Rzeczypospolitej w 1733 roku // *Wokół wolnych elekcji w państwie polsko-litewskim XVI–XVIII wieku. O znaczeniu idei wyboru — między prawami a obowiązkami* / red. M. Markiewicz, D. Rolnik, F. Wolański. Katowice, 2016. S. 409–429; *Szklarska E.* Otoczenie Stanisława Leszczyńskiego w relacjach dyplomatów francuskich w latach 1733–1736 // *Śląski kwartalnik historyczny Sobotka*. 1982. T. 37. Z. 3–4. S. 481–489; *Szklarska E.* Próby pacyfikacji Rzeczypospolitej w latach 1734–1736. Zabiegi o pozyskanie stronników Leszczyńskiego dla obozu Wettyna // *Rocznik Gdański*. 1986. Z. 1. S. 169–180; *Szklarska E.* Orientacja w sytuacji międzynarodowej i rachuby polityczne jako elementy postawy politycznej stronników Stanisława Leszczyńskiego w okresie przedostatniego bezkrólestwa (1733–1734) // *Śląski Kwartalnik Historyczny Sobotka*. T. 47. 1992. Z. 1–2. S. 247–252; *Szklarska E.* Kwestia wykluczenia cudzoziemca od tronu na sejmie konwokacyjnym 1733 r. // *Między Zachodem a wschodem. Studia ku czci profesora Jacka Staszewskiego*. T. II / red. J. Dumanowskiego, B. Dybasia, K. Mikulskiego, J. Porazińskiego i S. Roszaka. Toruń, 2003. S. 561–573; *Szklarska E.* Czy warto było poprzeć Sasa? Kariery niektórych stronników Augusta III z roku 1733 // *Faworyci i opozycjoniści. Król a elity polityczne w Rzeczypospolitej XV–XVIII wieku* / red. M. Markiewicz, R. Skowron. Kraków, 2006. S. 449–455; *Niedziela R.* Pisma polityczne w okresie bezkrólestwa i wojny o tron polski po śmierci Augusta II Mocnego (1733–1736). Kraków, 2005. 364 s.; *Niedziela R.* Wojewoda krakowski Teodor Lubomirski w świetle satyry okresu bezkrólestwa po zgonie Augusta II (1733–1734) // *Studia Historyczne*. T. 44. 2001. Nr 3. S. 387–404; *Niedziela R.* Z dziejów stosunków polsko-szwedzkich w dobie przedostatniego bezkrólestwa w historii Rzeczypospolitej (1733–1735) // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne*. 2004. Nr 131. S. 109–126; *Wyszomirska M.* Z prosaskiej i antystanisławowskiej publicystyki politycznej lat 1734–1736 (Wokół nieznanego twórczości Antoniego S. Dembowskiego) // *Kwartalnik Historyczny*. 2011. Nr 3. S. 431–451.

¹² *Beyrich R.* Kursachsen und die polnische Thronfolge 1733–1736. Leipzig, 1913. 173 p.

Стробл¹³). Ко вторым российским Сергея Нелиповича¹⁴, Анну Сидякину¹⁵ и Кирилла Белюкова¹⁶, а также литовского Феликса Слесарюнаса¹⁷. При этом возникает существенная проблема, что исследователями делаются интересные и оригинальные выводы на основании ограниченного количества рукописных материалов, которые могут быть опровергнуты, а часто и опровергаются материалами из иных архивов. Исключением являются работы польской исследовательницы Уршулы Косиньской, которая использует документы как из Австрии, Германии, Польши, так и из России. Иное дело, что в своих исследованиях она фактически останавливается с началом бескоролья в 1733 г.¹⁸ В последние годы заметно возрастание

¹³ Strobl W. Österreich und der polnische Thron 1733 (phil. Diss. maschr. Universität Bibliothek Wien). Wien: Universität Wien, 1950. 162 p.

¹⁴ Нелипович С. Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010.

¹⁵ Сидякина А. «Записки о России» Х.Г. Манштейна как источник по истории деятельности Э.И. Бирона // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. Вып. 1. С. 188–197; Сидякина А. Война за польское наследство и курляндский трон для Э.И. Бирона: история одного сговора // Acta eruditorum. 2013. Вып. 13. С. 72–75; Сидякина А. «Курляндский вопрос» в российско-прусских отношениях в царствование Анны Иоанновны // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Ч. I. Нижневартковск, 2014. С. 83–85; Сидякина А. «Меншиковы маетности» в российско-польских отношениях первой трети XVIII века // Евразийский союз ученых. Ч. 6. 2015. №5 (14). С. 100–102; Сидякина А. «Фавориты» Анны Иоанновны и дипломатия XVIII в. // История в подробностях. 2014. № 8 (50). С. 40–45; Сидякина А. Лёвенвольдов трактат в контексте переговоров Австрии, России и Пруссии 1730–1732 гг. // Международные отношения. 2019. № 1. С. 157–168.

¹⁶ Белюков К. Война за «польское наследство» 1733–1735 гг. в трудах историков Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 1 (87). С. 11–18; Белюков К. Война за «польское наследство» 1733–1735 гг.: обзор источников личного происхождения // Colloquium-journal. 2017. № 11-2 (11). С. 5–9; Саприкина О., Белюков К. Русские дневники и мемуары о войне за «польское наследство» 1733–1735 гг. как исторический источник // Научный диалог. 2018. № 4. С. 259–278.

¹⁷ Sliēsoriūnas F. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė 1733–1736 metų tarpuvaldžiu // Lietuvos Valstybė XII–XVIII a. Vilnius, 1997. S. 365–381; Sliēsoriūnas F. Georgo von Lieweno misija Lietuvoje 1733 m. pavasarį. Rusijos bandymas iškelti jai priimtino «Piasto» kandidatūrą į Lenkijos ir Lietuvos valdovo sostą priešpaskutinio tarpuvaldžio metu // Istorijos Akiračiai. Vilnius, 2004. P. 289–306.

¹⁸ Kosińska U. Could a Portuguese Prince become King of Poland? The Candidacy of Don Manuel de Bragança for the Polish Throne in the Years 1729–33 // The Slavonic and East European Review. Vol. 94. 2016. No. 3. P. 497–508; Kosińska U. Kandydata Emanuela Portugalskiego (Don Manuela de Bragança) do tronu polskiego w latach 1729–1733 // Wokół wolnych elekcji w państwie polsko-litewskim XVI–XVIII wieku. O znaczeniu idei wyboru — między prawami a obowiązkami / red. M. Markiewicz, D. Rolnik, F. Wolański. Katowice, 2016. S. 430–448; Kosińska U. Stosunki Augusta II z Rosją w latach 1730 — początek

Михаил Серваций
Вишневецкий

интереса у исследователей к событиям бескоролья в Речи Посполитой 1733–1735 гг. и войны «за польское наследство». Несмотря на этот рост и развитие коммуникаций, присутствует проблема, когда значительное количество публикаций, выходящих в одной стране, по бескоролью в Речи Посполитой в 1733–1735 гг. до сих пор неизвестны исследователям этой проблематики в иных странах.

Со времен начала Северной войны (1700–1721 гг.) в ВКЛ находилась значительная группа магнатов и шляхты, которые сотрудничали с Россией. Сначала это были лидеры «республиканцев» Михаил Вишневецкий, Григорий Огинский, Людвик Поцей и иные. Однако со временем один из них великий гетман ВКЛ Михаил Вишневецкий перешел

1733 w świetle relacji saskiego posła w Moskwie i Petersburgu Jeana Le Forta // *Kwartalnik Historyczny*. 2014. № 3. S. 571–592; *Kosińska U.* Finansowy aspekt wyboru kandydata do polskiego tronu na przykładzie przygotowań państw ościennych do bezkrólewia po śmierci Augusta II // *Pecunia nervus belli. Z dziejów dyplomacji i stosunków międzynarodowych w XV–XVIII wieku* / red. M. Markiewicz, R. Skowrona i F. Wolańskiego. Katowice, 2016. S. 165–179; *Kosińska U.* U źródeł zjawiska odwoływania się do potencji ościennych w polskich sporach wewnętrznych — casus roku 1730 // *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. 2019. LIV (1). S. 5–25; *Косиньска У.* В окружении трех «черных орлов». Генезис переговоров о заключении договора Левенвольде // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова*. М., 2019. С. 673–679.

Григорий Антоний Огинский. Художник Ф. Делакруа

на сторону короля Станислава Лещинского. Это особенно разозлило российского царя Петра I, который в этот период даже рассматривал Михаила Вишневецкого как возможного кандидата на трон Речи Посполитой¹⁹. Неожиданная смерть в 1709 г. великого гетмана ВКЛ Григория Огинского значительно ослабила группировку российских сторонников в Княжестве. Во главе этой группировки оказался новый великий гетман ВКЛ Людвик Поцей. В свою очередь в 1709 г. Михаил Вишневецкий был арестован по приказу российского царя Петра I и находился в российском плену, хотя о его освобождении старался даже король Август II. В результате Вишневецкий был вынужден в 1710 г. бежать из плена за границу. Вернулся в Речь Посполитую Вишневецкий только в 1716 г. С Россией его отношения еще долгое время не удавалось поправить. Изменилось это только во второй половине 20-х гг. XVIII в. и уже в 1728 г. он считался наиболее реальным кандидатом на трон Речи Посполитой со стороны России²⁰.

Еще со времен Северной войны сотрудничал с Россией польный гетман ВКЛ Станислав Денгоф. Его контакты с Россией активизировались

¹⁹ Подробнее биография Михаила Вишневецкого: *Kamiński A.* Konfederacja sandomierska wobec Rosji w okresie poaltransztadzkim 1706–1709. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969. S. 77–78; *Мацук А.* Міхал Сервацій Вишневецький // *Князі Вишневецькі*. Київ, 2016. С. 110–134.

²⁰ *Rostworowski E.* O polską koronę. Polityka Francji w latach 1725–1733. Wrocław — Kraków, 1958. S. 108.

Станислав Эрнест Денгоф. Художник Адам Маниок

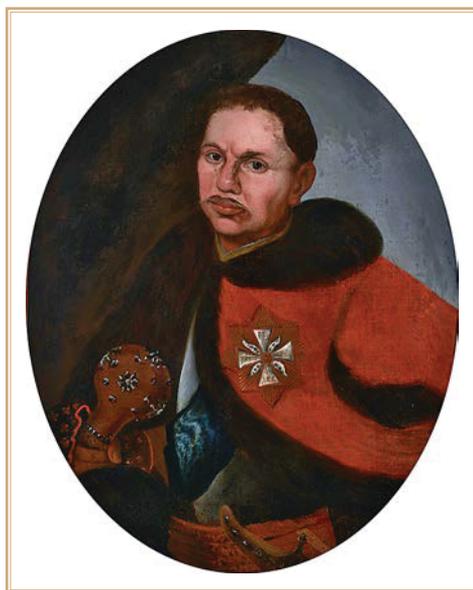
после ограничения сеймом Речи Посполитой 1717 г. прав гетманов²¹. Уже в конце 1726 г. Россия высказывалась в поддержку Станислава Денгофа как возможного кандидата на выбор монархом Речи Посполитой. Считалось, что именно Денгоф имеет наиболее сильную группировку, что обеспечит его превосходство над иными возможными кандидатами «пястами»²². О такой поддержке Алексеем Меншиковым даже было объявлено прусскому послу Густаву Мардефельду²³. Правда, прусский король Фридрих Вильгельм I в начале 1727 г. имел сомнения относительно кандидатуры Денгофа, так как тот, женившись на Софии Сенявской, получил значительные финансовые возможности, чтобы претендовать на трон, и мог реализовать свои планы, которые могли повредить России и Пруссии²⁴. Таким образом, Станислав Денгоф не только становится главным российским сторонником в Княжестве, но и возможным кандидатом на трон Речи Посполитой. Правда, 2 августа 1728 г. польный гет-

²¹ Соловьев С. Сочинения. Кн. IX. Т. 17–18. М., 1963. С. 230–231.

²² Пяст — уроженец Речи Посполитой.

²³ СИРИО. Т.64. СПб., 1888. С. 496; СИРИО. Т.15. СПб., 1875. С. 327–328.

²⁴ СИРИО. Т.15. СПб., 1875. С. 326; *Kosińska U.* August II w poszukiwaniu sojusznika. Między aliansem wiedeńskim i hanowerskim (1725–1730). Warszawa, 2012. S. 278–239; *Косиньска У.* В окружении трех «черных орлов». Генезис переговоров о заключении договора Левенвольде // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2019. С. 674; Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // Русский вестник. 1841. № 4. С. 117–118.

Людвик Констанций Поцей

ман ВКЛ и полоцкий воевода Станислав Денгоф умирает и Россия теряет одного из лидеров своих сторонников и возможного кандидата «пяста» на трон. Еще в 1727 г. австрийский посол Амадей Рабутин в Петербурге информирует, что австрийский император согласен, чтобы новым королем Речи Посполитой стал «пяст». В конце 1728 г. Россия и Австрия снова подтверждают, что будущим монархом Речи Посполитой лучше всего избрать кандидата «пяста»²⁵. Иное дело, что после смерти Денгофа такого конкретного кандидата не было.

В конце правления Августа II в ВКЛ доминировала антикоролевская оппозиция. Состав антикоролевской оппозиции не был постоянным. Уже после сейма 1729 г. в случае бескорольевья сторонники Лещинского могли рассчитывать в Княжестве на канцлера ВКЛ Михаила Вишневецкого, великого гетмана ВКЛ Людвика Поцея, великого маршалка ВКЛ Александра Сапегу и надворного маршалка ВКЛ Павла Сангушку; магнатские роды Сапег, Радзивиллов и части Огинских. По мнению одного из лидеров оппозиции смоленского епископа Бо-

²⁵ Rostworowski E. O polską koronę. Polityka Francji w latach 1725–1733. Wrocław — Kraków, 1958. S. 149; Kosińska U. August II w poszukiwaniu sojusznika. Między aliansem wiedeńskim i hanowerskim (1725–1730). Warszawa, 2012. S. 278–239; Косиньска У. В окружении трех «черных орлов». Генезис переговоров о заключении договора Левенвольде // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2019. С. 674; Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // Русский вестник. 1841. № 4. С. 119–124.

гуслава Гонсевского, Михаилу Вишневецкому надо было обещать уряд великого гетмана ВКЛ после смерти Людвига Поцея. Его брату Янушу Вишневецкому за поддержку Лещинского дать денег. Противостоять сторонникам Лещинского в ВКЛ будут только Чарторийские. Они, однако, не имеют много сторонников в ВКЛ, но их количество с помощью пожалований двором должностей и владений растет²⁶. Таким образом, 1729 г. стал годом, когда антикоролевская оппозиция в Княжестве одновременно сотрудничала и с Францией и с Россией. Если ранее были только отдельные контакты с российским и французским правительствами, то только с 1729 г. они приобрели системный характер. Сторонниками Лещинского и Франции были те же самые магнаты, что сторонниками России. Для этих магнатов в этом не было ничего сложного, так как на сейме 1730 г. российский и французский послы действовали в одном направлении — срыв сейма. Причем делали это без всякого договора между собой²⁷. Интересно, что французский посол Антоний Феликс Монти, довольный срывом сейма 1730 г., даже заявил, что не нужна ему помощь в этом примаса Теодора Потоцкого (и соответственно Потоцких), а достаточно ему сил антикоролевской оппозиции ВКЛ²⁸.

В начале 1730 г. в ВКЛ умирают ведущие российские сторонники: великий гетман ВКЛ Людвик Поцей и бобрыйский староста Ян Казимир Сапега. На первые роли в антикоролевской оппозиции ВКЛ и российских сторонников выходят новые лидеры. В первую очередь это представители рода Огинских во главе с виленским воеводой Казимиром и витебским воеводой Мартином. Виленский воевода Казимир Огинский проводил активную переписку с российской царицей²⁹ Анной Иоанновной, прося о протекции для своего рода³⁰. Подобные просьбы высылала и его жена Элеонора, которая использовала знакомство своей дочери Елены с Анной

²⁶ *Lechicka J.* Stronnictwa polityczne i opozycja litewska w latach 1725–1736 // *Pamiętnik VI Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Wilnie. T. I / red. F. Pohorecki.* Lwów, 1935. S. 82–86; *Rostworowski E.* O polską koronę. *Polityka Francji w latach 1725–1733.* Wrocław — Kraków, 1958. S. 175; *Kurek J.* U schyłku panowania Augusta II Sasa. Katowice, 2003. S. 83.

²⁷ РГАДА. Ф. 12. Д. 63. Л. 1–2; РГАДА. Ф. 12. Д. 69. Л. 1–2; РГАДА. Ф. 12. Д. 70. Л. 1–2.

²⁸ *Rostworowski E.* O polską koronę. *Polityka Francji w latach 1725–1733.* Wrocław — Kraków, 1958. S. 210–212.

²⁹ В статье употребляется царский титул, так как Речь Посполитая признала российский императорский титул только в 1764 г.

³⁰ РГАДА. Ф. 12. Д. 63. Л. 1–2.

Иоанновной³¹. Весной 1731 г. Елена даже выезжала на некоторое время в Петербург³². Огинские вместе с Сапегами и смоленским бискупом Богуславом Гонсевским в конце правления Августа II составляли антикоролевскую оппозицию в ВКЛ. Эта антикоролевская оппозиция ВКЛ отыгрывала ведущие роли в срыве сеймов Речи Посполитой 1729, 1730 и 1732 гг.³³

В 1732 г. антикоролевская оппозиция в ВКЛ увеличилась, так как к ней присоединились Радзивиллы³⁴. Это стало возможно после заключения 8 марта 1732 г. договора об «нейбургских владениях»³⁵ с иными претендентами на эти владения. Согласно ему иные претенденты на «нейбургские владения» отказывались от своих прав за 2 миллиона злотых. Главным среди претендентов был род Сапег, которые были среди лидеров антикоролевской оппозиции ВКЛ. Заинтересованы в этом договоре были и Огинские — иные лидеры антикоролевской оппозиции ВКЛ. Таким образом, исчезла причина, которая мешала Радзивиллам присоединиться к антикоролевской оппозиции. Несмотря на решения дела об «нейбургских владениях», они оставались причиной недоверия и напряженности в отношениях Радзивиллов с их новыми союзниками Сапегами и Огинскими. Во главе рода Радзивиллов был региментарий

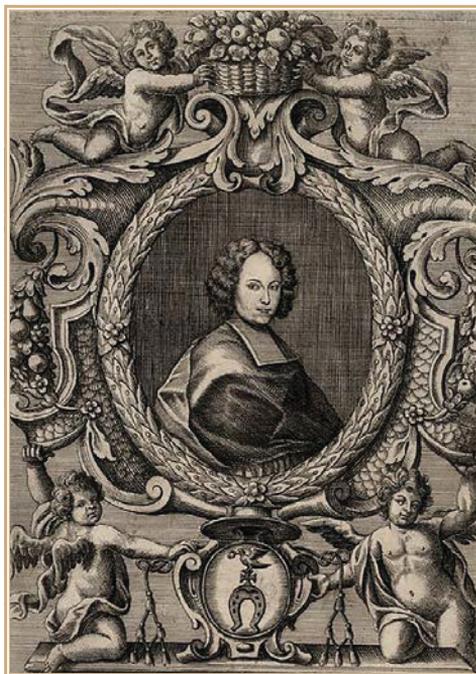
³¹ РГАДА. Ф. 12. Д. 69. Л. 1–2.

³² Zielińska T. Ogiński Kazimierz Dominik // Polski Słownik Biograficzny. T. XXIII. — Warszawa — Wrocław — Kraków — Gdańsk, 1978. S. 616.

³³ Kurek J. U schyłku panowania Augusta II Sasa. Katowice, 2003. S. 110–111, 125, 128, 184, 209–210; Rostworowski E. O polską koronę. Polityka Francji w latach 1725–1733. Wrocław — Kraków, 1958. S. 305–308; Kosińska U. U źródeł zjawiska odwoływania się do potencji ościennych w polskich sporach wewnętrznych — casus roku 1730 // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2019. LIV (1). S. 18–20.

³⁴ Rostworowski E. O polską koronę. Polityka Francji w latach 1725–1733. Wrocław — Kraków, 1958. S. 308.

³⁵ Самые большие частные земельные владения в ВКЛ состояли из Слуцкого и Копыльского княжеств, Себежского и Невельского графств, Копыси, Романова, Белицы, Койданово (совр. Дзержинск), Бирж, Дубинок, Кейдан, Заблудова и пр. Наследственные владения по биржанской ветви Радзивиллов, которые после смерти последнего мужского представителя Богуслава Радзивилла (1669 г.) достались его дочери Людвике Каролине, которая во втором браке была замужем за пфальцграфом рейн-пфальцским Карлом Филиппом. После ее смерти в 1695 г. Карл Филипп (ум. в 1742 г.) был опекуном ее дочери Елизаветы Августы (ум. в 1728 г.), а после внучек Елизаветы Марии, Марии Анны и Марии Франтишки. В 1731 г. несвижские Радзивиллы заключили договор о помолвке Иеронима Флориана Радзивилла и Марии Франтишки и получили под свой контроль все «нейбургские владения». Несмотря на срыв помолвки, несвижские Радзивиллы остались держателями этих владений и выкупили их (окончательный отказ от прав на «нейбургские владения» в пользу Иеронима Флориана Радзивилла пфальцграф рейн-пфальцкий подписал только в 1751 г.).

Богуслав Корвин Гонсевский

ВКЛ и канцлер ВКЛ Михаил Вишневецкий, женатый на Тэкли из Радзивиллов. Повлияла на это решение неприязнь Михаила Вишневецкого к Чарторийским. После присоединения Радзивиллов к антикоролевской оппозиции Августу II и его сторонникам Чарторийским в Княжестве противостояли все ведущие магнатские роды. Во внутривоеводческой жизни Речи Посполитой антикоролевская оппозиция в Княжестве сотрудничала с антикоролевской оппозицией в Короне во главе с магнатской группировкой Потоцких³⁶.

Динамично развивалась международная обстановка, которая оказывала значительное влияние на контакты антикоролевской оппозиции ВКЛ с Россией. Уже в 1729 г. появилась идея заключения трехстороннего российско-австро-прусского союза. Правда, только в октябре 1730 г. австрийский посол в России Франтишек Вратислав представил проект такого возможного союза. Среди прочего предлагалось исключить из будущих кандидатов на трон Станислава Лещинского, а саксонского курфюрста допустить к выборам, если он согласится выполнить требования союзников. В ином случае общим кандидатом должен быть «пяст» или представитель младшей линии какой-либо из правящих европейских ди-

³⁶ Rostworowski E. O polską koronę. Polityka Francji w latach 1725–1733. Wrocław — Kraków, 1958. S. 303–319.

Павел Кароль Сангушко

настий. В 1731 г. переговоры о заключении трехстороннего союза ускорились³⁷. В 1732 г. по инициативе Австрии было определено, что лучшим кандидатом на трон Речи Посполитой будет «второрожденный принц», которым предлагался португальский инфант дон Мануэль³⁸. В свою очередь Пруссия еще в апреле 1732 г. предлагала наиболее подходящим кандидатом на будущего короля Речи Посполитой надворного маршалка ВКЛ Павла Сангушку³⁹.

Согласно заключенным 13 сентября 1732 г. в Пруссии в Вустерхаузене прелиминариям трехстороннего договора предполагалось, что российская царица готова обсудить общего кандидата на трон Речи

³⁷ *Kosińska U.* Stosunki Augusta II z Rosją w latach 1730 — początek 1733 w świetle relacji saskiego posła w Moskwie i Petersburgu Jeana Le Forta // *Kwartalnik Historyczny*. 2014. № 3. S. 581; *Kosińska U.* В окружении трех «черных орлов». Генезис переговоров о заключении договора Левенвольде // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2019. С. 675–676; Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // *Русский вестник*. 1841. № 4. С. 126–131.

³⁸ Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // *Русский вестник*. 1841. № 4. С. 131–132; *Сидякина А.* Левенвольдов трактат в контексте переговоров Австрии, России и Пруссии 1730–1732 гг. // *Международные отношения*. 2019. № 1. С. 157–168.

³⁹ *Kosińska U.* Kandydatura Emanuela Portugalskiego (Don Manuela de Bragança) do tronu polskiego w latach 1729–1733 // *Wokół wolnych elekcji w państwie polsko-litewskim XVI–XVIII wieku. O znaczeniu idei wyboru — między prawami a obowiązkami* / red. M. Markiewicz, D. Rolnik, F. Wolański. Katowice, 2016. S. 440.

Юзеф Вандалин Мнишек

Посполитой, а в качестве такого предлагался португальский инфант дон Мануэль. При этом оговаривались денежные средства и количество войска, чтобы обеспечить его избрание. Эти прелиминарии не во всех пунктах устроили Австрию. 16 и 23 ноября 1732 г. в Петербурге австрийский посол представил экстракт с двух рескриптов императора Карла VI к послу в Варшаве Генриху Вильчеку, согласно которым не допускался выбор будущим королем Станислава Лещинского, а также сына Августа II Фридриха Августа при жизни отца. Император был готов поддержать избрание португальского инфанта на свободных выборах. Упоминались запасные кандидаты «пясты»: Михаил Вишневецкий, Павел Сангушко и Юзеф Мнишек. Император выступал против выдвижения кандидатуры сына Августа II, но не хотел в открытую ему противодействовать, чтобы не привести к союзу Саксонии и Франции. Как видно, император Карл VI оставлял для себя большую свободу, чем предполагали прелиминарии. Снова появлялись кандидаты «пясты», в которых наиболее была заинтересована Россия. В заключенном 13 декабря 1732 г. в Берлине «трактате Левенвольде» («трактате трех черных орлов») в первом тайном пункте оговаривалось, что общим кандидатом будет португальский инфант дон Мануэль, но не исключалась и поддержка иного совместного кандидата, который будет соответствовать интересам союзников. Безусловно, что таким кандидатом мог быть как саксонский курфюрст, так и «пяст». Последняя кандидатура из всех союзников наиболее соответствовала интересам России

и поддерживалась ею, но она готова была поддержать иностранного принца в согласии с Австрией и Пруссией⁴⁰.

Таким образом, к началу бескорольвья соседи Речи Посполитой Австрия, Россия и Пруссия определились в стремлении не допустить выбор будущим королем Станислава Лещинского. Не так конкретны они были насчет кандидатуры будущего короля. Не отвергая кандидатуры саксонского курфюрста и «пяста», а некоторые участники их тройного союза даже поддерживали их, определили таким единым кандидатом португальского инфанта дона Мануэля. Иное дело, что к началу бескорольвья никаких действий в его поддержку не предпринималось и этот кандидат, предложенный Австрией, пользовался слабой поддержкой России и Пруссии⁴¹.

На расстановку основных политических сил в Речи Посполитой повлияло то, что почти сразу после смерти Августа II произошло примирение придворной партии Чарторийских и антикорольвской оппозиции Потоцких. Это примирение не было поддержано антикорольвской оппозицией из ВКЛ. Более того, узнав об этом событии, надворный подскарбий ВКЛ Юзеф Франтишек Сапега был взбешен действиями Потоцких и обратился к российскому представителю Франтишку Даревскому с предложением создать конфедерацию, которая должна была бы действовать независимо от Потоцких и Чарторийских. Переговоры о создании такой конфедерации Франтишек Даревский проводил с надворным под-

⁴⁰ Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // Русский вестник. 1841. № 4. С. 133–135; *Dygdala J.* Gra pozorów: zabiegi dyplomacji cesarskiej o rosyjską interwencję zbrojną w Rzeczypospolitej w 1733 roku // W cieniu wojen i rozbiorów. Studia z dziejów Rzeczypospolitej XVIII i początków XIX wieku / red. U. Kosińska, D. Dukwicz, A. Danilczyk. Warszawa, 2014. S. 140, 142; *Kosińska U.* Kandydatura Emanuela Portugalskiego (Don Manuela de Bragança) do tronu polskiego w latach 1729–1733 // Wokół wolnych elekcji w państwie polsko-litewskim XVI–XVIII wieku. O znaczeniu idei wyboru - między prawami a obowiązkami / red. M. Markiewicz, D. Rolnik, F. Wolański. Katowice, 2016. S. 442–444; *Сидякина А.* Лёвенвольдов трактат в контексте переговоров Австрии, России и Пруссии 1730–1732 гг. // Международные отношения. 2019. № 1. С. 157–168. Еще в начале февраля 1733 г. в Вене рассматривали возможных кандидатов — «пястов»: Януша и Михаила Вишневецких, Юзефа Мнишка и Павла Сангушку. *Dygdala J.* Urażone magnackie ambicje czy racja stanu? U źródeł opozycji wobec kandydatury Stanisława Leszczyńskiego w bezkrólewiu 1733 roku // Spory o państwo w dobie nowożytnej. Między racją stanu a partykularyzmem. Łódź, 2007. S. 188.

⁴¹ Кандидатура португальского инфанта дона Мануэля получила негативную оценку среди российских сановников. *Kosińska U.* Kandydatura Emanuela Portugalskiego (Don Manuela de Bragança) do tronu polskiego w latach 1729–1733 // Wokół wolnych elekcji w państwie polsko-litewskim XVI–XVIII wieku. O znaczeniu idei wyboru — między prawami a obowiązkami / red. M. Markiewicz, D. Rolnik, F. Wolański. Katowice, 2016. S. 434–438.

Михаил Потоцкий

скарбием ВКЛ Юзефом Франтишком и вильковским старостой Юрием Фелицианом Сапегами, смоленским епископом Богуславом Гонсевским и витебским воеводой Мартином Огинским. Неформальный лидер этой группировки магнатов Юзеф Франтишек Сапега предлагал провести переговоры о создании конфедерации с коронным маршалком Юзефом Мнишком, краковским воеводой Теодором Любомирским, региментарием ВКЛ Михаилом Вишневецким и коронным хорунжим Яном Клеменсом Браницким. В результате переговоры о создании конфедерации закончились ничем из-за несогласия российского посла Фридриха Казимира Левенвольде⁴² выплатить необходимые финансовые средства, так как он не доверял этим магнатам и считал, что образованная конфедерация будет действовать в их собственных интересах, а не России. По мнению Левенвольде, магнаты ВКЛ обещали создать конфедерацию только на словах, а на самом деле хотели получить только деньги на ее создание. Подводя черту под своей реляцией от 13 февраля 1733 г., Левенвольде замечал, что для успеха российским планам «необходимо силою оружия

⁴² Его братья Карл Густав и Рейнгольд Густав были сторонниками Пруссии и сближения с ней. Брикнер А. Австрийские дипломаты в России. По документам Венского архива // Вестник Европы. 1893. Год 28. Т.12. С. 529, 554; Kosińska U. Stosunki Augusta II z Rosją w latach 1730 — początek 1733 w świetle relacji saskiego posła w Moskwie i Petersburgu Jeana Le Forta // Kwartalnik Historyczny. 2014. № 3. S. 575. В свою очередь Фридрих Казимир был сторонником Австрии и в будущем даже перейдет на австрийскую службу.

Ян Клеменс Браницкий. Художник Августин Мирис

способствовать и для того на Российских границах к Польше и Литве сильную армию поставить, которая бы в противном деле воспоследования тотчас в пользу действительно вступить могла»⁴³.

Таким образом, можно уверенно сказать, что значительное влияние на российскую политику в ВКЛ в это время имела личность посла в Речи Посполитой Фридриха Казимира Левенвольде, который был назначен послом еще в 1731 г. Именно он фактически заблокировал создание конфедераций в Княжестве в начале бескоролья. Безусловно, у него были на это основания, так как существовало много сомнений в искренности магнатов ВКЛ. Ведь они одновременно поддерживали контакты с французским послом Антонием Феликсом Монти. Коалицианты (Сапеги, Огинский и Гонсевский) проводили консультации с краковским воеводой Теодором Любомирским, который обещал при поддержке Австрии создать подобную конфедерацию в Краковском воеводстве⁴⁴. Как бы то ни было, но переговоры магнатов ВКЛ и России закончились неудачей. Однако магнаты ВКЛ не отказались от идеи создания конфедерации и не

⁴³ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 8. Л. 124 об. — 125; *Герье В.* Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 154–158; *Kantecki К.* Po zgonie Augusta II // *Przewodnik naukowy i literacki.* 1877. S. 881–882; Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // *Русский вестник.* 1841. № 4. С. 146.

⁴⁴ *Герье В.* Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 155. *Kantecki К.* Po zgonie Augusta II // *Przewodnik naukowy i literacki.* 1877. S. 1058.

видели себе места в союзе Потоцких и Чарторийских⁴⁵. Позже уже сам Левенвольде выражал сожаление, что никто не создал конфедерацию не из коронных магнатов, что обещали ему, не литовских, которые обещали это Даревскому. Причину видел в их неприязненности к российским интересам⁴⁶. В свою очередь прусскому послу Гофману Левенвольде заявлял о невозможности создать конфедерацию в ВКЛ из-за нехватки денег⁴⁷. Позиция российского правительства относительно бывших союзников среди магнатов ВКЛ отличалась от позиции Фридриха Казимира Левенвольде. Российское правительство не относилось так неприязненно к ним, как Левенвольде. 10 марта 1733 г. российская царица Анна Иоанновна разрешила Фридриху Казимиру Левенвольде, по его желанию, дать денег магнатам ВКЛ, которые раньше действовали в пользу России и обещали делать это в будущем⁴⁸. Такая деятельность России по привлечению магнатов ВКЛ на свою сторону полностью соответствовала ее планам.

Безусловно, продолжала значительно влиять на отношения с магнатами ВКЛ российская политика по избранию будущим королем кандидата «пьяста». Так, новоприсланный посол Карл Густав Левенвольде не должен был выступать против кандидатуры любого из «пьястов», но даже должен был убеждать каждого из них в хорошем отношении российской царицы⁴⁹. Интересно, что еще в марте 1733 г. во время переговоров в Петербурге с австрийским резидентом Николаем Себастианом Гогенгольцем Карл Густав Левенвольде и Андрей Остерман высказались против возможной кандидатуры саксонского курфюрста на трон Речи Посполитой. Левенвольде основной причиной неприятия кандидатуры Фридриха Августа называл то, что она приведет к распаду коалиции России, Австрии и Пруссии⁵⁰. Безусловно, подразумевалось, что это не соответствовало интересам Пруссии. По мнению прусских послов Карла Готфрида Гофмана и Христиана Брандта, в это время на стороне Станислава Лещин-

⁴⁵ Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 182.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 8. Л. 123 об. — 124.

⁴⁷ GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.a.1. В.р.

⁴⁸ Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // Русский вестник. 1841. № 4. С. 155.

⁴⁹ Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 251; Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // Русский вестник. 1841. № 4. С. 144–145.

⁵⁰ *Dydała J. Gra pozorów: zabiegi dyplomacji cesarskiej o rosyjską interwencję zbrojną w Rzeczypospolitej w 1733 roku // W cieniu wojen i rozbiorów. Studia z dziejów Rzeczypospolitej XVIII i początków XIX wieku / red. U. Kosińska, D. Dukwicz, A. Danilczyk. Warszawa, 2014. S. 144–145.*

ского и кандидата «пяста» были Потоцкие, Вишневецкие, Радзивиллы, Сангушко, а кандидатуру саксонского курфюрста поддерживали Понятовский, Чарторийские, Ян Александр Липский и Теодор Любомирский, которые проводили тайные совещания с саксонским представителем Генрихом Брюлем⁵¹. Безусловно, что примирение Потоцких и Чарторийских изменило состав этих группировок и саксонского курфюрста уже поддерживали Вишневецкий и Радзивилл, а Гонсевский, подкупленный французским послом, перешел на сторону Лещинского⁵².

С началом бескоролья Россия обратила пристальное внимание на магнатов и шляхту ВКЛ. Российское правительство видело среди магнатов ВКЛ своих возможных союзников. Еще 28 февраля 1733 г. было решено послать в ВКЛ российского представителя Юрия Ливена. В инструкции Ливена заявлялось о российской поддержке, когда «ежели б изъяз Станислава, чины о некотором Пиасте из своих членов согласились онаго единодушно на престол возвели». Ливену было приказано информировать магнатов, что если они дали убедить себя и перешли во французскую группировку, то из-за этого будут неприятности от России и других соседей и более всего их будет для Княжества: «во первых до Литвы дело дойти и оная следствия того чувствовать будет»⁵³.

Главной целью миссии Ливена была другая. Он должен был передать письма императрицы Анны Иоанновны трем адресатам: генеральному региментарию ВКЛ и канцлеру ВКЛ Михаилу Вишневецкому, надворному маршалку ВКЛ Павлу Сангушке и виленскому воеводе Казимиру Огинскому⁵⁴. Безусловно, выбор адресатов не был случайным. Михаил Вишневецкий был самым влиятельным магнатом в ВКЛ и возглавлял магнатскую группировку несвижских Радзивиллов. Павел Сангушко был давно российским сторонником и во время обострения отношений с Августом II считался российским кандидатом на трон Речи Посполитой. Казимир Огинский активно сотрудничал с российским правительством. Контакты виленского воеводы и его родственников с Россией ста-

⁵¹ GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.a.1. B.p.

⁵² GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.b.1. Vol. I. P. 36. GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.k. P. 80v.

⁵³ Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 178; Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // Русский вестник. 1841. № 4. С. 150–151; GStA. I HA Geheimer Rat/ Rep. 11. Nr 6716. P. 78–79.

⁵⁴ *Sliesoriūnas F. Georgo von Lieweno misija Lietuvoje 1733 m. pavasarį. Rusijos bandymas išskelti jai priimtino «Piasto» kandidatūrą į Lenkijos ir Lietuvos valdovo sostą priešpaskutinio tarpuvaldžio metu // Istorijos Akiračiai. Vilnius, 2004. P. 294–295. HHStA Wien. Polen. Sygn. II 8. P. 194v.*

ли более интенсивными с установлением на троне в Петербурге Анны Иоанновны⁵⁵.

Текст присланных писем не отличался между собой. Все три письма сохранились в черновиках в АВПРИ. Кроме того, нам удалось выявить два оригинала этих писем в бумагах адресатов (Михаила Вишневецкого и Павла Сангушки)⁵⁶. В письмах только в общих выражениях высказывалось о приятном отношении российской царицы Анны Иоанновны к Речи Посполитой и магнатам, к которым были посланы письма. Главным был не текст писем, а то, что Ливен должен был передать устно двум адресатам из трех — Михаилу Вишневецкому и Павлу Сангушке. Об этом сама Анна Иоанновна предупреждала магнатов в своих письмах. Обоим магнатам Ливен от ее имени должен был предложить российскую поддержку в случае, если они захотят стараться о выборе будущим королем Речи Посполитой. Феликс Слесарюнас считал, что главным в миссии Ливена было узнать, хочет ли стараться о короне Михаил Вишневецкий, и только после его отказа предложить корону Павлу Сангушке⁵⁷. Феликс Слесарюнас делает вывод о приоритетах для России кандидатуры Михаила Вишневецкого и его брата Януша. На основании этого он думал, что существовали расхождения среди российской элиты в вопросе кандидатуры будущего короля Речи Посполитой. Три брата Левенвольде враждебно относились к Вишневецким, как к Гедиминовичам, которые были родичами Гедиминовичей, проживавших в России: Трубецких, Голицыных, Куракиных. В то же время ведавший российской политикой еще со времен Петра I канцлер Гаврила Головкин и вице-канцлер Андрей Остерман поддерживали согласно прежнему договору кандидатуру «пяста» на трон Речи Посполитой. В то же время Левенвольде после короткого периода, когда поддерживали кандидатуру Теодора Любомирского, высказались в пользу кандидатуры саксон-

⁵⁵ Мацук А. Барацьба магнацкіх групак у ВКЛ (1717–1763 гг.). Мінск, 2010. С. 75; Kantecki K. Stronnictwo saskie w Polsce roku 1733: kilka rysów да charakterystyki ludzi i czasu // Niwa. 1877. Rocznik 6. T. 11. S. 859; Archives diplomatiques de La Courneuve. Pologne. Nr 203. P. 120–120v. Огинские также не медлили. Уже 18 февраля 1733 г. свои письма Анне Иоанновне написали виленский воевода Казимир Огинский, его жена Элеонора и их дочь Елена. Их письма привез посол Польши в Россию Ян Липский. Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Ф. 36. Оп. 1. Д. 74. Л. 160 об.

⁵⁶ Biblioteka Jagiellońska. Akcesja. Sygn. 122/51. K. 13–14; AN w Krakowie. Oddział na Wawelu. Archiwum Sanguszków. Teki arabskie. TeKa 463. Plik 23. K. 1.

⁵⁷ Sliessoriūnas F. Georgo von Lieweno misija Lietuvoje 1733 m. pavasarį. Rusijos bandymas iškelti jai priimtino «Piasto» kandidatūrą į Lenkijos ir Lietuvos valdovo sostą priešpaskutinio tarpuvaldžio metu // Istorijos Akiračiai. Vilnius, 2004. P. 294.

ского курфюрста⁵⁸. Нам кажется такая версия очень вероятной. Необходимо только оговориться, что кандидатуры Вишневецких и Сангушки были названы приоритетными кандидатурами «пястов» еще во время согласования «трактата трех черных орлов». Вместе с кандидатурой коронного маршалка Юзефа Мнишка они пользовались поддержкой союзницы России Австрии⁵⁹. Кроме того, Левенвольде не были сторонниками кандидатуры Фридриха Августа. Таким образом, можно говорить скорее не о продолжении политики Петра I, а о действиях согласно «трактату трех черных орлов». Российские действия в пользу кандидатуры «пяста» скорее были вызваны слабой активностью Австрии в поддержке кандидатуры дон Мануэля. Наверное, Россия не скрывала своих действий в пользу кандидатов «пястов», так как о миссии Ливена был хорошо информирован австрийский резидент в Петербурге Николай Себастиан Гогенгольц и сразу 28 февраля 1733 г. поспешил сообщить о ней императору Карлу VI⁶⁰. Более того, сама российская царица Анна Иоанновна в своей грамоте 10 марта 1733 г. императору Карлу VI написала о направлении в ВКЛ Юрия Ливена, который должен был распространять тут пункты против избрания будущим королем Станислава Лещинского. Интересно, что при этом не раскрывались планы о предложениях поддержки кандидатом «пястом» в их конкуренции о короне, а наоборот, заявлялось о поддержке кандидатуры португальского инфанта дон Мануэля⁶¹. Наверное, был информирован об этой миссии Ливена и прусский посол в Петербурге Мардефельд. Ведь он поспешил переслать в Берлин информацию, что российская царица через Ливена обещает поддержку к выбору монархом Речи Посполитой

⁵⁸ *Sliesoriūnas F.* Georgo von Lieweno misija Lietuvoje 1733 m. pavasarį. Rusijos bandymas išskelti jai priimtino «Piasto» kandidatūrą į Lenkijos ir Lietuvos valdovo sostą priešpaskutinio tarpuvaldžio metu // *Istorijos Akiračiai*. Vilnius, 2004. P. 295–296; Неизвестно, эта ли была настоящая причина. Неприязнен был кандидатуре «пяста» и Карл Густав Левенвольде, который во время переговоров о заключении союза с Австрией и Пруссией в марте 1732 г. заявил, что никто из «пястов» не подходит для избрания монархом Речи Посполитой. *Kosińska U.* Kandydatura Emanuela Portugalskiego (Don Manuela de Bragança) do tronu polskiego w latach 1729–1733 // *Wokół wolnych elekcji w państwie polsko-litewskim XVI–XVIII wieku. O znaczeniu idei wyboru — między prawami a obowiązkami* / red. M. Markiewicz, D. Rolnik, F. Wolański. Katowice, 2016. S. 439.

⁵⁹ Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // *Русский вестник*. 1841. № 4. С. 132–133.

⁶⁰ *NHStA Wien*. Russland. Sygn. II 9. P. 108v, 109v–110.

⁶¹ Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // *Русский вестник*. 1841. № 4. С. 158–160. *GStA. I NA Geheimer Rat/Rep.* 11. Nr 6716. P. 63.

братьям Михаилу и Янушу Вишневецким, Павлу Сангушке и Казимиру Огинскому⁶².

Михаил Вишневецкий выделялся среди магнатов ВКЛ. После назначения в 1730 г. региментарием ВКЛ из-за незанятости урядов гетманов под руководством Вишневецкого оказалось войско ВКЛ. Это выводило его на ведущие роли в ВКЛ. Это не осталось без внимания политиков в Петербурге. Российское правительство, высылая Ливена в ВКЛ, считало, что «у князя Вишневецкого яко нынешнего великого канцлера и региментаря литовского по всем видам сильная партия в Литве будет»⁶³. Михаил Вишневецкий выступал против создания конфедераций. Не поддержал он и конфедерацию Теодора Любомирского. Наоборот, Вишневецкий предлагал примасу уничтожить ее с помощью армии ВКЛ. Одновременно обнадеживал Теодора Потоцкого, что и шляхта ВКЛ выступит против подобных конфедераций⁶⁴.

Кроме передачи писем Ливен имел приказ посетить и других магнатов, чтобы узнать их настроения относительно выбора будущего монарха Речи Посполитой. Все эти магнаты представляли антикоролевскую оппозицию ВКЛ Августу II и ранее сотрудничали с Россией. Среди этих магнатов были меречский староста Антоний Казимир Сапега, вильковский староста Юрий Фелициан Сапега, витебский воевода Мартин Огинский, смоленский епископ Богуслав Гонсевский и иные⁶⁵. Наверное, им Ливен и передал 6 подготовленных Андреем Остерманом писем. Их адресатов в Княжестве Ливен должен был определить самостоятельно и подписать на конвертах⁶⁶.

Прибыв в марте 1733 г. в ВКЛ, Ливен послал на вилькомирский и ковенский передконвокационные сеймики информацию о позиции России относительно выборов будущего короля Речи Посполитой⁶⁷. Сам Ливен

⁶² GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.g.1. Vol. I. B.p.

⁶³ *Sliesoriūnas F. Georgo von Lieweno misija Lietuvoje 1733 m. pavasarį. Rusijos bandymas iškelti jai priimtino «Piasto» kandidatūrą į Lenkijos ir Lietuvos valdovo sostą priešpaskutinio tarpvaldžio metu // Istorijos Akiračiai. Vilnius, 2004. P. 294.*

⁶⁴ Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // Русский вестник. 1841. № 4. С. 174; *Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. Дополнение. М., 1862. С. 63; Archives diplomatiques de La Courneuve. Pologne. Nr 202. P. 157v.*

⁶⁵ *Sliesoriūnas F. Georgo von Lieweno misija Lietuvoje 1733 m. pavasarį. Rusijos bandymas iškelti jai priimtino «Piasto» kandidatūrą į Lenkijos ir Lietuvos valdovo sostą priešpaskutinio tarpvaldžio metu // Istorijos Akiračiai. Vilnius, 2004. P. 295.*

⁶⁶ Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Ф. 36. Оп. 1. Д. 74. Л. 76 об.

⁶⁷ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 17. Л. 59.

в Ковно прибыл уже после сеймиков (20 марта 1733 г.). Там узнал, что о троне Речи Посполитой стараются надворный маршалок ВКЛ Павел Сангушко и виленский воевода Казимир Огинский, которые были адресатами привезенных им писем. Об Огинском, правда, шляхта со смехом говорила, что он и сам очень хочет быть королем, но его жена больше к этому стремится и старается⁶⁸.

Ливен, узнав о совещании магнатов ВКЛ в Гродно, направился туда, чтобы передать письма и поговорить с Михаилом Вишневецким. 23 марта 1733 г. Ливен прибыл в Гродно, но уже не застал там Михаила Вишневецкого. Зато встретился с Казимиром Огинским, который проводил здесь совещание своего рода. Огинские заявили о своей приверженности России. Благосклонного Лещинскому витебского воеводу Мартина Огинского публично перед Ливеном заставили отказаться от поддержки его кандидатуры. Виленский воевода Казимир Огинский не был против кандидатуры саксонского курфюрста Фридриха Августа, но в сложившейся ситуации в ВКЛ хотел выбора королем «пяста». Огинский заявил, что вместе с сыном Юзефом, как воеводы, на элекционный сейм поведут десять⁶⁹ поветов. Чтобы эта шляхта действовала согласно его желанию и не была перекуплена французскими деньгами, необходима была финансовая помощь России. В поддержке Лещинского и сотрудничестве с французским послом Казимир Огинский обвинял бывших своих союзников Сапег. Одновременно заявляя, что и Михаил Вишневецкий согласится на выбор королем Лещинского, если его выбор поддержит вся шляхта. Кроме того, виленский воевода заявил, что претензии на корону имеет родственник Вишневецкого Михаил Казимир Радзивилл. Из разговора с виленским воеводой Ливен понял, что Огинский сам бы хотел претендовать на корону. В отличие от Вишневецкого и Сангушки Ливен не имел полномочий говорить с Огинским о поддержке кандидатуры того на престол. Ливен считал кандидатуру Огинского маловероятной из-за слабой популярности среди шляхты⁷⁰.

⁶⁸ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 17. Л. 59 об.; *Sliesoriūnas F. Georgo von Lieweno misija Lietuvoje 1733 m. pavasarį. Rusijos bandymas iškelti jai priimtino «Piasto» kandidatūrą į Lenkijos ir Lietuvos valdovo sostą priešpaskutinio tarpuvaldžio metu* // *Istorijos Akiračiai*. Vilnius, 2004. P. 300.

⁶⁹ На самом деле девять: 5 — в Виленском воеводстве, 4 — в Трокском воеводстве.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 17. Л. 61 об. — 62; GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.k. P. 51; *Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Roski. Sygn. I/59. Ю. Огинский да Я. Беганского, 30.03.1733, Гродно, к. 8; Sliesoriūnas F. Georgo von Lieweno misija Lietuvoje 1733 m. pavasarį. Rusijos bandymas iškelti jai priimtino «Piasto» kandidatūrą į Lenkijos ir Lietuvos valdovo sostą priešpaskutinio tarpuvaldžio metu* // *Istorijos Akiračiai*. Vilnius, 2004. P. 301.

Станислав Лещинский. Художник Жан-Батист ван Лоо

Возможно, что Ливен превысил свои полномочия и предложил поддержку России на пути к короне Казимиру Огинскому. Во всяком случае в ВКЛ появились слухи, что Ливен обещал Огинскому российскую поддержку в случае, если тот будет добиваться трона Речи Посполитой⁷¹. Правда, по наблюдениям самого Ливена, виленского воеводу скорее можно было отнести к сторонникам саксонского курфюрста, но в обстановке всеобщей поддержки шляхтой кандидатуры «пяста» Огинский скрывал эту свою приверженность Фридриху Августу⁷². Ливен считал необходимым для России сотрудничать с Огинским. После того как Казимир Огинский тяжело заболел и не было надежды на его выздоровление, Ливен советовал написать о поддержке российских интересов к трокскому воеводе Юзефу, который фактически возглавил род Огинских⁷³.

Необходимо обратить внимание, что неприязненно относившийся к магнатам ВКЛ российский посол Фридрих Казимир Левенвольде не участвовал в формировании целей и задач миссии Ливена. Он в это время, наоборот, склонялся к поддержке кандидатом «пяста» кого-нибудь

⁷¹ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 8. Л. 373 об. — 374; HHStA Wien. Polen. Sygn. II 8. P. 195.

⁷² АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 17. Л. 61 об. — 62; Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // Русский вестник. 1841. № 4. С. 173; *Sliesoriūnas F. Georgo von Lieweno misija Lietuvoje 1733 m. pavasarį. Rusijos bandymas iškelti jai priimtino «Piasto» kandidatūrą į Lenkijos ir Lietuvos valdovo sostą priešpaskutinio tarpvaldžio metu* // Istorijos Akiračiai. Vilnius, 2004. P. 304.

⁷³ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 17. Л. 82.

из коронных магнатов, например краковского каштеляна Януша Вишневецкого и коронного маршалка Юзефа Мнишка. Именно Мнишек получил самые лестные оценки Фридриха Казимира Левенвольде. Юзеф Мнишек был тестем влиятельного киевского воеводы Юзефа Потоцкого, что давало надежды российскому послу с помощью того разрушить союз Потоцких и Чарторийских. Поэтому не случайно Левенвольде заявил Мнишку о поддержке его кандидатуры на трон в присутствии Юзефа Потоцкого. Киевский воевода оказался в ситуации, когда должен был решить, кого поддержать: собственного тестя или Станислава Лещинского, которого поддержала магнатская группировка Потоцких. Самому Юзефу Потоцкому Левенвольде обещал поддержку в получении уряда великого коронного гетмана⁷⁴.

Фридрих Казимир Левенвольде вместе с австрийским послом Генрихом Вильчеком в начале марта 1733 г. вынашивали планы составить группировку из магнатов, которая должна была стараться об исключении из круга кандидатов на престол Станислава Лещинского. В ней Левенвольде видел Януша Вишневецкого, Теодора и Ежи Любомирских, которых привлек к сотрудничеству с союзниками австрийский посол Вильчек. Относительно бывших сторонников России из ВКЛ Левенвольде был категоричен: «насупротив же того надлежит, безчестно отступивших обманщиков и изменников литвян, на все полученные благодеяния, несмотря, ежели возможно, сократить и сильное соседство дать возчувствовать, еже довольно их к покорству привести возможно»⁷⁵.

Еще один представитель России в Речи Посполитой Франтишек Даревский 4 марта 1733 г. сообщал, что провел новые переговоры с лидерами антикоролевской оппозиции в ВКЛ. Даревский был уверен, что сложно представить, чтобы участники антикоролевской оппозиции времен Августа II сейчас приняли сторону противников России. Даревский пересказывал письмо от меречского старосты Антония Казимира Сапеги от 25 февраля 1733 г. из Гродно, где в постскриптуме написал несколько слов и витебский воевода Мартин Огинский. Со слов Даревского, лидеры антикоролевской оппозиции жалели, что действовали против российских интересов. Сейчас они интересовались, что должны сделать на конвока-

⁷⁴ Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // Русский вестник. 1841. № 4. С. 169; *Герье В.* Борьба за польский престол в 1733 году. Дополнение. М., 1862. С. 49.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 8. Л. 216 об. — 217.

ционном⁷⁶ сейме в российских интересах. Кроме того, информировали о своих совещаниях с Михаилом Вишневецким в Гродно⁷⁷. В этом письме Даревскому Антоний Казимир Сапега жаловался, что письменно не может объяснить всего, и откладывал решение по различным вопросам до конвокационного сейма, где будут приняты решения в присутствии всех их сторонников⁷⁸. Даревский напоминал, что этим четверем бывшим сторонникам России необходимо было компенсировать их расходы на последних двух сеймах Речи Посполитой в размере 2 тысяч червонных злотых⁷⁹. Фридрих Казимир Левенвольде считал, что присутствие Даревского нужно в ВКЛ. Сам Даревский спрашивал решения царицы Анны Иоанновны. Считал, что его поездка в ВКЛ возможна только в случае, если будет иметь письмо к Михаилу Вишневецкому и деньги на расходы на прошлых сеймах Речи Посполитой для Сапег, Огинских, Гонсевского и для угощения шляхты⁸⁰. В середине марта 1733 г. Даревский передавал слухи, что в ВКЛ сторонники Лещинского собирались организовать конфедерацию, но не сумели из-за сопротивления Михаила Вишневецкого. Предполагалось, что в ответ на действия сторонников Лещинского может быть создана приверженная России и Австрии конфедерация, которая будет еще более значительной. Для ее создания необходимо будет только прислать незначительную сумму денег⁸¹. Возможно, что Даревский в виде таких слухов передавал информацию о переговорах магнатов ВКЛ в конце февраля 1733 г. в Гродно⁸².

Феликс Слесарюнас обращает внимание на еще один аспект, что идея создания конфедерации в ВКЛ была идеей российского посла Фридриха Казимира Левенвольде и была согласована с австрийским послом Генрихом Вильчеком. Эта их идея не была утверждена в Петербурге. Именно поэтому присланному в ВКЛ Юрию Ливену не было приказа

⁷⁶ Конвокационный сейм проводился во время бескоролья. На нем определялись место и время выборов короля, выработывались условия, которые представлялись кандидату на трон. Выборы послов на этот сейм происходили на передконвокационных сеймиках.

⁷⁷ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 11. Л. 32–32 об., 35; Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. Дополнение. М., 1862. С. 127.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 11. Л. 35.

⁷⁹ Там же. Л. 34 об.

⁸⁰ Там же. Л. 34–34 об.

⁸¹ Там же. Л. 32 об.

⁸² Подробнее об этой встрече: Мацук А. Пазіцыя магнатаў і шляхты ВКЛ у пачатку бескаралеўя 1733 г. // БГЧ. 2011. № 7. С. 4.

создавать такие конфедерации в ВКЛ⁸³. Настоящая позиция российского правительства относительно конфедераций имела определенные отличия от позиции их посла и была изложена ему в рескрипте от 19 марта 1733 г. В случае если конфедерации в ВКЛ, как краковская в Короне, в своих формулировках исключают от кандидатов к короне как Станислава Лещинского, так и Фридриха Августа: «Пиаста и такой, который с ними в равенстве находится, в короли избран быть мог». В таком случае приказывалось конфедерации «всякими удобными способами под рукою подкреплять и пословицу памятовать: что в мутной воде наилучше рыбу ловить»⁸⁴. В то же время нигде нет информации о том, что Россия выступала инициатором таких конфедераций. Получается, что Россия была готова использовать враждебные Лещинскому конфедерации, но не создавать их. В такой ситуации было очень сомнительно их создание без поддержки России в ВКЛ.

Миссия Ливена в это время развивалась дальше. 30 марта 1733 г. Ливен выехал из Гродно для посещения магнатов ВКЛ. До 15 апреля 1733 г., когда Ливен вернулся в Гродно, он посетил Михаила Вишневецкого, Михаила Казимира Радзивилла, Богуслава Гонсевского, Мартина Огинского, мстиславского каштеляна Самуэля Лозового и витебского каштеляна Юрия Тышкевича. Всех Ливен агитировал против выбора королем Станислава Лещинского и в пользу кандидатуры «пяста». Главное, Ливен встретился с Михаилом Вишневецким, который, прочитав письмо Анны Иоанновны, поблагодарил ее за него и за положительное отношение к Речи Посполитой. От предложенной короны Михаил Вишневецкий, однако, отказался. Относительно кандидатуры своего брата Януша высказался, что не может сам отвечать за него на такое предложение. Ливен в своей реляции добавлял, что из слухов знает, что генеральный региментарий и канцлер ВКЛ выступает против кандидатуры брата Януша, ведь в таком случае согласно закону не сможет получить уряд великого гетмана ВКЛ. Одновременно Вишневецкий категорически выступал против выбора будущим королем Станислава Лещинского или кого-либо из французских сторонников. Особенно враждебен Вишневецкий был кандидатуре русского воеводы Августа

⁸³ *Sliesoriūnas F.* Georgo von Lieweno misija Lietuvoje 1733 m. pavasarį. Rusijos bandymas iškelti jai priimtino «Piasto» kandidatūrą į Lenkijos ir Lietuvos valdovo sostą priešpaskutinio tarpuvaldžio metu // *Istorijos Akiračiai*. Vilnius, 2004. P. 297.

⁸⁴ Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // *Русский вестник*. 1841. № 4. С. 170–172.

Чарторийского⁸⁵. Ливен заметил, что, несмотря на негативное отношение брата, кандидатура Януша Вишневецкого пользовалась в ВКЛ значительной поддержкой: «мнят что каштеляну краковскому меньше всех спорить будут»⁸⁶. В свою очередь австрийский посол Вильчек старался удержать сотрудничество между братьями Вишневецкими, ведь возможный конфликт между ними сильно ослабил бы позиции противников Лещинского⁸⁷.

Далее Ливен встретился с Михаилом Казимиром Радзивиллом, который также обещал поддержку России. Хотел Михаил Казимир Радзивилл сотрудничать с союзницей России Австрией. Причиной была, как считалось, планируемая свадьба его брата Иеронима Флориана с внучкой пфальцграфа рейн-пфальцского Карла Филиппа Марией Франтишкой, которая поддерживалась императором. Ведь ранее Австрия поддерживала Радзивиллов в их конкуренции за «нейбургские владения»⁸⁸. Также свою поддержку России обещали меречский староста Антоний Казимир и вильковский староста Юрий Фелициан Сапеги. Хотя ходили слухи, что Сапеги, кроме надворного подскарбия ВКЛ Юзефа Франтишка Сапеги, поддерживали Станислава Лещинского. Меречский староста опроверг это. В доказательство приводил доводы, что не может поддерживать Лещинского вопреки отношению России, так как имеет свои владения на границе с ней. Вильковский староста вообще заявил, что информация о поддержке Сапегами Лещинского распространяется их врагами. Смоленский епископ Богуслав Гонсевский заявил о своем приятном отношении к России и тоже опроверг свою принадлежность к сторонникам Лещинского. Сам Ливен замечал, что информацию о приверженности Лещинскому Сапег получил от Казимира Огинского. А тот в свою очередь дружит со Станиславом Понятовским и Чарторийскими, а Сапеги, наоборот, враждуют с «Фамилией»⁸⁹. В свою очередь 14 апреля 1733 г.

⁸⁵ Литовский историк Феликс Слесарюнас считает, что Вишневецкий категорически не отказался от конкуренции за выбор королем. Заявил, что не ищет корону, но отдавал все на волю Бога. *Sliēsoriūnas F. Georgo von Lieweno misija Lietuvoje 1733 m. pavasarį. Rusijos bandymas iškelti jai priimtino «Piasto» kandidatūrą į Lenkijos ir Lietuvos valdovo sostą priešpaskutinio tarpuvaldžio metu // Istorijos Akiračiai. Vilnius, 2004. P. 302–303.*

⁸⁶ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 17. Л. 62 об.

⁸⁷ GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.b.1. Vol. I. P. 32.

⁸⁸ Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dz. IV. Sygn. 860. K. 27; Lietuvos Mokslų Akademijos biblioteka. F. 17. B. 19. P. 68.

⁸⁹ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 17. Л. 62 об.; *Герье В.* Борьба за польский престол в 1733 году. Дополнение. М., 1862. С. 136–137; GStA. I HA Geheimer Rat/ Rep. 11. Nr 6716. P. 94–94v. Фамилия — название магнатской группировки Чарторийских и их родственников Понятовских.

Антоний Казимир Сапега написал письмо Остерману. В нем благодарил за поддержку Россией Речи Посполитой и обещал донести информацию об этом во время сейма примасу Теодору Потоцкому, как руководителю государства во время бескоролья⁹⁰. В результате во время своих путешествий по Княжеству Ливену не удалось только встретиться с надворным маршалком ВКЛ Павлом Сангушкой, который находился на Волыни. Однако Ливен знал, что вместе действуют Павел Сангушко и надворный подскарбий ВКЛ Юзеф Франтишек Сапега. Именно поэтому он направился к Сапеге, так как времени самому поехать на Волынь не было⁹¹. В общем все магнаты и шляхта ВКЛ спрашивали Ливена: «Кому Ваше Императорское Величество корону полскую желаете?» На вопрос он ничего определенного не отвечал, только согласно инструкции говорил: чтобы такой кандидат не нарушил мир между Россией и Речью Посполитой⁹². Подводя итоги своих поездок, Ливен 21 апреля 1733 г. высказал сомнения в преданности магнатов и шляхты ВКЛ, так как их могли подкупить за деньги сторонники Франции⁹³. Ливен считал, что только конвокационный сейм покажет настоящую принадлежность магнатов ВКЛ к той или иной партии⁹⁴. Подводя черту под своей миссией, Ливен заявлял, что «не ручается» за приверженность к России и ее интересам магнатов ВКЛ⁹⁵.

Главный адресат миссии Ливена Михаил Вишневецкий 13 апреля 1733 г. написал письмо в ответ Анне Иоанновне. Вишневецкий благодарил за письмо российскую царицу, а особенно за переданные устные заявления о дружественном отношении к Речи Посполитой. Вишневецкий заявлял, что сейчас, после передконвокационных сеймиков, решил переслать письмо царицы примасу Теодору Потоцкому, как главе государства, и другим присутствующим в Варшаве сенаторам. Делал так Вишневецкий, с его слов, чтобы позиция российской царицы была представлена на конвокационном сейме⁹⁶. Это были только общие декларации, а насколько зависела Россия в это время от поддержки Михаила Вишневецкого, свидетельствует тот факт, что даже неприязненный

⁹⁰ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 4. Л. 5–6.

⁹¹ Там же. Д. 17. Л. 62; *Sliesoriūnas F. Georgo von Lieweno misija Lietuvoje 1733 m. pavasarį. Rusijos bandymas iškelti jai priimtino «Piasto» kandidatūrą į Lenkijos ir Lietuvos valdovo sostą priešpaskutinio tarpvaldžio metu // Istorijos Akiračiai. Vilnius, 2004. P. 304.*

⁹² АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 17. Л. 62 об.

⁹³ Там же. Д. 17. Л. 84.

⁹⁴ Там же. Л. 62 об.

⁹⁵ *Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 183.*

⁹⁶ Biblioteka Jagiełńska. Akcesja. Sygn. 122/51. K. 14v–15.

ему российский посол Фридрих Казимир Левенвольде в своей рееляции от 13 апреля 1733 г. высказал пожелание, чтобы миссия Ливена в ВКЛ принесла успех. Тем более передавал слухи, что Михаил Вишневецкий написал примасу о своей поддержке кандидатуры Станислава Лещинского. В такой ситуации считал, что «без того упрямого человека все представления мало предуспевать будут». Левенвольде давал оценку и другим адресатам миссии Ливена. Огинский был у шляхты «не в таком почтении и кредите, чтоб от него какой ожидать пользы можно было, или в том надеяться, что он иногда обещать будет». Сангушко действительно не был замечен в каких-либо враждебных группировках, но то не его политическая позиция, а безразличие. При нынешней ситуации он не только о себе, но и об ином кандидате сильно стараться не будет⁹⁷. Фактически Левенвольде сомневался в предлагаемых в Петербурге кандидатах, кроме Михаила Вишневецкого. Наверное, кандидатура Михаила Вишневецкого и дальше пользовалась поддержкой определенной части российского правительства. Французский представитель в Петербурге Маньян еще 26 мая 1733 г. был уверен, что Россия будет поддерживать кандидатом на трон Речи Посполитой именно Михаила Вишневецкого⁹⁸.

В Варшаве также развернулась дискуссия между российским и австрийским послами. Левенвольде просил конкретного ответа: кандидатуру дона Мануэля или «пяста» надо поддержать? Если «пяста», то определить конкретного кандидата. Вильчек отказывался дать конкретный ответ из-за отсутствия соответствующих инструкций от императора. Такими возможными кандидатами «пястами» назывались Сангушко или Вишневецкие. Однако они были слабыми, чтобы победить в выборах против Лещинского. Причем Вишневецкие могли согласиться и на кандидатуру своего родственника Михаила Казимира Радзивилла, но все равно их группировка была бы слаба, чтобы достичь успешного избрания его королем⁹⁹. Одновременно было известно, что австрийскому послу Генриху Вильчеку было приказано, чтобы он всякими средствами препятствовал возможному выбору королем Михаила Казимира Радзивилла.

⁹⁷ Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // Русский вестник. 1841. № 4. С. 172–173. Сама Анна Иоанновна считала необходимым 11 июня 1733 г. ответить на ранее присланные письма от виленского воеводы Казимира Огинского, его жены Элеоноры и дочери Алены. Всем им Анна Иоанновна обещала российскую поддержку. Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Ф. 36. Оп. 1. Д. 74. Л. 328 об.

⁹⁸ СИРИО. Т. 81. Петербург, 1892. С. 644.

⁹⁹ GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.a.1. В.р. GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.k. P. 83v.

Хотя и было маловероятно, что это допустят влиятельные Сапеги, которые были враждебно настроены к кандидатуре Радзивилла¹⁰⁰. Возможной причиной такой позиции австрийского правительства видятся планы женитьбы брата Михаила Казимира Радзивилла Иеронима Флориана на внучке пфальцграфа рейн-пфальцского Марии Франтишке. В такой ситуации в Вене не хотели бы видеть в Речи Посполитой короля, который имел бы родственником пфальцграфа рейн-пфальцского.

Появилась и иная кандидатура «пяста» — Якуб Собеский. Ее продвигали Сапеги и Павел Сангушко. Возможно, для обсуждения этой кандидатуры Павел Сангушко предлагал Юзефу Франтишку Сапеге, чтобы все заинтересованные магнаты перед конвокационным сеймом собрались для совещания. Лучшим местом считал Белую, которая была в собственности его сестры Анны из Сангушек Радзивилл, которая должна была постараться о приезде на эту встречу Михаила Вишневецкого. В свою очередь Юзеф Франтишек Сапега должен был привезти на эту встречу витебского воеводу Мартина Огинского. Сапега должен был постараться уговорить стражника ВКЛ Антония Поцея также действовать вместе с ними. Одновременно Сангушко категорически высказывался против кандидатуры Станислава Лещинского, выбора которого не допустят соседние государства. Францию и ее кандидата Лещинского поддержат Швеция и Османская империя, что приведет к превращению Речи Посполитой в театр боевых действий¹⁰¹. Похоже, Сангушко склонялся к другим кандидатам на корону. Так, 16 апреля 1733 г. он написал письмо сестре Анне Радзивилл, чтобы она приехала перед конвокационным сеймом для поддержки «Князя его Милости». Сангушко не опасался кандидатуры саксонского курфюрста и считал главным лишить возможности конкурировать за корону Станислава Лещинского¹⁰². Юзеф Франтишек Сапега продолжал поддерживать кандидатуру Якуба Собеского даже после передэлекционных сеймиков

¹⁰⁰ GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.b.1. Vol. I. P. 34v.

¹⁰¹ *Sliesoriūnas F. Georgo von Lieweno misija Lietuvoje 1733 m. pavasarį. Rusijos bandymas iškelti jai priimtino «Piasto» kandidatūrą į Lenkijos ir Lietuvos valdovo sostą priešpaskutinio tarpuvaldžio metu // Istorijos Akiračiai. Vilnius, 2004. P. 300; Archives diplomatiques de La Courneuve. Pologne. Nr 205. P. 56v — 58v; Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Roski. Sygn. LV/16. П. Сангушко да Ю.Ф. Сапегі, 25.03.1733, Ярослав, к. 7–11; Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Roski. Publica varia. Teka VII. B.p.*

¹⁰² Ежи Дыгдала считает, что под князем понимается Михаил Казимир Радзивилл. *Dygdała J. Urazone magnackie ambicje czy racja stanu? U źródeł opozycji wobec kandydatury Stanisława Leszczyńskiego w bezkrólewiu 1733 roku // Spory o państwo w dobie nowożytnej. Między racją stanu a partykularyzmem. Łódź, 2007. S. 189–190. Нам кажется, что это может быть Михаил и Януш Вишневецкие.*

Якуб Людвик Собеский

как «пяста»¹⁰³. Фридрих Казимир Левенвольде в своей реляции от 13 апреля 1733 г. заявил, что «ныне будто еще третья партия, однакож втайне, о том домогается, чтоб о принце Якове Собиеском, яко о посредстве, предложение учинить и его на престол возвести». Представить эту кандидатуру Левенвольде должен был Павел Сангушко. Кандидатура Собеского получила негативную оценку Фридриха Казимира Левенвольде из-за его старости (65 лет), так как будет править короткий срок в Речи Посполитой и снова надо будет активно вмешиваться в выборы нового короля. Более того, из-за старости, слабости здоровья и разума, а также влияния духовенства при нем нельзя будет ждать от него для соседей хорошего правления в Речи Посполитой¹⁰⁴. Негативно о кандидатуре Собеского еще в феврале 1733 г. высказался и австрийский посол Генрих Вильчек¹⁰⁵. Правда, австрийский и российский послы в Речи Посполитой еще в июле 1733 г. рассматривали кандидатуру Якуба Собеского возможным канди-

¹⁰³ *Matuszewicz M.* Diariusz życia mego. T. 1. Warszawa, 1986. S. 55; *Lisek A.* Działalność polityczna wojewody podlaskiego Michała Józefa Sapiehy i innych przedstawicieli tego Domu w okresie powtórnej elekcji Stanisława Leszczyńskiego w 1733 roku // *Sapiehowie epoki Kodnia i Krasieczyna.* Lublin, 2007. S. 414.

¹⁰⁴ Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // *Русский вестник.* 1841. № 4. С. 170–171. Информировал Петербург о конкуренции Якуба Собеского и Франтишек Даревский. Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Ф. 36. Оп. 1. Д. 74. Л. 200 об.; *Герье В.* Борьба за польский престол в 1733 году. Дополнение. М., 1862. С. 128–129.

¹⁰⁵ GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.a.1. В.р.

датом на трон Речи Посполитой¹⁰⁶. Последний раз о кандидатуре Якуба Собеского вспомнили в начале сентября 1733 г., когда Австрия и Россия предложили оппозиционным Лещинскому магнатам выбрать королем саксонского курфюрста. Эти магнаты (Януш Вишневецкий, Теодор и Ежи Любомирские, подольский воевода Стефан Хумецки), не желая поддерживать Фридриха Августа, заявили, что наиболее реальным конкурентом Станислава Лещинского среди «пястов» может быть Якуб Собеский. Австрийским послу Генриху Вильчеку и резиденту Франтишку Кинеру пришлось объяснить, что против его кандидатуры выступает Россия, которая не поддержит такого пожилого кандидата¹⁰⁷.

Тем временем, со слов Франтишка Даревского, Павел Сангушко помимо поддержки Собеского сам являлся кандидатом на трон. Даревский перечислял положительные пункты за его выбор: «понеже он тутмо един в своей фамилии и к тому ж он не горд, не злостен и не жаден и что он до того богат для содержания своего достоинства, присовокупя к тому доходы королевства»¹⁰⁸. Поддержка кандидатуры Сангушки пришла отсюда, откуда ее никто не ожидал. Левенвольде в своей реляции от 13 апреля 1733 г. передавал, что прусские послы не имели инструкций по поводу предстоящих выборов и денег. Правда, сам прусский король Фридрих Вильгельм I видел кандидатом на трон Речи Посполитой надворного маршалка ВКЛ Павла Сангушку. Сам Левенвольде не имел инструкций, как поступать относительно такой позиции Пруссии¹⁰⁹.

Все эти кандидаты «пясты» начинали отходить на второй план по сравнению с кандидатурой саксонского курфюрста. Еще в начале марта 1733 г. российский посол Фридрих Казимир Левенвольде получил от своего австрийского коллеги в Речи Посполитой Вильчека информацию, что император Карл VI не исключает среди кандидатов саксонского курфюрста. В результате австрийское правительство отказалось от поддержки кандидатуры дона Мануэля, несмотря на поддержку самого императора. Причиной была его слабая популярность среди магнатов и шляхты

¹⁰⁶ HHStA Wien. Polen. Sygn. II 9. P. 7, 9.

¹⁰⁷ *Dygdała J. Urażone magnackie ambicje czy racja stanu? U źródeł opozycji wobec kandydatury Stanisława Leszczyńskiego w bezkrólewiu 1733 roku // Spory o państwo w dobie nowożytnej. Między racją stanu a partykularyzmem. Łódź, 2007. S. 196–197; Od Augusta Mocnego do Augusta III Doniesienia z Warszawy Andrzeja Cichockiego z lat 1732–1734 / wydał J. Dygdała. Warszawa, 2016. S. 317.*

¹⁰⁸ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 11. Л. 33.

¹⁰⁹ Там же. 1733 г. Д. 8. Л. 375. Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // Русский вестник. 1841. № 4. С. 174.

Андрей Иванович Остерман

Речи Посполитой и позиция австрийских сановников, которые не видели никакой внешнеполитической пользы от поддержки кандидатуры дона Мануэля. В то же время кандидатура Фридриха Августа давала возможность перетянуть Саксонию на свою сторону и получить признание ею прагматической санкции¹¹⁰. Правда, еще 12 апреля 1733 г. Андрей Остерман в своем мемориале (также переданном австрийскому резиденту Гогенгольцу), перечисляя все плюсы кандидатуры саксонского курфюрста, в результате, однако, предлагал в ситуации острого конфликта между сторонниками Станислава Лещинского и Фридриха Августа образовать третью группировку и среди ее лидеров предложить кандидатуру на трон «пяста»¹¹¹. Насколько непросто Россия согласилась на кандидатуру Фридриха Августа, свидетельствует информация саксонского посла Яна Ле Форта. Согласно ей, против Фридриха Августа до конца выступали сторонники Пруссии Рейнгольд Густав Левенвольде и Андрей Остерман. В то же время Карл Густав Левенвольде обещал поддержать Фридриха Августа, а как довод в его пользу по сравнению с кандидатурой «пяста» называл возможность помощи от него, как саксонского курфюрста, в слу-

¹¹⁰ *Dydała J.* Dylematy austriackiej polityki wobec Rzeczypospolitej podczas bezkrólewia 1733 roku // *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Historia.* 1993. T. 28. S. 111–112.

¹¹¹ *Dydała J.* Gra pozorów: zabiegi dyplomacji cesarskiej o rosyjską interwencję zbrojną w Rzeczypospolitej w 1733 roku // *W cieniu wojen i rozbiorów. Studia z dziejów Rzeczypospolitej XVIII i początków XIX wieku / red. U. Kosińska, D. Dukwicz, A. Danilczyk.* Warszawa, 2014. S. 146.

чае разрыва России с Османской империей. Андрей Остерман предлагал поддержать вместо саксонского курфюрста кандидатуру кого-нибудь из «пястов»: Павла Сангушку, Михаила и Януша Вишневецких или Теодора Любомирского. По мнению Шимона Ашкенази, Анна Иоанновна решила дело в пользу саксонского курфюрста вопреки возможным кандидатам «пястам», которых предлагал Андрей Остерман, только после вмешательства братьев Левенвольде. Те проинформировали о секретном письме Януша Вишневецкого Юрию Трубецкому и о родстве возможных «пястов» Вишневецкого и Павла Сангушки, как Гедиминовичей, с Трубецкими, Голицыными и Куракиными, которые были оппонентами министров немецкого происхождения в России¹¹². Нам же кажется, что информация об этом письме была известна ранее, а в данном случае все решил политический расчет: возможность только группировки Фридриха Августа конкурировать с группировкой Станислава Лещинского и возможности получить возможную политическую пользу от сотрудничества с Саксонией, что не могли дать «пясты».

Окончательно на сторону кандидатуры Фридриха Августа Австрия и Россия склонились из-за результатов конвокационного сейма. К прибывшему в Варшаву 6 мая 1733 г. Карлу Густаву Левенвольде сразу обратилось много магнатов. Среди них был и Михаил Казимир Радзивилл, который прибыл от Михаила Вишневецкого, который сам не смог приехать из-за болезни. Радзивилл пересказал подробности разговора Вишневецкого с Теодором Потоцким, во время которого региментарий ВКЛ заявил, что не допустит выбора Лещинского королем и будет препятствовать ему всем войском ВКЛ. Сам Михаил Казимир Радзивилл также обещал действовать согласно интересам России. В случае, если Россия введет свои войска в Речь Посполитую, то Радзивилл просил не трогать его, а также родственников, владения в ВКЛ¹¹³.

Прибыв в Речь Посполитую, Карл Густав Левенвольде, как и его брат Фридрих Казимир, выступал против кандидатуры Фридриха Августа и за выбор будущим королем «пяста». Как информировал в своей реляции от 12 мая 1733 г. Генрих Вильчек, ему не удалось убедить их отказаться от

¹¹² Sächsisches Hauptstaatsarchiv, Dresden. Geheimes Kabinett. Loc. 3552. Vol.7. P. 92–93. *Askenazy S. Przedostatnie bezkrólewie // Dwa stulecia XVIII i XIX. Badania i przyczynki.* T. 1. Warszawa, 1901. S. 105–107.

¹¹³ *Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году.* М., 1862. С. 262–263; Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // *Русский вестник.* 1841. № 4. С. 189–190; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 20. Л. 138–138 об.; *Archives diplomatiques de La Courneuve. Pologne.* Nr 205. P. 68–68v.

поддержки «пяста» и поддержать Фридриха Августа¹¹⁴. Способствовало этому и затягивание переговоров Саксонии и России. Со слов Карла Густава Левенвольде, Россия готова поддержать кандидатуру «пяста». Во время конвокационного сейма он убеждал, что если не поддерживать согласованную кандидатуру дона Мануэля, то тогда надо поддерживать выбор королем «пяста»¹¹⁵. Левенвольде продолжали настаивать на своем. Во время во многом решающей их беседы с австрийским послом Вильчеком, которая состоялась 17 мая 1733 г., Карл Густав Левенвольде предложил, когда на конвокационном сейме будут приняты постановления об исключении иностранцев от права быть конкурентом на трон Речи Посполитой и, если не удастся провести выбор королем саксонского курфюрста, то согласовать возможных кандидатов «пястов». В таком случае Россия была только против утверждения пожилого кандидата «пяста», так как в таком случае через несколько лет она опять будет должна мобилизовать свою армию для выборов короля в Речи Посполитой. Лучшими кандидатами, по мнению Левенвольде, среди «пястов» были: Теодор Любомирский, Павел Сангушко, Михаил Казимир Радзивилл, Антоний Потоцкий, а еще лучше Франтишек Потоцкий. Левенвольде хотел, чтобы союзники (Австрия, Россия и Пруссия) решили, кого из них выбрать и поддержать деньгами. Генрих Вильчек, однако, отказался без согласия Карла VI принимать такие решения, тем более что согласно трактату было решено поддержать кандидатом на трон иностранного принца. Левенвольде не успокаивался и выступил с новыми предложениями поддержать Иеронима Флориана Радзивилла (который женился бы на внучке пфальцграфа рейн-пфальцского) или Франтишка Потоцкого (который женился бы на родственнице российской царицы, дочке мекленбургского курфюрста). Однако и на это Вильчек не мог взять на себя ответственность без консультаций с Веной. Вильчек только признал правильным озвученный Левенвольде главный принцип российской политики в отношении будущего короля Речи Посполитой: нужно выбрать короля, который будет благодарен своим выбором исключительно соседним государствам. Этим королем должен быть в таком случае «пяст», но позиция австрийского императора в это время была в выборе ино-

¹¹⁴ Strobl W. Österreich und der polnische Thron 1733. Wien, 1950 (phil. Diss. masch. — Universität Bibliothek Wien). S. 122; *Dydała J.* Gra pozorów: zabiegi dyplomacji cesarskiej o rosyjską interwencję zbrojną w Rzeczypospolitej w 1733 roku // W cieniu wojen i rozbiorów. Studia z dziejów Rzeczypospolitej XVIII i początków XIX wieku / red. U. Kosińska, D. Dukwicz, A. Danilczyk. Warszawa, 2014. S. 146.

¹¹⁵ HHStA Wien. Polen. Sygn. II 7. P. 224, 225.

странного принца кандидатом на трон Речи Посполитой¹¹⁶. Таким образом, становится понятным, что поддержка Россией выбора на престол Речи Посполитой «пяста» заключалась в желании иметь короля, который будет исключительно обязан ей своим выбором.

Во время конвокационного сейма с просьбой о защите от сторонников Лещинского к российскому послу Карлу Густаву Левенвольде обратились канцлер ВКЛ и генеральный региментарий ВКЛ Михаил Вишневецкий, надворный маршалок ВКЛ Павел Сангушко, новоградский воевода Николай Фаустин Радзивилл и конюший ВКЛ Михаил Казимир Радзивилл. Сам Левенвольде стремился создать группировку магнатов и шляхты, которая должна была обратиться к России с просьбой о защите «вольного голоса». В канцелярии российского посла был подготовлен манифест, который от их имени должен быть направлен к Анне Иоанновне. Однако магнаты и шляхта не согласились его подписать и поэтому он был направлен с общим выражением от «доброжелателей». Более того, манифест был дан для подписи Николаю Фаустину Радзивиллу и Юзефу Огинскому, но последний рассказал о нем примасу Теодору Потоцкому и ночью выехал в ВКЛ. Фактически, Юзеф Огинский такими действиями порвал сотрудничество с Россией. Кто был другими доброжелателями, возможно установить на основании присланного Левенвольде в Петербург списка тех, чьи имения не должны были трогать российские войска. В списке было 13 позиций. Среди них магнаты ВКЛ: 3. надворный маршалок ВКЛ Павел Сангушко; 5. Радзивиллы; 6. подлясский воевода Михаил Юзеф Сапега¹¹⁷.

Во время конвокационного сейма активно действовали магнаты, которые сами хотели получить корону Речи Посполитой. Они постарались, чтобы постановление сейма было сформулировано такими словами, чтобы исключить из числа кандидатов на трон не только саксонского курфюрста Фридриха Августа, но и Станислава Лещинского. Особенно

¹¹⁶ HHStA Wien. Polen. Sygn. II 8. P. 327–330. Под таким кандидатом понимался Якуб Собеский, которого кандидатура как раз не имела сопротивления в Вене. *Strobl W. Österreich und der polnische Thron 1733*. Wien, 1950 (phil. Diss. maschr. — Universität Bibliothek Wien). S. 64. Несмотря на это, негативно к его кандидатуре относился австрийский посол в Варшаве Вильчек. GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.a.1. В.р.

¹¹⁷ *Sliesoriūnas F. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė 1733–1736 metų tarpvaldžiu // Lietuvos Valstybė XII–XVIII a.* Vilnius, 1997. S. 371; *Kantecki K. Stronnictwo saskie w Polsce roku 1733: kilka rysów da charakterystyki ludzi i czasu // Niwa.* 1877. Rocznik 6. T. 11. S. 859; *Dygdala J. Dylematy austriackiej polityki wobec Rzeczypospolitej podczas bezkrólewia 1733 roku // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Historia.* 1993. T. 28. S. 115; *Герье В.* Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 268–270.

старался в этом направлении краковский каштелян Януш Вишневецкий. Во время конвокационного сейма он разорвал сотрудничество с примасом Теодором Потоцким и высказался за выбор королем «пяста», который живет в равенстве со шляхтой, не зависит от других государств и может выполнить соглашения с соседями. Понятно, что в таком случае из числа кандидатов на трон исключался Станислав Лещинский. Свою поддержку предложениям Януша Вишневецкого на конвокационном сейме высказали мереческий староста Антоний Казимир Сапега и краковский воевода Теодор Любомирский¹¹⁸. Очень похоже, что в русле их планов было провести выбор маршалком конвокационного сейма мереческого старосты Антония Казимира Сапегы. За его кандидатуру высказались Вишневецкие, Потоцкие, Радзивиллы, Огинские, Любомирский, Юзеф Мнишек и Павел Сангушко. Сапега обещал французскому послу Монти поддержать кандидатуру Лещинского. Правда, было известно о неодобрительном отношении к Лещинскому некоторых из Сапег во главе с подляским воеводой Михаилом Юзефом Сапегой. Да и поддерживали Антония Казимира Сапегу в большинстве сторонники кандидатуры «пяста», но выступавшие против того, чтобы им был Станислав Лещинский. Именно поэтому выбор Сапегы маршалком сейма финансово поддерживали австрийский и российский послы Вильчек и Левенвольде¹¹⁹. Однако большинство послов поддержали предложение сторонников Станислава Лещинского и сеймовым маршалком был избран их сторонник писарь ВКЛ Михаил Массальский. Конвокационный сейм закончился поражением для сторонников саксонского курфюрста и «пястов», которые сами мечтали о короне. Этот сейм принял постановление об исключении из числа кандидатов на корону иностранцев, что соответствовало и интересам кандидатов «пястов». Иное дело, что на этом сейме стало понятно, что кандидатом «пястом» почти вся шляхта Речи Посполитой видит

¹¹⁸ Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 235–236; *Strutyński J.* Sejm konwokacyjny roku 1733 // *Ruch Literacki*. 1877. Nr. 53. S. 404; *Szklarska E.* Kwestia wykluczenia cudzoziemca od tronu na sejmie konwokacyjnym 1733 r. // *Między Zachodem a wschodem. Studia ku czci profesora Jacka Staszewskiego*. Т. II. Toruń, 2003. S. 567–568; *Archives diplomatiques de La Courneuve. Pologne*. Nr 205. P. 68.

¹¹⁹ *Szklarska E.* Kwestia wykluczenia cudzoziemca od tronu na sejmie konwokacyjnym 1733 r. // *Między Zachodem a wschodem. Studia ku czci profesora Jacka Staszewskiego*. Т. II. Toruń, 2003. S. 564; *Archives diplomatiques de La Courneuve. Pologne*. Nr 204. P. 87–87v. Nr 205. P. 9v–10, 51–52, 53–56v. В пользу этой мысли говорит информация, что в дальнейшем Антоний Казимир Сапега рассматривался российским правительством, как один из возможных лидеров конфедераций против выбора королем Станислава Лещинского. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 3. Л. 69–70 об.

исключительно только одного Станислава Лещинского¹²⁰. Также такое решение было и поражением России и Австрии, которые оказались не в состоянии противодействовать популярности Станислава Лещинского, поддержанного Францией.

В это время австрийский посол Вильчек причисляет к группе «пястов», кроме Януша Вишневецкого, Павла Сангушко, Михаила Казимира Радзивилла, Теодора и Ежи Любомирских¹²¹. Согласно его иной информации конкурировали за корону из «пястов» Януш Вишневецкий, Павел Сангушко, Михаил Казимир Радзивилл, Теодор и Ежи Любомирские, Стефан Хумецкий¹²². Они по-разному оценивали результаты конвокационного сейма. В результате, как передавал Михаил Казимир Радзивилл, оба князя (одним с большой долей уверенности был Михаил Вишневецкий, а вторым или Януш Вишневецкий, или Павел Сангушко, или Николай Фаустин Радзивилл) не были удовлетворены результатами конвокационного сейма¹²³. Януш Вишневецкий даже поссорился с Михаилом Казимиром Радзивиллом из-за того, что тот тоже претендует на трон Речи Посполитой¹²⁴. В свою очередь Михаил Вишневецкий, кажется, не боролся за трон, но активно сотрудничал с иностранными послами. Не обошли вниманием его и саксонские послы, от которых получил, как бы займы его жене Текли, десять тысяч талеров¹²⁵.

¹²⁰ Szklarska E. Kwestia wykluczenia cudzoziemca od tronu na sejmie konwokacyjnym 1733 r. // *Między Zachodem a wschodem. Studia ku czci profesora Jacka Staszewskiego*. T. II. Toruń, 2003. S. 562.

¹²¹ *Dygdała J. Urazone magnackie ambicje czy racja stanu? U źródeł opozycji wobec kandydatury Stanisława Leszczyńskiego w bezkrólewiu 1733 roku // Spory o państwo w dobie nowożytnej. Między racją stanu a partykularyzmem*. Łódź, 2007. S. 192.

¹²² HHStA Wien. Polen. Sygn. II 8. P. 365.

¹²³ Адам Лисек предполагает, что речь идет о Николае Фаустине и Удальрике Радзивиллах. Однако в это время Михаил Казимир Радзивилл действовал вместе с Михаилом Вишневецким. Поэтому с большой долей уверенности можно говорить, что речь идет о Михаиле Вишневецком. Вторым мог быть его брат Януш Вишневецкий, что очень возможно, учитывая, что письмо было написано его дочери, жене Михаила Казимира Радзивилла. В то же время вторым «князем» мог быть как союзник Радзивиллов Павел Сангушко, так и новгородский воевода Николай Фаустин Радзивилл. *Lisek A. Postawa Radziwiłłów w okresie przedostatniego bezkrólewia i w pierwszych miesiącach wojny domowej (1733–1734) // Radziwiłłowie. Obrazy literackie. Biografie. Świadectwa historyczne / red. K. Stępnika*. Lublin, 2003. S. 360.

¹²⁴ Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dz. IV. Sygn. 623. А. Радзивилл до М.К. Радзивила, 08.08.1733, Члухов, к. 82–83.

¹²⁵ *Kantecki K. Stronnictwo saskie w Polsce roku 1733: kilka rysów da charakterystyki ludzi i czasu // Niwa*. 1877. Rocznik 6. T. 11. S. 708.

Николай Фаустин Радзивилл

Австрийский посол Вильчек обращал внимание на другое. Он считал причиной, что на конвокационном сейме не удалось создать конфедерацию против его решений об исключении иностранца из числа кандидатов на трон или объявить манифест против этого из-за несогласия между собой среди оппозиционных Лещинскому магнатов, которые делились на несколько групп: мечтают сами о короне (Януш Вишневецкий, Павел Сангушко, Михаил Казимир Радзивилл, Теодор и Ежи Любомирские), враждебны Лещинскому и Чарторийским (Михаил Вишневецкий, Юзеф Мнишек и Михаил Потоцкий), сторонники Фридриха Августа (Ян Александр Липский, Криштоф Шембек, Станислав Гозиюш, Ян Чапский, Юзеф Потулицкий, Людвик Шолдрский, Николай Фаустин Радзивилл, Михаил Юзеф Сапега, Ян Клеменс Браницкий и Криштоф Товяньский)¹²⁶. Прусские послы считали, что противниками Потоцких и Чарторийских была группировка, состоявшая из Радзивилла (наверное Николай Фаустин Радзивилл), Вишневецкие, Сангушко, Любомирский и подлясский воевода Михаил Юзеф Сапега¹²⁷. По-другому видел ситуацию российский представитель Франтишек Даревский. В своей реляции от 30 мая 1733 г. Даревский передавал о нежелании магнатов, кроме меречского старосты Антония Казимира Сапегы, искать российской помощи в определении

¹²⁶ Dygdała J. Urażone magnackie ambicje czy racja stanu? U źródeł opozycji wobec kandydatury Stanisława Leszczyńskiego w bezkrólewiu 1733 roku // Spory o państwo w dobie nowożytnej. Między racją stanu a partykularyzmem. Łódź, 2007. S. 192.

¹²⁷ GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.a.2. B.p.

кандидатуры будущего короля. По их мнению, это Россия должна была искать их дружбы, а не они у нее. Никто не хотел поддерживать кандидатуру саксонского курфюрста и в случае, если не удастся выбрать королем Станислава Лещинского, то склонялись к кандидатуре Павла Сангушки¹²⁸.

События конвокационного сейма заставили кандидатов «пястов» искать согласия между собой, чтобы удалось противостоять Лещинскому и его сторонникам. В конце мая 1733 г. Михаил Потоцкий представил от оппозиционных Лещинскому магнатов кандидатами на престол Речи Посполитой: Януша Вишневецкого, Павла Сангушку и Михаила Казимира Радзивилла. Австрия и Россия имели возможность выбрать одного из них, которого тогда поддержат и другие магнаты. Два других кандидата были готовы отказаться в пользу выбранного кандидата на трон. Послы попытались убедить, что только иностранный кандидат может победить Лещинского. Однако Потоцкий заявил, что такой кандидат никогда не получит поддержки от него. Януш Вишневецкий уверял, что только он из этих трех кандидатов может быть избран королем, так как в отличие от них имеет значительную поддержку среди шляхты. Согласно Владимиру Герье, среди них только трое согласились не мешать друг другу. Это были Михаил Вишневецкий, Павел Сангушко и Михаил Казимир Радзивилл. Правда, дальше при описании Левенвольде причин слабой поддержки кандидатов «пястов» Герье называет четырех кандидатов. Михаил Вишневецкий — из-за «старости и слабого здоровья». Его брат Януш — из-за «глупости и бешенства». В чем не отличался от него и Михаил Вишневецкий. Сангушко — из-за «непристойного поведения». Михаил Казимир Радзивилл — из-за «малого ума». На других кандидатов «пястов» Левенвольде считал невозможным рассчитывать, хотя они и заявляли о своей преданности российским интересам. Причинами были их трусость и переменчивость, а также нежелание уступить друг другу в конкуренции о короне¹²⁹. Вообще сам Карл Густав Левенвольде был очень недоволен Михаилом Вишневецким, который сначала подписал присягу об избрании королем только «пяста» и католика

¹²⁸ Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. Дополнение. М., 1862. С. 132; Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Ф. 36. Оп. 1. Д. 74. Л. 311 об.

¹²⁹ *Strutyński J.* Sejm konwokacyjny roku 1733 // *Ruch Literacki*. 1877. Nr. 50. S. 359; *Dydała J.* Urażone magnackie ambicje czy racja stanu? U źródeł opozycji wobec kandydatury Stanisława Leszczyńskiego w bezkrólewiu 1733 roku // *Spory o państwo w dobie nowożytnej. Między racją stanu a partykularyzmem*. Łódź, 2007. S. 192–193; Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 265–266. Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // *Русский вестник*. 1841. № 4. С. 226.

на конвокационном сейме с оговоркой. Потом по просьбе примаса удалил эту оговорку¹³⁰. Как можно полагать, на самом деле Карл Густав Левенвольде, как и его брат, просто неприязненно относился к Вишневецкому. Неизвестно, насколько все оппозиционные Лещинскому магнаты поддерживали этих кандидатов «пястов». Обращает на себя внимание тот факт, что все они имели значительное влияние среди шляхты ВКЛ. Если сравнить их со списком «пястов», которых перечислял Вильчек после конвокационного сейма, то окажется, что у этих кандидатов не было договора о согласованном кандидате только с Любомирским и Стефаном Хумецким. В таком случае выбору одного из них препятствовало решение Австрии и России поддержать кандидатуру Фридриха Августа.

10 июля 1733 г. в Петербурге на общее заседание в деле выборов короля Речи Посполитой собрались Кабинет министров, сенат и генералитет. Выслушав реляции российских послов в Речи Посполитой, выразили следующие предложения, которые были поддержаны вице-канцлером Андреем Остерманом и утверждены российской царицей Анной Иоанновной. Этих предложений было 7. Во-первых, вновь категорически заявлялось, что Россия не допустит выбора королем Станислава Лещинского и других французских сторонников. Россия не собирается вмешиваться в свободную элекцию, но будет защищать законы Речи Посполитой, согласно которым Лещинский лишен права конкурировать за трон. В этом деле предполагалось послать соответствующую грамоту, копии которой раздать предполагалось повсюду в Речи Посполитой. Во-вторых, если эти требования России не будут учтены, то, как и прежде, по приказу Карла Густава Левенвольде в Речь Посполитую могут быть введены войска. Причем время их входа должно было быть определено так, чтобы помешать выбору королем Станислава Лещинского в первые дни элекционного сейма, так как «понеже легче избранию его препятствовать, нежели избранного выгнать». В-третьих, предполагалось разослать манифесты, особенно в ВКЛ и другие пограничные воеводства, против элекции Лещинского, объявить протекцию сторонникам России и о входе российских войск, которые не будут обременять жителей Речи Посполитой, так как будут на собственном обеспечении. Кроме того, российские послы прилагали усилия для сохранения свободных выборов: «учинить в Литве и где удобность покажет, конфедерации». В-четвертых и в-пятых, определялись дополнительные средства на содержание этих войск и места их

¹³⁰ Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // Русский вестник. 1841. № 4. С. 226–227.

дислокации. В-шестых, вместе с протестантскими государствами предполагалось выступить в защиту диссидентов. В-седьмых, необходимо было объяснить Османской империи действия России в сохранении свободы королевских выборов в Речи Посполитой¹³¹. Таким образом, Россия в очередной раз подтвердила свою решимость с помощью оружия не допустить выбора королем Станислава Лещинского. Существенной переменной с предыдущим планом было решение создать в ВКЛ и других пригодных местах конфедераций в защиту «вольного голоса».

Среди обратившихся к Левенвольде во время конвокационного сейма был еще и меречский староста Антоний Казимир Сапега. В результате российское правительство выслало Ливена провести переговоры с Николаем Фаустином Радзивиллом и Антонием Казимиром Сапегой. 25 июня 1733 г. были написаны письма и самим этим магнатам, в которых утверждалось, что российское правительство благосклонно отнеслось к их обращениям к Левенвольде о помощи и для дальнейших переговоров посылает Ливена¹³². Эти письма были посланы Ливену 26 июня 1733 г. вместе с мемориалом к нему. Согласно мемориалу сначала Ливен был обязан отправиться к Николаю Фаустину Радзивиллу. Передав письмо Радзивиллу, Ливен должен был всеми возможными средствами убедить того создать конфедерацию против нарушения шляхетских вольностей на конвокационном сейме. Российское правительство просило убедить Николая Фаустина Радзивилла не бояться сторонников Станислава Лещинского, так как он находится под протекцией Анны Иоанновны, а российские войска, которые придут на помощь, уже находятся на границе ВКЛ. В мемориале особо подчеркивалось, что если Радзивилл покажет свою приверженность российским интересам, то Ливен был обязан обеспечить его нужными финансовыми средствами. Причем если не хватит выданных двух тысяч червонцев, то Ливен обязан был обратиться за дополнительными деньгами в Ригу¹³³. Потом Ливен должен был направиться к меречскому старосте Антонию Казимиру Сапеге и передать ему письмо от Анны Иоанновны. Во время переговоров с Сапегой Ливену советовалось быть менее

¹³¹ СИРИО. Т. 106. Юрьев, 1899. С. 321–323; Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // Русский вестник. 1841. № 4. С. 230–232; GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.g.1. Vol. I. B.p.; GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.g.1. Vol. II. B.p.

¹³² АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 3. Л. 69–70 об., 74–76, 83–83 об., 84–84 об.

¹³³ Там же. Д. 17. Л. 85–87 об.; Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 390; Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dz. IV. Sygn. 400. М.К. Радзивилл до А. Радзивилл, 16.04.1733, Несвиж, к. 18.

искренним, чем с новоградским воеводой. Хотя российское правительство и считало Антония Казимира Сапегу приверженным своим планам, так как тот входил в ту же группировку, что и враждебный Лещинскому подлясский воевода Михаил Юзеф Сапега. Ливен должен был узнать мнение Антония Казимира Сапеги и сам решит отдавать ему письмо или нет¹³⁴.

К Ливену в ВКЛ присоединился другой российский представитель Франтишек Даревский. Юрий Ливен и Франтишек Даревский приехали в ВКЛ в начале июля 1733 г. Миссия российских представителей закончилась частичным успехом. Михаил Казимир Радзивилл отказал Даревскому открыто выступить против кандидатуры Лещинского. Однако обещал подсказать, кого из шляхты можно подкупить, но отказался делать это сам¹³⁵. Союзник конюшего ВКЛ вильковский староста Юрий Фелициан Сапега также провел переговоры с Даревским. Был более склонным поддержать благосклонного России кандидата, но просил, чтобы российский представитель в этом деле провел переговоры с его братом надворным подскарбием ВКЛ Юзефом Франтишком Сапегой¹³⁶. Чем окончилась эта беседа, неизвестно, но дальнейшее пребывание Сапег среди сторонников Лещинского показывает, что российскому представителю Даревскому не удалось склонить их на сторону России. После возвращения от Юзефа Франтишка Сапеги Даревский направил всю свою деятельность на агитацию среди новоградской шляхты против кандидатуры Станислава Лещинского¹³⁷. Меречский староста Антоний Казимир Сапега высказал лишь общие декларации о поддержке российских планов, но отказался действовать в этом направлении. Мало того, заявлял, что не пойдет против всех, так как, наверное, все выскажутся в поддержку Лещинского. Если это не произойдет, то он будет только рад, что Лещинский не станет королем. Такое безразличие к интересам России вынудили Ливена, согласно инструкции, не передавать письмо Анны Иоанновны Антонию Казимиру Сапеге¹³⁸. Активно поддержал российские планы на сеймике и согласился создать конфедерацию против выбора Лещинского новоградский воевода Николай Фаустин Радзивилл¹³⁹. В результате на новоградском передзелек-

¹³⁴ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 17. Л. 87 об. — 88. *Герье В.* Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 390.

¹³⁵ *Герье В.* Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 392.

¹³⁶ Там же. С. 393.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. С. 394–395.

¹³⁹ *Соловьев С.* Сочинения. Кн. 10. Т. XIX–XX. М., 1993. С. 333; *Szklarska E.* Radziwiłł Mikołaj Faustyn // *Polski Słownik Biograficzny.* Т. XXX. Wrocław, 1987. S. 362.

ционном сеймике 15 июля 1733 г. шляхта протестовала против постановлений конвокационного сейма 1733 г. и создала конфедерацию в защиту «вольного выбора»¹⁴⁰. Вскоре присоединился к ней со своими сторонниками и конюший ВКЛ Михаил Казимир Радзивилл, который 4 августа 1733 г. написал царице с благодарностью за переданное полковником Даревским письмо. Сам Радзивилл и дальше обещал служить российским интересам¹⁴¹. Возможно, в это время окончательно принял сторону противников Лещинского Михаил Вишневецкий, который хранил это в тайне, потому что боялся примаса, который мог отобрать у него руководство войском ВКЛ и передать его Антонию Поцею¹⁴². В свою очередь его брат краковский каштелян Януш Вишневецкий продолжал надеяться на выбор королем как кандидат «пяст» и поэтому поддерживал постановления Генеральной конфедерации, созданной на конвокационном сейме¹⁴³.

За российские деньги Николай Фаустин Радзивилл привлекал шляхту к конфедерации Новоградского воеводства¹⁴⁴. Целью было создание Генеральной конфедерации, которую из-за боязни перед сторонниками Лещинского Радзивилл и его шурин мечник ВКЛ Игнат Завиша отложили на время элекционного сейма. Эта Генеральная конфедерация должна была требовать отмены как противозаконных постановлений конвокационного сейма 1733 г. об выборе будущим королем только католика и «пяста»¹⁴⁵. Надеялся Ливен, что при подходе российских войск к новообразованной конфедерации присоединится шляхта Вилькомирского, Волковысского, Лидского и Речицкого поветов¹⁴⁶.

¹⁴⁰ Подробнее о новоградской конфедерации: *Macuk A. Szlachta województwa nowogródzkiego wobec elekcji Stanisława Leszczyńskiego i Augusta III w 1733 roku // Przegląd Historyczny. 2005. Z. 1. S. 41–60.*

¹⁴¹ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 4. Л. 28–29.

¹⁴² О том, что это произошло во второй половине июля, свидетельствует реляция австрийского посла Вильчека от 4 августа 1733 г., в свою очередь он получил такую информацию от Левенвольде, которому сообщил об этом Ливен. ННStA Wien. Polen. Sygn. II 9. P. Iv.

¹⁴³ Archives diplomatiques de La Courneuve. Pologne. Nr 206. P. 297–298v; Lietuvos Mokslų Akademijos biblioteka. F. 139. B. 5178. Ю. Шпиловский до А.К. Сапеги, 26.07.1733. Варшава. P. 2v.

¹⁴⁴ *Lisek A. Postawa Radziwiłłów w okresie przedostatniego bezkrólewia i w pierwszych miesiącach wojny domowej (1733–1734) // Radziwiłłowie. Obrazy literackie. Biografie. Świadectwa historyczne / red. K. Stępnika. Lublin, 2003. S. 363.* Подробнее о новоградской конфедерации: *Macuk A. Szlachta województwa nowogródzkiego wobec elekcji Stanisława Leszczyńskiego i Augusta III w 1733 roku // Przegląd Historyczny. 2005. Z. 1. S. 41–60.*

¹⁴⁵ *Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 397.*

¹⁴⁶ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 17. Л. 95 об.; *Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 397.*

Ливен хотел, чтобы новоградская и минская шляхта включили в свои инструкции пункт с обязательством протестовать против избрания королем Станислава Лещинского. Николай Фаустин Радзивилл и Игнат Завиша отказались прямо протестовать, но обещали, что шляхта их воеводств (новоградского и минского) остановится за несколько миль от Варшавы и создаст там конфедерацию. После направят послов к примасу с просьбой согласно закону исключить Лещинского из числа кандидатов, освободить от присяги, принятой на конвокационном сейме, и сохранить свободный выбор короля. Если бы ответ примаса был положительным, то эти пункты стали бы основой созданной конфедерации. Если бы ответ Теодора Потоцкого был отрицательным, то была бы создана конфедерация против незаконных действий примаса¹⁴⁷. Согласно договору с Ливеном Николай Фаустин Радзивилл и Игнат Завиша обещали создать Генеральную конфедерацию против кандидатуры Станислава Лещинского, но откладывали это на более позднее время. Главной причиной такого промедления в письме от 13 августа 1733 г. Ливен называл страх «неописанно великой» Радзивилла и Завиши перед сторонниками Станислава Лещинского. Поэтому побудить их действовать активнее можно было, по мнению Ливена, только после входа российских войск в ВКЛ¹⁴⁸. Однако потом Радзивилл и Завиша отложили создание Генеральной конфедерации на время элекционного сейма. Они обещали, что, вместе со шляхтой своих воеводств, они не дойдут несколько миль до Варшавы и там создадут Генеральную конфедерацию. Перед этим Николай Фаустин Радзивилл только хотел выслать посольство к примасу Теодору Потоцкому, которое должно было требовать отмены как противоправных постановлений конвокационного сейма 1733 г. о выборе будущим королем только католика и «пяста»¹⁴⁹.

Для исполнения соглашения с российскими послами Николай Фаустин Радзивилл специально задерживал шляхту Новоградского воеводства в ее дороге на элекционный сейм¹⁵⁰. Причиной было то, что Николай Фаустин Радзивилл опасался, что новоградская шляхта на месте проведения элекционного сейма под влиянием настроений большинства шляхты Речи Посполитой изменит свою позицию и поддержит кандидатуру Ле-

¹⁴⁷ Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 397; Мацук А. Новоградская шляхта во время королевских выборов 1733 г. // «Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XVIII amžiuje: iššūkiai, laimėjimai, netektys». Т. 3. Vilnius, 2016. С. 18.

¹⁴⁸ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 17. Л. 95–96.

¹⁴⁹ Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 397.

¹⁵⁰ Там же. С. 445.

щинского. Кроме того, наверняка не исключал, что новоградскую шляхту может подкупить и французский посол маркиз Монти.

В результате новоградская шляхта, не доходя до Варшавы, выслала своих послов к примасу. Эти послы должны были просить от имени всего воеводства сохранить право «вольного голоса» на элекционном сейме. Соглашались выбрать королем «пяста», но только такого, выбор которого не принесет войны. Безусловно, что ответ на такие предложения был негативный. Более того, примас заявил о нарушении именно ими «вольного голоса» и незаконности постановлений новоградской конфедерации. В свою очередь такие действия новоградской шляхты получили положительную оценку Карла Густава Левенвольде: «литовския воеводства, сюда пребывшия, пребывают еще в постоянстве и нарочно приезда свой замедлили и токмо чрез депутатов вольнаго голоса требовали»¹⁵¹. В результате большинство новоградской шляхты не приняло участия в элекционном сейме, оставшись в варшавском предместье Праге. К ним вскоре присоединились иные противники Станислава Лещинского во главе с Михаилом Вишневецким, Михаилом Казимиром Радзивиллом, Павлом Сангушкой и Теодором Любомирским¹⁵².

Российское правительство хорошо понимало, что на элекционном сейме преимущество будут иметь сторонники Станислава Лещинского. В таком случае необходимо было, чтобы противники его кандидатуры оставили «избирательное поле» и провели выборы саксонского курфюрста Фридриха Августа. В конце августа—начале сентября 1733 г. в Варшаве проходили многочисленные совещания дипломатов России, Австрии, Саксонии с участием враждебных Лещинскому магнатов. Российские дипломаты утвердили план, который предложил австрийский посол Генрих Вильчек. Настоящим автором этого плана был краковский епископ и коронный подканцлер Ян Александр Липский. Понимая слабую поддержку кандидатуры Фридриха Августа среди шляхты и магнатов Речи Поспо-

¹⁵¹ Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III, в 1733 году // *Русский вестник*. 1841. № 4. С. 281; *Мацук А.* Новоградская шляхта во время королевских выборов 1733 г. // «Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XVIII amžiuje: iššūkiai, laimėjimai, netektys». Т. 3. Vilnius, 2016. S. 18–19.

¹⁵² Подробнее о позиции новоградской шляхты: *Macuk A.* Szlachta województwa nowogrodzkiego wobec elekcji Stanisława Leszczyńskiego i Augusta III w 1733 roku // *Przegląd Historyczny*. 2005. zeszyt 1. S. 41–60; *Мацук А.* Барацьба за перавагу ў навагрудскім каптуровым суддзе 1733 г. // *Людзі і ўлада Навагрудчыны: гісторыя ўзаемадзеяння (да 500-годдзя надання Навагрудку прывілея на магдэбургскае права): зб. навук. арт. / рэд-кал.: А. А. Каваленя [і інш.].* Мінск, 2013. С. 208–217; *Мацук А.* Новоградская шляхта во время королевских выборов 1733 г. // «Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XVIII amžiuje: iššūkiai, laimėjimai, netektys». Т. 3. Vilnius, 2016. S. 16–31.

литой, планировалось объединить оппозицию Лещинскому под лозунгом защиты «вольного выбора». Таким путем среди оппозиции остались бы магнаты, которые сами надеялись на избрание королем. Потом, когда станет понятно, что эти кандидаты «пясты» не в состоянии договориться и уступить друг другу, как компромисс будет предложена подходящая всем кандидатура Фридриха Августа¹⁵³. Несмотря на это, до последнего формированию группировки сторонников Фридриха Августа препятствовали амбиции некоторых «пястов», которые упорно продолжали конкурировать за трон Речи Посполитой. Российские и австрийские послы отказывали им в поддержке. Прусский посол Гофман информировал, что противные Лещинскому сенаторы не очень хотят «сложитъ голову» за саксонского курфюрста и считают, что лучше выбрать королем Сангушку или Вишневецкого¹⁵⁴. Так, Михаил Вишневецкий просил российскую царицу о поддержке выбора королем его брата Януша Вишневецкого, который имеет значительную поддержку среди шляхты. Анна Иоанновна благосклонно отнеслась к такому предложению и обещала поддержку, если шляхта выберет королем Януша Вишневецкого, но была убеждена, как и все российские сановники, что королем противники Лещинского выберут саксонского курфюрста Фридриха Августа¹⁵⁵. Кроме того, Януш Вишневецкий еще в начале сентября 1733 г. безуспешно добивался у австрийского резидента Кинера поддержки и денег, чтобы предложить на элекционном сейме свою кандидатуру¹⁵⁶. Отказ не остановил Януша Вишневецкого, который даже во время элекционного сейма объезжал воеводства с надеждой получить голоса шляхты в свою поддержку. Некоторые шляхтичи даже были готовы поддержать его, но категорически против выступали великопольские воеводства, которые называли Януша Вишневецкого таким же «интриганом», как и его брат Михаил¹⁵⁷.

¹⁵³ Dygdała J. Rywalizacja dyplomatów cesarskiego i francuskiego w Polsce 1733 roku — Heinrich Wilhelm Wilczek i Antonine-Félix de Monti // Polska wobec wielki konfliktów w Europie nowożytnej. Z dziejów dyplomacji i stosunków międzynarodowych w XV–XVIII wieku / red. R. Skowron. Kraków, 2009. S. 508.

¹⁵⁴ GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29. b.1. Vol. II. P. 213v. Еще одной причиной сопротивления магнатов ВКЛ выбору королем саксонского курфюрста было то, что выглядело это как наследство от отца к сыну. GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.g.1. Vol. II. P. 7.

¹⁵⁵ GStA. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.g.1. Vol. II. P. 31.

¹⁵⁶ Dygdała J. Urażone magnackie ambicje czy racja stanu? U źródeł opozycji wobec kandydatury Stanisława Leszczyńskiego w bezkrólewiu 1733 roku // Spory o państwo w dobie nowożytnej. Między racją stanu a partykularyzmem. Łódź, 2007. S. 196.

¹⁵⁷ Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 458; Od Augusta Mocnego do Augusta III Doniesienia z Warszawy Andrzeja Cichockiego z lat 1732–1734 / wydał J. Dygdała. Warszawa, 2016. S. 332.

После выборов королем Станислава Лещинского его противники перешли через Вислу в варшавское предместье Прагу. Среди них Януш Вишневецкий считался вероятным кандидатом на трон. Согласно diaryу Михаила Казимира Радзивилла кандидатура Януша Вишневецкого на трон до последнего была актуальной и только после его отказа избрали единогласно королем саксонского курфюрста¹⁵⁸. Отказ Януша Вишневецкого был вызван тем, что он не видел перспектив в выборе «в конфликте». Под этим конфликтом, наверное, понималось как противостояние со сторонниками Лещинского, так и несогласие на его кандидатуру всех противников Лещинского. Последнее было вызвано как частными амбициями других кандидатов «пястов», так и значительным количеством сторонников саксонского курфюрста во главе с Николаем Фаустином Радзивиллом и Игнатом Завишей, которые пользовались поддержкой российской армии.

Имели до последнего надежды быть избранным королем и другие «пясты», которые надеялись, что шляхта откажется поддержать Лещинского, а выберет их. До последнего был на элекционном сейме 1733 г. надворный маршалок ВКЛ Павел Сангушко и перешел к противникам Лещинского в варшавское предместье Прагу только утром 12 сентября 1733 г., так как «до этого времени ожидал, что часть голосов может быть будет в его пользу»¹⁵⁹. В результате все кандидаты «пясты» были вынуждены согласиться на выбор королем саксонского курфюрста Фридриха Августа. Фактически все закончилось согласно плану российских и австрийского послов (план Яна Александра Липского) и противники Лещинского, и «пясты» в итоге согласились на выбор королем Фридриха Августа. Его выбор произошел 5 октября 1733 г., а основой его избирателей стали магнаты ВКЛ и новоградская шляхта¹⁶⁰.

Таким образом, возможно сделать следующие выводы.

Уже с 20-х гг. XVIII в. Россия наиболее подходящим кандидатом на избрание новым монархом Речи Посполитой видела кандидата — «пяста». В первую очередь таким подходящим «пястом» были магнаты ВКЛ, которые являлись российскими сторонниками еще со времен Северной

¹⁵⁸ Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dz. VI. Sygn. 80a. K. 596; Дьярюш Князя Міхала Казімера Радзівіла Ваяводы Віленскага, Гетмана Вялікага В. К. Літ. // Спадчына. 1995. № 2. С. 61–62.

¹⁵⁹ Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 461.

¹⁶⁰ Мацук А. Новоградская шляхта во время королевских выборов 1733 г. // «Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XVIII amžiuje: iššūkiai, laimėjimai, netektys». Т. 3. Vilnius, 2016. С. 28–29.

войны. В последние годы правления Августа II это были представители антикоролевской оппозиции ВКЛ, которая состояла из родов Сапег, Огинских, смоленского бискупа Богуслава Гонсевского. Иное дело, что одновременно они были и сторонниками Франции и поддерживаемого ими кандидата Станислава Лещинского. В это время интересы Франции и России по срыву сеймов Речи Посполитой 1729–1733 гг., чтобы не дать укрепиться позициям короля Августа II, совпадали. Это давало возможность антикоролевской оппозиции в Княжестве успешно оставаться одновременно сторонниками Франции и России. Кандидатуру будущего монарха Речи Посполитой Россия стремилась согласовать со своими союзниками Австрией и Пруссией. В результате в заключенном 13 декабря 1732 г. трактате Левенвольде таким кандидатом назывался португальский инфант дон Мануэль, которого предложила Австрия. Можно сказать, что это был компромисс для заключения такого договора между Россией, Австрией и Пруссией. Российское правительство в большей мере склонялось к кандидатуре «пяста». Такими возможными «пястами» назывались Михаил и Януш Вишневецкие, Юзеф Мнишек и Павел Сангушко.

Россия оказалась не подготовленной к началу бескоролья 1733 г. Пророссийская и профранцузская антикоролевская оппозиция Августу II в ВКЛ с началом бескоролья приняла сторону Франции. Примирение Потоцких и Чарторийских стало полной неожиданностью для российского правительства, которое не смогло организовать новую значительную группировку магнатов и шляхты, которые были недовольны этим союзом Чарторийских и Потоцких и выступали против избрания королем Станислава Лещинского. Послом в Речи Посполитой оказался Фридрих Казимир Левенвольде, которому российское правительство не до конца доверяло. Именно он стал инициатором отказа от организации в Княжестве конфедераций, которые должны были заявить о незаконности конкуренции Станислава Лещинского. Левенвольде враждебно относился ко всем магнатам ВКЛ и, показав плохое ориентирование во внутривосточной жизни Княжества, не смог выделить группу магнатов и шляхты, которые были приятны России и выступали против кандидатуры Лещинского. Наоборот, с самого начала бескоролья он считал возможным достичь целей российской политики в Речи Посполитой в первую очередь с помощью силы — введения войск.

Российское правительство довольно быстро выработало новую политику в отношении выборов короля в Речи Посполитой. Основные пункты этой политики были сформулированы уже к концу марта 1733 г. Одновременно российское правительство стремилось действовать в Речи Посполи-

той согласно «трактату трех черных орлов» вместе со своими союзниками Австрией и Пруссией и поддержать кандидатом на трон предложенного императором португальского инфанта. Согласно трактату 1732 г. в случае отсутствия в Речи Посполитой поддержки дона Мануэля предполагалось выбрать «пяста». Уже с конца февраля 1733 г. российское правительство начало действовать в пользу кандидатуры такого «пяста». Именно поэтому в ВКЛ был направлен специальный российский представитель Юрий Ливен. Главной целью его поездки было предложить двум магнатам ВКЛ (Михаилу Вишневецкому и Павлу Сангушке) российскую поддержку в получении трона Речи Посполитой. С Сангушкой Ливену встретиться не удалось, а Михаил Вишневецкий отказался от такого предложения. Неодобрительно относились к кандидатуре Вишневецких и Павла Сангушки российские послы в Речи Посполитой братья Левенвольд. Причиной было родство Вишневецких, Сангушковых и Чарторийских, как Гедиминовичей, с представителями российской элиты Трубецкими, Куракиными и Голицыными. Вместо поддержки конкретных «пястов» Левенвольд по приказу российского правительства обещали поддержку всем возможным «пястам», которые должны были выбрать среди себя одного кандидата на трон. Такие российские обещания приводили к безосновательным надеждам на корону среди магнатов и на этой почве к конфликтам между ними. Это облегчало агитацию за Станислава Лещинского и Фридриха Августа.

Конвокационный сейм окончился полным поражением союзников Австрии и России. Принятое на нем решение об избрании будущим королем «пяста» и католика соответствовало интересам Станислава Лещинского. Принятое Австрией решение о поддержке саксонского курфюрста привело к трансформации российской политики. Российское правительство также решило поддержать Фридриха Августа, но если он не будет иметь поддержки, то предполагалось выбрать «пяста». Магнаты ВКЛ (в первую очередь Януш Вишневецкий и Павел Сангушко) до последнего оставались конкурентами за трон Речи Посполитой. Для привлечения их на сторону Фридриха Августа был реализован план авторства Яна Александра Липского. Согласно ему оппозиция Лещинскому была объединена под лозунгом защиты «вольного выбора» и поэтому в ней остались магнаты («пясты»), которые сами надеялись на избрание королем. Когда стало понятно, что эти кандидаты «пясты» не в состоянии договориться и уступить друг другу, то как компромисс все согласились на устраивавшую кандидатуру Фридриха Августа.

Кандидатура Фридриха Августа не соответствовала интересам Пруссии, и та 5 августа 1733 г. заявила о своем нейтралитете. Оставшиеся со-

юзники (Россия и Австрия) приняли решение о необходимости создания конфедерации против возможного избрания Станислава Лещинского. Для этого в ВКЛ были посланы Юрий Ливен и Франтишек Даревский. Организатором этой конфедерации должен был стать новоградский воевода Николай Фаустин Радзивилл. В результате деятельности российских представителей на новоградском передэлекционном сеймике была создана конфедерация и приняты постановления против решений конвокационного сейма, а также требование согласно закону запретить выбор королем Станислава Лещинского. Этот, как казалось, временный и незначительный успех Ливена и Даревского в дальнейшем способствовал тому, что новоградская конфедерация становится основой Генеральной Варшавской конфедерации, которая 5 октября 1733 г. избирает на трон Речи Посполитой под именем Августа III саксонского курфюрста Фридриха Августа. Именно миссия Ливена приносит наибольший успех по образованию группировки несогласных с выбором королем Лещинского, которая при активном участии российских войск избирает ему конкурента. Это ограниченный успех, так как в ситуации более ранних просчетов Лещинский пользуется значительной популярностью среди магнатов и шляхты, которые негативно реагируют на военное вмешательство России и Саксонии на стороне Августа III. Даже часть прошлых кандидатов — «пястов» (Януш Вишневецкий и Юзеф Мнишек) на время самоустраняется в действиях по поддержке Августа III. Все это приводит к затяжному конфликту внутри Речи Посполитой в 1733–1735 гг., который завязывает тут значительные российские войска, так как только с их помощью возможна победа Августа III и его сторонников. Можно предполагать, что это и становится в будущем одной из главных причин создания новой пророссийской группировки Чарторийских. В перспективе именно с помощью этой группировки и снова при участии российских войск проходит уже следующее бескорольевье 1764 г.

REFERENCES

1. *Anusik Z.* Misja Antoniego Ponińskiego w Sztokholmie w 1733 roku. Przyczynek do dziejów walki o koronę polską w czasach przedostatniego bezkrólewia // *Między barokiem a oświeceniem. Nowe spojrzenie na czasy saskie* / red. K. Stasiewicz i S. Achremczyk. Olsztyn, 1996. S. 149–165.
2. *Anusik Z.* Szwecja wobec rozdwojonej elekcji w Rzeczypospolitej w 1733 roku // *Wokół wolnych elekcji w państwie polsko-litewskim XVI–XVIII wieku. O znaczeniu idei wyboru — między prawami a obowiązkami* / red. M. Markiewicz, D. Rolnik, F. Wolański. Katowice, 2016. S. 409–429.
3. *Anusik Z.* Z dziejów stosunków polsko-szwedzkich w dobie przedostatniego bezkrólewia w historii Rzeczypospolitej (1733–1735) // *Przegląd nauk historycznych*. 2015. Nr 1. R. XIV. S. 5–31.
4. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. F. 79. Op. 1. 1733 g. D. 3.
5. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. F. 79. Op. 1. 1733 g. D. 4.
6. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. F. 79. Op. 1. 1733 g. D. 8.
7. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. F. 79. Op. 1. 1733 g. D. 11.
8. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. F. 79. Op. 1. 1733 g. D. 17.
9. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. F. 79. Op. 1. 1733 g. D. 20.
10. Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. F. 36. Op. 1. D. 74.
11. Archives diplomatiques de La Courneuve. Pologne. Nr 202.
12. Archives diplomatiques de La Courneuve. Pologne. Nr 203.
13. Archives diplomatiques de La Courneuve. Pologne. Nr 204.
14. Archives diplomatiques de La Courneuve. Pologne. Nr 205.
15. Archives diplomatiques de La Courneuve. Pologne. Nr 206.
16. Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dz. IV. Sygn. 400.
17. Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dz. IV. Sygn. 623.
18. Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dz. IV. Sygn. 860.

19. Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dz. VI. Sygn. 80a.
20. Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Roski. Publica varia. Teka VII.
21. Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Roski. Sygn. I/59.
22. Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Roski. Sygn. LV/16.
23. Archiwum Narodowe w Krakowie. Oddział na Wawelu. Archiwum Sanguszków. Teki arabskie. Teka 463. Plik 23.
24. *Askenazy S.* Elekcja Augusta III // Biblioteka Warszawska. 1900. T. 3. S. 9–28.
25. *Askenazy S.* Koniec Augusta II // Biblioteka Warszawska. 1900. T. 2. S. 389–416.
26. *Askenazy S.* Przedostatnie bezkrólewie // Dwa stulecia XVIII i XIX. Badania i przyczynki. T 1. Warszawa, 1901. S. 1–148.
27. *Askenazy S.* Z przedostatnego bezkrólewia // Biblioteka Warszawska. 1895. T. 1. S. 126–158.
28. *Beljukov K.* War for the «Polish Succession» of 1733–1735 in the works of historians of the Russian Empire//Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2018. № 1 (87). P. 11–18.
29. *Beljukov K.* War of the «Polish Succession» 1733–1735: A Review of Sources of Personal Origin // Colloquium-journal. 2017. № 11–2 (11). P. 5–9.
30. *Beyrich R.* Kursachsen und die polnische Thronfolge 1733–1736. Leipzig, 1913. 173 p.
31. Biblioteka Jagiełńska. Akcesja. Sygn. 122/51.
32. *Brikner A.* Austrian diplomats in Russia. According to documents of the Vienna Archive // Vestnik Evropy. 1893. Year 28. T. 12. P. 506–558.
33. *Cesel'skij T.* Armed forces of GDL during the War of the Polish Succession 1733–1735 gg. // Arhje. 2011. № 6 (105). P. 246–259.
34. *Cesel'skij T.* Fighting in the territory of the Grand Duchy of Lithuania during the War of the Polish Succession in 1733–1735 years // Arhje. 2012. № 6 (117). P. 347–371.
35. *Cesel'skij T.* Participation of Field Police General Ludwig of Hesse-Gomburg in the war in Poland in 1734–1736 // War and weapons. New research and materials. Proceedings of the Fifth International Scientific and Practical Conference. 4 / Scientific. edition S. Yefimov. St. Petersburg, 2014. P. 333–350.
36. *Ciesielski T.* «Gorący» koniec lata i początek jesieni 1733 roku // Wokół wolnych elekcji w państwie polsko-litewskim XVI–XVIII wieku.

- O znaczeniu idei wyboru — między prawami a obowiązkami / red. M. Markiewicz, D. Rolnik, F. Wolański. Katowice, 2016. S. 465–489.
37. *Ciesielski T.* Irlandczyk w służbie carskiej. Piotr Lacy — feldmarszałek i generał-gubernator Inflant // Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej. T. 3: Inflanty Polskie / red. W. Walczak, K. Łopatecki. Białystok, 2012. S. 227–264.
38. *Ciesielski T.* Potencjał militarny Rzeczypospolitej Obojga Narodów w okresie polskiej wojny sukcesyjnej 1733–1735. Wybrane aspekty // *Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym.* T. 25 (2). 2013. S. 81–117.
39. *Ciesielski T.* Problem zdrady w dobie bezkrólewia po śmierci Augusta II i polskiej wojny sukcesyjnej 1733–1735 // *Tarnowskie Studia Historyczne.* 2013. Nr 3. S. 29–48.
40. *Cieślak E.* Dyplomatyczne i militarne zaangażowanie Francji w drugą elekcję Stanisława Leszczyńskiego // *Rocznik Gdański.* 1986. Z. 1. S. 83–106.
41. *Cieślak E.* Udział Szwedów w obronie Stanisława Leszczyńskiego i Gdańska w latach 1733–1734 // *Zapiski Historyczne.* 1987. T. LII. Z. 4. S. 105–117.
42. *Cieślak E.* W obronie tronu króla Stanisława Leszczyńskiego. Gdańsk, 1986. 299 s.
43. *Cieślak E.* Z dziejów drugiej elekcji Stanisława Leszczyńskiego. Tajna przesyłka broni francuskiej do Gdańska w końcu 1733 r. // *Słuski kwartalnik historyczny Sobotka.* 1982. T. 37. Z. 3–4. S. 421–430.
44. *Droysen J.* Geschichte der preußischen Politik. T. IV. Abt. 2. Friedrich Wilhelm I. Band I. Leipzig, 1869. 428 p.
45. *Dygdała J.* Dylematy austriackiej polityki wobec Rzeczypospolitej podczas bezkrólewia 1733 roku // *Acta Universitatis Nicolai Copernici.* 1993. Historia. Nr XXVIII. S. 103–124.
46. *Dygdała J.* Gra pozorów: zabiegi dyplomacji cesarskiej o rosyjską interwencję zbrojną w Rzeczypospolitej w 1733 roku // *W cieniu wojen i rozbiorów. Studia z dziejów Rzeczypospolitej XVIII i początków XIX wieku / red. U. Kosińska, D. Dukwicz, A. Danilczyk, Warszawa, 2014. S. 137–160.*
47. *Dygdała J.* Konfederacja krakowska Teodora Lubomirskiego z początków bezkrólewia 1733 roku a polityka Austrii wobec Rzeczypospolitej // *Trudne stulecie. Studia z dziejów XVII i XVIII wieku ofiarowane profesorowi Jerzemu Michalskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin / red. Ł. Kądziałą, W. Kriegseisen, Z. Zielińska. Warszawa, 1994. S. 46–54.*
48. *Dygdała J.* Kwestia dysydencka w Rzeczypospolitej doby bezkrólewia 1733 roku // *Zapiski Historyczne.* 1997. T.LXII. S. 45–67.

49. *Dygdala J.* Polityka informacyjna prymasa Teodora Potockiego w bezkrólewiu 1733 roku // Rozprawy z dziejów XVIII wieku. Z dziejów komunikacji socjalnej epoki nowożytnej / red. J. Wojtowicza. Toruń, 1993. S. 63–78.
50. *Dygdala J.* Postawa «familii» Czartoryskich w bezkrólewiu 1733 roku z perspektywy Wiednia // Między wielką polityką a szlacheckim partykularizmem: Studia z dziejów nowożytnej Polski i Europy ku czci Profesora Jacka Staszewskiego / red. K. Wajda. Toruń, 1993. S. 275–283.
51. *Dygdala J.* Rywalizacja dyplomatów cesarskiego i francuskiego w Polsce 1733 roku — Heinrich Wilhelm Wilczek i Antonine-Félix de Monti // Polska wobec wielki konfliktów w Europie nowożytnej. Z dziejów dyplomacji i stosunków międzynarodowych w XV–XVIII wieku / red. Ryszard Skowron. Kraków, 2009. S. 495–512.
52. *Dygdala J.* Saskie próby infiltracji środowisk szlacheckich podczas bezkrólewia 1733 roku // Kwartalnik Historyczny. 2003. Z. 4. S. 47–70.
53. *Dygdala J.* Śląskie wątki polskiego bezkrólewia 1733 roku, w: Między Lwowem a Wrocławiem. Księga jubileuszowa Profesora Krystyna Matwijowskiego / red. B. Rok, J. Maroń. Toruń, 2006. S. 617–630.
54. *Dygdala J.* Urażone magnackie ambicje czy racja stanu? U źródeł opozycji wobec kandydatury Stanisława Leszczyńskiego w bezkrólewiu 1733 roku // Spory o państwo w dobie nowożytnej. Między racją stanu a partykularyzmem. Łódź, 2007. S. 187–199.
55. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin. I HA Geheimer Rat/ Rep. 11. Nr 6716.
56. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.b.1. Vol. I.
57. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29. b.1. Vol. II.
58. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.g.1. Vol. I.
59. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.g.1. Vol. II.
60. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.k.
61. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.a.1.
62. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin. I. HA Rep. 9. Polen. Nr 29.a.2.
63. *Gerè V.* Struggle for the Polish throne in 1733. Moscow, 1862. 471 p.

64. Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Wien. Polen. Sygn. II 7.
65. Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Wien. Polen. Sygn. II 8.
66. Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Wien. Polen. Sygn. II 9.
67. Istoricheskoe izvestie ob izbranii na pol'skij prestol korolja Avgusta III, v 1733 godu // Russkij vestnik. 1841. № 4. P. 117–302.
68. Journal of Prince Michael Casimir Radziwill Governors Vilna, Great Hetman GDL // Spadchyna. 1995. № 2. P. 47–76.
69. *Kamiński A.* Konfederacja sandomierska wobec Rosji w okresie poaltransztadzkiem 1706–1709. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969. 160 s.
70. *Kantecki K.* Po zgonie Augusta II // Przewodnik naukowy i literacki. 1877. S. 673–688, 767–786, 865–887, 961–989, 1057–1083.
71. *Kantecki K.* Stronnictwo saskie w Polsce roku 1733: kilka rysów da charakterystyki ludzi i czasu // Niwa. 1877. Rocznik 6. T. 11. S. 631–646, 697–709, 772–784, 856–866.
72. *Kosińska U.* Surrounded by three black eagles. Genesis of the negotiations on the conclusion of the treaty Levenvolde // Rus, Russia: Middle Ages and New Time. Issue. 6: Sixth Readings of Memory of Academician of the Russian Academy of Sciences L.V. Milov. M., 2019. P. 673–679.
73. *Kosińska U.* Could a Portuguese Prince become King of Poland? The Candidacy of Don Manuel de Bragança for the Polish Throne in the Years 1729–33 // The Slavonic and East European Review. Vol. 94. 2016. No. 3. P. 497–508.
74. *Kosińska U.* Finansowy aspekt wyboru kandydata do polskiego tronu na przykładzie przygotowań państw ościennych do bezkrólewia po śmierci Augusta II // Pecunia nervus belli. Z dziejów dyplomacji i stosunków międzynarodowych w XV–XVIII wieku / red. M. Markiewicz, R. Skowrona i F. Wolańskiego. Katowice, 2016. S. 165–179.
75. *Kosińska U.* Kandydatura Emanuela Portugalskiego (Don Manuela de Bragança) do tronu polskiego w latach 1729–1733 // Wokół wolnych elekcji w państwie polsko-litewskim XVI–XVIII wieku. O znaczeniu idei wyboru — między prawami a obowiązkami / red. M. Markiewicz, D. Rolnik, F. Wolański. Katowice, 2016. S. 430–448.
76. *Kosińska U.* Stosunki Augusta II z Rosją w latach 1730 — początek 1733 w świetle relacji saskiego posła w Moskwie i Petersburgu Jeana Le Forta // Kwartalnik Historyczny. 2014. № 3. S. 571–592.
77. *Kosińska U.* U źródeł zjawiska odwoływania się do potencji ościennych w polskich sporach wewnętrznych — casus roku 1730 // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2019. LIV (1). S. 5–25.

78. *Kurek J.* U schyłku panowania Augusta II Sasa. Katowice, 2003. 224 s.
79. *Lechicka J.* Stronnictwa polityczne i opozycja litewska w latach 1725–1736 // Pamiętnik VI Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Wilnie. T. I / red. F. Pohorecki. Lwów, 1935. S. 82–86.
80. Lietuvos Mokslų Akademijos biblioteka. F. 17. B. 19.
81. Lietuvos Mokslų Akademijos biblioteka. F. 139. B. 5178.
82. *Lisek A.* Działalność polityczna wojewody podlaskiego Michała Józefa Sapiehy i innych przedstawicieli tego Domu w okresie powtórnej elekcji Stanisława Leszczyńskiego w 1733 roku // Sapiehowie epoki Kodnia i Krasiczyna. Lublin, 2007. S. 413–428.
83. *Lisek A.* Ku pacyfikacji. Rozpad obozu stanisławowskiego na Litwie w okresie wojny o tron polski w latach 1735–1736 // Limes. Studia i materiały z dziejów Europy Środkowo-Wschodniej. 2015. Nr 8. S. 22–70.
84. *Lisek A.* Litwini na sejmie elekcyjnym w 1733 roku // Z dziejów XVII i XVIII wieku. Księga jubileuszowa ofiarowana Profesorowi Michałowi Komaszynskiemu / red. J. Kwak. Katowice, 1997. S. 138–154.
85. *Lisek A.* Obóz stanisławowski na Litwie w okresie wojny o tron polski do zawiązania konfederacji generalnej wileńskiej (1733–1734) // Studia Historyczne. 2007. Z. 2. S. 127–141.
86. *Lisek A.* Postawa Radziwiłłów w okresie przedostatniego bezkrólewia i w pierwszych miesiącach wojny domowej (1733–1734) // Radziwiłłowie. Obrazy literackie. Biografie. Świadectwa historyczne / red. K. Stępnika. Lublin, 2003. S. 358–370.
87. *Macuk A.* Fighting magnate factions GDL (1717–1763 gg.). Minsk, 2010. 640 p.
88. *Macuk A.* Mihal Servacij Vishnevec'kij // Princes Vishnevetski. Kiev, 2016. P. 110–134.
89. *Macuk A.* Novohrad hat during the royal elections of 1733 // «Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XVIII amžiuje: iššūkiai, laimėjimai, netektys». T. 3. Vilnius, 2016. S. 16–31.
90. *Macuk A.* Polityka rosyjska w Rzeczypospolitej w 1733 roku a kandydatura «Piasta» // Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym. T. 29 (2). 2014. S. 41–110.
91. *Macuk A.* Position magnates and gentry of GDL in the early Interregnum 1733 // Belaruski gistorychny chasopis. 2011. № 7. P. 3–10.
92. *Macuk A.* Szlachta województwa nowogródzkiego wobec elekcji Stanisława Leszczyńskiego i Augusta III w 1733 roku // Przegląd Historyczny. 2005. Z. 1. S. 41–60.

93. *Macuk A.* The struggle for supremacy in Novogrudsky kapturovy court 1733 // People and power Novogrudok history of interaction (to the 500th anniversary of Novogrudok giving privileges on Magdeburg Law): Sb. navuk. statej / Ed-cal.: A. A. Kovalenya [et al.]. Minsk, 2013. P. 208–217.
94. *Matuszewicz M.* Diariusz życia mego. T. 1. Warszawa, 1986. 928 s.
95. *Nelipovich S.* Union of two-headed eagles. Russian-Austrian military alliance of the second quarter of XVIII century Moscow, 2010. 408 p.
96. *Niedziela R.* Pisma polityczne w okresie bezkrólewia i wojny o tron polski po śmierci Augusta II Mocnego (1733–1736). Kraków, 2005. 364 s.
97. *Niedziela R.* Wojewoda krakowski Teodor Lubomirski w świetle satyry okresu bezkrólewia po zgonie Augusta II (1733–1734) // *Studia Historyczne*. T. 44. 2001. Nr 3. S. 387–404.
98. *Niedziela R.* Z dziejów stosunków polsko-szwedzkich w dobie przedostatniego bezkrólewia w historii Rzeczypospolitej (1733–1735) // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne*. 2004. Nr 131. S. 109–126.
99. *Od Augusta Mocnego do Augusta III Doniesienia z Warszawy Andrzeja Cichockiego z lat 1732–1734 / wydał J. Dygdała.* Warszawa, 2016.
100. *Rostworowski E.* O polską koronę. Polityka Francji w latach 1725–1733. Wrocław — Kraków, 1958. 363 s.
101. Russian State Archives of Ancient Acts. F. 12. D. 63.
102. Russian State Archives of Ancient Acts. F. 12. D. 69.
103. Russian State Archives of Ancient Acts. F. 12. D. 70.
104. Sächsisches Hauptstaatsarchiv, Dresden. Geheimes Kabinett. Loc. 3552. Vol.7. P. 92–93.
105. *Saprikina O., Beljukov K.* Russian diaries and memoirs about the War of the «Polish Succession» 1733–1735 as a historical source // *Nauchnyj dialog*. 2018. № 4. P. 259–278.
106. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva*. T. 15. St. Petersburg, 1875. 666 p.
107. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva*. T. 64. St. Petersburg, 1888. 628 p.
108. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva*. T. 81. St. Petersburg, 1892. 732 p.
109. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva*. T. 106. Yuryev, 1899. 608 p.
110. *Sidjakina A.* «Favorites» by Anna Ioannova and diplomacy of the 18th century // *History in detail*. 2014. № 8 (50). P. 40–45.

111. *Sidjakina A.* «Kurland Question» in Russian-Prussian relations in the reign of Anna Ioannova // Culture, science, education: challenges and perspectives. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Part I. Nizhnevartovsk, 2014. P. 83–85.
112. *Sidjakina A.* «Menshika maetnies» in Russian-Polish relations of the first third of the 18th century // Eurasian Union of Scientists. Ч. 6. 2015. № 5 (14). P. 100–102.
113. *Sidjakina A.* H. G. Manstein 's «Notes on Russia» as a source on the history of E. I. Biron 's activities // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2013. T. 14. Вып. 1. P. 188–197.
114. *Sidjakina A.* Löwenwoldov 's tract in the context of the negotiations between Austria, Russia and Prussia 1730–1732 // Mezhdunarodnye otnoshenija. 2019. № 1. P. 157–168.
115. *Sidjakina A.* War of the Polish Succession and the Kurland Throne for E. I. Biron: A History of One Collusion // Acta eruditorum. 2013. Vyp. 13. P. 72–75.
116. *Sliesoriūnas F.* Georgo von Lieweno misija Lietuvoje 1733 m. pavasarį. Rusijos bandymas iškelti jai priimtino «Piasto» kandidatūrą į Lenkijos ir Lietuvos valdovo sostą priešpaskutinio tarpvaldžio metu // Istorijos Akiračiai. Vilnius, 2004. P. 289–306.
117. *Sliesoriūnas F.* Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė 1733–1736 metų tarpvaldžiu // Lietuvos Valstybė XII–XVIII a. Vilnius, 1997. S. 365–381.
118. *Solov'ev S.* Compositions, Prince. Book IX. T. 17–18. Moscow, 1963. 671 p.
119. *Staszewski J.* «Jak Polskę przemienić w kraj kwitnący...» Szkice i studia z czasów saskich. Olsztyn, 1997. 275 s.
120. *Strobl W.* Österreich und der polnische Thron 1733 (phil. Diss. masch. — Universität Bibliothek Wien). Wien: Universität Wien, 1950. 162 p.
121. *Strutyński J.* Sejm konwokacyjny roku 1733 // Ruch Literacki. 1877. Nr. 50. S. 358–359; Ruch Literacki. 1877. Nr. 53. S. 403–404.
122. *Szklarska E.* Czy warto było poprzeć Sasa? Kariery niektórych stronników Augusta III z roku 1733 // Faworyci i opozycjoniści. Król a elity polityczne w Rzeczypospolitej XV–XVIII wieku / red. M. Markiewicz, R. Skowron. Kraków, 2006. S. 449–455.
123. *Szklarska E.* Kwestia wykluczenia cudzoziemca od tronu na sejmie konwokacyjnym 1733 r. // Między Zachodem a wschodem. Studia ku czci profesora Jacka Staszewskiego. T. II / red. J. Dumanowskiego, B. Dybasia, K. Mikulskiego, J. Porazinskiego i S. Roszaka. Toruń, 2003. S. 561–573.
124. *Szklarska E.* Orientacja w sytuacji międzynarodowej i rachuby polityczne jako elementy postawy politycznej stronników Stanisława Leszczyńskiego

- w okresie przedostatniego bezkrólewia (1733–1734) // Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka. T. 47. 1992. Z. 1–2. S. 247–252.
125. Szklarska E. Otoczenie Stanisława Leszczyńskiego w relacjach dyplomatów francuskich w latach 1733–1736 // Śląski kwartalnik historyczny Sobótka. 1982. T. 37. Z. 3–4. S. 481–489.
126. Szklarska E. Próby pacyfikacji Rzeczypospolitej w latach 1734–1736. Zabiegi o pozyskanie stronników Leszczyńskiego dla obozu Wettyna // Rocznik Gdański. 1986. Z. 1. S. 169–180.
127. Szklarska E. Radziwiłł Mikołaj Faustyn // Polski Słownik Biograficzny. T. XXX. Wrocław, 1987. S. 360–362.
128. Wyszomirska M. Z prosaskiej i antystanisławowskiej publicystyki politycznej lat 1734–1736 (Wokół nieznanego twórczości Antoniego S. Dembowskiego) // Kwartalnik Historyczny. 2011. Nr 3. S. 431–451.
129. Zielińska T. Ogiński Kazimierz Dominik // Polski Słownik Biograficzny. T. XXIII. — Warszawa — Wrocław — Kraków — Gdańsk, 1978. S. 615–617.

Ключевые слова:

кандидат «пяст», бескорольеве, Станислав Лещинский, магнаты,
«трактат Левенвольде», война «за польское наследство».

Andrei V. Macuk

THE RELATIONSHIP OF MAGNATES AND SZLACHTA OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA WITH RUSSIA IN 1733

The article examines the events of the «kingless» year of 1733 in the Polish-Lithuanian Commonwealth. According to the Levenwolde Treaties the compromise candidate for the Commonwealth's throne was the Portuguese Infante Don Manuel, who's candidacy was proposed by Austria. Russia, in turn, leaned towards the «pyasta» candidate. The Russian Empire was clearly unprepared for the start of the kingless period. Russia's former allies — magnates of the Grand Duchy of Lithuania — came into conflict with the Russian ambassador Frederick Kazimir Levenwolde and sided with France. In late February of 1733, Empress Anna Ioanovna of Russia sent Yuri Liven to the Grand Duchy of Lithuania, who offered official support in the struggle for the crown to Mikhail Vishnevetsky and Pavel Sangushka. The electoral decision made at the Sejm proved the popularity of the «pyast» and Catholic candidates, specifically — Stanislaus Leschinsky. In turn, Russia — following Austria — showed its support for the candidacy of Frederick August. The magnates of the Grand Duchy of Lithuania remained in opposition in the crown issue until the very last. Opposition to Leschinsky was united under the motto of «free choice». For that reason, it was comprised of «pyasta» candidates, who were in a deadlock with one another, and were now ready for the compromise candidacy of Frederick Augustus.

In order to counter the possible election of Leschinsky, Russia created the Novograd Confederation in the Grand Duchy of Lithuania. It was organized by the Novograd Voevoda Faustin Radzivil. This confederation became the core of the General Warsaw Confederation that — on October 5th 1733 — elected the Saxon King to the throne of the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Key words: «pyast» candidates, kingless, Stanislaus Leschinsky, magnates, «the Levenwolde Treatise», the war for «the Polish Succession».

Andrei Macuk — PhD, leading researcher of the Department of Belarussian History of the Medieval and Early Modern Periods in the Institute of History, the Belarussian National Academy of Science (Minsk, Belarus).

 Мацук Андрей Владимирович

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела истории Беларуси Средних веков
и начала Нового времени Института истории НАН Беларуси,
г. Минск, Беларусь

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.33.002

К.А. Кочегаров

КИЕВСКАЯ МИТРОПОЛИЯ, КНЯЗЬ ИЕРОНИМ РАДЗИВИЛЛ И НАЗНАЧЕНИЕ СЛУЦКИМ АРХИМАНДРИТОМ ДАВИДА НАЩИНСКОГО В 1755 г.

луцкая архимандрия с расположенными в пределах города Слуцка Свято-Троицким монастырем, подконтрольными ему обителями в городе, на территории Слуцкого княжества и даже за его пределами¹ в XVII–XVIII вв. являлась влиятельным православным центром, не только во

владениях могущественного литовского рода Радзивиллов, но и во всем Великом княжестве Литовском. Архимандрия, включая и принадлежавшее Троицкому монастырю предместье Тройчаны, была отдельной юрисдикцией, не зависевшей от городских властей Слуцка, и обладала значительными земельными владениями.

Пользуясь покровительством представителей биржанской линии Радзивиллов, слуцкие архимандриты значительно усилили свои позиции: уже в первой четверти XVII столетия они не без успеха пытались под-

¹ Слуцкий Свято-Ильинский, Свято-Никольский в Грозове, Петропавловский в Старчицах и сначала Свято-Никольский, а затем Успенский в Морочи, а также Успенский в Заблудове (Николай [Трусковский], архимандрит. Историко-статистическое описание Минской епархии. СПб., 1864. С. 117–119, 121–122, 161–162; Коялович М.О. История воссоединения западных униатов старых времен (до 1800 г.). Минск, 1999. С. 10).

чинить себе местных протопопов², а в третьей четверти добились значительной автономии и от власти патрона. Немалую роль в этом сыграло и то, что все архимандриты начиная с 1650-х гг. одновременно носили титул наместника киевского митрополита в Великом княжестве Литовском, а Феодосий Василевич (архимандрит в 1654–1678 гг.) и Серапион Полховский (архимандрит в 1687–1704 гг.) продолжали управлять архимандрией, став белорусскими епископами³.

Обладая столь солидным положением в православном обществе Речи Посполитой, слуцкое духовенство в течение XVII в. не поддерживало постоянных контактов с Русским государством подобно многим другим крупным центрам Киевской митрополии. Переход последней под власть московского патриарха в 1685–1686 гг. и заключение договора о Вечном мире, девятая статья которого признавала юрисдикцию киевского митрополита над православными епархиями Речи Посполитой, изменили ситуацию с формальной точки зрения. В условиях многолетнего отсутствия в Великом княжестве Литовском белорусского епископа (1678–1697 гг.) слуцкие архимандриты и иные представители местного православного духовенства должны были принимать посвящение от киевского митрополита, выезжая на поставление за границу. В 1687 г. таким образом в сан архимандрита был возведен Серапион Полховский, при том что ни киевский владыка, ни тем более московский патриарх не имели никакого влияния на выбор кандидатуры. Неизменным условием обладания Слуцкой архимандрией оставалось наличие рекомендации или «презенты» («prezenta») от патрона — главы дома Радзивиллов, а с конца XVII в. иного владельца либо управляющего обширными Нойбургскими имениями⁴.

С началом XVIII в. Слуцкая архимандрия оставалась значимым центром православия в Великом княжестве Литовском, не испытывая благодаря политике светских патронов и их управляющих особенных

² Положение последних несколько выровнялось благодаря оформлению во второй половине XVII в. «капитулы» — органа самоуправления белого духовенства. См.: *Degiel R. Protestanci i prawosławni. Patronat wyznaniowy Radziwiłłów birżańskich nad Cerkwią prawosławną w księstwie słuckim w XVII w.* Warszawa, 2000. S. 75–78.

³ *Ibid.* S. 54–72.

⁴ *Degiel R. Protestanci i prawosławni.* S. 70–71; *Кочегаров К.А.* Россия и православная церковь Великого княжества Литовского в первые годы после заключения договора о Вечном мире (1686 — начало XVIII в.) // *Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918* / Ред.-сост. К.А. Кочегаров, А.К. Новосельцева, А. Форго, О.В. Хаванова. М.; СПб., 2016. С. 171–173.

религиозных притеснений на фоне общего их усиления в Речи Посполитой. После смерти Серапиона Полховского архимандрия, так же как и другие митрополичьи ставропигии на территории Белорусской епархии, окончательно перешла под прямое управление Киева. Во второй половине 1710-х — в 1730-е гг. новый белорусский владыка Сильвестр Четвертинский (епископ в 1707–1728 гг.) и его преемники предпринимали активные попытки подчинить их себе, однако все подобные усилия оказались безуспешными. В указанное время и позднее слуцкие архимандриты неизменно носили звание митрополичьих заместителей, а бюрократическое влияние киевской консистории на подчиненные ей белорусские монастыри и прочие институты усилилось. Свое выражение данная тенденция получила, в том числе, и в изменении порядка назначения слуцких архимандритов. Теперь выбор нескольких кандидатов на архимандрию осуществляла киевская консистория, затем одного из них утверждал митрополит и направлял за «презентой». После ее получения в Киеве происходила церемония поставления. Роль братии Троицкого монастыря сводилась лишь к возможности ходатайствовать о назначении того или иного кандидата, а патрона — выражать согласие или несогласие с митрополичьим выбором⁵.

Ослабление контроля патронов за назначением слуцкого архимандрита было связано с переходом огромных владений биржанских Радзивиллов в формальное владение пфальц-нойбургской династии в связи с браком в 1688 г. единственной представительницы рода Людовики Каролины Радзивилл и Карла Филиппа, будущего курфюрста Пфальца и пфальцграфа Нойбурга, а впоследствии (в 1714 г.) — под контроль польского короля Августа II. Лишь в 1730–1740-х гг. представитель несвижской линии Радзивиллов, Иероним Флориан Радзивилл (1715–1760 гг.), литовский подचाший (с 1750 г. — литовский хорунжий), при активной поддержке матери, Анны Радзивилл (урожденная княгиня Сангушко), сумел закрепить за собой спорные земли (включая и Слуцкое княжество), удовлетворив финансовые претензии Карла III Филиппа, его внучек от умершей еще в 1695 г. Людовики Каролины и других претендентов

⁵ Чистович И.А. Очерк истории Западно-русской церкви. Ч. 2. СПб., 1884. С. 188–192; Титов Ф.И. Русская православная церковь в польско-литовском государстве в XVII–XVIII вв. (1654–1795 гг.). Т. 1. Западная Русь в борьбе за веру и народность в XVII–XVIII вв. Первая половина тома (1654–1725 гг.). Опыт церковно-исторического исследования. Киев, 1905. С. 203–207; Титов Ф.И. Русская православная церковь в польско-литовском государстве в XVII–XVIII вв. Т. 2. Киевская митрополия — епархия в XVII–XVIII вв. (1686–1797 гг.). Первая половина тома. Опыт церковно-исторического исследования. Киев, 1905. С. 96–97, 132–153.

Иероним Флориан Радзивилл. Художник Яков Вессель

на владение именьями⁶. Острая борьба претендентов на радзивилловское наследство и формальное право владения и патроната в отношении Слуцка и других Нойбургских имений со стороны курфюрста Карла Филиппа могли лишь способствовать усилению позиций киевской консистории в деле назначения архимандрита.

Конкретные механизмы функционирования Слуцкой архимандрии в составе Киевской митрополии в указанную эпоху, в том числе и после возвращения Нойбургских владений под власть Радзивиллов, еще недостаточно изучены. Причем речь здесь идет не только о реализации соответствующих административно-бюрократических функций киевской консистории, но и о реакции на это со стороны патрона, а также части слуцкой православной общины, и в первую очередь слуцкого Преображенского братства. В данной статье предпринята попытка сделать это на материале середины XVIII в., связанном с перипетиями, которые развернулись после смерти архимандрита Михаила Козачинского и назначением на его место Давида Нащинского.

Важнейшим и основным источником стало практически неизвестное исследователям дело из коллекции западнорусских актов Науч-

⁶ *Lesiński J. Spora o dobra neuburskie // Miscellanea historico-archivistica. T. 6. Warszawa, 1996. S. 95–132.*

но-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН⁷. Известия содержащихся в нем документов дополняются материалами радзивилловского архива из Главного архива древних актов в Варшаве, содержащими входящую и исходящую корреспонденцию И. Радзивилла.

Уже при назначении Михаила Козачинского в 1748–1749 гг. между И.Ф. Радзивиллом и русскими духовными и светскими властями возникли трения. Князь был недоволен, что решение об отзыве его предшественника Иосифа Оранского из Слуцка в Киев (в связи с назначением архимандритом Киево-Печерской лавры) и назначение нового кандидата было предпринято без всякого согласования с ним. В письме секретарю русской посольской миссии в Варшаве Яну Ржичевскому (сохранился недатированный черновик) Радзивилл просил его сделать соответствующее представление к императорскому двору, выразив недовольство столь внезапной сменой архимандрита. Еще более князя возмущало нарушение его права патроната. Он указывал Ржичевскому, что по давним обычаям преемником архимандрита может стать только человек, кандидатура которого поддержана братством и одобрена патроном, а «nie owi, którch czasem fortuita promocyi osadzać chciały» («не те, которых иногда по случайной протекции назначать хотели»). Он заявлял, что слухи о перемещении отца Иосифа и назначении нового архимандрита, неизвестного ни братству, ни ему самому, как наследственному владельцу Слуцка, уже распространились повсеместно. Радзивилл считал, что не только он, но и «wszyscy panowie, którzy mają jus patronatus et collationis znaczną uznali by praejudicium et laesionem prawa rpospolitego» («все господа, которые обладают правом патроната и ктиторства, воспримут это как ущерб и нарушение посполитого права»). Он указывал, что даже Иосиф Оранский был «nie independenter przysłany, ale wprzod od n[a]jaśniejszego] elektora Je[g]o mci⁸ qua pana dobr tych pod ten czas prezentowany» («не независимо назначен, но сначала от наияснейшего курфюрста, его милости, как господина владений этих, был в то время представлен»). В подтверждение своих прав Радзивилл послал нарочного в Киев с соответствующими документами,

⁷ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПбИИРАН). Колл. 87. Оп. 1. Д. 2. Материалами данного дела пользовался сербский исследователь В. Эрчич для реконструкции слуцкого периода деятельности Михаила Козачинского. См.: *Ерчич В. Мануил (Михаил) Козачинский и његова траедокомедија*. Нови Сад, Београд, 1980. С. 172–185.

⁸ Речь о Карле III Филиппе, пфальцграфе Нойбурга и курфюрсте Пфальца с 1716 г.

Митрополит Тимофей (Тихон Иванович Щербацкий)

подтверждающими его права («привилеями»), и параллельно просил Ржичевского хлопотать об этом в Петербурге⁹.

Получив это известие, в Коллегии иностранных дел решили, что «для отвращения всякого спору» с Радзивиллом, человеком «неугомонного и беспокойного нрава», из-за которого, по мнению Ржичевского, у Слуцкой архимандрии могут возникнуть проблемы, Синоду не следует нарушать сложившуюся систему выбора и посвящения архимандрита («чинить того не належит»); на место Иосифа Оранского «в архимандрита производство учинить во всем таким образом, как напред сего архимандриты в тот монастырь произвожены», руководствуясь тем, чтобы кандидат был достойный человек «благочестивой» веры. 31 августа 1748 г. кандидат в архимандриты, Михаил Козачинский, отправился в Слуцк с письмами киевского митрополита Тимофея Щербацкого к тамошнему православному братству для утверждения его кандидатуры и к Радзивиллу для «испрошения презенты»¹⁰.

После некоторых колебаний патрон Слуцка выдал «презенту» Михаилу Козачинскому в феврале 1749 г., после чего он был посвящен

⁹ Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). Archiwum Radziwiłłów (AR). Dz. 4. Rps. 818. K. 34.

¹⁰ НИА СПбИИРАН. Колл. 87. Оп. 1. Д. 2. Л. 8–11 об.

в служкие архимандриты¹¹. Князь таким образом не стал обострять ситуацию и как патрон согласился признать назначенного в Киеве кандидата полноправным архимандритом в своих владениях. В дальнейшем энергичный и образованный архимандрит Михаил сумел найти общий язык с Радзивиллом и заручиться его поддержкой в деле управления Слуцкой архимандрией¹². Получив известие о смерти архимандрита, Радзивилл 20 (10) августа 1755 г.¹³ в письме служкому коменданту Людвигу фон Мильбе свидетельствовал: «Wiadomość o zesłym archimandrycie bardzo mię martwi, nie spodziewając się drugiego tak grzecznego, jak ten był» («Весть о усопшем архимандрите весьма печалит меня, не надеюсь на другого такого учтвого, каким он был»)¹⁴.

Тем не менее возникшие в 1748–1749 гг. противоречия вокруг назначения служкого архимандрита не были исчерпаны, и более того — обострились после смерти Михаила Козачинского. Удобным поводом к этому послужил начавшийся незадолго до смерти архимандрита его конфликт с местным братством, которое пыталось добиться допуска к ревизии монастырского имущества.

Как сообщал (в письме от 5 сентября 1755 г.) в Киев троицкий наместник, Иннокентий Болдышевский, члены служкого братства несколько раз от архимандрита «крепко домогались, чтоб им бедное монастырское сереберко и денги показал, своею и их печатью скарбец казал запечатать». Однако Михаил Козачинский «им вступу до монастыря жадного не дал и печатать не позволил»¹⁵. При этом отец Иннокентий отмечал, что при отъезде из Слуцка Иосифа Оранского в 1748 г. никаких попыток ревизии монастырского имущества братство не предпринимало, хотя в монастыре было даже меньше «законников», чем к 1755 г. В то же время наместник признавал, что ранее братчики допускались к учету имущества обители, поскольку «мещане служкие [в] колегации с архимандритами

¹¹ См. подробнее: *Ерчић В. Мануил (Михаил) Козачинскиј...* С. 173–176. См. также материалы о назначении Михаила Козачинского служким архимандритом: НИА СПбИИРАН. Колл. 87. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–11; Там же. Д. 20. Л. 1–26. Вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

¹² *Ерчић В. Мануил (Михаил) Козачинскиј...* С. 177–185. Работа сербского исследователя Властимира Эрчица до сих пор содержит наиболее обстоятельное описание деятельности Михаила Козачинского на посту архимандрита. Проблематика эта, впрочем, отнюдь не исчерпана с точки зрения истории православной церкви в Речи Посполитой в середине XVIII столетия.

¹³ Для всех дат по новому стилю в скобках указан старый стиль.

¹⁴ AGAD. AR. Dz. IV. Rps 825. S. 99.

¹⁵ НИА СПбИИРАН. Колл. 87. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об.

были»¹⁶. Таким образом, укрепление влияния киевской консистории на Слуцкую архимандрию имело следствием и отстранение местного братства от контроля за ее финансами и имуществом.

К началу лета 1755 г. здоровье Михаила Козачинского серьезно ухудшилось. Как сообщала киевскому митрополиту братия монастыря во главе с наместником, Михаил Козачинский «еще в июне месяце в великую слабость пришедший, сего 1755 года августа 4 дня з жолтачки и опуху жизнь свою окончил, которого тело собором с благопристойним порядком по небожчика воле на цвинтару в архимандрии слуцкой погребено»¹⁷.

По свидетельству отца Иннокентия, архимандрит «при самой уже кончине весма всю братию увещевал, чтоб их ни до чего по смерти не допускали, сказуя, что де оны давно замишляют, как би серебро свое, в заставе положенное, взять». Михаил Козачинский был уверен, что если разрешить братчикам забрать серебро, то «деньги без застави, так як и давными часи несколько тысяч зл визиченние пропадут, да и сама де цела архимандрия, як монастырь братский Преображения Господня слуцкий, сведется и опустеет, ибо того монастыра церковной сумми более на 20 тысяч зл когда в руки свои взяли, пропало и следа нет, что же осталось мало еще сумми, и тоею между собою делятся, отдая на провезии, пока пропадет». Архимандрит указывал, что братская церковь из-за такой политики находится в разрухе («коло церкви жадного порядку и оправки»), число «законников» в монастыре при ней сократилось с десяти до двух, да и те живут в бедности, поскольку им «на месяц як солдату по чтири тинфи даючи, с которых треба весь вект¹⁸ и одеяние имети и укоризною содержат». «И по тоей своей небожчик истинной речи монастырское мение почислить, своею печатью запечатать мне казал и единому от братии ключ, другому печатку отдать казал же», — сообщил Иннокентий Болдышевский¹⁹.

Это вызвало недовольство и нарекания со стороны Преображенского братства, члены которого на «небожчика при смерти скорбели». Они немедленно донесли Радзивиллу о смерти архимандрита, «порицаючи» и покойника, и «законников», которые якобы погрязли в пьянстве и воровстве²⁰. К сожалению, описание истоков и причин

¹⁶ Там же. Л. 32.

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ От польского «wikt», то есть стол, харчи.

¹⁹ НИА СПбИИРАН. Колл. 87. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об.

²⁰ Там же. Л. 4.

Слуцкий Свято-Троицкий монастырь. Художник Наполеон Орда

конфликта между братством и архимандрией мы знаем только из одного, пристрастного источника. Вряд ли, однако, можно сомневаться, что в основе распрей лежали финансовые трения. Как уточнял Иннокентий Болдышевский, около 20 лет назад братство заняло у архимандрии несколько тысяч золотых без залога, однако деньги возвращены не были²¹. Соответственно ныне сначала Михаил Козачинский, а затем по его распоряжению и наместник отказывались возвращать заложенное недавно за несколько тысяч золотых серебро, опасаясь, что долг вновь не будет погашен.

Иероним Радзивилл незадолго до смерти Михаила Козачинского отправился из Слуцка²² в свои имения в Минском воеводстве на охоту²³. Получив известие о кончине архимандрита, 20 (10) августа князь, находясь в Вязыни (ныне в Вилейском районе Минской области), просил служкого коменданта Л. фон Мильбе сообщить ему, кто «наследовал» усопшему, выражая пожелание, чтобы преемник был во всем подобен отцу Михаилу, за исключением склонности к пьянству («by był tak przykładny krom jednej pijatyki»), и держал подчиненный ему клир в совершенном послушании²⁴.

²¹ Там же. Л. 32–33.

²² Радзивилл был в Слуцке еще 4 августа (25 июля) 1755 г. См.: AGAD. AR. Dz. IV. Rps. 143. S. 45.

²³ Ibid. Rps. 143. S. 60.

²⁴ Ibid. Rps. 825. S. 99.

Уже спустя два дня, 22 (12) августа (этим днем датирован его рапорт Радзивиллу) Мильбе потребовал соответствующих объяснений от Игнатия Болдышевского. Тот сообщил, что покойный архимандрит, чувствуя приближающийся конец, назвал двух кандидатов в преемники: Манассию Максимовича, «митрополичьего аудитора» (на самом деле был киево-печерским архимандритом), и Давида Нащинского, префекта Киевской академии. Отец Иннокентий характеризовал обоих как достойных и разумных людей, заверив коменданта, что не собирается сообщать о них в Киев до тех пор, пока Радзивилл не одобрит представленные кандидатуры. В этих переговорах участвовал также Людовик Рёку, титулярный католический епископ Птолемаиды Ливийской, гнезненский каноник и одновременно клиент Радзивиллов, близко взаимодействовавший с Иеронимом Флорианом в политических и религиозных вопросах. Именно Рёку, получивший от князя древние документы Олельковичей, должен был проследить за соблюдением «*plenum jus patronatus*» Радзивилла²⁵.

Как видно, сначала Радзивилл не желал особо вникать в дела Слуцкой архимандрии. Контроль за соблюдением формальной стороны своего права патроната в ходе процедуры назначения нового архимандрита он передоверил Людовику Рёку, не желая отвлекаться от охотничьих утех²⁶.

Однако дело приняло новый оборот, когда на следующий день после отправки рапорта Мильбе к князю выехало «посольство» от Преображенского братства. Мы почти ничего не знаем о нем, за исключением краткого упоминания в письме слуцкого войта Александра Кучарского к Радзивиллу от 23 (13) августа 1755 г. В послании сообщалось об отправке братством к патрону писаря Слуцкой магдебургии Михаила Мелентовича «*w interesie archymandryi Słuckiej*» («в деле Слуцкой архимандрии»)²⁷.

²⁵ Ibid. Dz. V. Rps. 9687-III. S. 63. Биографию Людовика Рёку см.: *Karpńska M. Riaucour (Riaucourt, Ryjokur, Riokur) Ludwik Ignacy // Polski słownik biograficzny. T. 31. Reh binder Jerzy — Romiszewski Modest. Wrocław; Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, 1988–1989. S. 267–268.*

²⁶ 27 (17) августа в письме брату, виленскому воеводе Михалу Казимиру Радзивиллу («Рыбоньке»), князь сообщал о богатых охотничьих трофеях: 12 медведях, трех лосях, шести волках. См.: AGAD. AR. Dz. IV. Rps. 825. S. 104.

²⁷ Ibid. Dz. V. Rps. 7939. K. 1. В самом письме, посланном с Мелентовичем, А. Кучарский жаловался на слуцких портных, которые обвиняли его в финансовых злоупотреблениях и добились некоего княжеского послания, осуждающего войта. Кучарский заверял князя, что никогда не вмешивался в «скарбовые дела», просил Радзивилла не верить более подобным «алживым реляциям» и запретить публично обнародовать документ, чтобы не повредить престижу местного магистрата (Ibid. K. 1–2).

Итогом этой миссии, судя по всему, стало издание Радзивиллом в Вертниках (ныне деревня в Дзержинском районе Минской области) рескрипта от 27 (17) августа с предписанием Троицкому монастырю, который не допускает Преображенское братство к инвентаризации монастырского имущества и денежных средств, позволить братчикам составить их опись «немедленно», а также прислать ему завещание Михаила Козачинского «для известия» о двух кандидатах, которых покойный архимандрит избрал себе в преемники. В случае если Троицкий монастырь не захотел бы подчиниться власти «фундатора» и «колятора», Радзивилл грозил непризнанием завещания архимандрита. Кроме того, он запрещал отправлять кого-либо из «законников» в Киев к митрополиту вплоть до его особого распоряжения²⁸. Все это излагалось также в отдельном письме наместнику Иннокентию Болдышевскому²⁹.

Сходным образом, но более драматично, сложившуюся ситуацию описывал в письме от 5 сентября Тимофею Щербатскому Иннокентий Болдышевский. По его словам, Радзивилл, узнав «от панов братства слуцкого... о смерти архимандриты», сразу же «до коменданта слуцкого ординанс свой дал, даби всех законников на оку, куда котории поедут, иметь и ежели бы которий до Киева з монастыра поехал, казакамы нагнавши звернуть». Болдышевский трактовал эти меры как «полетичний арешт», поскольку «варта ординансом коменданту на всех законников приказана»³⁰.

Лишь к 13 (3) сентября Радзивилл прибыл в расположенную недалеко от Слуцка деревню Ивань³¹, где, по всей видимости, его посетил Иннокентий Болдышевский, прося разрешения послать в Киев сообщить о смерти архимандрита. Однако князь, «записавши кандидатов» на Слуцкую архимандрию, которых предлагал покойный отец Михаил, ответил Болдышевскому отказом: «ja sam będę pisał do przeoświęconego metropolity i przez mieszczan moich słuckich poszlę, a wms nie zważaj że nie posyłasz, ja wyekskujuje» («я сам буду писать к преосвященному митрополиту и через мещан моих слуцких к нему пошлю, а ваша милость не

²⁸ AGAD. AR. Dz. IV. Rps. 825. S. 105. См. также: Ibid. S. 111.

²⁹ AGAD. AR. Dz. IV. Rps. 825. S. 105–106. Копию письма отец Иннокентий переправил в Киев. См.: НИА СПбИИРАН. Колл. 87. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

³⁰ НИА СПбИИРАН. Колл. 87. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

³¹ AGAD. AR. Dz. IV. Rps. 825. S. 116. Непосредственно в Слуцк Радзивилл прибыл лишь в период после 23 (13) сентября (последнее письмо из Ивань; см.: Ibid. Rps. 144. S. 9) до 7 октября (27 сентября) 1755 г. (первое письмо из Слуцкого замка; см.: Ibid. Rps. 825. S. 120).

беспокойся, что ты не посылаешь — я сам все решу»). В письме киевскому владыке наместник сокрушался, что из-за такого отношения патрона «и доселе целий монастырь якби в detenции якої, а чрез то в уничтоженнии, насмеянии и безчестии вечном zostает». Ущерб репутации Троицкого монастыря и местных насельников особенно способствовало то, что «духовенству римскому и шляхте округ роспубликовалось» негативное мнение о них Радзивилла. Он якобы считал «законников» людьми, которые при ослаблении за ними надзора «z skarbcza klasztornego pieniędzy i srebra rokradną i rouciekają» («из монастырской казны деньги и серебро раскрадут и разбегутся»). Виноваты в этом были члены братства. Именно они, как писал отец Иннокентий, троицких насельников «пред другими иноверными везде обнесли и вечно опорочили за то, что я, по завещанию покойного, до монастыря им втручатися и вещей монастырских реестровать не дал».

В результате троицкие монахи, которые «верно обители своей и богобоязно живут», оказались в полном подчинении у слуцких братчиков, которые описали все церковное имущество («сребро, евангелия, ризы»), запасы зерна, земли, рыболовные снасти (бредни), «по фолварках скот почислили» и т.д. Особенно иноков угнетало то, что «такую оппрессию» они испытывают от своих же «единоверных», которые не имеют никаких прав вторгаться в монастырскую жизнь, тем более что братскую обитель Преображения Господня они «вовся обнищили». Во время самого процесса инвентаризации братчики держались весьма надменно («реестров со всего требовали») и даже враждебно: «Законников же всех без разговору ворами, блазнамы порочными називали: nie ma rana komu tu z wnim państwa wierzyć, wszystko dzieci i niestateczni, a inni i nie tutejszego klasztoru habitanci» («нет того, кому тут из ваших милостей можно верить, все дети и не серьезные, а другие и не здешнего монастыря обители»)³². Последний упрек был адресован отцу Иннокентию.

Наместник сетовал, что братчики не удовлетворились изданием княжеского рескрипта о запрете троицким монахам ездить в Киев и приказа слуцкому коменданту установить над обителью строгий надзор. Они выпросили себе у князя позволения ехать в Киев за новым архимандритом и в связи с этим требовали от наместника Иннокентия выдать им 500 золотых на поездку, шесть коней и две кибитки. Троицкие монахи пришли к единогласному мнению, что поскольку им сношения с Киевом запрещены, то слуцким мещанам, которые решили сами «для

³² Там же. Л. 3 об. — 4, 32.

своей чести» нового архимандрита «спровадить», следует ехать туда за свой, а не за монастырский счет. Иннокений Болдышевский оправдывал отказ тем, что Троицкому монастырю поездка обошлась бы вдвое дешевле, поскольку одного или двух монахов было бы вполне достаточно, чтобы осуществить миссию «с честью целого монастыря». Отказался Болдышевский и занимать деньги на стороне для поездки в Киев представителей братства, которое до сих пор не вернуло монастырю ссуду двадцатилетней давности.

Возмущенные братчики вновь пожаловались на наместника Радзивиллу, грозя Болдышевскому лишением должности и изгнанием, что позволит им самостоятельно распоряжаться «монастырским добром». Опасаясь совершенного разорения обители, наместник также обратился к патрону. Радзивилл принял половинчатое решение: «поезд», т.е. лошадей и кибитки, должен был снарядить Троицкий монастырь, тогда как деньги братчики должны были изыскать сами³³.

«И отселе дадут ли уже архимандрии покой, смущения и самовольство престанут ли впредь делать!» — восклицал наместник в письме от 27 сентября киевскому митрополиту и предупреждал того, что собирающиеся в Киев братчики будут выставять его человеком не местным, который не является «постриженцем» Слуцкой архимандрии. Он подчеркивал, что во всех «смущениях и несносных бедах не рад теперь у архимандрии быть», тем более что срок его пребывания оказался не так уж и долог. Два года назад, когда отец Иннокентий остановился в Слуцке, держа путь на Киев, Михаил Козачинский упросил его «обители святой послужить». Будущий наместник просил архимандрита, «даби мене в путь свой отпустил», но тот настоял, чтобы Болдышевский остался до «резолуции» от киевского митрополита. «И при самой смерти наипаче еще меня увещевал... — писал наместник, — даби я до приезде номената от архимандрии не съездил, чтоб панове братство монастыря не розграбили и сумми все [в] их руки не попали... Которое грабительство и расхищение непременно последовало би, понеже я им в том великая препона, за то наипаче на меня единого всяких способов и клевет пред князем употребляли». В конце послания Тимофею Щербацкому он выражал надежду, что назначенный митрополитом новый архимандрит во всем разберется, и заявлял, что в случае необходимости готов приехать в Киев и дать показания в консистории³⁴.

³³ Там же. Л. 32–32 об.

³⁴ Там же. Л. 32–33.

Фигура Иннокентия Болдышевского проливает дополнительный свет на природу взаимоотношений Михаила Козачинского с Преображенским братством. С 1748 г. отец Иннокентий был наместником виленского Свято-Духовского монастыря (второе лицо после виленского старшего), затем исполнял должности проповедника и комиссара, который представлял интересы старшинства в судах и иных разбирательствах. В последнем качестве отец Иннокентий в 1752 г. был направлен на гродненский сейм для переговоров о возвращении захваченного католиками селецкого Свято-Троицкого монастыря и участия в планировавшейся сеймовой комиссии об обидах православным. Не dokonчив дела, он вступил в конфликт с виленским старшим Сильвестром Добрыней, который обвинял отца Иннокентия в провале миссии и даже в подкупе, и выехал в Киев, но задержался в Слуцке (см. выше). В июле 1753 г. Сильвестр Добрыня обратился с жалобой к Тимофею Щербатскому по поводу подобного самовольства Болдышевского, и митрополит вроде бы указал отцу Иннокентию вернуться из Слуцка в Вильно, но меры эти, судя по всему, не дали результата³⁵.

Не имея прочной опоры ни в местной православной среде, ни среди братии собственного монастыря³⁶, архимандрит в 1753 г. «ухватился» за оказавшегося проездом в Слуцке Игнатия Болдышевского, которого, возможно, знал ранее. Именно его, чужака в глазах местных братчиков, Михаил Козачинский сделал душеприказчиком в делах архимандрии незадолго до смерти, тем самым только углубив уже тлевший некоторое время конфликт.

³⁵ Памятники православия и русской народности в Западной России в XVII—XVIII вв. Т. 1. Акты по истории заграничных монастырей Киевской епархии XVII—XVIII вв. / Под ред. Ф. Титова. Ч. 1. Киев, 1905. С. 484—490; Там же. Ч. 2. 721—722, 727—728, 769, 909—911; *Голубев С.Т.* Материалы для истории Западнорусской церкви (XVIII стол.). Киев, 1895. С. 14—16, 39, 41—45, 264; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. 31 (1751 г.) / [сост. и ред. Ф.И. Виноградов]. СПб., 1909. Стб. 15—16, 420. В «Историко-статистическом описании Минской епархии» Иннокентий Болдышевский упоминается как игумен минского Петропавловского монастыря в 1751 г. (Николай [Трусковский], архимандрит. Историко-статистическое описание... С. 89). Сам он заявлял, что действительно был назначен в Минск Сильвестром Добрыней, но назначение не принял. Это стало еще одной причиной для конфликта между виленским старшим и отцом Иннокентием.

³⁶ В июне 1753 г. два старых монаха взбунтовали против архимандрита весь монастырь из-за участия Козачинского в публичных диспутах слуцких иезуитов. Смутьяны обещали отправить жалобу на настоятеля в Киев или даже в Петербург. См.: Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Т. 7. Собранный в Несвиже и изданный П. Гильтебрандтом и А. Миротворцевым. Вильна, 1870. С. 238.

Отец Иннокентий оправдал это доверие, сумев тайно передать пакет писем митрополиту Тимофею Щербацкому еще до официальных представлений от Радзивилла. Его доверенный человек, Федор Буйда, мещанин из Петрикова, возвратившись из Слуцка в родной город, встретил там «заграничного благочестивого братства» иеродиакона Паисия и вдовствующего священника Игнатия Кореневского, которые ехали из Пинского монастыря. Им Буйда и передал секретное «законвертованное» донесение от 5 сентября (содержание изложено выше) для киевского владыки, которое те доставили по назначению в середине сентября 1755 г.³⁷ В момент получения секретного пакета митрополита не было в Киеве, поэтому члены консистории переслали ему его 13 сентября в Володкову Девицу, недалеко от Чернигова. Одновременно, проигнорировав кандидатов Козачинского, которых Радзивилл на определенных условиях был готов одобрить, они предлагали послать в Слуцк игумена Мгарского Лубенского монастыря иеромонаха Досифея, а на его место назначить «бывшаго Батурицкого монастыря игумена иеромонаха Иосифа»³⁸.

Излагая в рассмотренных выше письмах все последние злоключения братии Троицкого монастыря, Иннокентий Болдышевский просил Тимофея Щербацкого о милости в отношении монастыря, «чтоб до разорения крайнего не пришел, понеже Бог весть, что тое братство замишляет, чего я всенижайше слезно у ног архипастирских со всею братиею упадши, молю». Киевскому владыке следовало как можно скорее назначить «номинатом» на архимандрию кого-то из предложенных Михаилом Козачинским кандидатов (киево-печерского архимандрита Манассию Максимовича или префекта Киевской академии Давида Нащинского) и отправить в Слуцк, ни в коем случае не сообщая о своих контактах с Троицким монастырем Радзивиллу³⁹.

2 октября 1755 г. состоялось слушание в духовной консистории Киевской митрополии по поводу назначения слуцкого архимандрита. Для этого были подняты материалы, касавшиеся предыдущих «выборов», учитывавшие позицию русской дипломатии, которая не желала ссориться с Радзивиллом из-за процедуры назначения номината и его поставления. Однако собравшаяся комиссия не придала этому особого значения,

³⁷ НИА СПбИИРАН. Колл. 87. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–7 об.

³⁸ Там же. Л. 2.

³⁹ Там же. Л. 4–4 об., 24. Послания, помимо Иннокентия Болдышевского, подписаны иеромонахами Иларионом Рудаковским, Макарием Мартиновичем, Сильвестром Лосецким.

проигнорировав и предложенные покойным Михаилом Козачинским кандидатуры Манассии Максимовича и Давида Нашцинского. Члены консистории, как и ранее, выразили сомнение в целесообразности отправки в Слуцк любого из вышеозначенных лиц, поскольку первый «ныне уже киевобратского училищного монастыря игумен, ректор и священного богословия учитель», а другой — «префект, философии учитель же находится, которыи уже учения своя преподавать начали». В случае назначения кого-либо возникнет «помешка» для процесса преподавания. В связи с этим консистория продолжала настаивать, что номинатом должен стать игумен Мгарского монастыря, иеромонах Досифей, характеризуя его как «человека в православном благочестии безсумнительнаго и того звания достойнаго». На его место предлагалось назначить «бываго Батуринского монастыря игумена иеромонаха Иосифа Миткевича». Все это было оформлено уже в виде официальной рекомендации членов консистории (пустынно-никольский архимандрит Никифор, кирилловский игумен Феофан, кафедральный наместник иеромонах Лука, кафедральный духовник иеромонах Никифор, кафедральный писарь иеромонах Петр, перводьякон митрополита Киевского Мельхиседек, реент иеродьякон Феофилакт и др.). Окончательное решение должен был принять митрополит⁴⁰.

Тимофей Щербацкий рекомендацию принял, и 17 октября о состоявшемся решении было объявлено иеромонаху Досифею. Однако тот отказался ехать в Слуцк под тем предлогом, что служба там требует человека «в полском диалекте искуснаго, обхождениа полские добре знающаго, особливо же в дворских обращениях искуснаго и к тому из природы годящагося, наипаче же кто б мог и его сиятельству князю Радзевиллу во всем теми своими перфекциями быти угодной, от чего и полза той слуцкой обители, и всем тамо находящимся православним доброе и спокойное состояние могло б происходить». Себя таковым Досифей, очевидно, не считал. Он просил уволить его от назначения, констатировав, что «ко всему тому полскому обращению крайне себе чувствую недостаточна»⁴¹. Получив подобную просьбу, митрополит в тот же день (17 октября) написал Иосифу, «правителю» Максаковского Преображенского монастыря, сообщая о намерении назначить слуцким архимандритом его. Тимофей предписывал Иосифу не отречься от послушания и, сдав обитель

⁴⁰ Там же. Л. 8–11 об.

⁴¹ Там же. Л. 12. Письмо подано Тимофею Щербацкому в селе Семиполках (ныне село в Броварском районе Киевской области) 17 сентября.

наместнику, немедленно ехать в Киев⁴². Однако тот (получил послание владыки 25 октября) также посмел отказаться от предложенной миссии, ссылаясь на «крайнее препятствующее к тому извинение и свое к тому нежелание». Причина состояла в том, что Иосиф некоторое время назад был виленским «старшим» и «монашеский чын в Киеве получить по единому тому возжелал, дабы уже мне и по смерть мою в Полщи быть не довелось». Теперь он напоминал об этом «резоне» киевскому владыке, одновременно выражая готовность принять назначение, если Тимофей Щербацкий будет настаивать⁴³.

Однако митрополит настаивать не стал, поскольку 20 октября было решено послать в Слуцк одного из кандидатов, предложенных Козачинским, а именно Давида Нащинского. Наличие в адресованном ему послании митрополита ссылки на соответствующее прошение «князя господина Иеронима Радивиля» недвусмысленно указывает на связь этого решения с прибытием в Киев делегации слуцкого братства⁴⁴. Братчики явились в консисторию 11 октября, но митрополита в городе не оказалось. Прибывшие «две благочестивые персоны» — слуцкий бурмистр Иоанн Христинович и градский писарь Михаил Мелентович отказались передать письма для пересылки отсутствовавшему Тимофею Щербацкому и заявили, что будут дожидаться его возвращения⁴⁵. Вручение привезенных посланий митрополиту состоялось 19 октября⁴⁶.

Официальная грамота слуцких братчиков от 9 октября 1755 г. трактовала конфликт с Троицким монастырем совершенно иначе, нежели это было в действительности. Братство выражало официальные соболезнования в связи со смертью Михаила Козачинского, всячески подчеркивая его позитивный вклад в дело поддержки и распространения православной веры в Слуцком княжестве. Как писали братчики, архимандрит «świętobliwym swoim i przykłaдным pożyciem utrzymy[wał w] krajach tutejszych wiarę świętą prawosławną, umiał też tu[tejsze] moderować obyczaje i onym ukłádnoscią swoją zadość [uczynić]» («благочестивым и примерным своим поведением поддерживал в здешних краях святую православную

⁴² Там же. Л. 13.

⁴³ Там же. Л. 14–14 об.

⁴⁴ Там же. Л. 31.

⁴⁵ Там же. Л. 22 — 22 об., 23 а, 28.

⁴⁶ Тимофей Щербацкий сообщал Радзивиллу, что принял его послание 19 октября 1755 г. См.: AGAD. AR. Dz. 5. Rps. 16629. K. 4. См. также: НИА СПбИИРАН. Колл. 87. Оп. 1. Д. 2. Л. 28.

веру, умел также и усмирять здешние обычаи, и учтивостью своей учинить им удовлетворение»). Тема финансовых трений между братством и монастырем, в которых роль отца Михаила была отнюдь не последней, старательно обходилась стороной.

При этом братству необходимо было как-то объяснить, почему с просьбой о назначении нового слуцкого архимандрита в Киев приехали именно его представители, а не троицкие монахи, как это бывало ранее. Здесь братчики ссылались на обычай, когда местная православная «капитула», включавшая и монашество Троицкого монастыря, и членов Преображенского братства, выбирала кандидата на замещение вакантной должности архимандрита, после чего, получив одобрение патрона, отправляла его на утверждение к митрополиту. Теперь же, по словам братчиков, насельники Троицкой обители не стали участвовать в совместном обсуждении кандидатов, якобы с намерением действовать в этом вопросе самостоятельно, чтобы иметь своего «пастыря», избранного не только без санкции Радзивилла, но и Тимофея Щербацкого. Поэтому троицкие монахи категорически отказались посылать кого-либо в Киев и даже писать митрополиту. Члены братства же, будучи связаны «братской присягой», поддерживая православную веру и защищая интересы Слуцкой архимандрии, вынуждены были снарядить свое посольство. Они получили разрешение Радзивилла и просили назначить архимандритом кого-то из двух кандидатов, упомянутых в завещании Михаила Козачинского.

Кроме того, Преображенское братство просило Тимофея Щербацкого подтвердить привилегии, данные ему предыдущими патриархами и митрополитами ⁴⁷, приложив к посланию копии жалованных грамот, полученных от киевского митрополита Петра Могилы (от 2 июля 1635 г.) и иерусалимского патриарха Феофана (от 6 июня 1620 г.)⁴⁸.

В Киеве, как было показано выше, были в курсе остроты ситуации в Слуцке, отдавая себе отчет, что в письме братчиков содержалась очевидная ложь — по крайней мере касательно нежелания Троицкого монастыря контактировать с Киевом и признавать патронат Радзивилла. Тем не менее только прибытие представителей братства, судя по всему, заставило Тимофея Щербацкого отказаться от рекомендаций консистории,

⁴⁷ НИА СПбИИРАН. Колл. 87. Оп. 1. Д. 2. Л. 25. Письмо подписали члены братства: слуцкий войт Александр Кучарский, Якуб Липский, Якуб Олкевич, Петр Сухозанет, староста братства Леон Лабицкий, Мачей Христинич, Теодор Сухозанет, Ян Сухозанет.

⁴⁸ Там же. Л. 26–27 а, 26 а.

шедших вразрез с желаниями патрона и братства, и принять во внимание кандидатов, упомянутых в завещании Козачинского.

Просьба братчиков о выдаче нового привилея также была удовлетворена. 3 ноября консисторский писарь Пенчуков переписал набело подготовленный слуцкому братству привилей Тимофея Щербачького. В нем, впрочем, содержалась характерная оговорка, свидетельствующая о том, что митрополит и консистория не намерены уступать в наиболее существенном вопросе, касавшемся контроля над финансами архимандрии: «упоминаем оному благочестивому слуцкому братству, до добр живоначалная С. Троици монастыра (выделенные курсивом слова вписаны вместо зачеркнутого «монастыра». — К. К.) благочестивого слуцкого и протчих ему подсутственных, ни под каким претекстом на конец тот, от чего б ущерб и убель оному монастырю слуцкому следовать могли, не касатися и до правителства оногo монастыра, которое вручено единому того монастыра номинату вышшеимянованному с братиею и малейше не втручатся, от чего не могло б последовать каковых нестроений и раздоров»⁴⁹. Братству, таким образом, прямо запрещалось вмешиваться в дела Троицкой обители.

В письме (от 30 октября 1755 г.) И.Ф. Радзивиллу Тимофей Щербачький, впрочем, ни словом не упоминал о распрях между братством и монастырем, пустившись в воспоминания, что покойный Михаил Козачинский, «рекомендованный от мене вашему княжескому сиятельству... по моих рекомедациях тшчался всегда под нрав вашего княжеского сиятельства входить». Митрополит информировал патрона архимандрии, что Манассия Максимович ныне назначен настоятелем киевского Братского монастыря, преподавателем богословия и ректором Киевской академии, при которой согласно императорскому указу должен прибывать «безотлучно», в связи с чем к нему за «презентой» будет прислан Давид Нащинский, в полном соответствии с рекомендациями покойного архимандрита и просьбами самого князя⁵⁰.

А что же сам кандидат на Слуцкую архимандрию — Давид Нащинский? Желал ли он отправляться в Слуцк, который, как видно, не пользовался особой популярностью у киевского духовенства? Как следует из его

⁴⁹ Там же. Л. 28.

⁵⁰ AGAD. AR. Dz. 5. Rps. 16629. К. 4–6 (оригинал); НИА СРБИИРАН. Колл. 87. Оп. 1. Д. 2. Л. 29–30 (черновик в киевской консистории). По словам митрополита, Радзивилл характеризовал Михаила Козачинского как человека, который «де сам был заобикл добропорядочно жить, пристойно обиходитя и безпорочно чин свой содержать всем подвластним своим пример добродетелного жития показывать».

письма Тимофею Щербацкому, особым стремлением взять в свои руки бразды правления монастырем префект академии не горел. Киевский митрополит должен был дважды писать ему о назначении его кандидатом в архимандриты с приказом прибыть к себе, прежде чем Давид Нащинский сообщил о готовности предаться на волю владыки, прося лишь, «чтобы мне в потребу мою для того послушания людей в команде вашего преосвященства состоящих определить, по крайности трех человек годних и братству тамошнему помощи»⁵¹.

Сообщая о назначении Нащинского мгарскому игумену Досифею 24 октября, киевский митрополит предписывал ему занять место префекта и преподавателя философии в академии, а также возглавить Кирилловский Троицкий монастырь, игумену которого, «пречестному» иеромонаху Феофану, предполагалось определить «иное место»⁵². Досифей (в письме митрополиту от 19 ноября) согласился на перевод в Кирилловский монастырь, но от преподавания философии вновь отказался, оправдываясь, что «яко уже до двадцати лет, как я оней упражнялся, а ныне слышно, что она и преподается новим уже каким мефодом». В связи с этим игумен считал, что «оную мне... преподавать ныне и з неznосним моим трудом, паче и з крайним учеником недовольствием будет»⁵³. На это Тимофей Щербацкий предписал ему остаться в Мгарском монастыре, раздраженно замечая, что «в Киев вас звано» единственно для преподавания философии⁵⁴. 6 декабря 1755 г., чтобы «оной школы ученики без настоящего учителя не были и в учении своем урону не имели», преподавателем философии и префектом решено было назначить учителя риторики, иеромонаха Авраама, а на его место «кого достойного... избрать»⁵⁵.

6 ноября Тимофей Щербацкий сообщил Давиду Нащинскому как будущему архимандриту, что необходимые ему для поездки вещи: коляска, палуб, возки, лошади и прочее по «общенному и личному реэстру» получены, с напоминанием, что за ними следует «прилежно смотреть» в пути, «дабы что не было потеряно», лошадям давать «добрый... корм» и т. д. Все это имущество Давид Нащинский должен был сдать в консисторию обратно в соответствии с описью, прибыв в Киев с «презентой» для

⁵¹ НИА СРБИИРАН. Колл. 87. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

⁵² Там же. Л. 15–17 об. Здесь присутствуют два черновика одного и того же письма, различающиеся в деталях. Какой из них был отправлен, не ясно.

⁵³ Там же. Л. 18.

⁵⁴ Там же. Л. 20–21.

⁵⁵ Там же. Л. 18.

посвящения⁵⁶. 4 ноября датировано письмо Тимофея Щербацкого киевскому генерал-губернатору, генерал-майору Ивану Костюрину о выдаче Давиду Нащинскому пропуска на выезд в Польшу⁵⁷. Последний, готовясь к своей миссии, просил кафедрального судебного писаря Феофилакта (он же «реент») «написать на реестрих, кто архиерей в России и сколько архиерейство всех. Так tyż і кто канцліерзем и вице-канцліерзем и другие господа сенатори». За такую услугу будущий архимандрит обещал писарю прислать «з Литвы грибов и опеньков целый кузур»⁵⁸. С отправившимся к новому месту службы бывшим префектом Тимофеем Щербацким выслан письмо Иннокентию Болдышевскому с повелением слушаться нового архимандрита во всем⁵⁹.

Обстоятельства самой поездки Давида Нащинского, его посвящения в Киеве и возвращения в Слуцк в сохранившихся источниках отражены слабо. «Презенту» от Радзивилла Давид Нащинский получил 30 декабря 1755 г. Стандартный в общем-то текст заключал в себе конфирмацию права Давида Нащинского пожизненно управлять Слуцкой архимандрией, включая Троицкий монастырь с принадлежащими ему деревнями и фольварками и юрисдикой в Слуцке при освобождении греческого духовенства в соответствии с древними привилеями от всех скарбовых повинностей. Характерно, однако, что он не содержал никаких ссылок на подвластность Слуцкой архимандрии киевскому митрополиту, ограничиваясь конкретным разрешением Тимофею Щербацкому посвятить Давида Нащинского в сан архимандрита⁶⁰.

Слуцкие братчики в письме от 13 января 1756 г. благодарили Тимофея Щербацкого за присылку Давида Нащинского, особенно отмечая, что его приезд в Слуцк стал «радостью» для всех сынов и дочерей православной церкви. В церкви была отправлена торжественная служба с молитвой за здоровье Тимофея Щербацкого, звучал гимн «Te Deum

⁵⁶ Там же. Л. 34. Сохранился «реэстр» «какие вещи в Слуцкую дорогу из катедр киевской и из других монастырей киевских взяти» (Там же. Л. 35), включавший лошадей, коляску, возок и пр. (т.н. «поезд»), собранных из Михайловского, Братского и Пустынно-Никольского киевских монастырей с росписью Давида Нащинского в их получении (Там же. Л. 35 об.).

⁵⁷ Там же. Л. 36.

⁵⁸ Там же. Л. 39.

⁵⁹ Там же. Л. 37–38.

⁶⁰ Там же. Л. 41. Текст «презенты» на польском языке сохранился в виде копии. В конце помета: «С подлинником сводил катедральной митрополи[чей] киевской канцелярии реент иеродиакон Феофилакт».

laudamus», произносились речи («orationes»)⁶¹. В марте Давид Нащинский был посвящен в архимандриты в Киеве и выехал обратно. В направленном Радзивиллу письме митрополит просил окружить отца Давида такой же протекцией, как и его предшественника. Тимофей Щербацкий уверял патрона Троицкого монастыря, что каждый раз, когда молиться Богу, испрашивает прощение и для князя⁶².

Иннокентий Болдышевский сумел передать новому архимандриту все дела архимандрии, за ним была сохранена должность наместника, которую он занимал во все время правления Давида Нащинского (1755–1758 гг.) и при следующем архимандрите Досифее Галяховском. Враждебное отношение к нему слуцкого братства, впрочем, сохранялось все эти годы, и отец Иннокентий в 1759 г. обращался к новому киевскому митрополиту, Арсению Могилянскому, с просьбой о заступничестве перед князем И.Ф. Радзивиллом. При этом архимандрит Досифей характеризовал отца Иннокентия как «совершенного юриста», знающего «все тамошние крепости, грунта и обычаи», весьма полезного для архимандрии⁶³.

Конфликт между Троицким монастырем и Преображенским братством тлел и при новом архимандрите, Давиде Нащинском⁶⁴, и после него, когда братство, при поддержке И.Ф. Радзивилла, закрепило за собой право проводить ревизию имущества архимандрии, участвовать в выборах нового архимандрита и отправлять для его утверждения посольство в Киев⁶⁵.

* * *

К середине XVIII в. власть киевской консистории над Слуцкой архимандрией укрепились. В Киеве считали возможным осуществлять смену архимандрита, руководствуясь собственными бюрократическими интересами, фактически без совета с владельцем Слуцкого княжества, чье право патроната грозило окончательно превратиться в фикцию. Это вызывало недовольство Иеронима Радзивилла, который в 1740-х гг. как раз актив-

⁶¹ Там же. Л. 40. Письмо подписали А. Кучарский, Я. Липский, П. Сухозанет, Ян Федорович, Л. Лабицкий, Мачей Христинич и др. (часть текста утрачена).

⁶² Археографический сборник... Т. 7. С. 258.

⁶³ Памятники православия... Т. 1. Ч. 2. С. 1100–1103.

⁶⁴ Там же. С. 1062–1067.

⁶⁵ Археографический сборник... Т. 7. С. 267–268.

но осваивался в роли владельца огромных Нойбургских владений, однако нельзя сказать, что это было для него одной из приоритетных проблем. Сформулировав свои претензии в письме Ржичевскому, Радзивилл, судя по всему, был готов удовлетвориться формальным уважением к власти патрона со стороны Киева.

Однако конфликт углубился, потому что в 1755 г. у князя неожиданно обнаружился союзник в лице Преображенского братства, которое также к указанному времени потеряло какие-либо рычаги влияния на выбор кандидатуры будущего архимандрита, с эвентуальным оказанием предпочтения местному уроженцу, чья деятельность была связана с локальными институтами греко-русской церкви (таким кандидатом, например, был в свое время Серапион Полховский). Причем ситуация отличалась от прецедентов столетней давности, когда слуцким архимандритом был поставлен выходец из Киева Феодосий Василевич; тогда разделенность митрополии на российскую и заграничную части фактически не существовала и тем более не ощущалась так, как столетие спустя.

В сложившейся ситуации братство, считавшее себя выразителем интересов местного православного сообщества, потребовало себе контроля над финансами архимандрии и символической манифестации своего участия в жизни Троицкого монастыря в виде права отправлять в Киев посольства для сопровождения в Слуцк нового архимандрита. Не покушаясь на сложившийся порядок его назначения и поставления в целом, братчики тем не менее стремились поставить хотя бы под частичный контроль навязанного им извне кандидата и его деятельность.

Радзивилл в 1755 г. ужесточил свою позицию в конфликте под влиянием братства, первоначально выражая готовность лишь одобрить кандидатов, уже определенных Козачинским. Именно после визита М. Мелентовича, одного из лидеров братчиков, ездившего позднее в Киев, князь не только разрешил братству провести ревизию монастыря, но и направить посольство к митрополиту. Единственной уступкой, на которую пошел Радзивилл, стало распределение его коштов между братством и монастырем.

В самой консистории назначение архимандрита, в сан которого следовало поставить заслуженного человека, провоцировало целую череду бюрократических перестановок, сопровождавшихся к тому же отказами некоторых назначенцев ехать в Слуцк, служба в котором, как и в Великом княжестве Литовском в целом, определено не пользовалась популярностью среди киевлян. Характерно также, что первоначально ни киевская консистория, ни сам митрополит не собирались принимать в расчет ре-

комендации покойного Михаила Козачинского. Изменению позиции Киева способствовало, по всей видимости, дальнейшее развитие ситуации, связанное с отказом двух избранных кандидатов отправляться за границу, а также с прибытием посольства от Преображенского братства. Последний факт воочию продемонстрировал церковным бюрократам Киевской митрополии наличие серьезного конфликта в православной среде Слуцка, чреватого непризнанием со стороны Радзивилла номинанта, назначенного консисторией без учета его рекомендаций, основанных, в свою очередь, на завещании Козачинского.

Произошло, таким образом, ситуативное объединение католического патрона и его православных слуцких подданных в стремлении противодействовать киевской духовной консистории и синодальной бюрократии в целом, которая лишала их рычагов влияния на выбор архимандрита и контроля за его деятельностью. Однако если консистория была готова смириться с носившим демонстрационный характер переходом к братству права присылать в Киев посольство за новым кандидатом на архимандрию, то его намерения контролировать финансы и имущество Троицкой обители встретили резкое неприятие в Киеве.

Достигнутый в 1755 г. компромисс не устранял противоречий, а лишь сглаживал их, обусловив дальнейшее усугубление конфликта во взаимоотношениях консистории с местным православным сообществом и его светским патроном. Это проявилось, в частности, в последующие десятилетия, когда новым патроном Слуцкой архимандрии стал Кароль Радзивилл «Пане Коханку», а Давида Нащинского сменил Досифей Галяховский (архимандрит в 1759–1763 гг.). Архимандриты, в том числе в силу сложного политического положения К. Радзивилла, вынужденного даже на время бежать за границу, все чаще обращались за помощью к русскому посольству (особенно частым это стало при Павле Волчанском, архимандрите с 1763 г.), что, в свою очередь, провоцировало недовольство патрона и выливалось в итоге в еще более серьезные кризисы. Так, например, «Пане Коханку» взял под свое покровительство Досифея Галяховского, отставленного от архимандрии и запряженного в служении киевским митрополитом. Поводом для этого, кстати, стали злоупотребление служебным положением и растрата им средств Троицкой обители⁶⁶.

⁶⁶ Шпачинский Н. Киевский митрополит Арсений Могилянский и состояние Киевской митрополии в его правление (1757–1770 гг.). Киев, 1907. С. 609–615, 649. Нещолико иначе описывает события И.А. Чистович. Ср.: Чистович И.А. Очерк... Т. 2. С. 192–193.

Рассмотренный в данной статье эпизод взаимоотношений между православными Слуцка, И.Ф. Радзивиллом и киевской церковной бюрократией позволяет обозначить важную проблему в политике России по отношению к православной церкви Речи Посполитой в XVIII в. в целом. Не отрицая правильность общего тезиса «западнорусистов» (Ф.И. Титова, И.А. Чистовича, М.О. Кояловича⁶⁷ и др.) о религиозной нетерпимости и гонениях как важнейшем факторе упадка православия в польско-литовском государстве, необходимо поставить и вопрос о роли в этом упадке процесса бюрократизации и формализации управления заграничными приходами Русской церкви, который не учитывал местные особенности функционирования церковных институтов, а порой провоцировал распри, финансовые и иные неурядицы в локальных православных сообществах Великого княжества Литовского.

---

⁶⁷ Титов Ф.И. Русская православная церковь... Т. 1–2; Чистович И.А. Очерк...; Коялович М.О. История воссоединения...

REFERENCES

1. Arheograficheskiy sbornik dokumentov, odnosjashhihsja k istorii Severo-Zapadnoj Rusi, izdavaemyj pri upravlenii Vilenskogo uchebnogo okruga. T. 7. Sobrannyj v Nesvizhe i izdannij P. Gil'tebrandtom i A. Mirotvorcevm. Vil'na: V pechatne A.G. Syrkina, 1870.
2. *Chistovich I.A.* Oчерk istorii Zapadno-russkoj cerkvi. Ch. 2. SPb.: Tipografia Departamenta udelov, 1884.
3. *Degiel R.* Protestanci i prawosławni. Patronat wyznaniowy Radziwiłłów birżańskich nad Cerkwią prawosławną w księstwie słuckim w XVII w. Warszawa: Neriton, 2000.
4. *Erchiћ V.* Manuil (Mihail) Kozachinskiј i његоva traedokomedija. Novi Sad, Beograd: Institut za Књижhevnost I Umetnost, 1980.
5. *Golubev S.T.* Materialy dlja istorii Zapadnorusskoj cerkvi (XVIII stol.). Kiev: Tipografia Korchak-Novickogo, 1895.
6. *Karpińska M.* Riaucour (Riaucourt, Ryjokur, Riokur) Ludwik Ignacy // Polski słownik biograficzny. T. 31. Rehbinder Jerzy — Romiszewski Modest. Wrocław; Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź: Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1988–1989. S. 267–268.
7. *Kochegarov K.A.* Rossija i pravoslavnaja cerkov' Velikogo knjazhestva Litovskogo v pervye gody posle zakljuchenija dogovora o Vechnom mire (1686 — nachalo XVIII v.) // Vzaimodejstvija i konflikty na konfessional'no i jetnicheski smeshannyh territorijah Central'noj i Vostochnoj Evropy, 1517–1918 / Red.-sost. K.A. Kochegarov, L.K. Novosel'ceva, A. Forgo, O.V. Havanova. M.; SPb.: Nestor-Istorija, 2016. S. 169–196.
8. *Kojalovich M.O.* Istorija vossoedinenija zapadnyh uniatov staryh vremen (do 1800 g.). Minsk: Luchi Sofii, 1999.
9. *Lesiński J.* Spora o dobra neuburskie // Miscellanea historico-archivistica. T. 6. Warszawa: DiG, 1996. S. 95–132.
10. *Nikolaj [Truskovskij], arhimandrit.* Istoriko-statisticheskoe opisanie Minskoj eparhii. SPb.; V tipografii duchovnogogo zhurnala «Strannik», 1864.
11. Opisanie dokumentov i del, hranjashhihsja v arhive Svjatejshego pravitel'stvujushhego Sinoda. T. 31 (1751 g.) / [sost. i red. F.I. Vinogradov]. Spb.: Sinodal'naja tipografia, 1909.

12. Pamjatniki pravoslavija i ruskoj narodnosti v Zapadnoj Rossii v XVII–XVIII vv. T. 1. Akty po istorii zagranichnyh monastyrej Kievskoj eparhii XVII–XVIII vv. / Pod. red. F. Titova Ch. 1–2. Kiev: Tipografija I.I. Chokolova, 1905.
13. *Shpachinskij N.* Kievskij mitropolit Arsenij Mogiljanskij i sostojanie Kievskoj mitropolii v ego pravlenie (1757–1770 gg.). Kiev: Tipografija t-va N.A. Girich, 1907.
14. *Titov F.I.* Russkaja pravoslavnaja cerkov' v pol'sko-litovskom gosudarstve v XVII–XVIII vv. (1654–1795 gg.) T. 1. Zapadnaja Rus' v bor'be za veru i narodnost' v XVII–XVIII vv. Pervaja polovina toma (1654–1725 gg.). Opyt cerkovno-istoricheskogo issledovanija. Kiev: Tipografija I.I. Chokolova, 1905.
15. *Titov F.I.* Russkaja pravoslavnaja cerkov' v pol'sko-litovskom gosudarstve v XVII–XVIII vv. T. 2. Kievskaja mitropolija — eparhija v XVII–XVIII vv. (1686–1797 gg.). Pervaja polovina toma. Opyt cerkovno-istoricheskogo issledovanija. Kiev: Tipografija Imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira Akc. O-va pech. i izdat. Dela N.T. Korchak-Novickogo, 1905.

Ключевые слова:

Великое княжество Литовское, Слуцкая архимандрия,
слуцкий Свято-Троицкий монастырь, Иероним Флориан Радзивилл,
Михаил Козачинский, Давид Нашинский.

Kirill A. Kochegarov

THE KIEVAN METROPOLIA, PRINCE JERONIME RADZIVILL, AND THE NOMINATION OF DAVID NISCHINSKY AS THE ARCHIMANDRITE OF SLUTZK IN 1755

The article analyzes an episode in the history of the relationship between the Kiev Spiritual Consistory and the Slutsk Archimandrite District — one of the leading Orthodox Christian centers in the Grand Duchy of Lithuania.

In the middle of the 18th century the Kiev Consistory effectively controlled the nomination of the Archimandrites of Slutsk. This clearly dissatisfied the patron of the Orthodox Church in the Principality of Slutsk — Jeronime Florian Radzivill, who managed to receive vast lands of the extinct Birzhansk family line. The Catholic patron was supported by the Slutsk Transfiguration Brotherhood, which was also dissatisfied with the loss of their ability to influence the nomination of the local Archimandrite. After the death of Mikhail Kozachinsky, members of the Brotherhood received Radzivill's permission to create a registry of all moveable and real estate property of the Slutsk Archimandrite District, as well as the right to send an embassy to Kiev, to escort the new candidate for the post of Archimandrite. The union of an Orthodox brotherhood and their Catholic patron in the struggle against the authority of the Kiev Consistory (with regards to the Slutsk Archimandrite District) was amongst the pivotal signs of the dissatisfaction felt by the Orthodox in the Grand Duchy of Lithuania towards the bureaucratization of the administration of the Russian Orthodox Church's parishes in Belarus.

Key words: Grand Duchy of Lithuania, Slutsk Archimandrite District, the Holy Trinity Monastery in Slutsk, Jeronime Florian Radzivill, Mikhail Kozachinsky, David Naschinsky.

Kirill Kochegarov — PhD, senior researcher of the Institute of Slavonic Studies of the Russian Academy of Science.

 Кочегаров Кирилл Александрович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института славяноведения РАН

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.33.003

В. В. Аниперков

ПОД МАСКОЙ СОТРУДНИЧЕСТВА

Конфликты российских войск
и пророссийских конфедераций на землях
Великого княжества Литовского в 1792–1793 гг.

*«Молю Всевышнего, дабы <...> освободил меня
от Польши <...>, видя без причин наложения сего ярма
на меня; и что я выношу, о том неудобно писать».*

М. Н. Кречетников, 30 VI / 11 VII 1792

*«Конфедерация Минского воеводства <...>
ежедневно возносит молитвы о приближении времени,
в котором сложит свои дела, так как те становятся
несносным игом и источником горечи».*

Я. Путткамер, 24 II 1793

В мае 1792 г. в границы Речи Посполитой вступили российские войска. Вводя армию на территорию соседнего государства, императрица Екатерина II не хотела выглядеть инициатором военного конфликта, поэтому накануне в Санкт-Петербурге был создан и подписан акт пророссийской конфедерации с протестом ее будущих участников против Конституции 3 мая 1791 г. и других законов Четырехлетнего сейма (1788–1792), обнародованный впоследствии на территории Польской Короны в приграничном местечке Тарговица¹. Поскольку официальная война объявлена не была, введение войск объяснялось просьбой самого населе-

¹ Akt Konfederacyi General. wolney Koronney w Targowicy 14. Maja r. 92. Skoiarzoney // Zbiur Wszystkich Drukow Konfederacyi Targowickiey y Wilenskiey. Potrzebnych teraz do Wiadomości powszechney, ażeby kto zniewiadości onych nieszkodował. [Tom I]. Częsc I. Warszawa, 1792. S. 17–56.

ния Речи Посполитой². Представлять и озвучивать его интересы согласно воле российского руководства³ призваны были участники конфедераций, создаваемых в различных регионах Польской Короны и Великого княжества Литовского в поддержку тарговицкого акта⁴. В историографии за ними закрепились наименования приспособленцев и предателей⁵, что, с одной стороны, указывает на их безусловную вину за соучастие в очередном разделе своего государства (1793), а с другой стороны, на наш взгляд, способствует чрезмерно упрощенным представлениям о ситуации, сложившейся на белорусско-литовских землях Речи Посполитой в 1792–1793 гг. Цель статьи — показать разные стороны взаимоотношений представителей конфедерации с российскими военными, амплитуда которых колебалась от сотрудничества до открытых конфликтов.

По свидетельству самих конфедератов (в закрытой от посторонних глаз переписке), их политические лозунги не находили существенной поддержки среди местного населения. Так, руководитель (маршалок) конфедерации Полоцкого воеводства Ежи Корсак⁶ признавал в одном из

² Декларация, поданная министром Е. И. В. Булгаковым в Варшаве Министерству Польскому: О вступлении Российских войск в области Республики // Сборник документов, касающихся административного устройства Северо-Западного края при императрице Екатерине II (1792–1796) / Виленская комиссия для разбора древних актов; председатель Ф.Н. Добрянский. Вильно, 1903. С. 1–8.

³ См.: *Instrukcje i reskrypty do ambasadorów rosyjskich w Rzeczypospolitej w latach 1772–1794* / oprac. A. Danilczyk, J. Kordel, V. Anipiarkou, S. Łuczak, współpraca Z. Zielińska. Warszawa, 2019. S. 258–272, 298–299.

⁴ О создании в Великом княжестве Литовском конфедераций 1792–1793 гг. см.: *Šmigelskytė-Stukienė R. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės konfederacijos susidarymas ir veikla 1792–1793 metais*. Vilnius, 2003; *Robnik D. O postawach szlachty litewskiej wobec konfederacji targowickiej w 1792 roku* // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. 1 (2004). S. 73–96; *Аніцяркоў В. Некаторыя асаблівасці фарміравання інстытутаў Таргавіцкай канфедэрацыі (на прыкладзе беларускіх зямель Вялікага Княства Літоўскага)* // *Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура* : зб. аўко-вых артыкулаў. У 2 ч. Ч.1 / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі; уклад.: А.А. Скеп'ян; рэдкал. У.Р. Гусакоў [і інш.]. Мінск, 2017. С. 336–351.

⁵ Ср.: О ustanowieniu i upadku Konstytucji Polskiej 3-go maja 1791: [w 2 cz.] Część druga. О upadku Konstytucji Polskiej 3go maja 1791. Metz, 1793; *Костомаров Н.И.* Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1870; *Smoleński W.* Konfederacja targowicka. Kraków, 1903; *Тимошук В.В.* Тарговицкая конфедерация // *Русская старина*. 1904. № 9–10; 1905 № 1–2; *Łojek J.* Upadek Konstytucji 3 Maja: studium historyczne. Wrocław, 1976; *Анішчанка Я.К.* Инкарпарацыя: Літоўская правінцыя ў падзелых Рэчы Паспалітай. Мінск, 2003; *Danilczyk A.* Targowica czyli zdrada. Warszawa, 2016.

⁶ Решение по кандидатуре Е. Корсака в качестве маршалка принималось в Санкт-Петербурге еще до перехода российскими войсками Западной Двины (22 мая) и обновления в Ушачах акта местной конфедерации (30 мая). 12 мая 1792 г. генерал-аншеф М.Н. Кречетников (в 1772–1775 гг. псковский губернатор) направил письмо в Военную коллегию России с просьбой утвердить Корсака в данной должности, со-

писем, что местные «мелкие дворяне, зараженные столько фанатизмом, что в состоянии и жизнью пожертвовать, только бы не присоединиться к конфедерации»⁷, а по утверждению одного из организаторов создания Браславской конфедерации, Николая Мануцци, для ее сохранения требовалось постоянное присутствие в повете не менее 500 российских солдат⁸. Для придания действиям своих войск большей легитимности Екатерина II накануне провозглашения Тарговицкой конфедерации именовала российского генерал-поручика, уроженца Ковенского повета Шимона (Семена Демьяновича) Коссаковского «регентарием литовских сконфедерованных войск»⁹. Местные конфедерации поначалу организовывались преимущественно при помощи его доверенных лиц. Как отмечал один из них, советник новогрудской конфедерации Марк Тугановский, руководство движением реализует свои цели «через коллег в своих рядах», для этого выдает им пакеты документов с полномочиями «создания местной конфедерации, в составе маршалка и шести советников, в том воеводстве, в котором она сама желает, и в то время, в которое она хочет»¹⁰. Чтобы действия уполномоченных конфедерацией внешне согласовывались с местной правовой традицией, их, помимо российских отрядов, сопровождали немногочисленные представители местных вооруженных сил, ряды которых пополнялись за счет добровольцев из числа военнотру-

---

общая о нем: «Знакомый мой, и в бытности моей еще губернатором облаканный и одолженный господин Корсак, живущий за границей в Полоцком воеводстве, от короля награжденный орденом [Св. Станислава] и имеющий уважение в том воеводстве, которого наклонил я к принятию [звания] маршала конфедерации того воеводства и отправил к господину Косаковскому (регентарий войск конфедерации Шимон Коссаковский. — В.А.) для подписки» (М.Н. Кречетников — Н.И. Салтыкову, Полоцк, 1/12 V 1792 // Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 174. Л. 49).

⁷ Е. Корсак — российскому подполковнику Сиверсу, б. м., 12/23 VI 1792 // РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 167. Л. 33–33 об.

⁸ В.В. Долгоруков — М.Н. Кречетникову, с. Красное, 15/26 V 1792. РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 174. Л. 143–143 об. Подробнее о создании конфедераций в Браславе и Ушачах см.: *Anipiarhou V. Konfederacja targowicka w 1792 r. w świetle korespondencji służbowej rosyjskiego generała Michaiła Kreczetnikowa* // *Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. Т. LIV. 2019. З. 1. S. 77–87. [Режим электронного доступа]: http://www.sdr-ihpan.edu.pl/images/2019-tom-54-1/04_Anipiarhou.pdf [Дата доступа]: 29.12.2019

⁹ Екатерина II — М.Н. Кречетникову, [Санкт-Петербург], 11/22 IV 1792 // Сборник Императорского Русского Исторического общества (далее — СИРИО). Т. 47. СПб., 1887. С. 270.

¹⁰ М. Тугановский — М. Прушановскому, маршалку Речицкой конфедерации, Бобруйск, 27 VIII 1792 // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (Национальный исторический архив Беларуси, далее — НИАБ). Ф. 1903. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

Михаил Никитич Кречетников. Художник Дмитрий Левицкий

жащих Великого княжества Литовского, попавших в плен в ходе боевых действий против войск Российской империи, в то время как несогласных вступать в армию конфедерации по распоряжению Екатерины II этапировали в Тверь¹¹. Поскольку компетенции обычных государственных институтов до специального постановления конфедерации были временно аннулированы, ее представителям на местах передавались все функции административно-распорядительной и судебной власти¹², лояльность к которой каждый шляхтич был обязан лично засвидетельствовать специальной процедурой присоединения к конфедерации¹³.

Обстоятельством создания конфедераций, не отмеченным другими исследователями проблемы, был острый личный конфликт между Ш. Коссаковским и генерал-аншефом российских войск в Великом

¹¹ Н.И. Салтыков — М.Н. Кречетникову, [Санкт-Петербург], 11 / 22 VI 1792 // РГВИА. Ф.41. Оп.1/199. Д.161. Л.79 об. — 80; Екатерина II — М.Н. Кречетникову [Санкт-Петербург], 12/23 VI 1792 // СИРИО. Т. 47. С. 385 (№ 59); М.Н. Кречетников — Екатерине II, Щучин, 24 VI / 5 VII 1792 // РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 218. Л.126 об. (отсутствует в СИРИО). Подробнее об армии конфедератов см.: *Аніяркоў В.В.* Апошні гетман ВКЛ. Таргавіцкі шлях Шымана Касакоўскага // Беларускі гістарычны часопіс. 2006. № 9. С. 46–47.

¹² См.: *Abramski A.* Sądownictwo podczas konfederacji w Polsce: (1672–1793). Katowice, 1986. S. 94–95; *Šmigelskytė-Stukienė R.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės konfederacijos susidarymas ir veikla 1792–1793 metais. P. 162–193.

¹³ *Ibid.* P. 95–100; *Аніяркоў В.* Некаторы асаблівасці фарміравання інстытутаў Таргавіцкай канфедэрацыі... С. 343–350.

Шимон (Семен Демьянович) Коссаковский. Художник Ян Дамель

княжестве Литовском Михаилом Никитичем Кречетниковым¹⁴. Коссаковский, как руководитель одной из частей в армии Кречетникова, напрямую подчинялся ему с точки зрения военной субординации, но добивался самостоятельности действий в «политической части» создания конфедераций, ссылаясь на особую доверенность в этом вопросе со стороны Екатерины II. Через месяц после начала интервенции, в акте Генеральной конфедерации Великого княжества Литовского от 25 июня 1792 г., он также был объявлен литовским польным гетманом, и данное звание, как доносили Кречетникову его подчиненные, считал равным статусу генерал-аншефа¹⁵. Угрозой для Кречетникова было, однако, не бутафорское гетманское звание Коссаковского (без королевской номинации на должность), а протезирование последнего со стороны фаворита императрицы Платона Александровича Зубо-

¹⁴ Подробнее на тему их взаимоотношений см.: *Anipiarkou V. Konfederacja targowicka w 1792 r. w świetle korespondencji służbowej rosyjskiego generała Michaiła Kreczetnikowa*. S. 79–80, 87–91, 93.

¹⁵ Akt Konfederacyi Generalney wolney W. X. Litt. z dnia 25 Junii 1792 // Zbiur Wszystkich Drukow Konfederacyi Targowickiey y Wilenskiey. [Tom I]. Częsc I. S. 9. О разнообразии должностных званий Ш. Коссаковского и особенностях их восприятия современниками см.: *Dolinskas V. Simonas Kosakovskis: politinė ir karinė veikla Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje 1763–1794*. Vilnius, 2003. P. 545–553, 638–642; *Maksimowicz K. Oświeceniowy rebus polityczny. O ukrytych w akrostychach nazwiskach wodzów targowickich* // *Napis. Seria XVII*. 2011. S. 111–121.

Платон Александрович Зубов. Художник Иоганн Баптист Лампи Старший

ва¹⁶. Воздерживаясь по этой причине в официальных рапортах на имя Екатерины II от критики Коссаковского, генерал-аншеф достаточно прямолинейно излагал свое видение ситуации руководителю Военной коллегии России Николаю Ивановичу Салтыкову. В качестве примера приведем выдержку из письма от 11 июля:

«Изволите писать, что вы довольно извещали или замечали о моем расположении и обращении к господину Касаковскому. На сие вам, как истинному благодетелю, донесу: я тот же само, как с первого дня был, потому что не по чину снисхождения оказывал, а как тому, который имеет доверенность в делах. И для того откровенно скажу: все капризы выдерживал, притворялся не примечать, что он старается заводить за меня, что ему верить, что он имеет надежную переписку. Вчерашнего дня сказал мне, что По-

¹⁶ О влиянии П.А. Зубова на российскую политику в Речи Посполитой см.: А. Деболи — Станиславу Августу, Санкт-Петербург, 13 III, 20 III, 6 IV, 8 VII, 31 VII 1792 // *Rok nadziei i rok klęski. 1791–1792. Z korespondencji Stanisława Augusta z posłem Polskim w Petersburgu Augustynem Deboli / wybrał i opracował J. Łojek. Warszawa, 1964. S. 117–118, 121–122, 128–129, 164, 169–170. Ср.: Стегний П.А. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772, 1793, 1795. М., 2002. С. 262; Šmigelskytė-Stukienė R. Kosakovskią ir Platono Zubovo ryšiai Rusijos intervencijos ir antrojo Abiejų Tautų Respublikos padalijimo kontekste // *Istorija. T. 105. 2017. № 1. P. 24–47.* [Режим электронного доступа]: <http://www.istorijoszurnalas.lt/index.php/IS/article/view/23/21> [Дата доступа]: 29.12.2019.*

пов (генерал-майор Василий Степанович Попов, приближенный к П. А. Зубову. — В.А.) к нему пишет и что он надеется скоро ехать в Петербург <..> Это подлинно ему нужно для встреч, объяснений, [чтобы там обо всем] самому поведать. Князю Долгорукову (генерал-поручик Василий Васильевич Долгоруков. — В.А.) сказал, что он гетман, а то звание приносит чин генерала-аншефа, тот отвечал, что он ему сердечно желает того и что с ним вместе будет ласкаться [для того, чтобы] отпущенным быть отовсюду. Все такие вздоры оставляя, но больше всего мучит меня провиант; он на бумаге требует, чтоб уволить многие места и города от собрания фуража, но теперь дело доходит, что не с чем идти, и принужден буду требовать. Следовательно, и родятся новые истерии»¹⁷.

Несмотря на наличие очевидной личной составляющей, конфликт имел под собой ряд причин объективного характера. Ш. Коссаковский (зачисленный в российскую армию по инициативе Григория Александровича Потемкина в 1790 г.¹⁸), во время своего пребывания в Яссах, а позже — непосредственно в Санкт-Петербурге, обязался обеспечить поддержку российских политических инициатив со стороны шляхты белорусско-литовских земель. Связанный данными обещаниями, он всеми силами пытался добиться их реализации, имея, в условиях негативного отношения к конфедерации местной шляхты, по сути лишь одно средство: грубое военное принуждение. Кречетников при решении значительно более широкого спектра задач, в том числе сугубо военных, такой способ политического взаимодействия с местным населением воспринимал как дополнительную проблему для себя. В переписке с Салтыковым генерал-аншеф неоднократно высказывал опасения, что чрезмерное применение силы по отношению к местной шляхте может привести к волнениям, с угрозой их дальнейшего распространения в границах первого раздела¹⁹.

¹⁷ М.Н. Кречетников — Н.И. Салтыкову, Гродно, 30 VI / 11 VII 1792 // РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 174. Л. 113–113 об.

¹⁸ Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791 / Подгот. В.С. Лопатин. М., 1997. С. 905.

¹⁹ Для предотвращения возможных попыток антиправительственных выступлений со стороны местной шляхты в Полоужкое наместничество в составе Российской империи по предложению Кречетникова были дополнительно введены два легких кавалерийских полка и один пехотный. Генерал-аншеф усматривал в восточной Беларуси также угрозу бунтов крестьян, настроения которых, как отмечал в одном из писем, были подогреты слухами об отмене крепостного права в Речи Посполитой; в этой связи обращал внимание Салтыкова на тенденцию усиления бегства в сосед-

Коссаковского описывал не иначе как «самохвала», который «больше обещал, чем сделать может»²⁰.

Стремление не провоцировать население излишней эскалацией насилия время от времени находило выражение в действиях Кречетникова по сдерживанию репрессивных мер конфедерации²¹. При этом оно

нее государство крепостных и необходимость более надежного закрытия границы. М.Н. Кречетников — Н.И. Салтыкову, Полоцк, 4/15 V 1792; б. м. 5/16 VI 1792 // РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 174. Л. 53 об., 76 об.

²⁰ М.Н. Кречетников — Н.И. Салтыкову, Ушачи, 19/30 V 1792 // РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 174. Л. 146.

²¹ Примером может служить история пограничного местечка Дисна, городской магистрат которого отказывался присягать на верность местной конфедерации Полоцкого воеводства, обнаружив накануне универсал правительства Речи Посполитой о защите Отечества (таможенный советник Гейден — П.Б. Пассеку, б. м., 24 V / 4 VI 1792 // РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 174. Л. 79–79 об.). В письме Н.И. Салтыкову от 5/16 VI 1792 М.Н. Кречетников сообщал: «При самом вступлении моем в Литву открыта конфедерация воеводства Полоцкого. Маршалк оной Корсак, получа подробное наставление от господина генерала-поручика Коссаковского и утвердя в местечке Ушачи акт конфедерационный присягою подписавшихся шляхтичей, принял попечение умножить сии подписи, приглашая к тому разехавшихся в разные места и приводя, между тем, к присяге обывателей окрестных местечек. Оставленный мною позади подполковник граф Сиверс имеет с командою приказание помогать ему. Между прочими, маршалк требовал присяги от жителей королевского местечка Дисны, лежащего на границе против города Дриссы. Когда обыватели от оной отказались, то маршалк, заботящийся только о своем деле, не сообразя могущих быть разных последствий (тут и далее подчеркнуто мной. — В.А.) потребовал от помянутого [под]полковника воинской команды в важном количестве, дабы устрашением преломить упорство. Подполковник сей, не объясняясь с маршалком и не получа от меня резолюции, а поспешая только выполнить его требование, для выигрывания времени, поколику я с корпусом далеко уже впереди находился, отнесся о сем к господину полоцкому губернатору (Сергей Васильевич Неклюдов, руководитель Полоцкого наместничества, генерал-майор. — В.А.), который дал ордер ямщицкому казачьему полку поспешно прибыть в Полоцк [...] Коль скоро дошло ко мне о сем сведение, я послал майора Есипова с письмом к маршалку, рекомендовавши ему, чтоб, удерживаясь от принуждения и поспешности, употреблял одни способы убеждения к добровольному обращению жителей на свою сторону, [...] а к господину генералу-поручику Шепелеву (Петр Амплиевич Шепелев. — В.А.) писал я, дабы, не вводя казачий ямщицкий полк в помянутое местечко, расположил оной в Дисне на тот конец, чтоб, ежели жители того местечка продолжают упорство и неповиновение свое маршалку, яко правителю воеводства полоцкого, тогда уже по сношению со мною ввести оное и в почувствование противникам приказать довольствоваться провиантом и фуражом, безденежно от них взимаемым. Сие обстоятельство описал я так подробно потому, что оно касается главнейшего предмета, каковым имею удержание должного порядка и спокойствия в занятой уже части Княжества Литовского, дабы чрез то, обеспечивши границы, тыл свой и коммуникации войск с Белоруссиею, надежнее и благоуспешнее мог я продолжать безостановочное вперед движение» (М.Н. Кречетников — Н.И. Салтыкову, б. м., 5/16 VI 1792 // РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 174. Л. 76 об.–77. Ср.: Дневные записки ..., 3/14 VI 1792. С. 47–48).

не мешало самому генерал-аншефу проводить регулярный поиск и превентивные аресты шляхтичей, подозреваемых в целенаправленном накоплении оружия; материалы его переписки с Салтыковым показывают, что в ситуации боевых действий, продолжающихся до конца июля 1792 г., реальный алгоритм поведения российского военного командования определялся не официальной задачей создания конфедераций, а мерами по недопущению восстания в тылу своих войск. На приоритет военных задач перед политическими указывает фрагмент в последнем цитированном письме, в котором Кречетников отказывается (ценой угрозы снабжения войск) удовлетворить требование Коссаковского о создании льгот при их обеспечении российской армии провиантом и фуражом для поветов, в которых уже возникли местные конфедерации. По-видимому, похожие мотивы безопасности склоняли российских офицеров отпускать часть попавших в плен военнослужащих Великого княжества Литовского по домам, после разоружения и присяги о невозобновлении борьбы, вместо отправки их с оружием в руки в армию конфедерации. Это вызывало не только понятные возражения со стороны С. Коссаковского²², но и ряд других моментов, труднообъяснимых с точки зрения представлений, сложившихся в историографии о войне 1792 г. Один из них — более положительные, в сравнении с конфедератами, отзывы о высших руководителях российской армии, встречающиеся в переписке местной шляхты, в том числе из противников конфедерации.

Так, в одном из писем, с описанием создания 25 июня Генеральной литовской конфедерации в Вильно, неизвестное лицо доносило королю:

«Я должен отдать честь генералу Кречетникову и другим российским военачальникам, которые обходятся с нами как люди совестливые и справедливые. Но что может быть жалостнее, когда всякие притеснения терпим от собственных своих соотчичей!»²³

Сравнение в пользу офицеров российской армии, перекладывающее ответственность за военное насилие на конфедератов, встречается также

²² М.Н. Кречетников — Н.И. Салтыкову, Гродно, 3/14 VII 1792 // РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 173. Л. 4 об.

²³ N — Станиславу Августу, Вильно, 28 VI 1792 // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. «Сношения России с Польшею». Оп. 79/6. Д. 1525. Л. 15; в оглавлении (при переводе на русский язык) «Копия с письма из Вильни от 28 июля» (там же. Л. 13) ошибочно указан месяц: июль — вместо июня.

в письме без обозначения автора и адресата, с описанием ситуации в период создания в Россиенах конфедерации Жмудского княжества:

«Майор Латышев имеет подразделение в Жмудском княжестве. Человек разумный и полный человечности; никто поэтому не испытывает притиснений от его дивизии. Но вот есть тут некий господин Щука (Юзеф Щука, с июля 1792 г. советник конфедерации Трокского воеводства. — В.А.) слуга семьи Коссаковских, используемый собственно для мести и тирании: я слышал, что он раньше был конюшим у Минейки, ковенского писаря (Томаш Минейко, писарь земского суда Ковенского повета²⁴. — В.А.), человек исключительно глупый, пьяница и тиран. Он при себе в данный момент имеет 20 казаков, не зависимых и не подчиненных этому майору; с ними все самые отвратительные совершает преступления»²⁵.

Конфедерация в Россиенах была создана 9 августа²⁶, уже после решения Станислава Августа о капитуляции в войне и формальном (по требованию Екатерины II) присоединении с армией к Тарговицкой конфедерации (24 июля 1792 г.²⁷). В этот период линия поведения руководителей российских войск в Великом княжестве Литовском еще менее стала согласовываться с мнением и планами инициаторов местного тарговицкого движения во главе с Шимоном и его братом, ливонским католическим епископом, Юзефом Коссаковскими. Предусматривала она, в частности, согласие на передачу власти в ряде регионов Княжества их политическим оппонентам. Последние, в том числе из круга лиц, приближенных к Станиславу Августу, соглашались становиться во главе местных конфедераций (создания которых ранее не смогли силой добиться инициаторы

²⁴ См.: Akta sejmiku kowieńskiego z lat 1733–1795 / wydała M. Jusupović. Warszawa, 2019. S. 497, 596.

²⁵ N — N, Россиены, 30 VIII 1792 // АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшею». Оп. 79/6. Д. 1523. Л. 37. Далее в письме сообщалось, что Ю. Щука, преследуя, в числе прочих противников конфедерации, жмудского католического епископа-суффрагана Тадеуша Юзефа Букатого, разграбил Варняй (бывшие Медники), Паланговское староство и даже приграничные деревни в Пруссии, на территории которой был пойман с четырьмя российскими казаками и отправлен местными властями под арест в Мемель (совр. Клайпеда). Ср.: *Smoleński W.* Konfederacja targowicka. S. 273.

²⁶ *Šmigelskytė-Stukienė R.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės konfederacijos susidarymas ir veikla 1792–1793 metais. P. 90.

²⁷ Akcess Nayiaśn. PANA do Konfederacyi Targowickiej, [24 VII 1792] // Korrespondent Warszawski. 1792. № 48 (21 sierpnia). S. 414.

движения), оправдывая свои действия необходимостью ограничить военный произвол и не допустить к управлению собственным поветом лиц посторонних, ничтожных и беспринципных.

Руководитель одной из таких конфедераций, Брестского воеводства, Михаил Залеский следующим образом излагал свои мотивы:

«Страх и слезы местных граждан, которые больше, чем российских войск, опасались маршалка, если бы им стал тот, который не вызывал доверия, заставили меня подчиниться их желанию и согласиться на избрание <..> Я направился к российскому высшему военному руководству и там нашел людей, не утративших человечность. Таким образом, я делал на своей должности то, что делать было возможно в такое время, когда не может быть всем хорошо, но, по крайней мере, не будет одним хуже, чем другим»²⁸.

Будучи известным противником Конституции 3 мая, М. Залеский не скрывал своей антипатии к Коссаковским, обвиняя их в репрессиях по отношению к согражданам и узурпации власти в Генеральной конфедерации²⁹. Согласно его версии событий, изложенной в письме Тадеушу Чацкому от 18 декабря 1792 г., накануне штурма Бреста российским корпусом генерал-поручика Ивана Евстафьевича Ферзена, он был доставлен к последнему и получил предложение возглавить местную конфедерацию. Ответив первоначальным отказом, Залеский подчеркнул отношение к происходящему черной одеждой, в которой прибыл в штаб Ферзена. В представлении россиян черный цвет означал сознательное оскорбление, но российский генерал согласился интрепретировать его как знак «национального траура поляков» в ситуации множества жертв, вызванных действиями его войск. Как заметил Залеский, одновременно передавая в письме наблюдаемую им картину убийств и разрушений, «генерал-чужеземец был человеком <..> Призвание сделало этого человека солдатом, но разум позволяет ему быть большим, чем солдат»³⁰.

²⁸ М. Залеский — генерал-майору коронных войск Юзефу Орловскому, Брест, 23 IX 1792 // Biblioteka Jagiełońska (Библиотека Ягеллонского университета в Кракове — далее ВJ). Rkps. 955. K. 184 ob. 185. Об эпистолярном наследии М. Залеского и его деятельности в должности маршалка Брестской конфедерации см.: *Rolnik D. Michał Zaleski — moralne dylematy targowiczana. O postawie politycznej marszałka konfederacji targowickiej województwa brzesko-litewskiego w latach 1788–1793 // Wieki Stare i Nowe. T. 3 (2003). S. 90–108.*

²⁹ М. Залеский — Ю. Орловскому, Брест, 23 IX 1792 // ВJ. Rkps. 955. K. 184 ob. — 185.

³⁰ М. Залеский — Тадеушу Чацкому, [Брест] 18 XII 1792 // ВJ. Rkps. 955. K. 90–90 ob.

Иван Евстафьевич Ферзен. Художник Андрей Жданов

Отдавая по ходу распоряжения войскам о ночном марше к городу (с 22 на 23 июля³¹), Ферзен, тем не менее, закончил диалог с Залеским следующими словами:

«Завтра перед рассветом я буду атаковать ваших генералов, если они меня заставят отступить, ты останешься тем, кем хочешь остаться; если они уступят мне, то увидимся в Бресте и будет так, как быть должно»³².

Таким образом, через несколько дней после окончания боев Залеский по приказу Ферзена прибыл в город, сильно разрушенный артиллерийскими обстрелами и отданный на разграбление, в котором 28 июля для объявления конфедерации была собрана испуганная шляхта. Залеский утверждал, что Ферзен предоставил ей самой возможность выбирать маршала из нескольких кандидатов, в связи с чем Залеский имел двух конкурентов, которых, впрочем, даже на фоне повторно продемонстрированного нежелания должности (голосовал за одного из своих противников) без труда победил³³.

³¹ См.: Дневные записки... 13/24 VII 1792. С. 88.

³² М. Залеский — Т. Чацкому, [Брест] 18 XII 1792 // В. J. Rkps. 955. К. 90 об.

³³ Ibid. К. 91; М. Залеский — А. М. Сапере // В. J. Rkps. 955 [Брест 1792] К. 446 об. Ср. Wolanski A. Wojna polsko-rosyjska 1792 r. Warszawa, 1996. S. 635–657.

Относительную правдивость данного сюжета подтверждает письмо И.Е. Ферзена к участнику соседней конфедерации Пинского повета Игнатию Куженецкому. Следует отметить, что ее создание (7 августа) во главе с братом адресата Виктором Куженецким было следствием прямых указаний королевского двора³⁴, а акт (опубликованный в варшавской прессе как своеобразный образец для подражания³⁵) сильно отличался от документов предыдущих конфедераций тем, что декларировал преданность монарху и обходил молчанием принципиальный для тарговичан вопрос оценки Конституции 3 мая.

Коссаковские попытались объявить конфедерации в Пинске и Бресте нелегитимными, но эта попытка была заблокирована маршалком Генеральной литовской конфедерации великим литовским канцлером Александром Михаилом Сапегой³⁶. Сапега вступил в должность на основании присяги, принятой в Брестском парафиальном костеле 10 августа³⁷. Характерно, что именно из Бреста через три дня было отправлено упомянутое письмо Ферзена в Пинск. В нем российский генерал-поручик (логично предположить — после беседы с Сапегой) не только благодарил жителей повета за создание местной конфедерации, но и гарантировал со своей стороны признание его состава:

«Выбор лиц, совершенный местными гражданами, поскольку был добровольным, является законным, и я его уважаю, нет у меня мыслей его изменять и я не понимаю, чтобы это было чьей-то потребностью, поскольку как от самих польских жителей зависит их благополучие, так и с полным доверием им

³⁴ Куженецкий (?) — Станиславу Августу, [Пинск] 9 VIII 1792 // АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшею». Оп. 79/6. Д. 1523. Л. 48.

³⁵ Akt Konfederacyi Powiatu Pińskiego // Korrespondent Warszawski. 1792. № 52 (30 sierpnia). S. 454–455; рукописные копии этого акта см.: Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka (Библиотека им. Врублевских Академии наук Литвы в Вильнюсе, далее — LMAVB). RS. F. 17. V. 359. L. 61–64v.; АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшею». Оп. 79/6. Д. 1523. Л. 49.

³⁶ *Smoleński W.* Konfederacja targowicka. S. 269. Об участии А. М. Сапегы в деятельности конфедерации см.: *Шмигельските-Стукене Р.* Канцлер Александр Михал Сапега — маршалок Генеральной конфедерации Великого Княжества Литовского // Сапеги: асобы, кар'еры, маенткі: зборнік навуковых артыкулаў / Укладальнік А. А. Скеп'ян. Мінск, 2018. С. 121–141.

³⁷ Z Brześcia [wiadomości krajowe]: 14 sierpnia // Korrespondent Warszawski. 1792. Dodatek do № 48 (21 sierpnia). S. 424; Akcess Xiążęcia Jegomości Alexandra Sapiehy Kanclerza W.W.X. Lit. do Konfederacyi Prowincyi Litew. // Ibid. 1792. № 52 (30 sierpnia). S. 454. Ср.: М. Залеский — Ю. Орловскому, Брест, 23 IX 1792 // ВJ. Rkps. 955. K. 185–185 ob.; Дневные записки... 1/12 VIII 1792. С. 98.

самим предоставлено определять, чьим заботам они могут его доверить»³⁸.

Похожие по содержанию актов и (или) составу, связанному не с инициаторами тарговицкого движения, а с королевским двором, конфедерации начали возникать в целом ряде регионов Речи Посполитой, по мере продвижения к Варшаве, а также в тылу войск Кречетникова, в том числе на юге и востоке современной Беларуси: в Мозыре, Бобруйске, Слуцке и Черее Витебского воеводства³⁹. Их возникновению в Великом княжестве Литовском содействовало совпадение негативного отношения руководителей российских войск и местных политических элит к Ш. Коссаковскому. В свете неудачных, со стороны последнего, усилий добиться отмены создания таких конфедераций (или, по крайней мере, существенного изменения их состава) данная ситуация выглядела как попытка негласного компромисса. На местах этот компромисс было трудно воплотить в жизнь ввиду проблем повседневного сосуществования конфедераций и российских войск. Но главным препятствием для его реализации стало отсутствие поддержки в Санкт-Петербурге.

***

Невозможно однозначно сказать, чем руководствовались представители российских войск в Речи Посполитой, вступая в диалог с политическими

³⁸ И. Е. Ферзен — И. Куженецкому. Брест, 14 VIII 1792 // АВПРИ. Ф. «Сношения России с Польшею». Оп. 79/6. Д. 1523. Л. 53. В апреле 1792 г. пинский хорунжий И. Куженецкий был одним из четырех делегатов, которые от имени своего повета благодарили короля за принятие Конституции 3 мая; еще один член этой делегации пинский мостовничий Михаил Орда в августе 1792 г. был избран советником местной конфедерации (*Szczygielski W. Referendum trzeciomajowe: sejmiki lutowe 1792 roku. Łódź, 1994. S. 358*).

³⁹ О создании сторонниками короля конфедераций в Великом княжестве Литовском см.: *Smoleński W. Konfederacja targowicka. S. 260–269; Šmigelskytė-Stukienė R. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės konfederacijos susidarymas ir veikla 1792–1793 metais. P. 85–93; Аніяркоў В. Слуцкая канфедэрацыя 1792–1793 гг.: асаблівасці ўтварэння // Беларусь, Слуцкі край і Эдвард Вайніловіч: матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Слуцк-Мінск, 22–23 верасня 2017 г. / Інстытут гісторыі НАН Беларусі [і інш.]; рэдкал.: А.А. Каваленя (наук. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2018. С. 105–123; Аніяркоў В. Некаторыя асаблівасці фарміравання інстытутаў Таргавіцкай канфедэрацыі... С. 340–342; в Польской Короне — *Smoleński W. Konfederacja targowicka. S. 284–293; Rolnik D. Szlachta koronna wobec konfederacji targowickiej (maj 1792 — styczeń 1793). Katowice, 2000. S. 78–110*.*

актерами, альтернативными инициаторам Тарговицкой конфедерации: стремлением после капитуляции местной армии избежать новых конфликтов с населением или же, скорее, пониманием временного, перед лицом неизбежного нового раздела, характера передачи им власти? Безусловным было личное желание со стороны Кречетникова помешать или (и) отомстить Ш. Коссаковскому. В частной и служебной переписке того времени ходили самые разнообразные слухи о связях Ш. Коссаковского с П.А. Зубовым, в контексте исключительного влияния последнего на императрицу и российскую политику в Речи Посполитой⁴⁰. Находясь под прессингом регулярно доставляемых из Санкт-Петербурга «высочайших повелений» употреблять в делах «литовского гетмана» (в них генерал-аншеф обоснованно видел отражение постоянных жалоб Коссаковского на свой счет), Кречетников уже в июле 1792 г. признавался Салтыкову, что с крайней степенью психологического надрыва жаждет окончания военных действий и надеется на разрешение, при посредничестве руководителя Военной коллегии, сразу же покинуть Речь Посполитую:

«Молю Всевышнего, дабы до сближения к Варшаве и до приведения к концу военных действий продлил ко мне свои щедроты, а потом освободил меня от Польши: в сем последнем случае ласкаюсь, что изволите мне помочь, потому паче, что виже без причин наложения сего ярма на меня, и что я выношу, о том неудобно писать, да и помочь нельзя, пока не кончится сие дело. Когда же придет до последних переговоров, а не до войска, то прошу, милостивый государь, заблаговременно спросить у Всемилощивейшей государыни, чтоб позволить быть в Петербурге. По чести скажу, что изнурившие силы мои того требуют»⁴¹.

«Быть в Петербурге», с компроматом на Ш. Коссаковского⁴², ни Салтыков, ни Зубов (к которому Кречетников обращался с аналогичной

⁴⁰ См.: *Anipiarkou V. Konfederacja targowicka w 1792 r. w świetle korespondencji służbowej rosyjskiego generała Michała Kreczetnikowa*. S. 90–93.

⁴¹ М.Н. Кречетников — Н.И. Салтыкову, Гродно 30 VI / 11 VII 1792 // РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 174. Л. 111 об.—112.

⁴² В октябре 1792 г. одному из лидеров польской политической эмиграции Игнатию Потоцкому доносили из Варшавы в связи с затянувшимся отъездом Кречетникова в российскую столицу: «Пришло сюда известие, что его высокопревосходительство Кречетников, выезжая из Литвы в Санкт-Петербург, от местных граждан принимал любые жалобы на его превосходительство Коссаковского, гетмана», Я. Дембовский — И. Потоцкому, Варшава, 6 X 1792 // *Tajna korespondencja z Warszawy*

просьбой 27 июля) генерал-аншефу не позволили до конца сентября 1792 г.⁴³ Кречетников со своей стороны, используя свой более высокий служебный статус, во-первых, препятствовал летом 1792 г. отъезду из Варшавы Ш. Коссаковского (не только в Санкт-Петербург, но даже назад, в Великое княжество Литовское⁴⁴, частично сковывая, таким образом, его действия), во-вторых — не имея возможности в переписке с императрицей, в обход Зубова, открыто выразить свое мнение — по-видимому, все же делал это опосредованно: высылая в Санкт-Петербург именно те письма местной шляхты, перехваченные российскими военными в Речи Посполитой, в которых, в сравнении с положительной оценкой действий других его подчиненных, содержались факты, компрометирующие Коссаковского и его людей (примерами были выше цитируемые сообщения из Вильно и Россиен).

Коссаковский, естественно, не оставался в долгу, например, обвиняя генерал-аншефа в игнорировании и сокрытии от Салтыкова своего плана по захвату Варшавы. В июле 1792 г., полагаясь, по-видимому, на свой опыт диверсионной войны против российских войск времен Барской конфедерации (1768–1772)⁴⁵, Коссаковский хотел возглавить отряд из нескольких тысяч человек, который после переправы через Буг основных российских сил совершил бы неожиданный для противника быстрый рейд к Висле с целью захвата польской столицы и пленения короля, воспользовавшись его болезнью и вынуждая, таким образом, присоединиться к Тарговицкой конфедерации. Оправдываясь перед Салтыковым тем, что с военной точки зрения план Коссаковского выглядел совершенно абсурдным⁴⁶, Кречетников сообщал о перехвате им

1792–1794 do Ignacego Potockiego. Jan Dembowski i inni / oprac. M. Rymaszyna, A. Zahorski, Warszawa 1961. S. 69. Ср. А. Деболи — Станиславу Августу, Санкт-Петербург, 8 VII 1792 // Rok nadziei i rok klęski 1791–1792. Z korespondencji Stanisława Augusta z posłem Polskim w Petersburgu Augustynem Deboli, wybrał i oprac. J. Łojek, Warszawa 1964. S. 164.

⁴³ М.Н. Кречетников — П.А. Зубову, при р. Буг, 16/27 VII 1792 // СИРИО. Т. 47. С. 424 (№ 89). Ср.: М.Н. Кречетников — П.А. Зубову, Бельск, 9/20 VIII 1792 // Там же. С. 447–448 (№ 106); Екатерина II — М.Н. Кречетникову, Санкт-Петербург // Там же. С. 450–451 (№ 110).

⁴⁴ Дневные записки... 5/16 VIII 1792. С. 99.

⁴⁵ См.: *Konopczyński W.* Kossakowski Szymon M. // *Polski Słownik Biograficzny.* Wrocław etc., 1968–1969. Т. XIV. S. 288–293; *Dolinskas V.* Simonas Kosakovskis... P. 272–320.

⁴⁶ «Если бы подобные сему бумаги препроводил бы к вашему сиятельству, навел тем, конечно, скуку, и для того предал молчанию и принятому мною до времени терпению», М.Н. Кречетников — Н.И. Салтыкову, Белосток, 8/19 VII 1792 // РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 173. Л. 28Б.

в тот же день (19 июля) другого сообщения Коссаковского, к Зубову, с выражением скрытого намерения гетмана воспрепятствовать (с помощью быстрого захвата Варшавы) капитуляции в войне по инициативе самого короля:

«Того же дня, к вечеру, другое сведение, что король здоров и намерен быть сам при войске с тем, когда я приближусь, то он намерен присоединиться к конфедерации, и что о сем последнем к нему пишет примас, я прочел с его письма, но он еще не показывал, а слышу, что отправляет курьера к Платону Александровичу (Зубову. — В.А.); он всех от себя посылает, утаивая от меня. Хотя, с одной стороны, никак сие я не могу остановить, а с другой, мнилось бы мне, что никакой подкомандной, не спрося подорожной за моим подписанием, не может посылать? Я однако же, притворяясь неведением, ничего о том не говорю»⁴⁷.

Отдельного внимания заслуживает письмо Салтыкову, отправленное Кречетниковым уже по дороге в Петербург: из Полоцка 21 сентября 1792 г.

Во-первых, в нем Кречетников одобрил (хотя и опосредованно) усилия А.М. Сапеги по защите Станислава Августа перед лидерами Тарговицкой (коронной) конфедерации. В приложении к письму был приведен перевод на русский язык сообщения советника Генеральной литовской конфедерации Великого княжества Литовского Аврелия Снарского (делегат Полоцкого воеводства и протезе Кречетникова — как и его брат Станислав) о начале совместных заседаний в Бресте с представителями Генеральной конфедерации Короны⁴⁸. Исследования Р. Шмигельските-Стукене показывают, что Коссаковские соглашались рассматривать А.М. Сапегу (испытывающего серьезные проблемы со здоровьем) всего лишь в роли формального руководителя конфедерации⁴⁹. Он, тем не менее, настоял на своем личном участии в заседаниях в Бресте, в начале которых достаточно энергично выступил в защиту Станислава Августа с отдельными «делегатами» Генеральной конфедерации Великого княжества

⁴⁷ Там же. Л. 28Б об. — 28В.

⁴⁸ М.Н. Кречетников — Н.И. Салтыкову, Полоцк, 10/21 IX 1792 // РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 173. Л. 28А–28А об.; Выписка из письма одного консилиара Генеральной Великого Княжества Литовского конфедерации [А. Снарского], из Бреста // Там же. Л. 29–29 об.

⁴⁹ Шмигельските-Стукене Р. Канцлер Александр Михал Сапега... С. 127.

Литовского (часть советников, приближенных к Коссаковским, в результате конфликта в Брест не поехала⁵⁰).

В сообщении Снарского озвучивалось общее несогласие литовской стороны с намерением представителей коронной конфедерации уничтожить связанные с королем ордена: не только «*Virtuti militari*» (введенный во время войны 1792 г.), но даже и Святого Станислава, а также аннулировать все представления к ордену Белого орла, имевшие место после принятия Конституции 3 мая 1791 г. Характерно, что в обосновании своей позиции представители Великого княжества Литовского использовали заимствованную у Екатерины II аргументацию непринятия идей французской революции:

«Наши консилиары, с которыми и сам князь маршал (А.М. Сапега. — В.А.), противного совсем мнения. Огорчает нас многих таковое начало дела нашего, досадные многие слышим требования маршала коронного (маршалок Тарговицкой конфедерации Станислав Щенсный Потоцкий. — В.А.), тем паче, что видим следствии французской революции, подобными безделицами возымевшей свое начало. Дело идет противу конституции и противу сейма, как в акте конфедерации изъявлено, а начинаем шиканам королю, как бы его уже уничтожили»⁵¹.

Во-вторых, в письме содержалась отсылка на конфликт Коссаковского с Ферзенем, который ранее, как помним, оказал содействие образованию конфедераций в Бресте и Пинске. «Барон Ферзен, — кратко сообщал Кречетников, — тревожится от письма господина Коссаковского и просит моего защищения»⁵².

По-видимому, в самой России большинство представителей политической элиты, включая военное командование в Речи Посполитой, относились к Ш. Коссаковскому с трудно скрываемым презрением и, одновременно, со страхом, наблюдая его ошеломляющую (без видимых военных и политических заслуг), но при этом достаточно обыденную в реалиях российского фаворитизма⁵³ карьеру и рост влияния в Северной столице. Как сообщал

⁵⁰ Там же. С. 133–134.

⁵¹ Выписка из письма... [А. Снарского] // РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 173. Л. 29 об.

⁵² М.Н. Кречетников — Н.И. Салтыкову, Полоцк, 10/21 IX 1792 // РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 173. Л. 28А.

⁵³ Ср.: *Болотина Н. Ю. Г. А. Потемкин: к вопросу об институте фаворитизма в России* // *Российская государственность: история и современность*. М., 2007. С. 230–263; Ку-

представителям польской политической эмиграции Ян Дембовский, «кроме Зубова, Коссаковского никто не терпит в Москве (то есть в России. — В.А.)»⁵⁴. Но, вероятно, еще более шокирующий эффект его карьера имела в самой Речи Посполитой, где Коссаковский настроил и объединил против себя не только местных представителей политической элиты пророссийской ориентации, но и руководителей российской армии, а затем в период Гродненского сейма (июнь — ноябрь 1793 г.) — также российского посла Якова Ефимовича Сиверса⁵⁵. Однако при этом по-прежнему сохранял, до определенного времени, покровительство Петербурга. Рассказывая о конфликте Сиверса с Ш. и Ю. Коссаковскими в период последнего сейма Речи Посполитой в Гродно и сближении, на фоне этого противостояния, российского посла с группировкой Станислава Августа, Л. Кандзеля определил суть политической стратегии варшавского королевского двора с помощью термина «гродненская оптация»⁵⁶. Польский историк оправдывал усилия Станислава Августа и круга его приближенных по сохранению остатка государства и дальнейшей реализации в нем части политических реформ ценой сотрудничества с Сиверсом в вопросе легализации на сейме второго раздела, согласия на утрату реального суверенитета Речи Посполитой и ее возвращения в орбиту российского влияния. Однако, в свете изложенных выше событий, «оптация» в Гродно представляется лишь очередным и последним витком в спирали одинаково бесплодных усилий Станислава Августа «выторговать» у Екатерины II хоть какие-то признаки компромисса, вместо поражения и окончательной ликвидации своего государства⁵⁷. Характерно,

---

рукин И. Фаворит в России XVIII века: человек и механизм // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 9. М., 2014. С. 181–195; *его же.* Платон Зубов — «министр всех частей правления»: фаворитизм на исходе XVIII столетия // «Quaestio Rossica». 2015. № 3. С. 200–226.

⁵⁴ Я. Дембовский — И. Потоцкому Варшава, 12 IX 1792 // *Tajna korespondencja z Warszawy 1792–1794 do Ignacego Potockiego.* Jan Dembowski i inni. S. 51.

⁵⁵ Значение протекции П.А. Зубова в конфликте Ш. и Ю. Коссаковского с Я.Е. Сиверсом подчеркивал Станислав Август в переписке со своим секретарем Антонием Дедушицким (накануне Гродненского сейма): «Сиверс все больше не *content* с Коссаковскими, но так их боится, что не знаю, кто верх одержит», Станислав Август — А. Дедушицкому, Белосток, 5 VI 1793 // *Archiwum Główne Akt Dawnych* (Главный архив древних актов в Варшаве, далее — AGAD). *Zbiór Popielów.* Sygn. 7. K. 597.

⁵⁶ *Kądziela Ł.* Опcja grodzieńska // *Kwartalnik historyczny.* 1991. № 1. S. 31–44; *Ср.: idem.* Między zdradą a służbą Rzeczypospolitej: Fryderyk Moszyński w latach 1792–1793. Warszawa, 1993.

⁵⁷ Переписка Станислава Августа и Екатерины II была опубликована З. Зелинской и К. Залеской. См.: *Correspondance de Stanislas-Auguste avec Catherine II: et ses plus proches collaborateurs (1764–1796) / édition, introduction et commentaires: Z. Zielińska; traduction de l'introduction et des commentaires: K. Zaleska.* Kraków, 2015.

Яков Ефимович Сиверс. Художник Иосиф Грасси

что в каждом случае, когда варшавский двор в противостоянии с Коссаковскими находил внутри Речи Посполитой поддержку среди влиятельных представителей России, этих представителей неизменно заменяли. В декабре 1792 г. служебный перевод (вместо отставки «по собственному желанию») получил Кречетников⁵⁸. Отныне он должен был руководить корпусами российских войск в Польской Короне и Брестском воеводстве⁵⁹. В остальных воеводствах Великого княжества Литовского генерал-аншефом российских войск стал Осип Андреевич Игельстром — значительно более лояльный к П.А. Зубову и к его протееже в Речи Посполитой Ш. Коссаковскому⁶⁰. Он же в декабре 1793 г. в качестве российского посла

⁵⁸ О том, что эхо старого конфликта М.Н. Кречетникова и Ш. Коссаковского не исчезло, свидетельствует письмо Станислава Августа, направленное А. Дедушицкому в связи со смертью М.Н. Кречетникова в мае 1793 г.: «Неожиданную смерть Кречетникова воспринимаю за очередное несчастье, потому что он был хорошим человеком, будет сожалеть о нем и Сиверс, и кто знает, не усугубит ли это его болезнь. Пожалуй, одни лишь Коссаковские будут радоваться смерти Кречетникова, потому что он их не любил. Но ведь и Игельстром не даст себя обмануть гетману Коссаковскому, который, как здесь мне сообщают, отправился в Варшаву для того, чтобы оправдаться перед Игельстромом или же, другими словами, очистить себя от обвинений со стороны Кречетникова, на расследование Игельстрома переданных». Станислав Август — А. Дедушицкому, Белосток, 25 V 1793. AGAD. Zbiór Papielów. Sygn. 7. K. 583–584.

⁵⁹ Екатерина II — М.Н. Кречетникову [Санкт-Петербург] 2/13 XII 1792, 8/19 XII 1792 // СИРИО. Т. 47. С. 471 (№131), 473–474 (№135).

⁶⁰ См.: Иловайский Д.И. Гродненский сейм 1793 г. Последний сейм Речи Посполитой. М., 1870. С. 70–71.

в Варшаве заменил Я.Е. Сиверса⁶¹. К этому времени самоотстранились от политической жизни лидеры коронной конфедерации: С. Щенский Потоцкий, Ф. Браницкий, С. Жевуский и М. Валевский, выразив публичный протест против второго раздела Речи Посполитой⁶². И только Ш. Коссаковский, оцениваемый современниками как образец беспредельного цинизма, алчности и неразборчивости в средствах, по-прежнему оставался на местной политической сцене (до момента собственной смерти на висельнице, возведенной в 1794 г. инсургентами в Вильно). В свете личных качеств и повсеместного негативного отношения к Коссаковскому окружающих, в том числе и в самой России, его длительная протекция со стороны Санкт-Петербурга выглядела своеобразным жестом, красноречиво свидетельствующим, что после возвращения на территорию Речи Посполитой российских войск в мае 1792 г. для этого государства принципиально иной альтернативы произошедшему в последующие три года уже не существовало.

***

Движение Речи Посполитой в сторону разделов на местном уровне демонстрировала эволюция взаимоотношений российских войск с конфедерациями. В бумагах как самого императорского двора, так и тарговичан войска Российской империи были определены как «дружественные»: согласно официальным документам, они должны были охранять власть конфедератов, но не принимать участия в ее реализации⁶³. Практика засвидетельствовала, однако, все больший, с течением времени, отказ от этого правила. При этом именно российский

⁶¹ Instrukcje i reskrypty do ambasadorów rosyjskich w Rzeczypospolitej w latach 1772–1794. S. 339–341.

⁶² Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. С. 557–581; *Smoleński W.* Konfederacja targowicka. S. 418–425. Ср.: Wypis Protestacyi JW. Walewskiego Marszałka Zastępcy Laski Konfederacyi Generalney Koronney [10 IV 1793] [Режим электронного доступа]: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/edition/102807?id=102807> [Дата доступа]: 29.12.2019

⁶³ Декларация, поданная министром Е. И. В. Булгаковым в Варшаве... С. 1–8; *Uniwersał Kossakowskiego Hetmana Pol. Litt. do Woyska Lit: iżby się łączyło z Konfederacją Litewską* [27 VI 1792] // *Zbiór Konfederacyi terazmiejszey Gener. Kor. w Targowicy, General. Litt. w Wilnie, jako i woiewodztw, ziem i powiatów skonfederowanych. Wszystkich Druków, czyli Czynności. Część II.* Warszawa, 1792. S. 93–98. Ср.: [Речичская конфедерация — жителям повета], Бобруйск, 5 III 1793 // НИАБ. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 1. Л. 214–214 об.

Осип Андреевич Игельстром. Художник Дмитрий Левицкий

солдат обеспечивал ежедневное функционирование на местах институтов конфедерации. Последние не имели достаточной возможности опираться в контактах с населением на местные вооруженные силы, но, напротив, регулярно обращались за помощью к российским войскам. Например, на каждой стадии судебного процесса, от доставки обвиняемых в суд до охраны осужденных в местах заключения⁶⁴, равно как и во многих других ситуациях, требовавших от них использования принудительных ресурсов власти⁶⁵. С одной стороны, это дополнительно (и значимо) снижало легитимность действий конфедерации в глазах местного населения⁶⁶. С другой стороны, в случаях, когда действия конфедератов противоречили интересам России и задачам ее армии (или же субъективно трактовались как таковые), ее представители не чурались диктата в отношениях с региональными конфедерациями, провоцируя их служащих на составление многочисленных актов публичного недовольства.

⁶⁴ НИАБ. Ф. 1900. Оп. 1. Д. 1. Л. 1013; Ф. 1901. Оп. 1. Д. 4. Л. 12, 66 об.

⁶⁵ Так, российские войска привлекались местными конфедерациями для подавления, по просьбе землевладельцев, бунтов подвластных крестьян, например, в старостве Паланга Жмудского княжества (Biblioteka Kórnicka — Курницкая Библиотека Польской Академии Наук. Sygn. 919. K. 50) и во владении Мотырин Полоцкого воеводства (НИАБ. Ф. 1902. Оп. 1. Д. 1. Л. 12 об. — 13).

⁶⁶ См.: *Аніяркоў В.В.* Арганізацыя і дзейнасць канфедэрацкіх судаў на землях Вялікага Княства Літоўскага ў 1792–1793 гг. // Гісторыка-археалагічны зборнік. Вып. 30 (2015). С. 84–93.

Примером является запись, сделанная 21 февраля 1793 г. в протоколе экономической деятельности Минской конфедерации в ответ на письмо российского секунд-майора Христофора Ивановича Корфа⁶⁷.

Служащие конфедерации во главе с маршалком Яцком Путкамером, тиуном Жмудского княжества, зафиксировали, что Корф «в ответе своем на претензию жителей Минского воеводства относительно практикуемых им притеснений, чтобы оправдать себя, ищет далекие от правды отговорки, доказывая ложный характер полученных жалоб, а те все — существенные». Указывалось, что секунд-майор без ведома конфедерации активно брал деньги у жителей, взамен освобождая их от необходимости давать подводы для российской армии; он же, после того как направил во владения генерал-адъютанта Антония⁶⁸ Быковского несколько сотен казаков на постой, «чтобы оправдать [проведенную] экзекуцию, <...> ложно сообщает, что делал это, руководствуясь желанием маршалка конфедерации его высокородия господина Путкамера» (инцидент имел место накануне создания конфедерации в Минске). В заключение сам Путкамер, опровергая любые отсылки на свое соучастие в упомянутых распоряжениях Корфа, подытоживал, что секунд-майор «использует несправедливые отговорки, как ложно обвиняя лиц, которые ему никакого [подобного] желанья не высказывали, так и отпираясь от своих поступков, общеизвестных общественности, всегда самовольных, неприличных и позорных, подрывающих уважение к конфедерации, таких как отослание осужденного солдата за российский кордон»⁶⁹.

Как уже было отмечено, создание Тарговицкой конфедерации приостановило функционирование в Речи Посполитой постоянных судебных и административных государственных институтов, что, в свою очередь, оказывало негативное влияние на криминогенную ситуацию в стране. Конфедераты приходили к власти на фоне активизации шляхет-

⁶⁷ Ср.: *Анішчанка Я.К.* Збор твораў: [у 6 т.]. Т. 2: Імем Айчыны: Дак. паўстання 1794 г. у Літоўс. Правінцыі. Мінск, 2004. С. 197; СИРИО. Т.47. С. 266; Дневные записки... 29 V/9 VI 1792. С. 44.

⁶⁸ Антоний Быковский, «генерал-адъютант его королевского величества» согласно материалам минского сеймика 1790 г., «генерал войск ВКЛ» в списке присоединившихся к Минской конфедерации (*Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės seimelių instrukcijos (1788–1790) / parengė R. Jurgaitis, A. Stankevič, A. Verbickienė.* Vilnius, 2015. P. 338; НИАБ. Ф. 1769. Оп. 1. Д. 24. Л. 339; Ф. 1901. Оп. 1. Д. 1. Л. 27). Сведения о нем отсутствуют в издании: *Machynia M., Rakutis V., Szednicki Cz.* Oficerowie Wojska Wielkiego Księstwa Litewskiego 1777–1794. Spisy. Sztab, kawaleria, artyleria, wojska inżynierskie i piechota. Kraków, 1999. Ср.: s. 13–17, 509.

⁶⁹ НИАБ. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 4. Л. 81 об. — 82 об.

ских наездов, увеличения нелегальной миграции, грабежей, усиления общественных конфликтов, значительная часть которых была обусловлена причинами, далекими от политики. Эскалацию насилия дополнительно увеличивали несанкционированные руководством злоупотребления российских солдат.

В рапорте от 5 июля 1792 г. И.Е. Ферзен докладывал М.Н. Кречетникову:

«Должен представить вашему высокопревосходительству то, что я сколько доволен храбростью войск, мне вверенных, сколько жалею Вас на их беспорядки, которые, отступая от послушания, делают воровства и иные грабительства. Найденных в таковых беспорядках принужден я был некоторых нижних чинов прогнать сквозь строй, а офицера привязать к пушке [и так] вести его»⁷⁰.

«На удовольствие польских жителей, претерпевших некоторые обиды <...> от разных воинских нижних чинов» М.Н. Кречетниковым периодически расходовались специальные суммы⁷¹. В сентябре 1792 г. Генеральная конфедерация Великого княжества Литовского позволила шляхте изложить в письменной форме претензии к российским войскам⁷². В результате канцелярские книги конфедераций наполнились многочисленными жалобами с изложением обид, понесенных местными землевладельцами и их подданными от представителей российской армии. Например, лидская шляхта сообщала о деньгах, необоснованно требуемых российскими офицерами, о невозвращенных лошадях, сожжениях изб в деревнях, беспричинных арестах и побоях, изъятии без компенсации у крестьян одежды, употреблении солдатами без оплаты водки, еды,

⁷⁰ И.Е. Ферзен — М.Н. Кречетникову, Глуск, 24 VI / 5 VII 1792 // РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 173. Л. 5; для сохранения порядка в армии И.Е. Ферзен предлагал ужесточить ответственность за проступки, вплоть до лишения младших офицеров чинов. Отдавая должное стремлению Ферзена к поддержанию дисциплины, М.Н. Кречетников в ответном письме все подобные наказания в отношении офицеров приказал прекратить, как «неприличные» и несоответствующие уставу, опасаясь многочисленных жалоб со стороны последних в Санкт-Петербург (М.Н. Кречетников — И.Е. Ферзену, б.м. 30 VI / 11 VII 1792 // Там же. Л. 5–5 об.).

⁷¹ РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 173. Л. 37. Ср.: там же. Л. 3, 24 об. (ведомости о расходе экстраординарных сумм).

⁷² Uniwersał Konfed. Gener. W. X. Lit.: względem bonifikacyi szkod przez wojska Rosyjskie poczynionych // Korrespondent Warszawski. 1792. S. 657–658. Dodatek do № 70, 11 października.

принудительное, также без компенсации, содержание почт, бесплатное изъятие фуража и провианта из армейских магазинов Великого княжества Литовского и т. д.⁷³ В документации конфедератов встречаются также описания убийства российскими казаками местных жителей, в том числе из числа шляхты⁷⁴.

В таких условиях конфедераты старались дистанцироваться от поступков российской армии, позиционируя себя как институт, выполняющий функцию защиты населения. Претендуя на роль представительных органов власти, они стремились монополизировать право применения средств наказания в отношении жителей определенного повета или воеводства и лишить тем самым этого права российские войска. После утверждения на местах торговых актов претензии любого рода со стороны российских военных к местным жителям требовали официального посредничества конфедераций, в том числе судебного, и именно конфедерациям передавалось последнее слово в разрешении таких конфликтов.

Примером того, что это не было пустой формальностью, является эпизод из жизни военного судьбы Станислава Монюшко (деда известного композитора). Совместно с полковником Францишком Ошторпом с 1791 г. он занимался различными коммерческими поставками для армии Великого княжества Литовского⁷⁵. Согласно судебному протоколу Минской конфедерации, во время войны 1792 г. российские войска их обоих арестовали, обвинив «в подготовке различного оружия, пушек, пуль, олова и пр., амуниции, также в собрании и рекрутировании людей, в склонении к интригам местных жителей и контактах с подразделениями войск Великого княжества Литовского, в скупке магазинов, других военных предприятиях с целью навредить российской армии»⁷⁶. Сначала Монюшко и Ошторпа отвезли в штаб Кречетникова, а затем, по приказу генерал-аншефа, отправили в суд конфедерации Минского воеводства.

⁷³ НИАБ. Ф. 1900. Оп. 1 . Д. 1. Л. 588, 605, 613–618, 624, 627, 636–639, 643, 646, 660–663, 671, 674, 676, 677, 680–683, 689, 690–693, 695, 705, 721, 723, 730, 756, 1029 об. — 1030.

⁷⁴ Например, в рапорте руководству конфедерации Речицкого повета за ноябрь 1792 г. сообщалось об убийстве донскими казаками крестьянина Бобыля в д. Бортники и шляхтича Анжэя Чернявского, найденного мертвым 28 октября в поле, недалеко от м. Любаничи. Согласно рапорту, виновные в убийстве были наказаны, а родственникам убитых, при содействии командования полка, были выплачена «головщизна» в размере 7 червонных золотых за крестьянина и 100 российских рублей за шляхтича (НИАБ. Ф. 1903. Оп. 1 . Д. 1. Л. 128).

⁷⁵ *Walicki A. Stanisław Moniuszko. Warszawa, 1873. S. 5.*

⁷⁶ Цит. согласно протоколу заседаний суда Минской конфедерации от 26 VI 1792 // НИАБ. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–1 об.

Вопреки позиции представителей российской армии, суд в Минске, который проходил 26 июня 1792 г., вынес оправдательный вердикт, постановив, что «граждане — спокойные и не интриганы, ни в чем [ранее] не подозреваемые», а обвинения против них «фальшивые, несправедливые и выдвинутые только на основании злобы, так как никаких шагов против российских войск не предпринималось, указанное оружие не производилось, а то, которое нашли и забрали, служить могло только для развлечений охоты и использоваться ночными сторожами и пастухами стад»⁷⁷.

Как свидетельствуют материалы конфедерации, судебное заседание состоялось «в присутствии собравшейся в большом количестве общественности» (по-видимому, шляхта специально съехалась в город по призыву родственника С. Монюшко минского подкомория Адама), а суд, аргументируя свое решение, сослался на документ коллективного свидетельства, который в поддержку Монюшко и Ошторпа подписали 68 человек⁷⁸.

В августе 1792 г., после того как секунд-майор российских войск Гинкул потребовал немедленно наказать ряд шляхтичей Полоцкого воеводства, обвиняемых в убийстве российского гусара, местная конфедерация дала следующий ответ на его ноту:

«Поскольку юрисдикция конфедерации никаким указам подчиняться не обязана <...>, а местные законы говорят по очереди начинать все дела, особенно уголовные, в которых предписывают иметь <...> адвокатов для взаимного исполнения [сторонами] полной формальности, а на основании обвинения только одной из сторон приговор выносить не разрешают, то, по указанным причинам, до тех пор, пока процесс должным способом не начнет вестись и легальность суда не будет обеспечена, дело об убийстве гусара расследовано быть не может»⁷⁹.

Обращаясь в конфедератский суд, российские офицеры чаще всего требовали привлечь к ответственности жителей Великого княжества Литовского, виновных в побоях российских солдат и (или) стычках с ними. Один из таких инцидентов произошел в местечке Пуховичи (Минского

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Akt zaświadczenia od obywatelów j. ww. Osztorpowi i Moniuszkowi wydanego, 26 VI 1792 // НИАБ. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 1. Л. 35–36 об.

⁷⁹ НИАБ. Ф. 1902. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

воеводства) в декабре 1792 г. Избитый корнет Изюмского легкоконного полка Яков Павлов подал судебную жалобу на местного шляхтича Альберта Богуцкого. Местная конфедерация постановила провести расследование на месте происшествия, на проведение которого командировала в Пуховичи из своих рядов советника Яна Хаецкого, отметив «вместе с тем, чтобы его сиятельство бригадир барон Беннигсен (командир Изюмского легкоконного полка Леонтий Леонтьевич Беннигсен. — В.А.) со своей стороны [также] определил офицера для этого же расследования, которое должно состояться совместно с советником [конфедерации]»⁸⁰. Представители конфедерации в свою очередь тоже могли просить о наказании российских военнослужащих, которых на основании информации, полученной от населения, обвиняли в злоупотреблениях. Однако, когда офицеры и солдаты российской армии в судебных процессах выступали не инициаторами, а обвиненной стороной, позиции конфедератов выглядели шатко. После появления манифестов от пострадавших их суды расследовали такие дела, после чего отправляли информацию в соответствующие подразделения российской армии, но окончательное определение виновности и степени наказания российских солдат и офицеров принадлежало их командирам.

В документах конфедераций встречаются обвинения в адрес российских офицеров, что те разными способами стараются усложнить привлечение своих солдат к ответственности перед местными судами. Так, по свидетельству конфедерации Речицкого повета, одним из механизмов освобождения российских военнослужащих от наказания были периодические изменения дислокации воинских команд. В отчете перед своим руководством за сентябрь 1792 г. местной конфедерацией было отмечено, что дела, связанные с жалобами на российскую армию «ввиду отсутствия [на месте] обвиненных военных лиц трудно доводить до конца»⁸¹. В декабре 1792 г. та же конфедерация жаловалась руководству на казаков Донского полка Кульбакова⁸², которые, обижая население:

⁸⁰ НИАБ. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.

⁸¹ НИАБ. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 1. Л. 50 об.

⁸² Следует полагать, что речь идет о полковнике Петре Ивановиче Кульбакове либо его сыне Николае Петровиче. См.: *Захаревич А.В.* Пребывание под судом командиров донских казачьих полков на Кавказской линии в 1801–1805 гг. // Рубикон. Сборник научных работ молодых ученых. Вып. 55. Ростов н/Д., 2010. С. 20–23. [Режим электронного доступа]: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Zaxarevic_06.pdf Комментарии к статье <http://forum.fstanitsa.ru/viewtopic.php?f=38&t=2773&p=36608>. [Дата доступа]: 29.12.2019.

«Из деревни к деревне по своему желанию и своеволию переходят, с согласия своих командиров самоуправно размещаются и только лишь своим желанием руководствуются. А другие из них, при частых переходах с места на место, делают невозможными предъявление обид и выяснение, кем и насколько сильно был обижен местный житель»⁸³.

Еще одной причиной постоянных противоречий между конфедерациями и российскими войсками была ситуация вокруг беглых крестьян. Соглашения о их выдаче между Россией и Речью Посполитой не существовало, что использовали помещики по обе стороны границы, охотно принимая беглых. Например, в марте 1793 г. маршалок конфедерации Витебского воеводства, местный хорунжий Винцент Глазко обращался к правителю Могилевского наместничества генерал-майору Сергею Кузьмичу Везьмитинову с просьбой выдать крепостного крестьянина Стефана Эйтуча, который вместе со своей женой, «украив, кроме различного движимого имущества, денег до 400 рублей, убежал за границу в Российское государство», одновременно донося, «что тот находится у его высокородия Черняхова, советника и кавалера»⁸⁴. Везьмитинов, в свою очередь, на основании полученного в октябре 1792 г. донесения

⁸³ НИАБ. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 1. Л. 138. По мнению конфедератов, размещение военных по деревням было следствием коррупции внутри российского офицерского корпуса. В декабре 1792 г. Минская конфедерация отмечала, что солдаты Нарвского полка питаются у крестьян без всякой компенсации хозяевам, при том что военные «магазины не есть без провизии и что, хотя повсеместно большое бездорожье, из самых отдаленных приходов ежедневно подвозятся магазины и фуражи» (НИАБ. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 4. Л. 5 об.). Генеральная конфедерация Обоих Народов сообщала генерал-аншефу российских войск Михаилу Васильевичу Каховскому о полученных сведениях, что провиант и фураж, «который требуется якобы для обеспечения российской армии», впоследствии перепродается, а отдельные из российских офицеров берут «вместо провианта самовольно требуемые деньги, в размере, безапелляционно ими же определяемом» (Instrukcyя UUr. Janowi Zagurskiemu Podczasemu Włodzimirskiemu Koronney, i Mateuszowi Zyniewowi Staroscie Berezni: W.X.Lit. Gener. Konfed. konsyliarzom, do JW. Kochowskiego Generala en Cheff Woysk Nayiaś: Imperatowej Jmsci całej Rossyi celem ułożenia się o sposob dostarczania prowiantów dla tychże Woysk Rossyjskich Delegowanym od Konfed. Gener. O. N. na sessyi Extraordinaryney w Grodnie dnia 4 novembris 1792. Roku dana // Korrespondent Warszawski. 1792. S. 823–824, 829, 835–837. № 86, 17 listopada; № 87, 20 listopada.). Сведения о денежных контрибуциях подтверждает информация, содержащаяся в книгах региональных конфедераций. Например, в Речицком повете по документам конфедерации только майор Берцев получил 5 тысяч рублей серебром за «неодозданный шляхтой провиант и фураж» (НИАБ. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 1. Л. 155 об.).

⁸⁴ Цит. согласно протоколу заседания конфедерации Витебского воеводства от 13 III 1793 // НИАБ. Ф. 1898. Воп. 1. Д. 1. Л. 26–26 об.

обвинял витебского земского судью и советника местной конфедерации Барнабу Скивского в том, что его «люди из Вяжищ, приняв две ладьи, наполненные российскими беглыми, их на Двине забрали, и якобы сам Скивский протезировал российских беженцев»⁸⁵. Опровергая обвинения, советник конфедерации утверждал, что никаких крестьян из России не имеет, и настаивал на подробной ревизии своих владений, жалуясь, что подчиненный могилевскому наместнику будиловский надзиратель Ледуховский, который донес на Скивского, сам «его подданных, живущих на пограничье, разными досадливыми способами угнетает, курей, яйца и другие подношения от крестьян вымогает, скотину и коней на польской земле приказав забрать, себе платить [за их возвращение] приказывает, дрова для обогрева пограничного пункта возить заставляет и другие подобные нападки делает»⁸⁶.

При вступлении на территорию Великого княжества Литовского российские войска проводили поиск и возврат беглых из империи крестьян, по ходатайству их предыдущих хозяев. Конфедерации такие меры всеми силами оспаривали, ссылаясь, в том числе, на то, что от Генеральной литовской конфедерации имеют распоряжение о возвращении исключительно дезертиров из российской армии⁸⁷. Один из конфликтов подобного рода имел место в деревнях Сухарево и Медвежино (в настоящее время — в черте г. Минска). По информации Л. Л. Беннигсена, часть крестьян, проживавших в этих деревнях, ранее сбежали из Российской империи после совершения там уголовных преступлений. 15 декабря 1792 г. в местную конфедерацию пожаловались, что «офицер, который вчера поздним вечером прибыл с несколькими десятками солдат Изюмского полка, людей, более трех лет осевших в своих домах, [и особенно] жителей из восьми домов забрать очень стремится, стражу к тем домам поприставляя <...> и их выдачи требует»⁸⁸. В своем письме Беннигсену местная конфедерация называла неправомерными его требования о выдаче крестьян, ссылаясь на то, что, согласно универсалу Генеральной конфедерации Великого княжества Литовского от 25 августа 1792 г., «только дезертиров российской армии с момента вступления той же армии в государства Речи Посполитой можно искать и хватать, а не другого сор-

⁸⁵ Цит. согласно протоколу заседания конфедерации от 30 X 1792 // Там же. Л. 5.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Akt Uniwersału N[ajjaśniejszej] Generalności W. Ks. L. [7 VIII 1792] // НИАБ. Ф. 1901. Оп.1. Д. 1. Л. 68–68 об.

⁸⁸ Цит. согласно протоколу экономической деятельности Минской конфедерации // НИАБ. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

та людей, которые из России вышли и отдавна в литовских провинциях поселились». Она настаивала на «удалении команды, направленной для реквизиции от его высокородия бригадира, потому что о том, есть ли те люди, которые совершили уголовные преступления, или нет их вовсе, сейчас трудно провести дознание, и его без воли наивысшего Генерального руководства проводить не должно»⁸⁹.

Многочисленные петиции, направляемые руководству движением, свидетельствуют, что российские войска забирали крестьян без консультаций с представителями местных конфедераций. Например, из Бобруйска в декабре 1792 г. сообщалось:

«Конфедерация Речицкого повета в виду повсеместных ожиданий о предстоящем захвате подданных иностранного происхождения и уже совершаемой российскими отрядами проверке людей, которые издавна из-за рубежа в Речицком повете осели, сообщая об этом глубокоуважаемой Генеральной конфедерации Великого княжества Литовского, ожидает, что то же наивысшее руководство <...> пограничный Речицкий повет от последствий такой тревоги защитить соизволит, учитывая, сколь велико число беглых подданных из того же повета находится за кордоном [в России]»⁹⁰.

Приблизительно в это же время маршалок конфедерации Оршанского повета Тадеуш Присецкий жаловался на российского майора Христора Голка, который из российской части Полоцка присылал «по несколько раз солдат во владения маршалка <...>, чтобы те хватали людей на продажу в российский край»⁹¹. В деревне Латышки крестьяне услышали крик ночью, и чтобы отбить схваченных, вступили с российскими солдатами в бой. В ответ на убийство своего сержанта Голк с несколькими десятками казаков атаковал деревню и опустошил ее вместе с помещичьим фольварком. Как отмечается в мемориале Присецкого, «подданных людей схватил, покалечил, избитых и замученных почти до смерти бросил под стражу»⁹².

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Akt raportu do Generalności Litewskiej od konfederacyi powiatu rzeczyckiego, 24 XII 1792 // НИАБ. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 1. Л. 151.

⁹¹ Цит. из мемориала Т. Присецкого приведена согласно тексту резолюции конфедерации Полоцкого воеводства от 7 XII 1792 // НИАБ. Ф. 1902. Оп. 1. Д. 1. Л. 49 об.

⁹² Там же. Л. 50.

Наиболее регулярно конфликтные ситуации с участием конфедераций и российской армии возникали в связи с поставками на ее армейские склады провианта и фуража. Содержание жителями Речи Посполитой российских войск (которые в Великом княжестве Литовском по штатному расписанию в январе 1793 г. насчитывали более 40 тыс. человек и 17 тыс. лошадей⁹³), хотя и имело вид продажи сельскохозяйственной продукции, с учетом определяемых российской стороной объема поставляемой продукции и тарифов приобрело черты обязательной повинности⁹⁴. В рескрипте, предшествовавшем введению войск, Екатерина II приказала М.Н. Кречетникову платить за провиант и фураж «по умеренным ценам», что заранее исключило использование рыночных механизмов в расчетах с местным населением⁹⁵. Российские военные свидетельствовали, что на переговорах с ними руководители Генеральной конфедерации Обоих Народов пытались приблизиться к рыночным ценам, опасаясь в противном случае быть дискредитированными в глазах шляхты⁹⁶. В связи с этим региональным конфедерациям в воеводствах и поветах было приказано прислать своему руководству сведения об актуальных ценах на сельскохозяйственную продукцию⁹⁷. Цены, представленные делегатами конфедерации, приехавшими в Петербург в декабре 1792 г., императрица сочла «несоразмерно высокими»⁹⁸. О.А. Игельstromу, который выезжал через Гродно в Варшаву, чтобы заменить М.Н. Кречетникова, было поручено добиться их уменьшения.

Проезжая в январе 1793 г. через белорусские земли, Игельstrom оставил подробный отчет об увиденном. В одном из писем Зубову новый руководитель российских войск в Великом княжестве Литовском отмечал:

«Не могу только довольно надивиться тому, что продовольствие наших войск провиантом, а особливо фуражем, в совершенной

⁹³ РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 174. Л. 195–198; Д. 204. Л. 6–6 об.

⁹⁴ Подробнее см.: *Аніперкоў В.В. Гандаль правіянтам і фуражом у 1792–1793 гг. у кантэксце адносін паміж шляхтай Вялікага Княства Літоўскага і войскамі Расійскай імперыі // Гісторыя гандлю на тэрыторыі Беларусі: зборнік навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі; уклад.: А. А. Скеп'ян; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.] Мінск, 2016. С. 201–211.*

⁹⁵ Екатерина II — М.Н. Кречетникову, [Санкт-Петербург], 11/22 V 1792 // СИРИО. Т. 47. С. 330–331.

⁹⁶ М.В. Каховский — Екатерине II, Варшава, 16 /27 XI 1792 // Там же. С. 468.

⁹⁷ Uniwersał Obywateli względem Furażów obwieszczający i Konfederacyom Woiewodztw, Ziem i Powiatow przysłanie cen na wirtuały targowych zalecający // *Korrespondent Warszawski*. 1792. S. 822–823. № 86, 17 listopada.

⁹⁸ Екатерина II — М. Н. Кречетникову, [Санкт-Петербург] 11 /22 XII 1792 // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2727. Л. 9–9 об.

разстройке и такой, что почти везде не более как на двое суток одного при полках имеется, а есть и такие отделения, кои должны заимствовать себе пропитание, а паче лошадям прокормление, от жителей без ассигнации Генеральной конфедерации, давая им в удовлетворение квитанции. В других местах, сказывают, отпущены деньги с тем, чтоб войски сами доставали себе провиант и фураж, принуждая жителей принимать за оное деньги по таким ценам, какие от командующего генерала назначены»⁹⁹.

Из Варшавы Игельстром сообщал, что, встретившись с ним, представители Генеральной конфедерации Обоих Народов потребовали начать выплату денег за полученную продукцию, а от переговоров по вопросу уменьшения цен уклонились¹⁰⁰. В ответ Екатерина II определила цены на провиант и фураж своей рукой. Генеральной конфедерации была направлена официальная бумага, в которой Игельстром представил назначенные императрицей цены, заметив, что «назначение сие есть финальное»¹⁰¹.

В то же время руководителям российских воинских подразделений была разослана инструкция, которая требовала не допускать приобретения полками провианта и фуража за наличные деньги¹⁰². Документация российских полков свидетельствует, что их командиры начинали практиковать самостоятельное приобретение продукции в Великом княжестве Литовском, расходуя на это деньги из полковых сумм, после чего безуспешно пытались компенсировать издержки полков из общей кассы российской армии¹⁰³. Требуя от офицеров не допускать расходования наличных денег, О.А. Игельстром в письмах П.А. Зубову жаловался на огра-

⁹⁹ О.А. Игельстром — П.А. Зубову, Гродно 9/20 I 1793 // РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 217. Л. 10 об. — 11.

¹⁰⁰ О.А. Игельстром — П.А. Зубову, Варшава, 28 I / 8 II 1793 // Там же. Л. 60–60 об., с переводом на русский язык ноты Генеральной конфедерации (Л. 61–61 об., 75–79).

¹⁰¹ Копия с ответа на поданную ноту Генеральной Конфедерации советниками и делегатами господином Загурским и господином Жиновым, даннаго в Варшаве генваря 16 дня 1793 года // РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 217. Л. 62. Ср.: Станислав Август — послу в Лондоне Франциску Букатому, Варшава, 30 I 1793 // *Dzieła ks. Waleryana Kalinki. T. 2: Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. Cz. 2. Dokumenta do historyi drugiego i trzeciego podziału*. 2-e wyd. 1891. S. 245–247.

¹⁰² О.А. Игельстром — Б.П. Меллину, б.м. 15 / 26 I 1793 // РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 217. Л. 65–66. Ср.: Статьи из секретного ордена, даннаго частным командиром войск в Великой Польше расположенных о передвижении оных из настоящих квартир в другие // Там же. Л. 67–71.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 331. Л. 20Б.

ниченный характер средств в кассе, а в феврале 1793 г. констатировал полную неспособность российской армии хоть как-то рассчитаться за полученную сельскохозяйственную продукцию¹⁰⁴. Одной из основных причин такой ситуации стало банкротство крупного варшавского банкира Петра Теппера, связанного многолетним сотрудничеством с российским посольством¹⁰⁵. В связи с его банкротством рассматривался даже вариант списания всех задолженностей российских войск на королевский двор Речи Посполитой, что, по признанию самого Игельстрома, фактически лишило бы местных помещиков любых денег за поставленный в войска провиант и фураж¹⁰⁶.

Кризис с поставками наглядно иллюстрировал насильственные реквизиции продукции, которые проводились российскими военными отрядами без внимания на существование местных конфедерационных властей. Сельскохозяйственную продукцию шляхта должна была сдавать на основании так называемых «билетов» или «ассигнаций», выписанных региональной конфедерацией: без них требовать продукцию у населения российские войска не имели права. Не имея возможности добиться соблюдения этого правила, конфедерации могли лишь фиксировать его нарушения со стороны российских войск. Например, в декабре 1792 г. советник Минской конфедерации Станислав Ивашкевич ездил в имение Илья, после того как солдаты Нарвского полка без санкции конфедерации, под угрозой оружия, забрали из местного графства (во владении литовского мечника Михаила Клеофаса Огинского) фураж, связав администратора¹⁰⁷. По приказу российского полковника Богдана Христофора¹⁰⁸ Миллера реквизиции, не подтвержденные бумагами конфедерации, одновременно были проведены в ряде других владений на территории воеводства¹⁰⁹. Такие действия были ответом на позицию региональных конфедераций, которые сами или посредством коллективных решений местных землевладельцев объявили о невозможности выполнения поставок в требуемых размерах. По информации О.А. Игельстрома, отказ от

¹⁰⁴ О.А. Игельстром — П.А. Зубову, Варшава, 12/23 I, 19 II/1 III 1793 // РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 217. Л. 26 об., 124–124 об.

¹⁰⁵ См.: *Kornatowski W. Kryzys bankowy w Polsce 1793 roku. Upadłość Teppera, Szulca, Kabryta, Prota Potockiego, Łyszkiewiczza i Heyzlera.* Warszawa, 1937.

¹⁰⁶ О.А. Игельстром — П.А. Зубову, Варшава 3/14 III 1793 // РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 217. Л. 154–154 об.

¹⁰⁷ НИАБ. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 4. Л. 8 об.—9.

¹⁰⁸ См.: *Анішчанка Я.К. Збор твораў: [у 6 т.]. Т. 2: Імем Айчыны...* С. 197.

¹⁰⁹ Там же. Л. 5–7.

поставок, назначенных на январь и февраль 1793 г., составили все конфедерации Великого княжества Литовского, за исключением Брестской¹¹⁰. Одна из первых таких попыток встречается в документах Слуцарецкого конфедератского суда. В «инструкции» от 12 декабря 1792 г. «слуцким делегатам», направляемым к Генеральной конфедерации Великого княжества Литовского, было записано:

«Мы, местные граждане <...> будучи нашей судебной властью поставленными в известность о полученной конфедерацией Новогрудского воеводства реквизиции Каховского, генерал-аншефа и наивысшего руководителя российских войск, находящихся ныне в нашей стране, от 16 октября 1792 г. (относительно доставки дальнейших фуражей российской армии, распределенных по количеству дымов среди местных граждан, той же конфедерацией Новогрудского воеводства сообщенной нашей местной судебной власти) с целью наиболее точного определения в этих обстоятельствах возможности доставки локальных фуражей, 8 декабря нынешнего года на совещание в городе Слуцке, [ранее] определенном местом деятельности местного суда, собравшись, после нескольких дней самых активных обсуждений <...> остались убежденными, что никаким способом обеспечить дальнейшую доставку фуражей и провиантов мы не в состоянии: во-первых, из-за повсеместного в нашем крае неурожая; во-вторых, из-за частых в настоящее время маршей и контрмаршей, осуществленных российской армией через наши приходы»¹¹¹.

Свою позицию региональные конфедерации аргументировали экономическим упадком подвластных территорий. В одном из писем Н.И. Салтыкова, направленного М.В. Каховскому накануне вступления российских войск, обращалось внимание на отсутствие нужды армией «иметь излишний запас <...> в рассуждении весьма большого в том краю

¹¹⁰ О.А. Игельстром — П.А. Зубову, Варшава, 28 I /8 II 1793 // РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 217. Л. 64–64 об.

¹¹¹ НИАБ. Ф. 1934. Оп. 1. Д. 1. Л. 110–110 об. Юрисдикция конфедерационного суда в Слуцке охватывала территорию семи римско-католических приходов, составлявших в 1791–1792 гг. бывший Слуцарецкий повет: Глуцкого, Слуцкого, Копыльского, Тимковицкого, Клеуцкого, Ляховицкого и Медведицкого (там же. Л. 11 об.); делегатами к Генеральной конфедерации ВКЛ были избраны Тадеуш Володько, поручик войск ВКЛ, и Винцент Корсак, новогрудский обозный (там же. Л. 110).

изобилия хлеба»¹¹². Данное замечание не отразило реального положения дел, поскольку в Речи Посполитой 1792 г. выдался неурожайным. Эпицентр неурожая пришелся на ближайšie к России воеводства Великого княжества Литовского. «Из Белой Руси, — сообщал в ноябре из Варшавы Ян Дембовский, — местные жители писали к уважаемой Генеральной конфедерации о величайшем голоде, и чтобы та же Генеральная конфедерация сделала милость спасти людей, которые гибнут от голода»¹¹³.

В феврале 1793 г. Минская конфедерация в ответ на требования новых поставок со стороны Нарвского и Изюмского полков утверждала:

«Являются свидетелями их высокоблагородия офицеры тех самых полков, какая царит нищета и уныние несчастных жителей, лошади и волы падают на дорогах. А множество землевладельцев ежедневно прибывают к конфедерации со свидетельством, что не имеют способа вперед отдать назначенных магазинов на те два [следующие] месяца. Слезы их и вопли есть доказательством этой правды. Повсеместно данное воеводство было и остается послушным всем приказам, которые исходят от российских воинских команд, <...> но когда крайняя прижала нищета, жители не то что хлеба, сена, но даже корма для своих животных не имеют, а дворы [помещиков], отдавая в течение нескольких месяцев за своих подданных фуражи и провианты, полностью опорожнили все свои запасы»¹¹⁴.

Локальную нехватку продуктов демонстрировала разница цен, имевшая место в восточных регионах Речи Посполитой. По свидетельству О.А. Игельстрома, в украинских воеводствах Польской Короны, экономическое положение которых было в то время лучшим, российские войска беспрепятственно приобретали провиант и фураж по ценам, даже меньшим разрешенных Екатериной II. В переписке с П.А. Зубовым генерал-аншеф предлагал направить деньги, которые российская казна условно сэкономила при пополнении военных магазинов в Польской Короне, на повышение закупочных цен в Великом княжестве Литовском. По мнению Игельстрома, это позволило бы ему приблизиться к рыночным та-

¹¹² Н.И. Салтыков — М.В. Каховскому, 16 /27 IV 1792 // РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 161. Л. 42.

¹¹³ Я. Дембовский — И. Потоцкому, Варшава, 6 XI 1792 // *Tajna korespondencja z Warszawy 1792–1794 do Ignacego Potockiego*. Jan Dembowski i inni. S. 89.

¹¹⁴ НИАБ. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 4. Л. 79.

Александр Михал Сапега. Художник Иоганн Баптист Лампи Старший

рифам и, таким образом, избавиться от посредничества конфедерации в отношениях российской армии с местными землевладельцами. Не получив, однако, должной поддержки из Петербурга, а чуть позже оставшись (из-за банковского кризиса в Варшаве) без большинства наличных денег, генерал-аншеф использовал обратные механизмы.

В конце января 1793 г. в российские войска поступил приказ Игельстрома «отправлять немалые команды для принуждения в те селения, из которых не доставляют назначенного количества провианта и фуража по ассигнациям Генеральной и воеводских конфедераций»¹¹⁵. Солдаты из таких отрядов должны были жить на полном обеспечении помещика, а если тот даже в условиях экзекуции отказывался бы сдать требуемый провиант и фураж, полагалось в его владениях провести обыск, забирая, с выпиской квитанции, то количество продукции, которая указана в «ассигнациях» конфедерации, «при том сделав опись, сколько, полагая примерно, остается еще у помещика». На случай, если конфедерации откажутся выписывать «ассигнации», бригадным генералам заранее давалось разрешение направлять команды в любые владения по собственному их решению¹¹⁶.

¹¹⁵ [Игельстром О.А.] Копия с ордера господину генералу порутчику и кавалеру графу Мелину генваря 15^{-го} дня 1793^{-го} года даннаго // РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 217. Л. 65.

¹¹⁶ Там же. Л. 65–66.

Документы конфедераций мрачными красками изобразили дальнейшую картину взаимоотношений с российской армией. Из полков в канцелярии конфедераций направлялись офицеры, которые, оправдываясь полученным приказом, требовали выдать билеты на провиант и фураж, а в противном случае угрожали немедленно начать хаотические реквизиции. Имея на руках «билеты», российские команды изымали во владениях несданную продукцию, провоцируя враждебность населения не только к российской армии, но и к конфедерациям, так как именно их документами российские солдаты обосновывали свои действия. Отвечая на болезненные обвинения и упреки шляхты в свой адрес, Минская конфедерация следующим образом оправдывала свои действия:

«Экспедиции его превосходительства генерал-лейтенанта графа Меллина угрожали, что если конфедерация замедлит с выдачей билетов на этот двухмесячный магазин, то полки имеют разрешение забирать зерно и фураж, которые им нравятся; конфедерация для предотвращения такого чудовищного несчастья трудилась в течение нескольких дней и ночей, чтобы ускорить выписку упомянутых билетов, а грубость офицера (который из судовой избы не хотел выходить, пока билеты не будут отданы) доказывала, что искалась зацепка, чтобы из-за опоздания конфедерации найти повод для исполнения запланированных притеснений <...> Можешь, гражданин, искренне не признавать даже самой внимательной заботы местной конфедерации о добре воеводства, памятуя, что конфедерация своими усилиями избавила сограждан от множества крайне тяжелых приказов <...>, известно общественности, что присланы были реквизиции, чтобы данное воеводство отправляло значительное число провиантов и фуражей к Новогрудку, Несвижу, Слуцку и Глуску, а для этого требуется не менее семи тысяч подвод, что когда конфедерация на упомянутые реквизиции дала ответ, что такового приказа выполнить не может, его превосходительство господин генерал Кнорринг (генерал-майор Богдан Федорович Кнорринг. — В.А.¹¹⁷) лично выезжал в Минск, чтобы данное распоряжение окончательно реализовать, что конфедерация просьбами и убедительными увещеваниями едва добилась у того же его превосходительства генерала, чтобы сдержал реализацию

¹¹⁷ Ср.: Военная энциклопедия [в 18 т.] / Под ред. полк. В. Ф. Новицкого и др. Т. 12. СПб.: Т-во И. Сытина, 1913. С. 607–608.

уже принятого решения о выгоне подвод и доставке магазинов, но в это ужасное время, когда мы стоим уже над пропастью, зависть есть уделом, которая сопутствует каждому, даже самым чистым поступкам. Конфедерация Минского воеводства, верная в исполнении своих обязанностей и всегда заботливая в ограждении воеводства от окончательной руины в эти ужасающие моменты <...>, ежедневно возносит молитвы о приближении времени, в котором сложит свои дела, так как те становятся несносным игом, источником горечи, к тому же ценой здоровья и благосостояния»¹¹⁸.

Наиболее отчетливо беззащитность конфедераций проявилась после того, как Пруссия на основании секретных договоров с Россией о втором разделе Речи Посполитой ввела свои войска на территорию Великой Польши. В ответ Генеральная конфедерация Обоих Народов 11 февраля 1793 г. издала универсал о созыве шляхетской армии («посполитого рушения»)¹¹⁹, а российские военные под угрозой применения силы запретили региональным конфедерациям реализовывать этот приказ.

В том же выше цитированном сообщении Минской конфедерации по этому поводу отмечалось (24 февраля 1793 г.):

«От командующих генералов получено предупреждение приказным тоном, чтобы <...> конфедерация не выбирала региментария и ротмистров согласно тексту изданного глубокоуважаемой Генеральной конфедерацией универсала о готовности к посполитому рушению. Местная конфедерация все это представляет перед глазами глубокоуважаемой Генеральной конфедерации»¹²⁰.

Сходным тоном обреченности и разочарования в результатах и условиях своей деятельности конфедерация Речицкого повета 5 марта 1793 г. сообщала населению о требовании очередных поставок провианта со стороны российской армии:

«Конфедерация <...> с самым болезненным ощущением, которое пронизывает сердце, получает приказ от его превосходительства

¹¹⁸ НИАБ. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 4. Л. 84–86.

¹¹⁹ Uniwersał do Narodu względem gotowości do pospolitego ruszenia [11 II 1793] [Режим электронного доступа]: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/dlibra/doccontent?id=695115> [Дата доступа]: 29.12.2019.

¹²⁰ НИАБ. Ф. 1901. Оп. 1. Д. 4. Л. 86 об.

генерал-майора Кнорринга, командующего российскими войсками, который к последней черте гибели местных землевладельцев и их подданных приближает <...> Такая беда (в польском оригинале «*klęska*», поражение) всего народа, а среди прочих и нашего повета коснулась, что мы приказы дружественных войск вынуждены исполнять»¹²¹.

Таким образом, конфликт, который первоначально имел форму военных действий между Российской империей и Речью Посполитой (но при этом российской стороной официально рассматривался как политическое противостояние внутри самой Речи Посполитой: между сторонниками и противниками реформ, объединенных, соответственно, вокруг Четырехлетнего сейма и Тарговицкой конфедерации), с течением времени стал конфликтом, проистекавшим в плоскости повседневных взаимоотношений самих конфедератов с союзными им российскими войсками. Создание конфедерации не привело к нормализации отношений между двумя государствами, несмотря на определенную степень стремления к ней как части политических кругов Речи Посполитой, так и местных руководителей российских войск, готовых, по-видимому, к компромиссу с местными политическими элитами в большей степени, чем высшее политическое руководство России. Последнее, судя по принимаемым решениям (в том числе кадровым), больше не верило в возможность возврата Речи Посполитой в систему российского протектората, сложившегося после первого раздела¹²², и данное государство по-прежнему рассматривало скорее как потенциального военного противника — даже несмотря на временную передачу власти в нем своим формальным сторонникам¹²³.

¹²¹ НИАБ. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 1. Л. 214.

¹²² См.: *Зелиньска* З. Россия — Польша: от протектората до автономии, XVIII — начало XIX века // Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI—XX вв.: коллективная монография. М., 2007. С. 153—164.

¹²³ Взгляд петербургского двора с подобного рода оценкой событий, происходящих в Речи Посполитой накануне второго раздела, см. в инструкции Я. Е. Сиверсу от 22 XII 1792 / 2 I 1793 г. (опубликована в: *Стегний* П.А. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772, 1793, 1795. С. 609—619; *Instrukcje i reskrypty do ambasadorów rosyjskich w Rzeczypospolitej w latach 1772—1794* S. 297—309). Ср. с рескриптами О.А. Игельстрому накануне и в начале восстания 1794 г. (*Ibid.* S. 341—358).

REFERENCES

1. *Abramski A.* Sądownictwo podczas konfederacji w Polsce (1672–1793). Katowice, 1986.
2. Akta sejmiku kowieńskiego z lat 1733–1795 / wydała M. Jusupović. Warszawa, 2019.
3. *Anipiarkou V.* Konfederacja targowicka w 1792 r. w świetle korespondencji służbowej rosyjskiego generała Michaiła Kreczetnikowa // *Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. T. LIV. 2019. Z. 1. S. 77–87.
4. *Anipiarkou V.* Niekatoryja asablivasci farmiravannia instytutaŭ Tarhavickaj kanfederacyi (na prykladzie bielaruskich ziemieŭ Vialikaha Kniastva Litoŭskaha) // *Vialikaje Kniastva Litoŭskaje: palityka, ekanomika, kultura: zb. avukovych artykulaŭ*. U 2 č. Č.1 / Nacyjanaŭnaja akademija navuk Bielarusi, Instytut historyi; układ.: A.A. Skiepjani; redkal. U.R. Husakoŭ [i inš.] Minsk: Bielarskaja navuka, 2017. S. 336–351.
5. *Anipiarkou V.* Sluckaja kanfederacyja 1792–1793 hh.: asablivasci ŭtvarennia / V. Anipiarkou // *Bielaruś, Slucki kraj i Edvard Vajnilovič: materyjaly Miżnarodnaj navukova-praktyčnaj kanferencyi, Sluck–Minsk, 22–23 vierasnia 2017 h.* / Instytut historyi NAN Bielarusi [i inš.]: redkal.: A.A. Kavalienia (navuk. red.) [i inš.]; Minsk, 2018. S. 105–123.
6. *Anipiarkou V.V.* Handaŭ pravijantam i furažom u 1792–1793 hh. u kantekscie adnosin pamiż šliachtaj Vialikaha Kniastva Litoŭskaha i vojskami Rasijskaj impieryi // *Historyja handliu na terytoryi Bielarusi: zbornik navuk. art.* / *Nac. akad. navuk Bielarusi, In-t historyi*; układ.: A.A. Skiepjani; redkal.: A.A. Kavalienia [i inš.]. Minsk, 2016. S. 201–211.
7. *Anipiarkou V.V.* Apošni hietman VKL. Tarhavicki šliach Šymana Kasakoŭskaha // *Bielaruski histaryčny časopis*. 2006. № 9. S. 44–52.
8. *Anipiarkou V.V.* Arhanizacyja i dziejnasć kanfederackich sudoŭ na ziemliach Vialikaha Kniastva Litoŭskaha ŭ 1792–1793 hh. // *Historyka-archiealahičny zbornik*. Vyp. 30. 2015. S. 84–93.
9. *Aniščanka J. K.* Inkarparacyja: Litoŭskaja pravincyja ŭ padzielach Rečy Paspalitaj. Minsk, 2003.
10. *Aniščanka J.K.* Zbor tvoraŭ [u 6 t.]. T. 2: Imiem Ajčyny: Dakumenty paŭstańnia 1794 h. u Litoŭskaj Pravincyji. Minsk, 2004.

11. *Bolotina N.J.* G.A. Potemkin: k voprosu ob institute favoritizma v Rossii // Rossijskaja gosudarstvennost': istorija i sovremennost'. Moskva, 2007. S. 230–263.
12. Chtenija v imperatorskom obshhestve istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete. Moskva, 1863. Kniga 4.
13. Correspondance de Stanislas-Auguste avec Catherine II: et ses plus proches collaborateurs (1764–1796) / édition, introduction et commentaires: Z. Zielińska; traduction de l'introduction et des commentaires: K. Zaleska. Kraków, 2015.
14. *Danilczyk A.* Targowica czyli zdrada. Warszawa, 2016.
15. *Dolinskas V.* Simonas Kosakovskis: politinė ir karinė veikla Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje 1763–1794. Vilnius, 2003.
16. Ekaterina II i G.A. Potemkin. Lichnaja perepiska 1769–1791 / podgotovil V. S. Lopatin. Moskva, 1997.
17. *Ilovajskij D.I.* Grodnenskij sejm 1793 g. Poslednij sejm Rechi Pospolitoj. Moskva, 1870.
18. Instrukcje i reskrypty do ambasadorów rosyjskich w Rzeczypospolitej w latach 1772–1794 / oprac. A. Danilczyk, J. Kordel, V. Anipiarkou, S. Łuczak, współpraca Z. Zielińska. Warszawa, 2019.
19. *Kądziela Ł.* Między zdradą a służbą Rzeczypospolitej: Fryderyk Moszyński w latach 1792–1793. Warszawa, 1993.
20. *Kądziela Ł.* Opcja grodzieńska // Kwartalnik historyczny. 1991. № 1. S. 31–44.
21. *Kalinka W.* Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. Cz. 2. Dokumenta do historii drugiego i trzeciego podziału // Dzieła ks. Waleryana Kalinki. T. 2: 2-e wyd. 1891.
22. *Konopczyński W.* Kossakowski Szymon M. // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław etc., 1968–1969. T. XIV. S. 288–293.
23. *Kornatowski W.* Kryzys bankowy w Polsce 1793 roku. Upadłość Teppera, Szulca, Kabryta, Prota Potockiego, Łyszkiewiczza i Heyzlera. Warszawa: Drukarnia Samorząd, 1937.
24. *Kostomarov N.I.* Poslednie gody Rechi Pospolitoj. Sankt-Petersburg, 1870.
25. *Kurukin I.* Favorit v Rossii XVIII veka: chelovek i mehanizm // Vestnik istorii, literatury, iskusstva. T. 9. Moskva, 2014. S. 181–195.
26. *Kurukin I.* Platon Zubov — «ministr vseh chastej pravlenija»: favoritizm na ishode XVIII stoletija // «Quaestio Rossica». 2015. № 3. S. 200–226.
27. Korrespondent Warszawski. 1792.
28. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės seimelių instrukcijos (1788–1790) / parengė R. Jurgaitis, A. Stankevič, A. Verbickienė. Vilnius, 2015.

29. Łojek J. Upadek Konstytucji 3 Maja: studium historyczne. Wrocław, 1976.
30. Machynia M., Rakutis V., Szednicki Cz. Oficerowie Wojska Wielkiego Księstwa Litewskiego 1777–1794. Spisy. Sztab, kawaleria, artyleria, wojska inżynierskie i piechota. Kraków, 1999.
31. Maksimowicz K. Oświeceniowy rebus polityczny. O ukrytych w akrostychach nazwiskach wodzów targowickich // Napis. Seria XVII. 2011. S.111–121.
32. O ustanowieniu i upadku Konstytucji Polskiej 3-go maja 1791 [w 2 cz.] Część druga. O upadku Konstytucji Polskiej 3go maja 1791. Metz, 1793.
33. Rok nadziei i rok klęski. 1791–1792. Z korespondencji Stanisława Augusta z posłem Polskim w Petersburgu Augustinem Deboli / wyb. i oprac. J. Łojek. Warszawa, 1964.
34. Rolnik D. O postawach szlachty litewskiej wobec konfederacji targowickiej w 1792 roku // Wschodni Rocznik Humanistyczny. 1 (2004). S. 73–96.
35. Rolnik D. Michał Zaleski — moralne dylematy targowiczana. O postawie politycznej marszałka konfederacji targowickiej województwa brzesko-litewskiego w latach 1788–1793 // Wieki Stare i Nowe. T. 3 (2003). S. 90–108.
36. Rolnik D. Szlachta koronna wobec konfederacji targowickiej (maj 1792 — styczeń 1793). Katowice, 2000.
37. Sbornik dokumentov, kasajushhihsja administrativnogo ustrojstva Severo-Zapadnogo kraja pri imperatrice Ekaterine II (1792–1796) / Vilenskaja komissija dlja razbora drevnih aktov; predsedatel' F.N. Dobrjanskij. Vil'no, 1903.
38. Šmigelskytė-Stukienė R. Kancler Aleksandr Mihal Sapega — marshalok General'noj konfederacii Velikogo Knjazhestva Litovskogo // Sapiehi: asoby, karjery, majontki: zbornik navukovych artykulaŭ / ukladałnik A.A. Skiepjani. Minsk, 2018. S. 121–141.
39. Šmigelskytė-Stukienė R. Kosakovskij ir Platono Zubovo ryšiai Rusijos intervencijos ir antrojo Abiejų Tautų Respublikos padalijimo kontekste // Istorija. T. 105. 2017. №. 1. P. 24–47.
40. Šmigelskytė-Stukienė R. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės konfederacijos susidarymas ir veikla 1792–1793 metais. Vilnius, 2003.
41. Smoleński W. Konfederacja targowicka. Kraków, 1903.
42. Stegnij P.A. Razdely Pol'shi i diplomatija Ekateriny II. 1772, 1793, 1795. Moskva, 2002.
43. Tajna korespondencja z Warszawy 1792–1794 do Ignacego Potockiego. Jan Dembowski i inni. / Opracowali Maria Rymzyna i Andrzej Zahorski. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961.

44. *Timoshhuk B.B.* Targovickaja konfederacija // Russkaja starina. 1904. № 9–10; 1905. № 1–2.
45. Voennaya enciklopediya [v 18 t.] / Pod red. polk. V.F. Novickogo i dr. T. 12: [Kal'yari–Kobelyanka]. Sankt-Petersburg: T-vo I. Sytina, 1913.
46. *Walicki A.* Stanisław Moniuszko. Warszawa, 1873.
47. *Zaharevich A.V.* Prebyvanie pod sudom komandirov donskih kazach'ih polkov na Kavkazskoj linii v 1801–1805 gg. // Rubikon. Sbornik nauchnyh rabot molodyh uchenyh. Vyp. 55. Rostov-na-Donu, 2010. S. 20–23.
48. Zbior Konfederacyi terazmieyszey Gener. Kor. w Targowicy, General. Litt. w Wilnie, jako i woiewodztw, ziem i powiatów skonfederowanych. Wszystkich Druków, czyli Czynności [Tom I]. Część II. Warszawa, 1792.
49. Zbiur Wszystkich Drukow Konfederacyi Targowickiey y Wilenskiey [Tom I]. Część I. Warszawa, 1792.
50. *Zielińska Z.* Rossija — Połsha: ot protektorata do avtonomii, XVIII — nachalo XIX veka // Upravlenie Rossiej. Opyt. Tradicii. Novacii. XVI–XX vv.: kollektivnaja monografija. Moskva, 2007. S. 153–164.

Ключевые слова:

Большое княжество Литовское, Тарговицкая конфедерация, российская армия,
Михаил Никитич Кречетников, Шимон Коссаковский,
второй раздел Речи Посполитой

Vadzim Anipiarkou

UNDER THE MASK OF COLLABORATION: conflicts between Russian forces and pro-Russian confederations in the Grand Duchy of Lithuania in 1792–1793

The subject of the paper is the Targovitzky Confederation (1792–1793). This particular szlachta union of the Polish Crown (which had analogous communities forming on the territory of the Great Duchy of Lithuania) was created at the initiative and in the direct interests of the Russian Empire, having the ultimate goal of restoring Russia's political influence in the Polish-Lithuanian Commonwealth. With Russian support, the Confederates were able to secure provisional state authority, becoming the mediators between the local population and the Russian Imperial military departments. The perception that the relationship between the Confederation and the Russian Army was exclusively friendly, which is so popular in historiography, is critically re-examined in the given article. There are numerous examples of conflicts between the Confederates and the Russian military on a central (between the Regimentary/Hetman Sh. Kossakovsky and General-Anchef M.N. Krechetnikov) and on a local level (in certain voevodstvo districts, and between the regional confederations and the Russian Army).

Key words: the Great Duchy of Lithuania, the Targovitzky Confederation, the Russian Army, Mikhail Krechetnikov, Shimon Kossakovsky, the second partition of Poland.

Vadzim Anipiarkou — Ph.D. (History), Senior Researcher of the Department of Source Studies of the Institute of History, the Belarus People's Academy of Science (Minsk, Belarus).

 Аниперков Вадим Вадимович

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
отдела источниковедения и археографии Института истории
НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь)

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.33.004

А.В. Унучек

РОССИЯ И РУССКИЕ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «НАША НІВА» НАЧАЛА XX В.

Вступление

Еженедельник «Наша Ніва» имеет исключительное значение для белорусской идентичности и формирования современного образа Беларуси и белорусов. В начале XX в. «Наша Ніва» (выходила одновременно кириллицей и латиницей в Вильно в 1906–1915 гг.) стала центром белорусского национального движения, национально-государственной мысли и культурной работы. Вокруг редакции объединились белорусские политики, которые в 1918 и 1919 гг. создавали БНР и БССР, а также целая плеяда классиков белорусской литературы и искусства во главе с Я. Купалой, Я. Коласом и М. Богдановичем. Все это вместе взятое позволило белорусским историкам назвать начало XX в. «эпохой нашенивского возрождения», без которой было бы невозможно возрождение белорусской государственности.

Исходя из вышесказанного и из того, что в начале XX в. Беларусь находилась в составе империи Романовых, представляется важным исследование вопроса отношения редакции «первой белорусской газеты с рисунками» к России и русским.

Еженедельник Наша Ніва. Первый номер 1911 г. Первая страница

Исторический контекст

Чтобы был более понятен белорусский интеллектуальный контекст конца XIX — начала XX в., проиллюстрируем его несколькими знаковыми примерами. Отметим, что территория бывшего Великого княжества Литовского в российском официальном дискурсе называлась «Северо-Западным краем», центр края находился в Вильно. Большую часть «Северо-Западного края» сегодня занимает Республика Беларусь.

Знаменитый украинский интеллектуал и национальный деятель Дмитро Дорошенко, который родился в Вильно в 1882 г., учился в Виленской гимназии, а затем в Варшавском университете, отмечал, что варшавские студенты относились к своим коллегам из Виленского учебного округа «неприязненно, как к непрошеным гостям»¹. Причиной тому было то, что варшавская публика считала виленчан «русифицированными поляками». С другой стороны, сам Д. Дорошенко вспоминал, что «виленские поляки» уважали его украинскость, обеспечивали украинскими книгами, вместе с ним посещали пьесы украинских театров в Вильно².

¹ Дорошенко Д. Мої спомини про давнє минуле (1901–1914 роки). Київ, 2007. С. 44.

² Там же.

Иван Петрович Корнилов

Вышесказанное дает основание говорить, что слово «поляк» в то время могло иметь два различных значения — во-первых, это житель Царства Польского, а во-вторых — «Северо-Западного края». Тот же Д. Дорошенко писал, что среди его знакомых был «белорусский поэт» Франтишек Богушевич, который входил в виленское «польского коло» и одновременно поддерживал «украинский сепаратизм» самого Д. Дорошенко³.

Таким образом, провозглашая «польскость» или «российскость» «Северо-Западного края», представители российской власти в крае не могли не обращать внимания на то, что реальность часто противоречила официальной идеологии. Суть официальной позиции властей сводилась к тому, чтобы доказать принадлежность белорусов к «русскому народу» и опровергнуть утверждение о «польскости» белорусов.

Здесь необходимо отметить, что в 1863–1900 гг., в результате запрета на белорусскую печать в границах Российской империи, вышло только 9 брошюр небольшого формата, общим объемом 160 страниц⁴.

Почему так случилось? Ответ на этот вопрос лежит в политике российского правительства в Беларуси после восстания 1863–1864 гг. Суть этой политики была в том, чтобы русифицировать Беларусь и сделать белорусские губернии максимально похожими на российские. Попечитель Виленского учебного округа И.П. Корнилов в 1864 г. писал в Петербург следующие вещи: «В Северо-Западном крае надо еще много трудов и усилий,

³ Там же. С. 40.

⁴ Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі. Вільня, 2006. С. 167.

чтобы восстановить порядок и чтоб здешние коренные русские губернии сделали, как и следует не гнездами несчастий и мятежей, но крепким оплотом, ограждающим самостоятельность нашего государства и народа»⁵.

Но здесь у И.П. Корнилова возникла большая проблема — выяснилось, что на территории Беларуси практически не было «образованных русских». «Я говорил о недостатках у нас рук, — писал он, — о необходимости привлечения в здешний край и именно в Вильну, к учебному округу, русских ученых деятелей. Сто раз готов повторить, что дело крайне необходимо. Так как в западном крае нет коренного русского образованного и влиятельного кружка, то нет и местной общественной силы для борьбы с придавленным государственною силою, но еще с живучими и неуступчивыми внутренними врагами <...> По неволе вся тяжесть борьбы с государственными и народными злодеями обрушивается в здешнем крае на одно правительство. Так называемая польская пропаганда есть своего рода уродливая форма местной цивилизации, исторически образовавшаяся и тесно связывающая многочисленное шляхетское сословие, а через него влияющее вообще на сословия, особенно на городские и на католическое простонародье. Полонизм в западно-русских губерниях, по своему историческому, прочному характеру и общественной форме все равно что иудаизм, хотя он менее последнего коренат и легче истребим. Полонизм и здешнее уроженство имеют свою прекрасную литературу, свою лжеисторию, лжеэтнографию и пр. Виленский университет был именно университетом полонизма»⁶.

Согласно такой оценке ситуации, в Беларусь из России нужно было приглашать «образованных людей», который делали бы «русский край русским». И российское правительство пошло на это. Так в Беларуси начало появляться более-менее значительное количество русских чиновников, священников, учителей, а также ученых и творческих работников. Но дело шло далеко не идеально.

В 1867 г. тот же И.П. Корнилов отмечал, что даже получив согласие правительства на массовое приглашение в край русских, все было далеко не просто: «Слабая сторона нашего поведения в Западном крае заключается в том, что по недостатку способных и надежных местных русских уроженцев, по совершенному почти отупению русского коренного общества, мне пришлось <...> вызывать из внутренних губерний людей по большей части вовсе неизвестных»⁷.

⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 377. Д. 6. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 11об.

⁷ Там же. Д. 52. Л. 1.

Помпей Николаевич Батюшков

Другой известный в «Северо-Западном крае» русский деятель П.Н. Батюшков, описывая события 1863 г. в Беларуси, сообщал, что ученики некоторых учебных заведений края «дерзко и прямо отказывались заниматься русским языком и русскою историею, как предметами для них вовсе ненужными»⁸. В то же самое время П.Н. Батюшков отмечал, что православные священники, в отличие от католических, мало влияют на молодежь именно потому, что пользуются в «Северо-Западном крае» исключительно русским языком: «Священники говорят с народом на книжном русском языке, в то время как ксендзы говорят с Белорусами и исповедают их по Белоруски, а с Литовцами по Литовски»⁹.

Также П.Н. Батюшков скептически относился к идее издания частных русских газет в крае: «Частное издание с русским (подчеркивание оригинала. — А.У.) редактором и тем направлением, которое необходимо, в Вильне неудержится, ибо никто из русских не рискнет на предприятие, которое, за малым числом подписчиков, не окупит затрат издания газеты»¹⁰.

В то время как писались вышеозначенные записки и разрабатывались стратегии «обрусения края», представители белорусской интеллигенции пытались определить с границами Беларуси. В 1882 г. вышел том «Живописной России» авторства А. Киркора, который писал: «Сначала Беларусь называли только нынешние Могилевскую и Витебскую губернии <...>

⁸ Там же. Д. 62. Л. 57.

⁹ Там же. Д. 45. Л. 6.

¹⁰ Там же. Д. 52. Л. 2.

Пётр Дмитриевич Святополк-Мирский

но в настоящее время, с этнографической точки зрения, как в племенном, так в бытовом и народном отношении, Белоруссией справедливо называть все три губернии: Могилевскую, Витебскую и Минскую. Исключение составляют только три уезда Витебской губернии, населенные латышами <..> К Белоруссии принадлежит часть Смоленской губернии <..> Этого мало. К Белорусскому племени надобно причислить жителей Вилейского и Дисненского уездов Виленской губернии, большую часть Новоалександровского уезда Ковенской губернии и большую часть Гродненской губернии»¹¹.

Виленский генерал-губернатор П.Д. Святополк-Мирский в своем «Всеподданнейшем отчете... за 1902–1903 гг.» писал, что наибольшие проблемы политика «обрусения» встречает в среде белорусов-католиков в Виленской и Гродненской губерниях: «Неопределенное в этнических отношениях положение белорусской народности и отсутствие у нее развитого национального сознания воспитывают именно таких молодых людей, которые поступая в Виленскую семинарию, в огромном большинстве случаев с легкостью полонизируются, не имея ничего своего для противопоставления польской пропаганде. Это явление убеждает, как важно поднять самосознание во всем белорусском населении, чтобы укрепить тех, которые попадают в польскую среду»¹².

¹¹ Цит. по: Кравцевич А., Смоленчук А., Токть С. Белорусы: нация Пограничья. Вильнюс, 2011. С. 101.

¹² Всеподданнейший отчет Виленского, Ковенского и Гродненского Генерал-Губернатора Генерал-Лейтенанта князя П. Святополк-Мирского за 1902–1903 гг. // Lietuviu klausimas Rusijos imperijoje XIX a. — XX a. Pradžioje. Vilnius, 2001. С. 97.

Здесь же глава Виленского генерал-губернаторства противопоставляет белорусам литовцев, которые благодаря высшему национальному сознанию отмежевывают себя от «поляков». И поэтому для российской бюрократии было логичным, что, для того чтобы вытащить белорусов из-под «польского влияния», Российская империя должна была различными способами заставить их двигаться в направлении «обрусения», «тем более, что среди белорусов-католиков уже начинает проявляться движение в пользу обособления от поляков»¹³.

Важная роль в деле «обрусения края» отводилась официальной губернской прессе, издававшейся на территории бывшего Великого княжества Литовского. Многие публикации в российских периодических изданиях второй половины XIX в. были призваны «доказать», что белорусского языка либо «не существует вообще», либо он крайне слабо развит и является диалектом русского. Корреспондент «Минских губернских ведомостей», например, утверждал, что «насколько скудна эта речь (белорусский язык. — А.У.), уже видно из того, что крестьянин принужден часто пополнять ее мимикой»¹⁴. В 1887 г. главная российская газета края «Виленский вестник» писала: «Белорусский язык не настолько развит и богат, чтобы служить литературным языком, и не предвидится надежды, чтобы он стал таковым в будущем. Язык белорусский не имеет задатков самостоятельного развития, и ему предстоит преобразоваться или в русский, или в польский»¹⁵.

Как российское правительство, так и белорусская национальная интеллигенция для достижения своих целей стремились опереться на низшие, наиболее многочисленные слои белорусского общества. П.Н. Батюшков в 1886 г. писал: «Стремясь к воспитанию юношества на русских началах, правительство прежде всего обратило внимание на низшие сословия. <...> Необходимо было изъять приходские училища из рук римско-католического духовенства и преобразовать их в светские училища, подчиненные прямому и непосредственному ведению учебного начальства, ввести в них преподавание всех вообще наук на русском языке и вообще устроить их на началах русских, чтобы при помощи такого рода училищ сблизить коренное население края с природно-русскими»¹⁶.

¹³ Там же. С. 101.

¹⁴ Цит. по: Самбук С.М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX века (по материалам периодической печати). Минск, 1976. С. 68.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 52. Д. 62. Л. 22–23.

Алексей Федорович Гирс на посту губернатора Минской губернии.
Снимок из Памятной книжки Минской губернии на 1913 г.

О том, что получилось в результате, в январе 1914 г. минский губернатор А.Ф. Гирс писал в Петербург министру внутренних дел империи: «Мероприятия, положенные в основу нашей окраинной политики графом М.Н. Муравьевым, создали условия, благоприятные для поступательного хода русских начал и развития русской культуры в крае <..> За все время начиная с 1864 года русское дело хотя и медленно, но шло вперед. Были, правда, периоды, когда это движение, под влиянием тех или других колебаний русской окраинной политики, приостанавливалось и часто на продолжительные периоды, но не было такого времени, когда бы намечалось обратное движение, когда бы польская культура одолевала русскую и вытесняла ее с занятых позиций. Обратное движение началось только с 1905–1906 гг.»¹⁷.

Далее минский губернатор констатировал, что без государственной поддержки русская культура в Беларуси не сможет на равных конкурировать с польской, поэтому нужно как можно дольше сохранить тут систему российской политики, которая была заложена М.Н. Муравьевым после подавления восстания 1863–1864 гг.

¹⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 532. Д. 748. Л. 1.

Россия «официальная» на страницах «Нашей Нивы»

Редакция газеты «Наша Нива» характеризовала направление издания как «демократическое». Поэтому ее публицисты часто стремились показать белорусскому читателю, что существует «Россия официальная» и «Россия демократическая».

«Наша Нива» начала издаваться в Вильно в ноябре 1906 г. Программа, согласно которой выходила газета, имела следующие рубрики: «1) Действия правительства; 2) Политический обзор; 3) Жизнь деревни; 4) Жизнь города; 5) Фельетон; 6) Новейшие произведения белорусской литературы; 7) Что слышно на Белой Руси; 8) Из Беларуси и Литвы; 9) Из России; 10) Корреспонденции; 11) Из-за границы; 12) Что надо и чего не надо читать; 13) Литературное дополнение; 14) Новые книги; 15) Из прошлого Беларуси; 16) Почтовый ящик; 17) Сельское хозяйство; 18) Практическая медицина; 19) Прикладная механика; 20) Разное; 21) Объявления».

Подписная плата за газету устанавливается 3 рубля в год с доставкой и пересылкой, цена отдельного номера была 5 копеек.

Из рубрикации видно, что редакция газеты, исходя из принципа государственной принадлежности Беларуси к Российской империи, ставила 2 рубрики «Из России» и «Из-за границы», с одной стороны, подчеркивая обособление от России, а с другой — отделяя Россию от «заграницы».

Уже в первом номере газеты за 10 (23) ноября 1906 г. в статье, посвященной выборам в Государственную думу, редакция «Нашей Нивы» объявила, что «в России уже начались великие перемены». Смысл их заключался в том, что появилась Государственная дума, и без ее согласия «ни один закон не может иметь силы»¹⁸. Редакция отмечала огромные положительные перемены в России и связывала с ними надежды на то, что и российская политика относительно Беларуси будет эволюционировать в направлении либерализации.

Тем не менее через неделю 17 ноября 1906 г. в редакционной статье отмечалось, что «между всеми Европейскими Государствами Россия наименее образована, наиболее темная, а к найтемнейшим частям ее принадлежит и Белая Русь»¹⁹.

Чтобы понять, что имелось в виду, необходимо описать, как в среде белорусской интеллигенции оценивалась российская политика относительно Беларуси. Один из главных идеологов белорусского национального движе-

¹⁸ Наша Нива. 1906. 10 (23) лістапада. Факсімільнае выданне. Вып. 1. Мінск, 1992. С. 2.

¹⁹ Наша Нива. 1906. 17 (30) лістапада. Факсімільнае выданне. Вып. 1. Мінск, 1992. С. 2.

Вацлав Леонардович Ивановский

ния начала XX в. Вацлав Ивановский писал: «Начиная от Муравьева, после восстания 1863 года, обрусительная политика задержала всякое развитие Беларуси. В Беларуси не было свободы писать и печатать по своему, нельзя было употреблять родной язык в школе, хотя бы столько, сколько было позволено другим народам — к примеру полякам в Польше, и снова не было в Беларуси такого гнезда свободной науки и света, которые имела Литва (Прусская часть ее, что под немцем) или Украина (Галитчина в Австрии). Да и если мы посмотрим на те школы, что у нас были, то увидим в них больше не науки, а политики и захламления ума всяким ненужным мусором. Ночь, темная ночь, опустилась на Беларусь, и под ее черным крылом все более гибел забитый белорусский деревенский народ»²⁰.

В этой достаточно большой статье В. Ивановский давал обзор истории Беларуси второй половины XIX — начала XX в. Напечатав этот материал, газета получила первое предупреждение и далее писала более осторожно. Но суть оставалась та же. Главная претензия состояла в том, что в Российской империи поляки и другие европейские народы имели более свободы для национального развития, чем белорусы, в этом редакция «Нашей Нивы» видела наибольшую несправедливость. Поскольку восставали не только белорусы, но и поляки, и литовцы, а наибольшие репрессии обрушились именно на Беларусь.

²⁰ Войцех. Зямельная справа у Беларусі // Наша Ніва. 1906. 22 (30) снежня. Факсімільнае выданне. Вып. 1. Мінск, 1992. С. 2.

Классик белорусской литературы Якуб Колас задался вопросом, почему многие белорусы, даже некоторые представители интеллигенции отрекаются от своего родного языка. Он считал, что ответить на этот вопрос невозможно «не познакомившись с характером внутренней российской казенной политики». Но, писал он дальше, подробно говорить об этом на страницах газеты не позволяют многие причины.

Поэтому в своей статье он остановился на ситуации со школьным образованием. Говоря о положении дел в школе, классик белорусской литературы констатировал, что мальчик белорус, который учится в казенной школе, все годы учебы слышит только насмешку над своим языком. Далее автор описывает, как система подготовки учителей в учительских семинариях на территории Беларуси готовит русификаторов, которые затем русифицируют белорусских детей, одновременно «выступая за свободу». Заканчивая перечень обвинений в адрес «казенной школы» и «казенных учителей», автор в сердцах восклицал: «Не хватало еще только того, чтобы поехали вы в Вильно и стали там на колени, перед одним памятником». Здесь, очевидно, имелся в виду памятник М.Н. Муравьеву, душеителю освободительного восстания 1863–1864 гг., который был установлен российскими властями в Вильно в 1898 г. и пользовался мрачной репутацией в общественном мнении Беларуси и Литвы²¹.

Языковая тема проходила в «Нашей Ниве» на протяжении всего периода издания газеты. Главной целью ее издателей было внедрение белорусского языка во все сферы жизни белорусского общества. Один из самых талантливых белорусских публицистов и литературных критиков начала XX в. Сергей Полуян писал в 1909 г.²², что белорусское движение набрало уже достаточно сил, чтобы начать борьбу за широкое использование белорусского языка в публичной сфере. В противном случае, писал он, национальное движение просто не сможет выработать жизнеспособной «национальной идеологии», поскольку для этого не будет основы. В результате появления этой статьи на страницах «Нашей Нивы» была озвучена мысль о том, что в истории Беларуси был «золотой век», когда белорусы первыми из восточных славян напечатали Библию на родном языке. И что именно белорусский язык повлиял на формирование русского языка, а никак не наоборот, как принято было утверждать в тогдашнем официальном дискурсе²³.

²¹ Дзядзька Карусь. Беларуская мова у казеннай школы // Наша Ніва. 1906. 22 (30) снежня. Факсімільнае выданне. Вып. 1. Мінск, 1992. С. 4.

²² Наша Ніва. 1909. 3 (16) верасня. Факсімільнае выданне. Вып. 2. Мінск, 1996. С. 507.

²³ Цітовіч В. З нашага жыцця // Наша Ніва. 1909. 24 (7) верасня. Факсімільнае выданне. Вып. 2. Мінск, 1996. С. 558.

Якуб Колас

Редактор-издатель «Нашей Нивы» А. Власов считал, что русскоязычные школы, которая создавались российским правительством в Беларуси, препятствовали расширению школьного образования. Поскольку местные белорусские помещики, большинство которых были людьми с краевым мировоззрением, отказывались финансировать «народные училища» для крестьян, небезосновательно опасаясь, что детей будут воспитывать в «русском духе». А с другой стороны, российские чиновники не хотели пускать в местные «народные училища» учителей местного происхождения, опасаясь, что те будут «полонизировать» учеников²⁴. Сложившаяся ситуация, по убеждению редактора «первой белорусской газеты с рисунками», очень вредила белорусскому национальному движению, поскольку для развития движения нужна была масса грамотных белорусов.

В «Нашей Ниве» была рубрика «Из Беларуси и Литвы», где помещались корреспонденции с территории бывшего Великого княжества Литовского, и рубрика «Со всех сторон», где обычно ставили информационные сообщения с зарубежных, относительно Российской империи, государств, а также из России. Так, в начале 1908 г. редакция газеты, сообщая о возможности возникновения войны «России с Турцией», подчеркивала, что это будет война «русских с турками»²⁵. В данной заметке автор подчеркивал свое ней-

²⁴ Отдел рукописей Библиотеки Академии наук Литовской Республики (ОР БАНЛР). Ф. 21. Д. 715. Л. 13.

²⁵ 3 усьх старон // Наша Ніва. 1908. 1 (14) лютага. Факсімільнае выданне. Вып. 1. Мінск, 1992. С. 8.

тральное отношение к конфликту, как не имеющему прямого отношения к интересам Беларуси.

В то же время, если речь шла о государстве, государственных делах, то «Наша Ніва» называла происходящее в Российской империи «у нас». Так, в статье о школьном образовании «В холодных северных странах — Норвегии и Дании, где земля плохая, но на народное образование расходуются больше денег, чем у нас, с десятины земли (считая в общем) собирают в несколько раз больше всякого добра, чем в России»²⁶. Далее автор статьи приводил цифры и показывал, что «в России» урожайность намного ниже, чем в государствах Западной Европы, и что Россия проиграла войну с Японией потому, что в Российской империи не было «всеобщего образования народа»²⁷.

Характеризуя российское дворянство, «Наша Ніва» утверждала, что дворяне выступают «за старьй порядок» и против «широких полномочий» Государственной думы. Согласно белорусскому еженедельнику, на политическую позицию русского дворянства ориентировались черносотенные организации, в частности члены «Союза русского народа», и что в целом такая позиция встречает одобрение на правительственном уровне²⁸.

Интересно, что, давая отчеты с заседаний Государственной думы, редакция «первой белорусской газеты с рисунками» высказывала свое мнение по многим вопросам, в том числе и по вопросу российской политики в отношении других государств. Так, например, в марте 1908 г. сообщая о выступлении министра иностранных дел Российской империи в Думе, «Наша Ніва» писала, что министр предлагал утвердить расходы на «российского посла в Японии». При этом поднялась дискуссия о Русско-японской войне и роли российского посольства в развязывании войны и последующем поражении российской армии.

Редакция «Нашей Нівы», резюмируя дискуссию, констатировала, что правительство Российской империи и даже российское посольство в Токио очень легкомысленно отнеслись к Японии, недооценив ее военный потенциал и не заметив многих «прогрессивных» изменений в японском обществе²⁹. Таким образом, белорусская газета присоединялась к тем оценкам

²⁶ Значэньне народнай прасьветы // Наша Ніва. 1908. 15 (28) лютага. Факсімільнае выданне. Вып. 1. Мінск, 1992. С. 4.

²⁷ Там же.

²⁸ Зьезда «саюзынікоў» // Наша Ніва. 1908. 29 лютага. Факсімільнае выданне. Вып. 1. Мінск, 1992. С. 3.

²⁹ У Думе і каля Думы // Наша Ніва. 1908. 14 (28) сакавіка. Факсімільнае выданне. Вып. 1. Мінск, 1992. С. 1–2.

Антон Иванович Луцкевич

Русско-японской войны, которые можно назвать оппозиционными тогдашней официальной линии.

По этому вопросу «первая белорусская газета с рисунками» делала еще более глобальные выводы. По мнению редакции: «Японская война навеки положила этому расширению (пределов Российской империи. — А.У.) конец. Началась внутренняя государственная и общественная работа над вопросами культуры, от которых зависит целостность и сила России»³⁰. Одним из главных вопросов, на который в России мало обращают внимание, был вопрос мусульманский, поскольку в империи проживало около 20 млн мусульман и по численности они составляли третью этнорелигиозную группу в государстве после великорусов и украинцев.

Касаясь темы эмиграции из Российской империи, один из главных идеологов «Нашей Нивы» Антон Луцкевич писал, что из Российской империи за 1900—1908 гг. выехало «в Америку» 1,5 млн человек. Причем с каждым годом количество эмигрантов росло. Наиболее интенсивно выезжали те, кому «хуже всех живется в нашей стороне», евреи, которых выехало за этот период «666 567 душ». За ними следовали жители «окраин» поляки, финны, литовцы, латыши, а также белорусы и украинцы³¹. Главный вывод, который могли сделать читатели еженедельника из данного материала, заключался в том, что жители «окраин» Российской империи не чувствовали

³⁰ Алісова Г. Мусульмане у Расеі // Наша Ніва. 1910. 28 лістапада. Факсімільнае выданне. Вып. 3. Мінск, 1998. С. 708.

³¹ Г.Б. Аб эміграцыі // Наша Ніва. 1910. 21 (3) студзеня. Факсімільнае выданне. Вып. 3. Мінск, 1998. С. 59.

себя нормально, в отличие от великорусов, и виной всему была «окраинная политика» правительства, т.е. стремление насильственно русифицировать население нерусских частей империи.

Убийству П.А. Столыпина в сентябре 1911 г. «Наша Ніва» посвятила небольшую редакционную передовицу с довольно красноречивой характеристикой политики убитого премьер-министра. Суть заключалась в том, что на одном человеке не может держаться все государство и что со смертью П.А. Столыпина существенных изменений в политике и вообще в жизни общества не ожидается. Политику П.А. Столыпина белорусский еженедельник характеризовал следующим образом: «Умерший П.А. Столыпин вел *национальную* (выделено в оригинале. — А.У.) политику, значит, смотрел только за тем, чтобы каждый новый закон, каждое новое событие увеличивало власть и усиливало господство русского народа над всеми остальными нациями, которые живут под Россией»³².

С 1912 г. в газете часто появляются передовые статьи под заглавием «Из России». В этих материалах редакция «Нашей Нівы» обычно характеризовала и давала оценку русским «националистам» в Думе, которые, например, требовали ввести огромные пошлины на американские сельскохозяйственные машины, что было абсолютно не выгодно, по мнению белорусского еженедельника, в первую очередь самой России. Также в Думе звучали «призывы к войне с Австрией», которую русские монархисты обвиняли «в поддержке украинского возрождения»³³.

В этой же рубрике «Из России» была помещена статья о монахе Исидоре из Царицына, который вместе с саратовским архиереем Гермогеном обманули Синод и императора, но несмотря на это они пользуются поддержкой черносотенцев³⁴. Также газета писала о страшном голоде в Центральной России в начале 1912 г., который всячески скрывается от широкой общественности³⁵.

Очень эмоционально «Наша Ніва» отреагировала на «Ленский расстрел» в апреле 1912 г. Газета писала, что расстрел рабочей забастовки на золотых приисках в Сибири «не оставил равнодушным российского общества», но несмотря на это националистические партии в Думе оправдывают

³² Наша Ніва. 1911. 22 (5) верасня. Факсімільнае выданне. Вып. 4. Мінск, 2003. С. 466.

³³ І. М-скі. 3 Расеі // Наша Ніва. 1912. 13 (26) студзеня. Факсімільнае выданне. Вып. 5. Мінск, 2009. С. 1.

³⁴ 3 Расеі // Наша Ніва. 1912. 28 (8) студзеня. Факсімільнае выданне. Вып. 5. Мінск, 2009. С. 1.

³⁵ 3 Расеі // Наша Ніва. 1912. 16 (29) лютага. Факсімільнае выданне. Вып. 5. Мінск, 2009. С. 1.

Янка Купала

администрацию. Безнаказанный расстрел сотен угнетенных, бесправных людей мог привести, по мнению редакции белорусского еженедельника, к таким же последствиям, как и в 1905 г., т.е. к новой революции³⁶.

Российский национализм отождествлялся «Нашей Нивой» с монархизмом. И если белорусское Возрождение требовало национальной и политической свободы, то для российских «патриотов» свобода вообще не была ценностью, скорее наоборот. Об этом писал, в частности, классик белорусской литературы Янка Купала³⁷. В своих произведениях Я. Купала затрагивает также важную тему свободы и ответственности за судьбу свободы. Фактически он констатировал, что в условиях той относительной либерализации царского режима в Российской империи начали образовываться и действовать силы, стремящиеся эту либерализацию задуть. Такой силой были российские монархисты. Белорусский поэт выступал как сторонник идей, изложенных в Манифесте 17 октября 1905 г. Суть Манифеста была в «даровании населению непреклонных фундаментов гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, собраний и союзов»³⁸. Отношение к положениям манифеста 17 октября 1905 г. часто отличало «Россию официальную» от «России демократической».

³⁶ З Расеі // Наша Ніва. 1912. 19 (2) красавіка. Факсімільнае выданне. Вып. 5. Мінск, 2009. С. 1.

³⁷ Наша Ніва. 1914. 6 чэрвеня. С. 1.

³⁸ Манифест 17 кастрычніка 1905 г. // Матэрыялы навучнай канферэнцыі, прысвечанай 100-летцю Манифеста 17 кастрычніка 1905 г. Мінск, 2007. С. 160.

«Россия демократическая»

Главным вызовом нового времени, когда «в разноплеменном Российском государстве начинается новая демократическая жизнь»³⁹, «Наша Ніва» считала то, что «российское общество еще не понимает, в чем тут дело. Большая его часть думает, будто желание каждого народа учить детей на родном языке — это все равно, что отделение от России»⁴⁰. По мнению редакции белорусского еженедельника, если бы в Российской империи были созданы все условия для развития национальных культур, то нерусские народы считали бы Российское государство своим домом и не стремились бы отделяться. Но при этом нужно будет изменить внутреннюю политику в империи, именно этого и боялись «русские националисты», которые выступали против всяких реформ и за русификацию «инородцев». Этот путь лидеры белорусского национального движения считали тупиковым и опасным. Свои надежды «Наша Ніва» связывала с «Россией демократической», которую представляли «великие Учителя народа — Пирогов, Толстой и многие другие»⁴¹, которые дали положительный пример уважения чужой национальности и культуры.

Идеологи «Нашей Нівы» писали о России официальной и России «демократической», стремясь показать огромную разницу между ними. Одной из форм информирования белорусского читателя о «демократической России» были статьи, посвященные известным людям. Одной из первых такого рода статей был некролог «Памяти председателя первой Государственной думы С.А. Муромцева», который умер в возрасте 60 лет в октябре 1910 г. Некролог написал один из видных «нашенивских» публицистов А. Бульба (Я. Еленский). «Наша Ніва» характеризовала С. Муромцева, как «первого гражданина», как человека, который создал российскую парламентскую культуру, при котором в Думе «не было площадной ругани», потому что представители всех политических сил считали профессора С. Муромцева высочайшим моральным авторитетом. Сама его смерть обратила мысль интеллигенции «к высоким идеалам», а на его похороны собралось 100 тысяч человек. Заканчивается некролог следующими словами: «Спи спокойно, защитник прав человека! А вы,

³⁹ З газэт // Наша Ніва. 1910. 16 снежня. Факсімільнае выданне. Вып. 3. Мінск, 1998. С. 774.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

потомки Муромцева, идите дальше дружно по следам великого русского гражданина!»⁴²

Через месяц после смерти С.А. Муромцева ушел из жизни один из величайших русских писателей Л.Н. Толстой (1828–1910). Некролог Л.Н. Толстого занял всю первую полосу «Нашей Нивы». Сразу после названия газеты в черной рамочке большими буквами было написано «Лев Николаевич Толстой. Умер 7 ноября в 6 час. 5 мин. утром на ст. Остапово». Авторство некролога не было обозначено, что означало подпись всей редакции. Отмечая огромные заслуги Л.Н. Толстого в сфере литературы, редакция «Нашей Нивы» констатировала: «Л.Н. Толстой всматривался в душу, в судьбу русского мужика, в этой мужицкой жизни он нашел все богатство современных идей <..> Толстого знали все, весь мир читал его произведения, его великие мысли. <..> Нет в России ему равного по заслугам, и нет писателя, у которого столько книг было бы издано. Имя графа-мужика Толстого гремело по всему миру. <..> Толстой был совестью всего мира. Когда сильные издевались над слабыми, все ждали голоса Толстого, и не ошибались, он говорил, и голос его гремел по всему миру, как голос пророка»⁴³.

«Наша Нива» отмечала, что в Берлине, Лондоне, Петербурге, Варшаве и Вильно, везде люди интересовались здоровьем Л.Н. Толстого и выражали соболезнования, когда его не стало. Главное значение творчества писателя белорусская газета видела в том, что он выступал за справедливый мир, что все слабые видели в нем своего заступника и защитника. В этом смысле Л.Н. Толстой много сделал и для белорусского национального возрождения. Прямо об этом в статье не говорилось, но очевидно подразумевалось.

В последнем номере «Нашей Нивы» за 1910 г. была опубликована статья писателя и будущего первого руководителя правительства БССР Тишки Гартного (Д. Жилуновича) под названием «Лев Толстой в памяти мужиков белорусов»⁴⁴. Т. Гартный поместил воспоминания о Л.Н. Толстом, которые он услышал от крестьян в Слуцком уезде Минской губернии. Суть их была в том, что после избрания второй Думы многие депутаты поехали в гости к Толстому, который им предложил попробовать два блюда — одно с маком, а другое — с перцем. Когда депутаты отведали перцу, у них потекли слезы, заметив это, Толстой сказал, что у мужиков такая жизнь, как это блю-

⁴² Бульба А. Памяці С.А. Муромцэва // Наша Ніва. 1910. 14 кастрычніка. Факсімільнае выданне. Вып. 3. Мінск, 1998. С. 642–643.

⁴³ Лев Мікалаевіч Толстой // Наша Ніва. 1910. 11 лістапада. Факсімільнае выданне. Вып. 3. Мінск, 1998. С. 689–690.

⁴⁴ Гартны Ц. Лев Толстой у памяці мужыкоў беларусаў // Наша Ніва. 1910. 23 снежня. Факсімільнае выданне. Вып. 3. Мінск, 1998. С. 788–789.

до, и напутствовал депутатов защищать крестьянина в Думе. В результате народные представители так прониклись словами Толстого, так бескомпромиссно «воевали за мужика», что власти даже распустили Думу. Завершается статья словами: «Так белорусские мужики обессмертили память великого русского писателя».

Согласно Т. Гартному, А. Толстого любили даже те, кто не умел читать, а его идеи продолжали побуждать белорусских крестьян на борьбу «за лучшую долю» и после смерти писателя.

В 1911 г., когда отмечалось 50-летие упразднения крепостного права в Российской империи, «Наша Ніва» опубликовала большую статью, автор которой анализировал ситуацию с крепостным правом в «Российском государстве» и пришел к выводу, что в России крепостное право было гораздо более бесчеловечным, чем в Западной Европе. Но несмотря на это «лучшие люди» России смело выступили против этого зла. Каких «лучших людей» имел в виду «нашенивский» публицист, из текста не совсем понятно, так как они не были названы, но можно предположить, что это могли быть декабристы, поскольку речь шла о начале XIX в.⁴⁵ Тем более что 17 февраля 1911 г. А. Луцкевич прямо ссылался на «декабриста Трубецкого», который отмечал плачевное состояние дел в крестьянских хозяйствах «Беларуси, Литвы и польской Украины»⁴⁶. Именно декабристы, по мнению идеолога белорусского национального движения, реально способствовали отмене крепостного права на территории всей Российской империи, в том числе и в Беларуси.

Начальный период Первой мировой войны 1914–1915 гг.

Начало 1914 г. отмечено сменой редактора-издателя «Нашей Нівы». Им стал Янка Купала. Образование, которое он получил в Санкт-Петербурге (1909–1914 гг.), способствовало значительному назначению. 17 июля 1914 г. на первой полосе «Нашей Нівы» была размещена статья «Новая война», в которой шла речь об убийстве Гаврилой Принципом эрцгерцога Франца Фердинанда с женой и о начале австро-сербской войны. Позиция «Нашей Нівы» была следующей — в Австро-Венгрии живет больше сербов, чем в Королевстве Сербия, поэтому монархия Габсбургов стремилась завое-

⁴⁵ С. Перад 50-летняй гадаўшчынай вызвалення с-пад паншчыны // Наша Ніва. 1911. 20 студзеня. Факсімільнае выданне. Вып. 4. Мінск, 2003. С. 36.

⁴⁶ Г.Б. У Вялікую гадаўшчыну // Наша Ніва. 1911. 17 лютага. Факсімільнае выданне. Вып. 4. Мінск, 2003. С. 99.

Тишка Гартный (Дмитрий Федорович Жилунович)

вать Сербию и создать триединое австро-венгерско-славянское государство. В то же время Сербия рассчитывала на Россию в надежде, что последняя поможет ей отвоевать все славянские земли у Габсбургов и создать великую Сербию. По мнению «Нашей Нивы», убийство Франца Фердинанда было подготовлено и организовано сербскими властями. Сербия, имея в союзниках Россию, отвергла 2 пункта из 12 пунктов австро-венгерского ультиматума и мир оказался на грани большой войны⁴⁷.

Через неделю 25 июля статью «Война началась» написал А. Луцкевич. В этом материале он отмечал: «Вот теперь идет на нас гроза, какой наш край со времен французской войны — сто лет назад — не видел. С востока плывут волны огромной российской армии, а с запада — немецкой, и кто знает, не здесь ли — на наших полях — состоится страшная битва народов, такая кровавая, которой мир давно не видел»⁴⁸. А. Луцкевич отмечал, что Германия напала на Францию и Россию, что это было несправедливо с ее стороны. Далее он предсказывал, что хоть и будет пролито много крови, но народы останутся жить и для белорусов эта война не будет концом света, но после нее, возможно, новым поколениям станет легче жить.

В этом же номере газеты появилась рубрика «Война», где были напечатаны текст Высочайшего манифеста, речь государя императора, Имен-

⁴⁷ Новая вайна // Наша Ніва. 1914. 17 ліпеня. Факсімільнае выданне. Вып. 5. Мінск, 2010. С. 1.

⁴⁸ а-н-а. Вайна пачалася // Наша Ніва. 1914. 25 ліпеня. Факсімільнае выданне. Вып. 5. Мінск, 2010. С. 1.

ной Высочайший Указ и т.д. «Наша Ніва» начала освещение хода боевых действий на всех фронтах и положения во всех воюющих странах. При этом позиция редакции состояла в том, что по сути дела эта война «не наша».

Здесь следует отметить, что в условиях военного времени российскими властями была введена жесткая цензура и газета начала выходить с «белыми пятнами», которые часто занимали до половины полос еженедельника.

Уже 1 августа 1914 г. «Наша Ніва» констатировала, что война — «мировая». Вместе с тем редакция газеты считала, что она долго не протянется, что Германия и Австро-Венгрия потерпят поражение⁴⁹. 8 августа 1914 г. в белорусском еженедельнике было напечатано воззвание Верховного главнокомандующего российской армией к полякам, в котором содержались призывы поддержать Россию, которая воюет с «врагами славянства»⁵⁰. Позиция редакции газеты в этом вопросе была сдержанна, косвенно отмечалось, что не только поляки славяне, но и белорусы и украинцы.

4 сентября 1914 г. Я. Купала писал, что народ должен не опускать рук несмотря на войну, что все должны заниматься свои делом: солдаты воевать, а хозяева — заниматься хозяйством. Он также констатировал, что после войны для Беларуси будет лучшая ситуация, чем перед войной⁵¹.

В результате мобилизации в российскую армию в августе—сентябре 1914 г. многие талантливые «нашенивцы», как, например, Лявон Гмырка⁵², М. Горецкий и другие, оказались на фронте. Вместе с тем лидеры национального движения: братья И. и А. Луцкевичи, В. Ивановский не были мобилизованы на начальном этапе войны.

В конце 1914 г. А. Власов записал: «белорусское движение переживает сейчас критический период <...> когда надо от теории переходить к практике»⁵³. Конец 1914 г. бывший редактор-издатель «Нашей Нівы» считал наиболее подходящим для практической политики. Именно то время, когда российские армии были разбиты немцами, было, по его мнению, подходящим, чтобы «белорусский вопрос» вышел на новый уровень и был наконец замечен российскими властями.

⁴⁹ На вайне // Наша Ніва. 1914. 1 жніўня. Факсімільнае выданне. Вып. 5. Мінск, 2010. С. 1.

⁵⁰ На вайне // Наша Ніва. 1914. 8 жніўня. Факсімільнае выданне. Вып. 5. Мінск, 2010. С. 1.

⁵¹ Я. К-а. Хай рунь красуе... // Наша Ніва. 1914. 8 верасня. Факсімільнае выданне. Вып. 5. Мінск, 2010. С. 1.

⁵² Янушкевіч Я. «Ад шчырай душы і сэрца» // Польшыя. 1994. № 2. С. 246.

⁵³ ОР БАНАР. Ф. 21. Д. 715. Л. 17.

Под влиянием войны изменилось отношение российских властей к школьному делу в Беларуси, и поэтому в статье «На Предвесне»⁵⁴ редакция «Нашей Нивы» ставит задачу еще более интенсивно добиваться признания прав белорусского языка в системе школьного образования. Задачей интеллигенции объявлялась мобилизация как можно более широких кругов общества в работу единственной разрешенной властями общественной организации «Белорусского общества помощи пострадавшим от войны»⁵⁵.

Выводы

Россия и русские были заметной темой на страницах «Нашей Нивы», которая выходила в период значимых общественно-политических изменений в Российской империи. Начало XX в. в белорусском культурно-интеллектуальном контексте было временем национального возрождения и противостояния русификации края. Исходя из этого редакция белорусского еженедельника весьма критически оценивала политику властей Российской империи как в отношении Беларуси, так и в целом.

Лидеры белорусского национального движения видели в «официальной России» тормоз прогресса в широком смысле этого выражения. С одной стороны, не было никакой надежды на культурно-национальную автономию в составе империи, а с другой — даже экономическая политика российских властей рассматривалась как «национальная», т.е. проводимая в интересах исключительно русского народа.

Одновременно на полосах «Нашей Нивы» была представлена «Россия демократическая», которая противостояла «России официальной». По мнению редакции белорусского еженедельника, в России были и есть «лучшие люди», готовые бороться за свободу. От декабристов до Льва Толстого несколько поколений россиян боролись против крепостничества и тем самым способствовали освобождению также и белорусского крестьянства. Русская «демократическая мысль» имела в глазах белорусских национальных деятелей всемирное значение, что давало надежду на лучшее будущее не только России, но и другим странам, в том числе и Беларуси.

⁵⁴ Наша Ніва. 1915. 27 лютага. С. 1.

⁵⁵ Наша Ніва. 1915. 22 мая. С. 3.

REFERENCES

1. *Doroshenko D.* My memories about the distant past (1901–1914 years). Kyïv, 2007. P. 44.
2. *Turonak J.* Modern history of Belarus. Vil'nja, 2006. P. 167.
3. Quoted by: *Kravcevich A., Smolenchuk A., Tokt' S.* Belarusians: Borderland nation. Vil'njus, 2011. P. 101.
4. Lietuviu klausimas Rusijos imperijoje XIX a. — XX a. Pradžijoe. Vilnius, 2001. C. 97/ The most comprehensive report of the Vilna, Kovena and Grodno Governor-General Lieutenant-General Prince P. Svyatopolk-Mirsky for 1902–1903 // Lietuviu klausimas Rusijos imperijoje XIX a. — XX a. Pradžijoe. Vilnius, 2001. P. 97.
5. Quoted by: *Sambuk S.M.* Socio-political thought of Belarus in the second half of the XIX century (based on periodicals). Minsk, 1976. P. 68.
6. Dzjadz'ka Karus'. Belaruskaja mova u kazjonnaj shkoli // *Nasha Niva*. 1906. 22 (30) December. Facsimile edition. Issue 1. Minsk, 1992. P. 4.
7. Manifest 17 oktjabrja 1905 g. // *Materialy nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 100-letiju Manifesta 17 oktjabrja 1905 g.* Minsk, 2007. P. 160.
8. *Janushkevich J.* «Ad shchyray dushy i sjerca» // *Polymja*. 1994. № 2. P. 246.

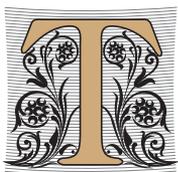

Ключевые слова:

газета «Наша Ніва», Россия, Беларусь, белорусское национальное движение, Антон Луцкевич, Лев Толстой.

Andrei Unuchak

RUSSIA AND THE RUSSIANS ON THE PAGES OF THE «NASHA NIVA» NEWSPAPER AT THE DAWN OF THE 20TH CENTURY

The article is dedicated to the analysis of Russia's and the Russian's portrayal in the Belarussian newspaper «Nasha Niva», which was published in Vilnius in 1906–1915. The published material is separated into three sections. In the first part of the article we will analyze the Belarussian intellectual context of the 1850's–1900's. The second part deals with the *Наша Ніва* («Nasha Niva») editors' portrayal of «official Russia». In the third part we will analyze the editors' perception of «democratic Russia».

The author comes to the conclusion that Russia, the Russian Empire was seen by the educated Belarussian society as a foreign country. This perception was enforced by imperial policies, which — for a long time — did their best not to notice the Belarussians as an entity in Belarus itself. «Nasha Niva» editors clearly separated «official Russia» from «democratic Russia», condemning the first and supporting the second.

Keywords: «Nasha Niva» newspaper, Russia, Belarus, Belarussian national movement, Anton Lutskevich, Leo Tolstoy.

Andrei Unuchak — Ph.D. (History), Head of the Belorussian History Department in the Institute of History, the Belarussian National Academy of Science (Minsk, Belarus).

Унучек Андрей Владимирович

кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Беларуси
Нового времени Института истории Национальной академии наук
Беларуси, Минск

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.33.005

Н.К. Альховик

ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В БССР И РСФСР В СЕРЕДИНЕ — КОНЦЕ 1930-Х гг.

Одним из дискуссионных вопросов как российской, так и белорусской историографии является советская национальная политика межвоенного периода. Исследователи расходятся во мнениях о периодизации, целях и задачах национального строительства, в оценке его реальных достижений, в используемой терминологии. В одних исследованиях под «коренизацией» понимается политика, направленная на отбор, воспитание и выдвижение представителей местного (в первую очередь — титульного) населения на ответственные и руководящие должности¹. В других источниках под «коренизацией» подразумевает-

¹ См., напр: Платонаў Р.П. Беларусізацыя 1920-х гадоў: асаблівасці і праблемы ажыццяўлення // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мінск, 2000. Вып. 1. С. 125; Кароль А. Беларусізацыя — палітыка нацыянальнага адраджэння // Крыжовы шлях. Мінск, 1993. С. 141–142; Ачкасов В.А. «Национальная революция» большевиков и «национальная политика» современной России // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2018. №1. С. 5; Базарова В.В. О проблемах коренизации в национальных автономиях Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. // Власть. 2013. № 12. С. 174–177; Каримова Г.Р. Национальная политика РКП(б) в Татарской АССР в 1920-е годы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2013. С. 19.

ся национальное строительство в целом². Цель данной работы — выявить особенности и направления национальной политики в БССР и РСФСР в середине — конце 1930-х гг. В этот период советская власть пересмотрела подходы к решению национального вопроса, которые сложились в 1920-е гг. — начале 1930-х гг.

Партия большевиков рассматривала национальный вопрос как производный от социально-классового. Справедливое решение национального вопроса связывалось с утверждением диктатуры пролетариата. Предполагалось, что успехи в строительстве социализма способствуют экономическому и культурному расцвету наций и народностей. Стратегической целью являлось отмирание национальных и культурно-языковых особенностей через длительное время после победы коммунизма в мировом масштабе³.

Утверждение курса на форсированное строительство социализма сопровождалось усилением командно-административных, централизаторских тенденций. Изменение экономических основ советского общества сопровождалось унификацией социальной структуры, нивелированием ментальных различий. Пестрота национального состава препятствовала процессам жесткой централизации и унификации всех сфер жизни. Свойственные тоталитарным режимам концентрация властных и экономических ресурсов, игнорирование национальной и региональной специфики в ходе принятия важных государственных решений содействовали формированию на основании общих гражданских идеалов и культурно-языковых стандартов гомогенного общества из разнообразных национальных групп⁴.

Ревизия концептуально-теоретических основ и ориентиров национального строительства была инициирована высшим партийно-советским руководством. 18 мая 1925 г. в речи перед студентами Коммунистического университета трудящихся Востока И.В. Сталин признал, что во время строительства социализма «некоторые национальности могут под-

² См., напр: *Кайкова О.К.* Политика «коренизации» в сельсоветах национальных районов РСФСР (вторая половина 1920-х — середина 1930-х гг.) // Вестник РУДН. История России. 2007. № 3. С. 111–118; *Старовойтов М.И.* Урбанизация и коренизация как основа политики белорусизации и украинизации // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2013. № 4. С. 115–119.

³ *Ленин В.И.* Вопросы национальной политики и пролетарского интернационализма: Сборник. М., 1959. С. 25, 30, 68, 136, 120.

⁴ *Тишков В.А., Шабаетов Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности. М., 2011. С. 236.

вергнуться и, пожалуй, наверняка подвергнутся процессу ассимиляции»⁵. 4 ноября 1925 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) отдельные партийно-советские функционеры выступили против проведения белорусизации и национальной работы среди польского и еврейского населения БССР⁶. В 1929 г. в статье «Национальный вопрос и ленинизм» (впервые опубликована в 1950 г.) И.В. Сталин допустил возможность возникновения зональных экономических центров «для отдельных групп наций с отдельным общим языком» до момента отмирания наций⁷.

Коренной перелом в национальной политике связан с выходом постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» от 14 декабря 1932 г., Политбюро ЦК ВКП(б) «Об украинизации в ДВК, Казакстане, Средней Азии, ЦЧО и других районах СССР» от 15 декабря 1932 г. «Механическая украинизация» в УССР и отдельных районах РСФСР была объявлена легальной формой активизации «буржуазно-националистических элементов» и сопротивления мероприятиям властей (срыва хлебозаготовок). В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О сельскохозяйственных заготовках в Белоруссии» от 19 декабря 1932 г. констатировалось усиление «буржуазно-националистических элементов в БССР, прикрывающихся фальшиво-национальным флагом»⁸. 25 февраля 1933 г. «Правда» опубликовала письмо учителя физики и математики неполной средней школы г. Бобр Крупского района Г.П. Степура, в котором сообщалось о преследовании учителя за написание записки в сельсовет на русском языке и за использование русского языка в частной жизни. В постановлении ЦК ВКП(б) от 2 марта 1933 г. «Об извращении национальной политики ВКП(б) в Белоруссии» отмечалось, что «факты из практики белоруссизации... свидетельствуют о том, что белорусские партийные и советские организации не ведут большевистской борьбы за основные принципы интернационализма и, в ряде случаев, потворствуют буржуазно-кулацким националистическим тенденциям». Указывалось на недопустимость прямого запрета использования русского языка в быту и в работе государственных или других органов⁹.

⁵ Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1937. С. 159.

⁶ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. М., 2005. Кн. 1: 1918–1933. С. 336–345.

⁷ Сталин І. В. Нацыянальнае пытанне і ленінізм. Мінск, 1951. С. 14–19.

⁸ На крутым павароце / Аўт.-склад, Р.П. Платонаў. Мінск, 1999. С. 698.

⁹ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 702–703.

В 1933 г. Комиссия по чистке партийной организации БССР во главе с Н. Антиповым констатировала недостаточное внимание русскому языку и русским школам. 22 ноября 1933 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У провозгласил «украинский национализм» главной опасностью в УССР. 6 декабря 1933 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)Б объявил «белорусский национализм» главной опасностью в БССР. 28 января 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) И.В. Сталин подтвердил, что «главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности». В 1934–1938 гг. борьба с «великодержавным шовинизмом» в БССР была постепенно свернута, сам термин выводился из употребления¹⁰.

В 1933–1934 гг. под контролем ЦК КП(б)Б проводилась массово-политическая кампания против «механической», «насильственной», «принудительной», «нацдемовской», «небольшевистской» белорусизации. Запрещалось публично осуждать и выносить административные взыскания за незнание и неиспользование белорусского языка. Так, 11 июля 1933 г. ЦКК КП(б)Б и РСИ БССР сняли обвинения в «великодержавном шовинизме» с профессора химии Н.А. Прилежаева, отказавшегося в 1929 г. от перехода на белорусский язык¹¹. Осуждалось проведение национальной работы среди украинского и белорусского населения РСФСР. Все белорусские административно-территориальные, образовательные и культурно-просветительские учреждения РСФСР были реорганизованы или ликвидированы. Было прекращено издание печатной продукции на белорусском языке в РСФСР¹².

Радикальная смена политических ориентиров была воспринята как сигнал о свертывании белорусизации. В общественном сознании сформировалось представление о взаимосвязи русского языка с властью и социальным престижем. Работники государственных учреждений, партийных и общественных организаций обосновывали свой переход на русский язык стремлением соответствовать новым реалиям политической жизни, избежать уголовного преследования за «национализм». В 1933 г. работник Белкоопсоюза Туркевич оправдал свой переход на русский язык тем, что «использование белорусского языка есть проявление нацдемократизма», работники Ваксман, Сулькина, Андросенко — тем, что «больше теперь пользуются русским языком, а потому и мы пользуемся

¹⁰ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6352. Л. 335.

¹¹ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 9164. Л. 346.

¹² Там же. Д. 10917. Л. 164.

им»¹³. До мая 1934 г. прекратило существование большинство кружков белорусского языка. В 1933–1938 гг. национальные территориальные воинские части и школы БССР и других союзных республик были реорганизованы в общесоюзные с экстерриториальным принципом комплектования, подготовка солдат и офицеров была переведена на русский язык. Бессистемные кампании и мероприятия в поддержку «большевистской белорусизации», выдвижения «белорусских большевистских кадров», инициированные в 1933–1937 гг. рядом партийных организаций и активистов, не принесли ощутимого результата¹⁴.

О вытеснении языка титульной национальности из общественно-политической жизни говорилось в периодической печати, на съездах и конференциях партийных организаций Беларуси, Украины, Коми и др.¹⁵ Так, члены Северо-Кавказского крайкома Бояр и Часовников, которые проверяли работу МТС в Кабардино-Балкарии в декабре 1936 г., требовали, чтобы «разговоры при них велись не на кабардинском, а только на русском языке»¹⁶.

Динамичные изменения в национальном строительстве нашли отображение в законодательстве. В принятой 19 февраля 1937 г. Конституции БССР подчеркивалось национальное равенство и право граждан на получение образования на родном языке, однако отсутствовало указание на существование национальных районов и сельсоветов, на преимущественное использование белорусского языка в государственных и общественных институтах. Из текста документа были вычеркнуты положения о национальных меньшинствах, о языках национальных меньшинств и равноправии языков в БССР, которые содержались в проекте Конституции БССР 1936 г.¹⁷ В 1937 г. при разработке Конституции Коми АССР не были учтены предложения включить статью о функционировании в регионе двух государственных языков — коми и русского¹⁸. 7 июля 1938 г. Бюро ЦК КП(б)Б лишило польский язык и идиш статуса, равного белорусскому и русскому языкам. 27 июля

¹³ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6898. Л. 50–53; *Касцюк М.П.* Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Мінск, 2000. С. 147–148.

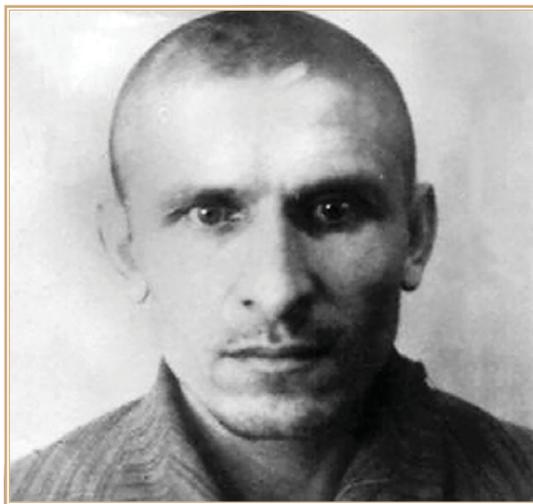
¹⁴ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7704. Л. 50–52; НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 146. Л. 38.

¹⁵ *Кирасова Н.В.* Политика коренизации кадров в Коми автономии в 1920–1930-е гг.: к постановке проблемы // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2016. С. 370.

¹⁶ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. М., 2005. Кн. 2: 1933–1945. С. 230.

¹⁷ *Галадзе М.М.* Аб праекце новай канстытуцыі Беларускай ССР // Бальшавік Беларусі. 1937. № 2. С. 6–28.

¹⁸ *Кирасова Н.В.* Указ. соч. С. 369.

Владимир Иванович Пивоваров

1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило предложение ЦК КП(б)Б «о том, чтобы государственными языками в Белорусской ССР являлись белорусский и русский». 28 июля 1938 г. первая сессия Верховного Совета БССР утвердила соответствующие изменения в 25-й и 119-й статьях Конституции БССР¹⁹.

Партийно-государственные работники и общественные активисты были освобождены от изучения и использования белорусского языка. В 1938 г., выступая в Минском педагогическом институте, нарком просвещения БССР В.И. Пивоваров заявил, что «русский язык — это основной государственный язык, белорусский и еврейский — это второстепенные, еврейскому языку обучают в Биробиджане, и кто хочет изучать еврейский язык, пусть тот едет в Биробиджан»²⁰. 21 ноября 1938 г. первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко в письме И.В. Сталину обозначил необходимость увеличения сети русских школ, изоляции антисоветских элементов в среде научных и культурных работников и существенного приближения белорусского языка к русскому. Реорганизация белорусских школ в русские признавалась «практически целесообразной, но политически недопустимой». Указывалось, что «в городе и деревне русские книги берут нарасхват, а белорусские ... лежат на полках»²¹. На пленуме ЦК КП(б)Б от 25–27 января 1939 г. П.К. Пономаренко предложил секретарю Витебского ОК КП(б)Б И.А. Стуло-

¹⁹ НАРБ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–21.

²⁰ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13225. Л. 250.

²¹ Там же. Д. 13201. Л. 18–29.

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко

ву использовать переводчика с белорусского языка для рецензирования статей в областной прессе²².

В 1937–1938 гг. в периодической печати и выступлениях представителей властей перестали использоваться термины «коренизация» и «белорусизация». Из библиотек и книжных полок изымалась и списывалась литература по национальной политике. Указывалось, что централизованный перевод учреждений и организаций на белорусский язык был направлен на подрыв позиций русской художественной литературы, драматургии, русского языка в области образования, печати и т.д., «уничтожение русской школы», насаждение белорусского языка в целях разделения рабочих по национальному признаку и пропаганды «нацдемовских идей»: «русский язык... был запрещен, запрещалось говорить и писать на русском языке, малейшее сопротивление этому каралось, и работники изгонялись». Коренизация была провозглашена «подготовкой и продвижением нацдемовских кадров»²³. Аналогичные обвинения в адрес «националистов» звучали во всех республиках и автономных областях²⁴.

²² НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12309. Л. 369, 365.

²³ Там же. Д. 12308. Л. 28; *Платонов Р.П., Илькевич Н.Н.* Александр Ульянов и версия НКВД об антисоветском подполье в БССР. Минск, 1997. С. 85–87; *Советская Беларусь.* Минск, 1938. С. 78; *Півавараў В.* Руская мова ў школах БССР // *Звезда.* 1938. 1 крас. С. 3.

²⁴ См., напр.: *Кирасова Н.В.* Указ. соч. С. 369.

Лица, принимавшие активное участие в национальном строительстве, были обвинены в «буржуазном национализме» и «изоляционизме», проведении «насильственной полонизации» и «насильственной идишизации». Так, 15 августа 1937 г. инструктор Отдела Национальностей при ЦИК БССР М.А. Бернард была исключена из ВКП(б) Кагановичским РК КП(б)Б г. Минска за «подрывную работу в национальном отделе ЦИК БССР» и 19 октября 1938 г. была приговорена к заключению на 3 года²⁵. 9 октября 1938 г. Бюро ЦК КП(б)Б подтвердило исключение из ВКП(б) работника Народного комиссариата просвещения (НКП) БССР 1926–1931 гг. И.М. Мазура за протаскивание «нацдемовской установки» в школьной литературе и игнорирование русского языка в образовании²⁶. 28 марта 1939 г. Бюро ЦК КП(б)Б отменило выговор, вынесенный «контрреволюционными националистическими элементами» Витебского ГК КП(б)Б С.М. Недлину за незнание белорусского языка, и сделало замечание Витебскому РК КП(б)Б за внесение выговора 1931 г. в его новые партийные документы²⁷.

Отдельные представители интеллигенции, партийные, советские, комсомольские²⁸ деятели, рядовые граждане обвиняли ЦК КП(б)Б в отказе от белорусизации, вытеснении белорусского языка и культуры, «преследовании белорусов». Так, 17 января 1935 г. студент вечернего рабфака Полоцка член АКСМБ Козик во время лекции по русскому языку заявил о том, что «нас, белорусов, заставляют забывать свой родной язык, не дают возможности развивать свою культуру, заставляют русский язык изучать»²⁹. В 1938 г. писатель Я. Колас высказался о том, что «все забыли о белорусизации, что он не слышит нигде живого белорусского слова, все говорят по-русски, в Академии наук и даже среди белорусских писателей»³⁰.

В середине 1930-х гг. остановился рост либо заметно сократилось количество белорусов на ответственных и руководящих должностях. В 1932–1934 гг. процент белорусов среди секретарей РК КП(б)Б уменьшился с 72% до 64%, работников горсоветов — с 53,2% до 45,0%, в руководстве райсоветов — с 71,3% до 65%, в Народном комиссариате легкой промышленности — с 28,6% до 16,6% и т.д. Член Бюро ЦК КП(б)Б И.Г. Жу-

²⁵ НАРБ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 396. Л. 13.

²⁶ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12471. Л. 21.

²⁷ Там же. Д. 13400. Л. 52.

²⁸ НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 140. Л. 66.

²⁹ Звезда. 1935. 2 лют. С. 4.

³⁰ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11638. Л. 1–2.

равлев констатировал «исключительную нерешительность со стороны наших партийных, хозяйственных и профсоюзных органов в деле выдвижения [белорусов] на работу... сопротивление в партийных организациях... боязнь, что не справится, боязнь, что он некультурен, что он не знает партийной работы»³¹. Снизилось количество представителей титульной национальности на ответственных и руководящих должностях в УССР, Киргизской ССР, Калмыцкой АССР³², Северном крае. Зимой 1938/39 г. чеченцы и ингуши не были представлены в горсовете, горкоме и городских райкомах г. Грозный, во многих государственных, советских, торговых, коммунальных и других учреждениях Чечено-Ингушской АССР. Ряд ответственных работников утверждал, что «нужно чеченцам и ингушам укрепить сельские районы, а в городе могут и другие работать»³³.

Успехи в социальной и политической консолидации, укреплении связей между регионами и народами СССР связывались с признанием доминирующей и консолидирующей роли наиболее многочисленного народа, безусловной ценности его языка и культуры. Русские были исключены из перечня национальных меньшинств в БССР. Главным направлением национальной политики советской власти в сфере образования являлось расширение сети русских школ. 20 июня 1933 г. Комиссия по чистке КП(б)Б объявила «аполитичным» проект постановления НКП БССР о школах в БССР из-за «невнимания» к русским школам. Заместитель наркома просвещения кандидат в члены ЦК КП(б)Б М.И. Белуга был исключен из ВКП(б) за недостаточное внимание к русской школе, работник НКП БССР Д. Степура был обвинен в том, что число русских школ «шло по нисходящей линии». Объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)Б от 22–23 декабря 1933 г. осудил отождествление родного языка и языка национальности и запретил «механическое комплектование» школ (по признаку национальности). Предлагалось открыть русские школы для детей с родным русским языком³⁴.

Если в 1932/33 учебном году русскими являлось 1,42% школ, в 1938/39 — 3,25%, в сентябре 1939 г. — 5,66%. В 1931 г. в русских школах находилось 2,5% учеников БССР, в 1935/36 учебном году —

³¹ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 9119. Л. 118–119.

³² Бадмаева Е.Н. Исторический опыт формирования органов управления и проведения политики коренизации в национальных автономиях Юга России в 1920–1930 гг. // Вестник КИГИ РАН. 2018. № 4. С. 17.

³³ См., напр.: Кирасова Н.В. Указ. соч. С. 370; ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. М., 2005. Кн. 2. С. 210, 319, 460.

³⁴ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6716. Л. 93; НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7124. Л. 283; НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6352. Л. 55.

4%, в 1938/39 учебном году — 6,6%, в 1939/40 учебном году — 12%³⁵. В 1935 г. доля учебников и пособий на русском языке составила 13,3–16,1%, в 1938 г. — 34,3%, в 1940 г. — более 40%. К концу 1930-х гг. наполняемость русских школ в городах превысила соответствующий показатель белорусских школ, многие русские школы работали в две смены. В сентябре 1938 г. в Минске насчитывалось 30 белорусских и 14 русских школ, в сентябре 1939 г. — 27 и 16 с количеством учеников 14 757 и 16 385 соответственно³⁶.

Снижение грамотности учеников, студентов и педагогов по русскому языку и литературе было использовано для обвинения «белорусских националистов» в срыве преподавания предмета. В феврале 1937 г. ЦКК ВКП(б) поручил проверить преподавание русского языка в нерусских школах БССР³⁷. По результатам проверки ЦКК КП(б)Б предложил пересмотреть школьные планы, программы, разработать методические указания «с тем, чтобы русский язык... занял первостепенное место». 8 апреля 1937 г. уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) по БССР А.Я. Шустин сообщил И.В. Сталину о «нацдемовской практике» НКП БССР, «катастрофическом» положении русского языка и литературы, программах и учебниках «с ярко выраженным нацдемовским, антипролетарским и антисоветским направлением». 15 мая 1937 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) направило в БССР заместителя заведующего отделом школ ЦК ВКП(б) М.Г. Макаровского³⁸.

Постановлением Бюро ЦК КП(б)Б «О мероприятиях по ликвидации результатов вредительства в преподавании языков в школах БССР» от 20 октября 1937 г. на изучение русского языка в белорусских школах отводилось 1720–1734 часа, белорусского языка в русских школах — 1292–1320 часов. С принятием решений ЦК КП(б)Б и СНК БССР «Об обязательном изучении русского языка в школах БССР» от 5 апреля 1938 г., «О ходе проведения решения СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) о преподавании русского языка в нерусских школах» от 2 августа 1938 г. белорусский язык в русских школах изучался с 3-го класса по сокращенной программе, в то время как изучение русского языка в белорусских школах начиналось со 2-го класса³⁹.

³⁵ Культурное строительство БССР: Стат. справ. Минск, 1940. С. 17.

³⁶ Минская область в документах и материалах. Минск, 2007. Вып. 1. С. 119–120.

³⁷ НАРБ. Ф. 15п. Оп. 4. Д. 933. Л. 4–5.

³⁸ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 242.

³⁹ Дрозд Л.Н. Развитие средней общеобразовательной школы в Белоруссии, 1917–1941. Минск, 1986. С. 8–9.

Ананий Иванович Дзяков

Органы народного образования демонстрировали отношение к белорусскому языку и литературе как к второстепенному предмету. Учебники, программы и методические пособия по предмету практически отсутствовали. В 1937 г. нарком просвещения БССР А.И. Дзяков дал указание «организовать в школах вырезку детьми с учебников по белорусской литературе всех произведений, кроме Коласа и Купалы..., массовое уничтожение учебников по белорусской литературе и вырезку из их произведений, портретов большинства писателей...»⁴⁰. Начиная с 1938/39 учебного года вступительный экзамен по русскому языку являлся обязательным во всех вузах, экзамен по белорусскому языку — в вузах с белорусским языком обучения. Во многих школах, вузах, ссузах Минска, Борисова, Могилева и других городов белорусский язык был исключен из списка преподаваемых дисциплин. В 1938 г. 4 аспиранта Минского педагогического института, исследовавшие белорусскую литературу, подали заявления о переводе на отделение русской литературы⁴¹. В программе белорусской литературы было выявлено такое «вредительство», как отведение «стихотворениям поэта Глебки такого же места, как и чудесным творениям любимого всеми народами СССР Лермонтова», допускались нигилистические оценки творчества белорусских писателей. Ряд работников просвещения утверждал, что «белорусская литература вовсе не существовала, а значит, о литературном наследии не может быть и речи»⁴².

⁴⁰ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13219. Л. 4.

⁴¹ Там же. Д. 12988. Л. 49.

⁴² Рабочий. 1937. 27 июля. С. 3; Літаратура і мастацтва. 1939. 12 вер. С. 1.

Белорусские учреждения образования функционировали в условиях недостатка или отсутствия учебной литературы на белорусском языке, перевода работы отделов народного образования, педагогических совещаний и конференций на русский язык. В 1933–1940 гг. многие белорусские школы в Минске, Гомеле, Могилеве, Борисове, Орше, Быхове, Меховском районе, Витебске и других городах функционировали на русском языке⁴³. 29 ноября 1938 г. две белорусские НСШ при рабочих колониях НКВД БССР в Витебске и Могилеве были реорганизованы в русские. 1 июля 1939 г. нарком просвещения БССР Е.И. Уралова предложила П.К. Пономаренко дать «ясную установку в области планирования приема детей» в русские школы в связи с усилением их популярности среди населения. В августе 1939 г. Бюро ЦК КП(б)Б начало удовлетворять ходатайства о реорганизации белорусских школ в русские (Городок, Полоцк, Хотимск и т.д.)⁴⁴. Летом 1940 г. 49 белорусских школ Вилейской области были преобразованы в русские⁴⁵.

Вначале от использования белорусского языка отказался профессорский состав, затем студенты и молодые научные работники НИИ, учреждений высшего, среднего специального и профессионально-технического образования, рабфаков. Так, студенты Горецкого сельскохозяйственного института заявили: «Хотите, чтобы вас не называли нацдемами, не изучайте белорусского языка»⁴⁶. Будущие преподаватели белорусских школ, белорусского языка и литературы получали высшее образование на русском языке и начинали использовать белорусский язык только на практической работе. В сентябре 1933 г. Борисовский педагогический техникум был реорганизован в русский техникум, 8 августа 1938 г. — Витебский педагогический рабфак — в русское педучилище⁴⁷.

Аналогичная ситуация с переводом учреждений образования на русский язык наблюдалась в национальных регионах РСФСР. В 1934 г. школы для кетов и ительменов были реорганизованы в русские. В остальных школах народов Севера русский язык изучался со 2-го класса, с 3-го клас-

⁴³ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1 Д. 18446. Л. 10.

⁴⁴ Там же. Д. 13233. Л. 179–180; НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13267. Л. 167–179.

⁴⁵ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 595.

⁴⁶ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7184. Л. 113–115; *Андрэева Е.Г.* Праблемы захавання нацыянальных традыцый у агульнаад. школе ў 30-я гады // *Адукацыя і выхаванне.* 1997. № 2. С. 29.

⁴⁷ *Новик Е.К.* Указ. соч. С. 181, 243.

са обучение было полностью переведено на русский язык⁴⁸. В конце 1930-х гг. были ликвидированы школы на вепсском языке. В июле 1934 г. руководство Дагестана приняло решение о переводе преподавания в педтехникумах на русский язык. Родной язык и родная литература сохранялись как учебные предметы⁴⁹. 13 января 1936 г. бюро Чувашского обкома ВКП(б) приняло решение о введении преподавания в 8–10-х классах школ Чувашии всех дисциплин на русском языке⁵⁰.

Борьба с «национализмом» негативно повлияла на изучение и осмысление историко-культурного и литературного наследия белорусского народа. НКВД БССР рассматривал деятельность АН БССР в сфере краеведения, этнографии и фольклора как «националистическую». Уже в 1936 г. белорусский поэт М. Климкович писал о «недооценке народного творчества, в результате чего были в загоне хор народных песен, собрание этих песен, ансамбли народных инструментов, народные танцы и т.д.»⁵¹.

Постановления ЦК КП(б)Б о выпуске учебных пособий по истории БССР, КП(б)Б и АКСМБ не были выполнены. Внедрение концепции исторической близости восточных славян и их языков привело к отказу от признания существования белорусской «феодалной» государственности, от негативного освещения «колониальной» политики «дореволюционной Москвы». В 1937 г. был арестован преподаватель Гомельского пединститута П.И. Мосайлов, который «доказывал студентам, что Белоруссия имеет свою государственность с эпохи Полоцкого княжества, что Великое Литовское княжество было белорусским государством»⁵².

В сфере языкового строительства политика советской власти была направлена на прекращение унификации письменности народов СССР на основе латиницы и замену латинизированного алфавита кириллицей. В 1937 г. был ликвидирован Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦК НА) при Президиуме ЦИК СССР. В июле 1933 г. ЦК ВКП(б) признал целесообразность существования «советиз-

⁴⁸ Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2004. М., 2005. С. 257.

⁴⁹ Каймаразова Л.Г. Среднее педагогическое образование в Дагестане в 20–30-е гг. XX в. // Педагогическое образование в России. 2011. № 3. С. 31–36.

⁵⁰ Изоркин А.В., Клементьев В.Н., Александров Г.А. История Чувашии новейшего времени. Чебоксары, 2001. Кн. I. С. 186–187.

⁵¹ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13219. Л. 24; Клімковіч М. Літаратура Савецкай Беларусі // Польшыя рэвалюцыі. 1936. № 2. С. 147.

⁵² Звезда. 1937. 9 крас. С. 3.

Михаил Тихонович Лыньков

мов» и «русизмов» в нерусских языках⁵³. 26 августа 1933 г. СНК БССР утвердил постановление «Об изменениях и упрощении белорусского правописания». Реформа привела к снижению грамотности населения и началу приближения белорусского языка к русскому. Правописание белорусского языка, его орфографические нормы, фонетический и лексический состав, грамматика и синтаксис, а также словари, языковедческая и литературоведческая литература были объявлены искаженными в «националистическом» духе. В 1934 и 1938–1939 гг. были подготовлены новые проекты и поправки к белорусскому правописанию, предусматривавшие ликвидацию основных особенностей белорусского языка⁵⁴.

Советская власть отказалась от курса на обеспечение доминирующего положения белорусской советской культуры в БССР. 8 сентября 1937 г. Бюро ЦК КП(б)Б ликвидировало Гомельский драматический белорусский театр⁵⁵. В Гомеле открылись русский Государственный кукольный театр БССР (1938 г.) и Русский областной государственный драматический театр (1938–1939 гг.), укомплектованный выпускниками Московского государственного театрального института. 19 июня 1939 г. Русский театр БССР в Могилеве был дополнен выпускниками Ленинградского театрального училища. Делегаты XVI съезда КП(б)Б (1937 г.) и участни-

⁵³ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933. С. 719.

⁵⁴ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15520. Л. 30, 31, 38, 41; Праект змен і ўдакладненняў беларускага правапісу. Менск, 1934; Звезда. 1938. 9 крас. С. 3; Звезда. 1939. 9 чэрв. С. 1.

⁵⁵ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11021. Л. 10а.

ки совещания актива работников искусств БССР (26–27 мая 1938 г.) констатировали, что развитие белорусской культуры не удовлетворяет потребностей трудящихся. В 1937–1938 гг. директор Белорусского государственного театра оперы и балета Ф.А. Яриков проводил политику, направленную на дискриминацию белорусских кадров. 23 июня 1938 г. в письме к П. К. Пономаренко писатель М. Т. Лыньков пожаловался на доминирование среди руководящих работников представлений о том, что вся белорусская литература «скомпрометировала себя, не имеет людей, которые могли бы быть достойными и верными слугами народа». Пропаганда призывала деятелей культуры ориентироваться на лучшие образцы русской литературы и искусства. Отсутствовала системная работа Белгоскино по выпуску фильмов на белорусском языке и воспитанию белорусских кадров⁵⁶.

Одновременно государственные учреждения и организации БССР осуществляли популяризацию русской пролетарской культуры и историко-культурного наследия русского народа. Так, 14 февраля 1937 г. СНК БССР присвоил имя А.С. Пушкина русской СШ № 3 в Бобруйске, белорусской СШ № 1 в Минске, колхоз «Беларуская вёска» Лиозненского района был переименован в колхоз А.С. Пушкина, улица «Барысаўскі тракт» в Минске — в улицу имени А.С. Пушкина. В апреле 1939 г. в Доме художника в Минске проводилась художественная выставка «Военное прошлое русского народа в гравюрах XVIII и XIX столетий», посвященная «блеску побед русского оружия»⁵⁷.

В конце 1935 г. власти БССР перешли к массовому выпуску русской литературы для граждан нерусских национальностей. 19 октября 1936 г. Бюро ЦК КП(б)Б обвинило бывших работников Белорусского государственного издательства Ф.Е. Бровковича и Иваньковского в «антигосударственной работе» и «игнорировании выпуска литературы на русском языке». Выпуск книг на нерусских языках большими тиражами был осужден как расточительство⁵⁸. 23 сентября 1937 г. по указанию ЦК ВКП(б) Бюро ЦК КП(б)Б переименовало газету «Рабочий» в «Советскую Белоруссию», издание теперь позиционировалось как газета трудящихся БССР, а не только русского пролетариата. В соответствии с постановлением Оргбю-

⁵⁶ Лютарович П.В. Искусство советской Белоруссии. Минск, 1959. С. 23; Звезда. 1938. 27 жніўня. С. 2; Платонаў Р.П. Лёсы. Мінск, 1998. С. 277–304; НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13246. Л. 7–9.

⁵⁷ Збор законаў і загадаў рабоча-сялянскага ўрада Беларускай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі. 1937. № 5. С. 6; Советская Белоруссия. 1939. 21 апр. С. 3.

⁵⁸ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 9172. Л. 42; НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10702. Л. 55.

ро ЦК ВКП(б) от 16 февраля 1938 г. Бюро ЦК КП(б)Б 3 апреля 1938 г. приняло решение об издании газеты ЦК ЛКСМБ «Сталинская молодежь» на русском языке⁵⁹.

В 1933–1940 гг. книжная продукция на русском языке увеличилась с 31 печ. ед. до 362 печ. ед., продукция на белорусском языке уменьшилась с 1102 печ. ед. до 375 печ. ед.⁶⁰ Массовый перевод и издание классиков русской литературы привели к игнорированию оригинальных произведений белорусской литературы. В 1933 г. начался перевод газет, журналов и сборников на русский язык⁶¹. В 1940 г. в БССР выходили 252 газеты, в том числе 178 — на белорусском языке и 69 — на русском, 5 из 8 журналов издавались по-белорусски⁶².

Во время переписи населения 1939 г. только 45,7% горожан-белорусов назвали белорусский язык родным⁶³ (в 1926 г. — 50,3%). Возникла угроза ассимиляции белорусов, поскольку в случае слабой самоидентификации личности ее национальность определялась по разговорной речи⁶⁴. В 1938 г. член Бюро ЦК КП(б)Б председатель Верховного Совета БССР Н.Г. Грек изменила свою фамилию на русскую (Грекова)⁶⁵. В 1937–1939 гг. в массовой печати появилось понятие «советский народ»⁶⁶.

В середине 1930-х гг. представители политической элиты СССР пришли к выводу о том, что исчезновение национальных особенностей, бытовых обычаев, культурно-языкового разнообразия, ассимиляция и «слияние» наций являются прогрессивным явлением в эпоху строительства социализма. Так, 28 мая 1934 г. председатель ЦИК СССР М.И. Калинин заявил о том, что «еврейские местечки сейчас отживают свой век», а евреи «у нас дольше всего сохранятся в своей Еврейской области» и на заводах с большим процентом евреев. 10 февраля 1935 г. на заседании партгруппы Президиума ВЦИК он заявил, что «[на Севере и в Сибири] мы создаем бесконечное количество народностей, которые не имеют никаких пер-

⁵⁹ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11021. Л. 172.

⁶⁰ Печать СССР в 1928, 1933 и 1934 гг. М., 1936. С. 64–66; Друк Беларускай ССР: 1918–1965 гг. Минск, 1967. С. 27–31.

⁶¹ НАРБ. Ф. 63п. Оп. 1. Д. 12433. Л. 20.

⁶² ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 347; НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12340. Л. 4; НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12383. Л. 2.

⁶³ Старовойтов М.И. Этническая и языковая идентификация восточнославянского населения БРУП (1920–1930 гг.) // Романовские чтения-7. Могилев, 2011. С. 12.

⁶⁴ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10870. Л. 260–308.

⁶⁵ Там же. Д. 12451. Л. 94; Там же. Д. 13267. Л. 170.

⁶⁶ Літаратура і мастацтва. 1939. 30 студз. С. 1; НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 14721. Л. 177.

спектив». Член Президиума ВЦИК и ЦИК СССР П.Г. Смидович отметил, что «из наших школ выйдет поколение, которое будет владеть русским языком». 20 мая 1935 г. на заседании Президиума ВЦИК М.И. Калинин выступил за преодоление «многоязычия» и «объединение родственных языков» в Дагестанской АССР⁶⁷.

В середине — второй половине 1930-х гг. вопрос о социалистической революции в Европе утратил актуальность, отношения СССР с европейскими государствами осложнились. Осознание опасности зарубежного влияния перевесило стремление к пропаганде достижений национального строительства и способствовало возрастанию недоверия к связям национальных меньшинств с исторической родиной. 26–29 декабря 1933 г. при участии делегаций Украины, Белоруссии, Грузии и Узбекистана состоялось III Всероссийское совещание работников среди национальных меньшинств. Заведующий отделом национальностей ВЦИК Н.Н. Нурмаков заявил о том, что основная задача советской власти «состоит не в том, чтобы расширять сеть районов и сельсоветов нацменьшинств (эту задачу мы считаем в основном выполненной), а в том, чтобы (...) сделать эти советы большевистскими»⁶⁸.

10 февраля 1934 г. редактор польской газеты «Орка» (Минск) Г.К. Жарский направил записку секретарям ЦК КП(б)Б Н.Ф. Гикало и М.Ф. Шаранговичу, в которой утверждал о вредительстве «агентуры польского фашизма» в польской национальной работе. В постановлении ЦК КП(б)Б от 26 февраля 1934 г. «О работе национальных литовских и латышских сельсоветов, школ и колхозов» указывалось, что значительная их часть засорена кулацкими, классово-враждебными и антисоветскими элементами. 13 февраля 1935 г. на заседании Бюро ЦК КП(б)Б первый секретарь ЦК КП(б)Б Н.Ф. Гикало предположил, что национальный характер Витебского еврейского педтехникума способствовал появлению в его стенах «националистических настроений». В 1934–1939 гг. Дзержинский польский район, национальные советы, школы, колхозы, суды, печатные издания и т.д. были объявлены инструментом антигосударственной работы «националистических элементов»⁶⁹.

⁶⁷ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 91–92, 100–101, 114–121; Калинин М.И. Об образовании Еврейской автономной области. М., 1934. С. 7–14.

⁶⁸ Нурмаков Н. III Всероссийское совещание работников среди нацменьшинств // Революция и национальности. 1934. № 1. С. 80–86.

⁶⁹ Пасля крутога павароту / Аўт.-склад. Р.П. Платонаў і інш. Мінск, 2008. С. 327.

Алексей Иванович Стецкий

Ликвидация учреждений и организаций нетитульного населения проходила в два этапа. В 1934–1937 гг. советские власти колебались в выборе генеральной стратегии в отношении национальных меньшинств, поэтому ликвидация их институтов не имела всеобъемлющего масштаба. Так, 3 февраля — 10 мая 1934 г. был закрыт польский клуб имени Розы Люксембург (Минск)⁷⁰, 1 апреля 1934 г. Президиум ЦИК БССР принял постановление о ликвидации национальных народных судов в июне 1934 г.⁷¹ 15 июля 1934 г. были расформированы районные и городские национальные комиссии и Национальная комиссия при Президиуме ЦИК БССР, для работы среди нацменьшинств при Президиуме ЦИК БССР учреждался Отдел национальностей во главе с А. Гельнером (существовал до 11 февраля 1938 г.)⁷².

26 июля 1934 г. в постановлении «О работе ЦК КП(б)Б и СНК БССР» ЦК ВКП(б) предложил «пересмотреть сеть и национальный характер [польских] школ»⁷³. 1 августа 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) создало Комиссию во главе с членом ЦК ВКП(б) А.И. Стецким для подготовки «предложений о польских районах и школах». В конце 1934 г. началась ликвидация национальных групп и отделений вузов, ссузов, втузов и партийных школ, летом 1935 г. — учебных заведений на всех

⁷⁰ Государственный архив Минской области. Ф. 1424. Оп. 1. Д. 3. Л. 109–119.

⁷¹ Государственный архив общ. объединений Могилевской области. Ф. 153. Оп. 1. Д. 14. Л. 21, 19.

⁷² Збор законаў і загадаў рабоча-сялянскага ўраду Беларускай Сацыялістычнай Савеці-кай Рэспублікі. 1938. № 2. С. 29.

⁷³ Пасля крутога павароту. С. 283.

языках нацменьшинств БССР. В соответствии с решением Комиссии Бюро ЦК КП(б)Б от 21 мая 1936 г. Институт национальных меньшинств Академии наук БССР был ликвидирован в мае 1937 г.⁷⁴ В то же время в августе 1935 г. был открыт Минский учительский институт национальностей⁷⁵.

Аналогичная двойственность была характерна для национальной политики в СССР и РСФСР. Так, 23 декабря 1934 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О выпуске латышской и немецкой газет», 4 мая 1934 г. — «О преобразовании Биробиджанского района в Автономную еврейскую область». В июле 1937 г. в составе Калининской области был образован Карельский национальный округ⁷⁶. Одновременно в 1933 г. был ликвидирован институт уполномоченных по работе среди национальных меньшинств и областной Отдел национальностей облизполкома Центрально-Черноземной области РСФСР, в начале 1934 г. — Комитет по просвещению нацменьшинств при коллегии НКП РСФСР, в 1934 г. — нацменсектор Мособлизполкома, комиссии по работе среди нацменьшинств Моссовета и райсоветов г. Москвы. 13 июля 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) расформировало Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК. С упразднением ВЦИК были ликвидированы Отдел национальностей ВЦИК, должности специальных представителей автономных республик и областей при ВЦИК, отделы национальностей на краевом, областном и республиканском уровнях⁷⁷.

После принятия постановления ЦК ВКП(б) «О руководстве ЦК КП(б) Белоруссии» от 27 июля 1937 г. ликвидация институтов национальных меньшинств БССР приобрела последовательный характер. Власти БССР и Дзержинского района обвинялись в «насильственной полонизации» белорусов-католиков. Под давлением Комиссии по проверке республиканской партийной организации в составе Г.М. Маленкова и Е.А. Яковлева 28 июля 1937 г. Бюро ЦК КП(б)Б приняло решение «О ликвидации политики полонизации, проводившейся национал-фашистами», в соответствии с которым были ликвидированы Дзержинский польский район, польские сельские Советы, школы, детские сады

⁷⁴ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 9141. Л. 25а; НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 9169. Л. 130; Смир А.Я. Еврейская духовная культура в Беларуси: Ист.-лит. очерк. Минск, 1995. С. 92.

⁷⁵ Новик Е.К. Формирование кадров народного образования Белоруссии (1917–1941 гг.). Минск, 1981. С. 176, 180.

⁷⁶ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 427.

⁷⁷ Там же. С. 129.

и т.д. К середине 1939 г. все национальные сельские и местечковые Советы, национальные и интернациональные колхозы, кооперативы и промышленные артели БССР были расформированы или лишены национального статуса⁷⁸.

В соответствии с постановлениями Оргбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных районов и сельсоветов» от 1 декабря 1937 г. (утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 17 декабря 1937 г.), «О ликвидации и преобразовании искусственно созданных национальных районов и сельсоветов» от 16 февраля 1939 г. (утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 20 февраля 1939 г.) национальные районы и сельсоветы в РСФСР и СССР были ликвидированы или реорганизованы. Так, в 1938 г. был реорганизован Винницкий вепсский район Ленинградской области, до 1939 г. были ликвидированы (реорганизованы) вепсские сельсоветы⁷⁹. Одновременно с административной карты СССР исчезли Охотско-Эвенский, Аргаяшский, Витимо-Олекминский и Карельский национальные округа.

В 1938 г. переселение евреев в Еврейскую автономную область было приостановлено⁸⁰. 16 апреля 1938 г. постановлением Президиума Верховного Совета СССР был расформирован Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (КОМЗЕТ). 6 апреля и 7 июля 1938 г. вышли постановления Президиума ЦИК БССР «О ликвидации Белкомзета при Президиуме ЦИК БССР». Его функции и дела были переданы Переселенческому отделу НКВД БССР и другим учреждениям. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 мая 1938 г. было ликвидировано Всесоюзное общество по земельному устройству трудящихся евреев (ОЗЕТ). 17 июля 1938 г. Президиум ЦИК БССР распустил БелОЗЕТ⁸¹.

В конце 1930-х гг. ответственные и руководящие должности в Белорусской ССР занимали, как правило, белорусы, русские и евреи. Национальные меньшинства, имевшие государственные образования за пределами СССР, трактовались как потенциальная угроза государственной безопасности. Так, во время пленума ЦК КП(б)Б от 17–19 августа 1937 г.

⁷⁸ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10959. Л. 43; НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11005. Л. 59–60.

⁷⁹ Башкарев А.А. Национальные административные единицы на территориях компактного проживания вепсов в 1920–30-х годах // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 4. С. 175.

⁸⁰ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 541.

⁸¹ Збор законаў і распараджэнняў рабоча-сялянскага ўрада Беларускай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі. 1938. № 13. С. 6.

и. о. первого секретаря ЦК КП(б)Б А.А. Волков заявил: «Ничего, пускай [поляки] живут, работают, а вредить будут — возьмем на дачу»⁸². 4 июля 1938 г. секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев сообщил И.В. Сталину: «на крупнейшей районной электростанции Белгрэс сидели директором латыш, парторгом — поляк, их заменили»⁸³.

31 декабря 1937 г. в постановлении Бюро ЦК КП(б)Б «О хозяйственно-политическом положении Лиозненского района» национальные школы и классы были объявлены «гнездами контрреволюционной работы»⁸⁴. 3 июля 1938 г. П.К. Пономаренко подписал решение Бюро ЦК КП(б)Б «О реорганизации еврейских школ в Белоруссии в белорусские школы» (многие еврейские школы были реорганизованы в русские). 27 августа 1937 г. и 7 июля 1938 г. Бюро ЦК КП(б)Б закрыло польские и еврейские детские сады и группы. Согласно постановлениям Оргбюро ЦК ВКП(б) «О национальных школах» от 1 декабря 1937 г., «О ликвидации национальных школ и национальных отделений в школах» от 24 января 1938 г., «О национальных педагогических училищах и институтах» от 19 марта 1938 г. учреждения образования на языках национальных меньшинств были реорганизованы (ликвидированы). Так, в 1938 г. была закрыта Дальневосточная краевая китайская ленинская школа⁸⁵.

В 1934–1938 гг. были реорганизованы (ликвидированы) ансамбли, музыкальные и драматические кружки, клубы, избы-читальни, библиотеки, а также их отделы, работавшие на языках национальных меньшинств. В 1936 г. был закрыт латышский театр БССР, 4 марта 1936 г. — польский театр БССР. 8 мая 1938 г. Бюро ЦК КП(б)Б перевело Государственный еврейский театр БССР из Минска в Витебск в целях обслуживания «периферии и районных центров БССР». Заместитель заведующего Культурно-просветительским отделом ЦК КП(б)Б Г.Н. Аронов доказал, что реализация постановления приведет к ликвидации театра, поэтому театр просуществовал до 1949 г.⁸⁶

⁸² НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10963. Л. 173.

⁸³ Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. С. 393.

⁸⁴ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11049. Л. 236 об.

⁸⁵ Залесская О.В. Основные направления в образовании и обучении китайского населения на советском Дальнем Востоке в 20–30-е годы XX в. // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С. 19.

⁸⁶ Жук В.Н. Польское национальное меньшинство в БССР (1921–1939 гг.): дисс... канд. ист. наук. Минск: 2008. Л. 86; Малые диаспоры Гомельщины в 20–30-е годы XX века. Гомель, 2008. С. 28; НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12451. Л. 94; НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12400. Л. 244–245.

Было свернуто издание печатной продукции на языках наименьшинств. Так, 23 марта 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) прекратило издание областных национальных газет «Урал большевиге» на башкирском языке, «Сталин жол» на казахском языке и «Коммунист» на татарском языке в Челябинской области⁸⁷. В Белорусской ССР в январе 1935 г. было остановлено вещание радиопередач на эсперанто, литовском и латышском языках, 5 августа 1937 г. — на польском языке, к сентябрю 1937 г. — на идиш⁸⁸. В 1936 г. была ликвидирована литовская, в августе 1937 г. — польская секция Союза советских писателей БССР⁸⁹. В еврейской секции осталось около 20 писателей, секция просуществовала до 1949 г. В августе 1937 г. были закрыты польский и литовский секторы Государственного издательства Белоруссии. 7 марта 1939 г. СНК БССР ограничил обязанности Редакции еврейской литературы изданием оригинальной и переводной художественной литературы⁹⁰. В 1938 — мае 1939 г. в БССР было издано лишь 10 небольших книжечек еврейских писателей. До 1941 г. в Минске на идиш выходили журнал «Штерн» и газета «Октябрь»⁹¹.

Таким образом, в декабре 1932 г. руководство СССР пересмотрело подходы к решению национального вопроса. Национальное строительство было объявлено искаженным «в националистическом духе». В центре внимания партийно-государственных работников находилось усиление позиций русского языка и культуры: проводились мероприятия, направленные на расширение русской печати, сети русских школ и культурных учреждений. Работники государственных учреждений, партийных и общественных организаций БССР перешли на русский язык. Начался перевод сферы образования на русский язык. Уменьшилась доля печатной продукции на белорусском языке. Власти отказались от сохранения доминирующего положения белорусской советской культуры в БССР. Свертывание белорусизации создавало опасность ассимиляции белорусского населения. Советская власть отказалась от проведения политики, направленной на обеспечение национальных потребностей титульного населения в автономных республиках и областях РСФСР.

⁸⁷ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. С. 382.

⁸⁸ Рабочий. 1937. 23 июля. С. 3.

⁸⁹ *Ершова Э.Б.* Исторические судьбы интеллигенции Белоруссии (1917–1941). М., 1994. С. 195.

⁹⁰ Збор пастаноў і распараджэнняў Урада Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. 1939. № 12. С. 107–199.

⁹¹ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13275. Л. 43.

В 1933–1937 гг. партийно-советские функционеры колебались в выборе генеральной стратегии относительно национальных меньшинств БССР и РСФСР, поэтому ликвидация их институтов не имела всеобъемлющего масштаба и сопровождалась действиями противоположного характера в поддержку их национальной идентичности. В 1937–1939 гг. ликвидация учреждений и организаций национальных меньшинств приобрела последовательный характер. Конечной целью государственной политики являлась их ассимиляция.

REFERENCES

1. *Achkasov V.A.* «National Revolution» of the Bolsheviks and the «national policy» of modern Russia [«Natsionalnaya revolyutsiya» bolshevikov i «natsionalnaya politika» sovremennoy Rossii] // *Vestnik SPbGU. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya.* 2018. №1. P. 3–14.
2. *Andrjeeva E.G.* Problems of preserving national traditions in secondary schools in the 30s. [Prablemy zahavannja nacyjanalnyh tradycij u agulnaadukacyjnaj shkole w 30-ja gady] // *Adukacyja i vyhavanne.* 1997. № 2. P. 17–32.
3. After a sharp turn: the ideology of the political struggle in Belarus in 1932–1936 [Paslja krutoga pavarotu: idjeolaga-palitychnaja baracba w Belarusi, 1932–1936 gg.] / composer R.P. Platonaw. Minsk: BelNDIDAS, 2008. 494 p.
4. *Badmaeva E.N.* Historical experience of the formation of governing bodies and of implementation of indigenization policy in the national autonomies of the South of Russia in 1920s–1930s [Istoricheskiy opyt formirovaniya organov upravleniya i provedeniya politiki korenizatsii v natsionalnykh avtonomiyakh Yuga Rossii v 1920–1930 gg.] // *Vestnik KIGI RAN.* 2018. № 4. P. 11–23.
5. *Barsenkov A.S., Vdovin A.I.* History of Russia. 1917–2004 [Istoriya Rossii. 1917–2004]. Moscow: Aspekt Press, 2005. 160 p.
6. *Bashkarev A.A.* National administrative units on the territories of compact residence of Veps in the 1920s–30s [Natsionalnye administrativnye edinity na territoriyakh kompaktnogo prozhivaniya vepsov v 1920–30-kh godakh] // *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki.* 2011. № 4. P. 173–177.
7. *Bazarova V.V.* On the problems of indigenization in the national autonomies of Eastern Siberia in the 1920s–1930s [O problemakh korenizatsii v natsionalnykh avtonomiyakh Vostochnoy Sibiri v 1920-kh–1930-kh gg.] // *Vlast.* 2013. № 12. P. 174–177.
8. Code of laws and orders of the workers’ and peasants’ government of the Belarusian Socialist Soviet Republic [Zbor zakonaw i zagadaw rabochasjaljanskaga wrada Belaruskaj Sacyjalistychnaj Saveckaj Rjespubliki]. 1937. № 5.

9. Code of laws and orders of the workers' and peasants' government of the Belarusian Socialist Soviet Republic [Zbor zakonaw i zagadaw rabocha-sjaljanskaga wrada Belaruskaj Sacyjalistychnaj Saveckaj Rjespubliki]. 1938. № 2.
10. Code of laws and orders of the workers' and peasants' government of the Belarusian Socialist Soviet Republic [Zbor zakonaw i zagadaw rabocha-sjaljanskaga wrada Belaruskaj Sacyjalistychnaj Saveckaj Rjespubliki]. 1938. № 13.
11. Collection of resolutions and orders of the government of the Belarusian Soviet Socialist Republic [Zbor pastanow i rasparadzhjennjaw Urada Belaruskaj Saveckaj Sacyjalistychnaj Rjespubliki]. 1939. № 12.
12. Cultural construction of the BSSR: statistical guide [Kulturnoe stroitelstvo BSSR: Statisticheskij spravocnik]. Minsk: Izd. Upravl. Narodnokhoz. ucheta Bel. SSR, 1940. 112 p.
13. *Drozd L.N.* Development of secondary school in Belarus, 1917–1941 [Razvitie sredney obshcheobrazovatelnoy shkoly v Belorussii, 1917–1941]. Minsk: Narodnaya asveta, 1986. 161 p.
14. *Ershova E.B.* Historical destinies of the Belarusian intelligentsia (1917–1941) [Istoricheskie sudby intelligentsii Belorussii (1917–1941)]. Moscow: Rossiya molodaya, 1994. 282 p.
15. *Galadzed M.M.* About the draft of the new Constitution of the Byelorussian SSR [Ab praekce novaj kanstytucyi Belaruskaj SSR] // *Balshavik Belarusi*. 1937. № 2. P. 6–28.
16. *Izorkin A.V., Klementev V.N., Aleksandrov G.A.* The history of the Chuvashia of modern times [Istoriya Chuvashii noveyshego vremeni] / Cheboksary: ChGIGN, 2001. Book I. 1917–1945. 261 p.
17. *Kajkova O.K.* Policy of introduction of native population in national areas and village soviets in RSFSR (second half of 1920s — middle of 1930s) [Politika «korenizacii» v selsovetah nacionalnyh rajonov RSFSR (vtoraja polovina 1920-h — sredina 1930-h gg.)] // *Vestnik RUDN. Istorija Rossii*. 2007. № 3. P. 111–118.
18. *Kalinin M.I.* About the formation of the Jewish Autonomous region [Ob obrazovanii Evreyskoy avtonomnoy oblasti]. Moscow: EMES, 1934. 23 p.
19. *Karimova G.R.* National policy of the RCP (b) in the Tatar ASSR in the 1920s: abstract of thesis... PhD in History [Natsionalnaya politika RKP(b) v Tatarskoy ASSR v 1920-e gody: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk]. Kazan, 2013. 26 p.
20. *Karol A.* Belarusization — policy of national revival // *The cross way [Belarusizacyja — palityka nacyjanalnaga adradzhjennja // Kryzhovy shljah]*. Minsk, 1993. P. 118–164.

21. *Kascjuk M.P.* The Bolshevik system of power in Belarus [Balshavickaja sistjema wlady na Belarusi]. Minsk: Jekaperspektyva, 2000. 308 p.
22. *Kaymarazova L.G.* Secondary pedagogical education in Dagestan in the 1920s — 1930s [Srednee pedagogicheskoe obrazovanie v Dagestane v 20–30-e gg. XX v.] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2011. № 3. P. 31–36.
23. *Kirosova N.V.* The politics of indigenization of office workers in the Komi autonomy in the 1920–1930s: the problem setting // Document. Archive. History. Modernity: Proceedings of the VI International scientific and practical conference, Yekaterinburg, December 2–3, 2016 [Politika korenizatsii kadrov v Komi avtonomii v 1920–1930-e gg.: k postanovke problem // Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost: Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Ekaterinburg, 2–3 dekabrya 2016 g.]. Ekaterinburg, 2016. P. 367–371.
24. *Klimkovich M.* The literature of the Soviet Belarus [Litaratura Saveckaj Belarusi] // *Polymja rjevaljucyi*. 1936. № 2. P. 121–158.
25. *Lenin V. I.* Questions of national policy and proletarian internationalism: collection [Voprosy natsionalnoy politiki i proletarskogo internatsionalizma: Sbornik]. Moscow: Gospolitizdat, 1959. 191 p.
26. *Litaratura i mastactva* (Minsk). 1939. Jan. 30.
27. *Litaratura i mastactva*. 1939. Sept. 12.
28. *Lyutorovich P.V.* The art of Soviet Belarus [Iskusstvo sovetskoj Belorussii]. Minsk: Gosizdat BSSR, 1959. 138 p.
29. Minsk region in documents and materials [Minskaya oblast v dokumentakh i materialakh]. Minsk: NARB, 2007. Vol. 1. 240 p.
30. National Archive of the Republic of Belarus (NARB). F. 4p. Op. 1. D. 10702.
31. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 10870.
32. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 10917.
33. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 10959.
34. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 10963.
35. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 11005.
36. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 11021.
37. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 11049.
38. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 11638.
39. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 12055.
40. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 12308.
41. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 12309.
42. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 12340.
43. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 12383.

44. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 12400.
45. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 12451.
46. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 12471.
47. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 12988.
48. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 13201.
49. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 13219.
50. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 13225.
51. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 13233.
52. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 13246.
53. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 13267.
54. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 13275.
55. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 13400.
56. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 14721.
57. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 15520.
58. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 18446.
59. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 6352.
60. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 6716.
61. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 6898.
62. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 7124.
63. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 7184.
64. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 7704.
65. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 9119.
66. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 9141.
67. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 9164.
68. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 9169.
69. NARB. F. 4p. Op. 1. D. 9172.
70. NARB. F. 15p. Op. 4. D. 933.
71. NARB. F. 63p. Op. 1. D. 140.
72. NARB. F. 63p. Op. 1. D. 146.
73. NARB. F. 63p. Op. 1. D. 12433.
74. NARB. F. 968. Op. 1. D. 1.
75. NARB. F. 1178. Op. 1. D. 396.
76. *Novik E.K.* Formation of personnel of Belarus national education (1917–1941) [Formirovanie kadrov narodnogo obrazovaniya Belorussii (1917–1941 gg.)]. Minsk: Nauka i tekhnika, 1981. 294 p.
77. On a sharp turn. Ideological-political struggle in Belarus in 1929–1931. Documents, materials, analysis [Na krutym pavoroche. Idjeolagapalitychnaja baracba na Belarusi w 1929–1931 gg. Dakumenty, matjeryjaly, analiz] / composer R.P. Platonaw. Minsk: NDIDAS, 1999. 384 s.

78. *Nurmakov N.* III All-Russian meeting of workers among national minorities [Vserossiyskoe soveshchanie rabotnikov sredi natsmennshinstv] // *Revoljutsiya i natsionalnosti*. 1934. № 1. P. 80–86.
79. *Pivavara V.* Russian language in the BSSR schools [Ruskaja mova w shkolah BSSR] // *Zvjazda* (Minsk). 1938. April 1. P. 3.
80. *Platonaw R.P.* Belarusization of the 1920s: features and problems of implementation // *The Belarusian archaeography Yearbook* [Belarusizacyja 1920-h gadow: asablivasci i prablemy azhyccjawlennja // *Belaruski arheagraficzny shtogodnik*]. Minsk, 2000. Issue 2. P. 121–145.
81. *Platonaw R.P.* *Destiny: historical and documentary essays* [Ljosy: gistoryka-dakumentalnyja narysy]. Minsk: BelNDIDAS, 1998. 326 p.
82. *Platonov R.P., Ilkevich N.N.* Alexander Ulyanov and the NKVD version of the anti-Soviet underground in the BSSR [Aleksandr Ulyanov i versiya NKVD ob antisovetskom podpole v BSSR]. Minsk: BelNIIDAD, 1997. 99 p.
83. *Press of the Belarusian SSR: 1918–1965* [Druk Belaruskaj SSR: 1918–1965 gg.] Minsk: Knizhnaja palata BSSR, 1967. P. 27–31.
84. *Press of the USSR in 1928, 1933 and 1934* [Pечат SSSR v 1928, 1933 i 1934 gg.] Moscow: *Krestyanskaya Gazeta*, 1936. 96 p.
85. *Rabochiy* (Minsk). 1937. July 23.
86. *Rabochiy*. 1937. July 27.
87. *Skir A.Ya.* Jewish spiritual culture in Belarus: Historical and literary essay [Evreyskaya dukhovnaya kultura v Belarusi: istoriko-literaturnyy ocherk]. Minsk: Mastackaja litaratura, 1995. 144 p.
88. *Small diasporas of Gomel region in the 20–30s of the XX century* [Malye diaspory Gomelshchiny v 20–30-e gody XX veka]. Gomel: GGTU, 2008. 250 p.
89. *Sovetskaya Belorussiya* (Minsk). 1939. April 21.
90. *Soviet Byelorussia* [Saveckaja Belarus]. Minsk: DVB, 1938. 92 p.
91. *Soviet leadership. Correspondence. 1928–1941 gg.* [Sovetskoe rukovodstvo. Perepiska. 1928–1941 gg.]. Moscow: ROSSPEN, 1999. 519 p.
92. *Stalin I.V.* Marxism and the national-colonial question [Marksizm i natsionalno-kolonialnyy vopros]. Moscow: Partizdat TsK VKP(b), 1937. 232 p.
93. *Stalin I.V.* The national question and Leninism [Nacyjanalnae pytanne i leninizm]. Minsk: Dzjarzhawnae vydavectva BSSR, 1951. 19 p.
94. *Starovoitov M.I.* Ethnic and linguistic identification of the East Slavic population of BRUP (1920s–1930s) // *Romanov readings-7* [Etnicheskaya i yazykovaya identifikatsiya vostochnoslavyanskogo naseleniya BRUP (1920–1930-e gg.) // *Romanovskie chtenija-7*]. Mogilev. 2011. P. 10–13.

95. *Starovoitov M.I.* Urbanization and indigenization as a basis of Belarusization and Ukrainization policy [Urbanizatsiya i korenizatsiya kak osnova politiki belorusizatsii i ukrainizatsii] // *Izvestija Gomelskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*. 2013. № 4. P. 115–119.
96. State archive of public associations of Mogilev region. F. 153. Op. 1. D. 14.
97. State archive of the Minsk region. F. 1424. Op. 1. D. 3.
98. The CC of the RCP (b) — CPSU (b) and the national question: collection [TsK RKP(b) — VKP(b) i natsionalnyy vopros: sbornik]. Moscow, 2005. Book 1: 1918–1933. 784 p.
99. The CC of the RCP (b) — CPSU (b) and the national question: collection [TsK RKP(b) — VKP(b) i natsionalnyy vopros: sbornik]. Moscow, 2005. Book 2: 1933–1945. 1095 p.
100. The project of changes and refinements in the Belarusian spelling [Praekt zmen i wdakladnennjaw belaruskaga pravapisu]. Minsk: AN BSSR, 1934. 54 p.
101. *Tishkov V.A., Shabaev Yu.P.* Ethnopolitology: political functions of ethnicity [Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti]. Moscow: MGU, 2011. 376 p.
102. *Zalesskaya O.V.* Basic directions in education and training of the Chinese population in the Soviet Far East in the 1920s–30s. [Osnovnye napravleniya v obrazovanii i obuchenii kitayskogo naseleniya na sovetском Dalnem Vostoke v 20–30-e gody XX v.] // *Vestnik DVO RAN*. 2007. № 5. P. 116–129.
103. *Zhuk V.N.* The Polish national minority in the BSSR (1921–1939): Thesis... PhD in history. [Polskoe natsionalnoe menshinstvo v BSSR (1921–1939 gg.) diss. ... kand. ist. nauk]. Minsk: 2008. 144 p.
104. *Zvjazda* (Minsk). 1935. Febr. 2.
105. *Zvjazda*. 1937. April 9.
106. *Zvjazda*. 1938. April 9.
107. *Zvjazda*. 1938. Aug. 27.
108. *Zvjazda*. 1939. June 9.

Ключевые слова:

белорусизация, коренизация, национальная политика, языковая политика, культурная политика

Mikalaj K. Alchovik

FEATURES OF THE THE SOVIET NATIONAL POLICY IN THE BSSR AND THE RSFSR IN THE MID-LATE 1930's

The article defines the evolution of the national policy in the BSSR and the RSFSR in 1933–1939, its stages, directions and features. The main reasons for the revision of the concept of national construction in the USSR in the mid-late 1930s are revealed. It is established that the process of narrowing the scope of use and functions of the Belarusian language, the refusal to maintain the dominant position of the Belarusian Soviet culture created a danger of assimilation of the Belarusian population. Simultaneously with the abandonment of Belarusization policies aimed at ensuring the national needs of the titular population in the autonomous republics and regions of the RSFSR was curtailed.

Strengthening the position of the Russian language and culture in the BSSR was the major focus of the party and state workers: activities aimed at expanding the Russian press, the network of Russian schools and cultural institutions were carried out. In 1933–1937, the Soviet power balanced in the choice of the general strategy concerning national minorities of the BSSR and the RSFSR, therefore, the liquidation of their institutions and organizations was not total and it was accompanied by activities in support of their national identity. From 1937–1939 the authorities followed the course of eliminating the institutions of national minorities in the BSSR and the RSFSR as hotbeds of anti-state work. The ultimate goal of state policy was their assimilation.

Key words: Belarusization, Indigenisation, National Policy, Language Policy, Cultural Policy.

Mikalaj K. Alchovik — Ph.D. (History), Associate Professor at the Department of Philosophy and Politology of the Belarusian State Medical University (Minsk, Belarus).

 АЛЬХОВИК Николай Константинович

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии
Учреждения образования «Белорусский государственный медицинский
университет» (г. Минск, Республика Беларусь)

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.33.006

Д.Ч. Матвейчик

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОССТАНИЯ 1863—1864 гг. НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

(Общий обзор и основные проблемы развития)

Приобретение Республикой Беларусь независимости в 1991 г. открыло новый этап в развитии белорусской историографии. Освободившись от обязательности оценки любых исторических событий с точки зрения марксистской методологии и советской идеологии, историки получили возможность более свободного выбора тематики исследований и оценки исторической ситуации. Это отразилось на научных работах — как на их фактологическом насыщении, так и на концептуальных выводах.

Одной из главных необходимостей белорусских исследователей нового периода стала формулировка цели и задач своей деятельности. Для этого сотрудниками Института истории Национальной академии наук Беларуси под руководством Михаила Бича была разработана национальная концепция истории и исторического образования в Беларуси. Среди прочего в ней говорится: *«Делу пробуждения белорусского народа к борьбе за волю и счастье, за право распоряжаться собственной судьбой отдал все свои силы и посвятил жизнь К. Калиновский. Он отчетливо отличал Литву-Беларусь от Польши и России и выступал за образование самостоятельного Литовско-Белорусского государства, пропагандировал в “Мужицкой правде” и “Письмах из-под виселицы” революционно-*

демократические идеи, показывал существенное отличие положения белорусского крестьянства после присоединения к царской России, давал надлежащую оценку издевательствам царизма над совестью народа — насильственному присоединению униатов к православию»¹.

Подобный подход в значительной степени предопределил дальнейшее развитие белорусской историографии восстания в первые годы независимости — сохранялась концентрация внимания на одной личности (Константине Калиновском), а при анализе как его деятельности, так и всей проблематики нередко преобладали романтизированные эмоциональные оценки.

Одним из наиболее активных исследователей деятельности К. Калиновского в академической среде являлся вышеупомянутый М. Бич. В статье «Национальный и аграрный вопрос во время восстания 1863—1864 гг.» он сконцентрировался на анализе программных документов повстанческих властей в Вильно, «Мужицкой правды», мемуарных реляций и некоторых других «неофициальных» документов и пришел к выводу, что белорусское национально-освободительное движение «накануне и во время восстания 1863—1864 гг., благодаря К. Калиновскому и его единомышленникам, поднялось на качественно новый уровень: в нем зародилась политическая компонента, идея самостоятельности Литвы-Беларуси»². Однако М. Бич не идеализировал данный постулат и отдельно обращал внимание на то, что «для течения, которое возглавил Калиновский, характерно осознание белорусского этноса как мужицкого и в связи с этим органическое слияние национального и аграрно-крестьянского вопросов, причем последнее ставилось по важности на первое место»³. В другой своей работе М. Бич рассматривал появление и развитие белорусскоязычной публицистики до и во время восстания, где пришел к выводу о том, что муравьевская политика после восстания отразилась исключительно негативно на развитии как белорусской литературы, так и белорусского этноса в целом во второй половине XIX в.⁴ Деятельность К. Калиновского и со-

¹ Бич М.В. Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1. С. 16.

² Бич М.В. Нацыянальнае і аграрнае пытанне ў час паўстання 1863—1864 гг. // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 3. С. 25.

³ Там же.

⁴ Бич М.В. Беларускае Адраджэнне ў XIX — пачатку XX ст.: Гістарычны асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі. Мінск, 1993 (XI Міжнародны з'езд славістаў. Доклады).

бытия восстания в целом включались им в процесс формирования идеи белорусской государственности⁵.

Авторству М. Бича принадлежат также разделы об истории восстания в фундаментальных академических изданиях периода независимости — первом томе «Очерков истории Беларуси»⁶ (1993 г.) и четвертом томе шеститомной «Истории Беларуси»⁷ (2007 г.), выпущенных Институтом истории. Данные разделы являются показательной иллюстрацией состояния белорусской историографии восстания на период 1990-х гг. В них подробно, иногда до мелочей, рассмотрены расстановка политических сил в лагере повстанцев накануне и во время выступления, содержание «Мужицкой правды», деятельность К. Калиновского и некоторые другие вопросы, касающиеся главным образом «верхов» восстания и его идейного насыщения. Однако практически полностью проигнорированы многие иные проблемы, например, такая «конкретика» восстания, как боевые действия враждующих сторон и их представители, региональные особенности выступления и др. Кроме того, в данных текстах замечается некоторая эволюция собственно оценок М. Бича. Если в 1991 г. о лагерях «красных» и «белых» среди повстанцев он писал как о «революционерах» и «контрреволюционерах»⁸, то в 1994 г. называл их соответственно «революционными демократами» и «шляхетскими революционерами», причем без категорических негативных оценок.

В 1990-е гг. продолжали свою работу некоторые другие исследователи восстания позднесоветского периода. Плодотворно работал Геннадий Киселёв, авторству которого принадлежит несколько статей о К. Калиновском и некоторых других значительных участниках восстания (Станиславе Сонгине, Валерии Врублевском, Франтишке Юндзилле и др.), а также о событиях в некоторых местностях. Его же авторству принадлежит большое количество статей по истории восстания, помещенных в основных белорусских энциклопедических изданиях — «Энциклопедии истории Беларуси»⁹

⁵ *Біч* М.В. Дзяржаўнасць Беларусі: Станаўленне, страта, барацьба за аднаўленне. IX ст. — 1918 г. // Беларуская мінуўшчына. 1993. № 5–6. С. 3–9.

⁶ Нарысы гісторыі Беларусі. У 2 ч. Ч. 1 / М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, Г.В. Штыхаў і інш. Мінск, 1994. С. 319–329.

⁷ Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.) / М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч і інш.; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. Мінск, 2007. С. 233–243.

⁸ *Біч* М.В. Нягледзячы на ідэалагічны прэсінг: Гісторыя вызваленчага руху на Беларусі ў асвятленні У.М. Ігнатоўскага // Навіны АН БССР. № 22 (602). 14 чэрвеня 1991. С. 2.

⁹ Энциклопедия гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск, 1993–2003.

Викентий Константин (Кастусь) Семенович Калиновский

и «Белорусской энциклопедии»¹⁰. Ему же принадлежит заслуга в популяризации тематики восстания в периодической печати, например, в республиканских газетах «Голас Радзімы» (рус. — «Голос Родины») и «Роднае слова» (рус. — «Родное слово»)¹¹. Несколько статей, преимущественно о страницах биографии К. Калиновского, опубликовал Вячеслав Шалькевич¹².

Тем не менее деятельность вышеупомянутых исследователей стоит отнести к так называемому «романтическому» течению белорусской историографии восстания. В их оценках наблюдается отчетливая романтизация как его участников, в первую очередь К. Калиновского, так и всего события в целом. Среди прочего, это находило свое отражение в используемой терми-

¹⁰ Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. Мінск, 1996–2004.

¹¹ В 2013 г. был издан сборник работ Г. Киселева, посвященный его памяти; в нем опубликована большая часть его статей по тематике восстания (см.: *Кісялёў Г.В. Смак беларусчыны / Уклад. Л. Кісялёвай, прадрмова У. Арлова. Мінск, 2013*).

¹² *Шалькевіч В.Ф. Апостал свабоды і незалежнасці Кастусь Каліноўскі — рэвалюцыянер-дэмакрат і грамадска-палітычны дзеяч Беларусі // Беларуская мінуўшчына. 1993. № 1. С. 30–33; Шалькевіч В.Ф. «Бывай здаровы, мужыцкі народзе...»: Хранографія апошняй раніцы Кастуса Каліноўскага // Пачуць, як лёсу валяцца муры: Памяці Генадзя Кісялёва. Мінск, 2009. С. 323–327; Шалькевіч В.Ф. Вікенці Канстанцін Каліноўскі // Славутыя імёны Бацькаўшчыны [зборнік / Уклад. У. Гілепа і інш.]. Вып. 2. Мінск, 2003. С. 207; Шалькевіч В.Ф. Каліноўскі: Канстанцін, Кастусь ці Вікенці? // Беларуская мінуўшчына. 1994. № 4. С. 43–44; и др.*

нологии, которая в значительной степени заимствовалась из предыдущего периода (например, один из эпитетов по отношению к российским войскам и властям — «каратели»). К. Калиновский характеризуется в их публикациях как «революционный демократ» (как вариант — «революционер-демократ»), «руководитель народного восстания», по отношению к нему используются эпитеты «апостол свободы и независимости», «пламенный революционер», «пламенный борец», «выдающийся лидер белорусского национально-освободительного движения XIX в.», «благородная натура» (все — В. Шалькевич), «рыцарь свободы» (Г. Киселев), «символ мужества и патриотизма белорусов» (М. Бич) и т.п. Ему приписывалось то, что «обосновал первую программу борьбы за политическое и духовное раскрепощение белорусского народа» и стоял во главе «Белорусско-Литовского красного правительства», которое «с лета 1863 г. начало работу по возрождению белорусской государственности» (В. Шалькевич), «выступал за образование самостоятельной Литовско-Белорусской республики» (М. Бич) и т.д.

Однако параллельно с данным течением с самого начала 1990-х гг. развивается собственно академическое направление с его отчетливым стремлением к преодолению эмоционального отношения к тематике восстания и к более объективной оценке событий. С 1992 г. соответствующими разработками в Институте истории начала заниматься Валентина Яновская (Григорьева). В сферу ее интересов попали историография некоторых вопросов восстания и межконфессиональные взаимоотношения в Беларуси до, во время и после восстания, а также отношение российских властей к некоторым конфессиям. Один из выведенных ею тезисов (1998 г.): «*Большое влияние на изменения в конфессиональной ситуации в Беларуси оказало восстание, которое произошло на территории Польши, Литвы и Беларуси в 1863—1864 гг. В первую очередь это касалось двух основных христианских конфессий, их положения и взаимоотношений — православия и католицизма. Восстание проявило и наглядно продемонстрировало враждебность и противоречия, которые издавна существовали между ними, а сейчас в экстренной ситуации вспыхнули с новой силой*»¹³. Упомянутое «большое влияние» рассмотрено ею в отдельной монографической работе¹⁴. Соответствующий раздел включен позже в фундаментальную академическую работу по истории конфессий в Беларуси в период Российской империи¹⁵.

¹³ Канфесіі на Беларусі (канец XVIII—XX ст.) / [В.В. Грыгор'ева і інш.]. Мінск, 1998. С. 57.

¹⁴ Яноўская В.В. Хрысціянская царква ў Беларусі 1863—1914 гг. Мінск, 2002.

¹⁵ Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII — пачатак XX ст.) / [В.В. Яноўская і інш.]. Мінск, 2015. С. 273—296.

Польские повстанцы 1863 года. Художник Валери Элиаш-Радзиковский

Кроме вышеупомянутых, некоторые другие белорусские исследователи также обращались к тематике восстания. Так, например, Елена Филатова представила перечень (хоть и неполный) боевых столкновений в Беларуси повстанцев с российскими войсками¹⁶, Валерий Космылёв — краткий обзор эмблематики участников общественно-политического движения 1860-х гг.¹⁷, Федор Игнатович издал биографический очерк комиссара Новогрудского воеводства в восстании Владислава Борзобогатого¹⁸ и др. В 1990-е гг. исследования тематики восстания выходят за границы города Минска, где они до того концентрировались. В частности, к нему обращаются историки из Гродно, среди которых наибольшей активностью отличался Вячеслав Швед, опубликовавший в это время ряд работ¹⁹. Публикации данных исследователей на тему восстания еще были эпизодическими, касались только некоторых тематических фрагментов

¹⁶ Філатова А. З хронікі баявых сутычак паўстанцаў // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 3. С. 54–60.

¹⁷ Касмыл'ёў В. Польская эмблематыка ў грамадска-палітычным руху на Беларусі ў пачатку 60-х гг. XIX ст. // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 3. С. 51–53.

¹⁸ Ігнатовіч Ф.І. Уладзіслаў Борзабагаты. Мінск, 1993 (Нашы славетныя землякі).

¹⁹ Швед В.В. Вайсковы начальнік Лідскага павета грамадзянін Нарбут // Наш радавод. Кн. 6. Ліда, 1994. С. 83–87; Швед В.В. Падзеі паўстання 1863 года ў Слоніміскім павеце // Швед В.В. Падзеі і постаці гродзенскай даўніны. Гродна, 1995. С. 58–66; Швед В.В. Польскае пытанне і Беларусь у 1772–1863 гадах // Шлях да ўзаемнасці = Droga ku wzajemności. Кн. II: Матэрыялы VII міжнар. навук. канф., Беласток, 16–18 ліп. 1999 г. / Пад рэд. М. Кандрацюка. Беласток, 2000. С. 273–283.

и еще не имели необходимой глубины и тем более концептуального характера.

Период 1990-х гг. в целом, несмотря на некоторые успехи, не имел явных достижений для белорусской историографии восстания, однако он подготовил почву для будущих работ.

Необходимо также отметить, что начиная с 1990-х гг. продолжали появляться и укореняться иные (в отличие от представителей «романтического» течения) подходы к оценкам как самого восстания, так и его отдельных представителей (в первую очередь К. Калиновского). Начало этому процессу положила дискуссия Владимира Казберука и М. Бича в 1990–1991 гг. (иначе говоря, еще в позднесоветский период), имевшая свое продолжение в 1997 г. В целом, ее предмет можно свести к следующему. В. Казберук выступил за пересмотр существующих подходов к оценке восстания и личности К. Калиновского, утверждая, среди прочего, что последний не считал себя белорусом, и подводя читателя к выводу, что он считал себя поляком. Также он ставил под сомнение авторство К. Калиновского «Писем из-под виселицы». М. Бич опровергал все такие утверждения как базирующиеся на многочисленных некорректных исторических параллелях, пропагандистских штампах, фрагментарном использовании исторических источников, а также на использовании при их анализе условного наклонения²⁰. На этом дискуссия окончилась сама по себе, так как ее предметное поле было фактически исчерпано. Ни одного нового источника в ее процессе введено в оборот не было, а приведенные аргументы вращались вокруг интерпретации и сопоставления одних и тех же, уже не раз использованных в научных работах и публицистике источников и выводов разных исследователей. Однако она де-факто утвердила существование в белорусской историографии двух существенно отличных между собой точек зрения на оценку деятельности и личности К. Калиновского. Кроме того, она же свидетельствовала о невозможности дальнейшего развития историографии восстания без использования новых, еще неизвестных материалов.

В принципе, данная проблема — введение в научный оборот источников по истории восстания в Беларуси — не являлась новой и остро стояла еще с 1920-х гг., когда началось активное развитие белорусской национальной историографии. Однако данная дискуссия актуализировала проблему еще

²⁰ Более подробно об этой дискуссии см.: *Матвейчык Д. Ч. Унёсак Міхася Біча ў гісторыяграфію паўстання 1863–1864 гадоў у Беларусі // Беларускі гістарычны часопіс. 2016. № 8. С. 24–28.*

больше. В результате значительное внимание историков, архивистов и филологов было обращено на проведение эвристических работ и обогащение фактографической базы. Начиная с 1999 г. был издан целый ряд сборников документов и материалов, выявленных в хранилищах белорусских и литовских архивов²¹. Отдельные документы и их комплексы небольшого объема массово печатаются до сего времени на страницах научных журналов и сборников. Археографическая обработка документов при их публикации значительно варьируется в разных изданиях, а в некоторых ее уровень необходимо признать недопустимо низким, однако, с другой стороны, следует отметить постепенное улучшение данного фактора с течением времени.

На активизацию использования материалов по истории восстания из хранилищ белорусских архивов направлено несколько публикаций обзорно-аналитического характера, изданных их сотрудниками²².

В области разработки рукописных материалов по истории восстания наибольших успехов достигла сотрудница Института истории Елена Фиринович (в замужестве Соколыч). Ее исследования имели своим результатом целый ряд публикаций, где раскрывался информационный потенциал большого количества документальных собраний. В 2013 г. была издана ее монография²³, которая кроме аналитической части содержит объемный перечень выявленных исследовательницей документов (несколько сотен позиций), имеющий значительную практическую ценность как пособие для проведения соответствующих исследований.

²¹ *Каліноўскі К.* За нашу вольнасць: Творы, дакументы / Уклад., прадм., пасляс., пер. і камент. Г. Кісялёва. Мінск, 1999 (Беларускі кнігазбор. Серыя 2. Гісторыка-літаратурныя помнікі); Повстанческое движение в Гродненской губернии 1863—1864 гг.: сб. документов / Редкол. Д.В. Карев (отв. ред.) [и др.]. Брест, 2006; Следча-судовая справа Кастуся Каліноўскага / Уклад. З. Кузменка. Мінск, 2014; Паўстанне 1863—1864 гадоў у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях: Дакументы і матэрыялы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі / Уклад. Дз.Ч. Матвейчык; рэдкал. У.І. Адамушка [і інш.]. Мінск, 2014.

²² *Матвейчык Д.Ч.* Дакументы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі аб паўстанні 1863—1864 гг. (агульны агляд) // Польшча—Беларусь — агульная гістарычная спадчына: студзеньскае паўстанне ў традыцыі і палітычнай думцы Польшчы і Беларусі: зборнік навуковых прац / Пад рэд. Евы Расоўскай і Аляксандра Вабішчэвіча. Варшава, 2014. С. 185—196; *Матвейчык Д.Ч.* Крыніцазнаўчы патэнцыял матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў вивучэнні гісторыі ссылак пасля паўстання 1863—1864 гг. і працэсу вяртання на радзіму // Беларускі гістарычны часопіс. 2018. № 1. С. 12—21; *Шапневская Н.* Документы по истории восстания 1863—1864 годов в фондах Национального исторического архива Беларуси в Гродно // Архівы і справаводства. 2013. № 6. С. 107—113; и др.

²³ *Фірыновіч А.Э.* Паўстанне 1863—1864 гг.: вядомыя і невядомыя крыніцы беларускіх архіваў. Мінск, 2013.

На расширение круга источников по истории восстания направлена также деятельность белорусских исследователей по переводу (при необходимости) и изданию мемуаров участников восстания. Всего за период независимости сделано более десяти подобных публикаций, самыми значительными из которых являются воспоминания Игнатия Арамовича о боевых действиях в Гродненской губернии²⁴, Зыгмунта Минейки о действиях на юге Царства Польского и в Ошмянском уезде²⁵ и Михаила Муравьева о подавлении восстания в Беларуси и Литве²⁶.

Подобную деятельность по введению в научный оборот новых источников по истории восстания с уверенностью можно назвать источниковедческим поворотом. Для сравнения достаточно сказать, что за советский период на белорусский или русский языки белорусскими учеными не было переведено вообще ни одного из мемуаров, а предыдущая акция по массовой публикации документальных источников была проведена еще в 1960-е гг., будучи приуроченной к 100-летию юбилею восстания²⁷.

Все это давало свои плоды. Публикации по истории восстания все больше расширяются тематически, затрагивая все больший круг вопросов и проблем. В соответствующие исследования все больше втягиваются историки из регионов (Гродно, Полоцк, Могилев, Витебск, Волковыск, Лида и др.), что для предыдущего периода было вообще нехарактерно. Всего белорусскими исследователями периода независимости издано более 450 публикаций, в которых затрагиваются разнообразные аспекты восстания. Это больше, чем за весь советский период вместе взятый.

Такое бурное развитие историографии восстания логично привело к написанию и успешной защите нескольких кандидатских диссертаций. В 2016 г. сотрудницей Белорусского государственного медицинского университета Еленой Серак была защищена диссертация по истории ссылки в Сибирь участников восстания и представителей приравненных

²⁴ Арамовіч І. Мары. Успаміны аб партызанскім руху ў Гарадзенскім ваяводстве ў 1863 і 1864 гг. / Падрыхт. А. Радзюк // АРСНЕ. 2010. № 12. С. 15–71.

²⁵ *Минейка* З. З тайгі пад Акропаль: Успаміны з 1848–1866 гадоў / Пераклад, укл., прадмова, камент. М. Запартыка. Мінск, 2017 (Беларуская мемуарная бібліятэка).

²⁶ *Мураўёў* М.М. Нататкі пра кіраванне Паўночна-Заходнім краем і пра падаўленне ў ім бунту / [прадмова, каментары: А. Фядута]. Мінск, 2016.

²⁷ Упомянутая тенденция (источниковедческий поворот) вообще характерна для всей современной белорусской историографии. Материалы белорусских архивов, которые десятилетиями лежали невостребованными, в настоящее время разрабатываются самым активным образом, причем не только исследователями-белорусами. Кроме того, белорусские историки все больше втягиваются в международные контакты и все чаще используют материалы из зарубежных хранилищ.

Михаил Николаевич Муравьев-Виленский

к ним категорий населения из Беларуси²⁸. Через год была защищена диссертация сотрудником Полоцкого государственного университета Сергеем Глазыриным о восстании на территории Витебской и Могилевской губерний²⁹. Однако ни одна из них не была издана в качестве монографии.

Тем не менее развитие белорусской историографии восстания, несмотря на свою активность, не привело до настоящего времени к проведению отдельного комплексного исследования и созданию обобщающей объемной работы. Общая картина восстания представлена только в нескольких научно-популярных очерках³⁰. Поэтому проведение соответствующего исследования и издание комплексной монографии по истории восстания в Беларуси остается актуальной научной проблемой. И именно в связи с этим невозможно говорить о каких-либо концептуальных подходах или выводах, сделанных на современном этапе белорусскими исследователями восстания. Немного утрируя, можно сказать, что количество публикаций по истории восстания все еще не переросло в качество достигнутых теоретических результатов.

²⁸ *Серак Е.В.* Ссылка в Сибирь уроженцев Беларуси после восстания 1863—1864 гг. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Минск, 2016.

²⁹ *Глазырын С.Я.* Паўстанне 1863 года ў Віцебскай і Магілёўскай губернях: дысертация на саісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук. Мінск, 2017.

³⁰ *Матвейчык Д.Ч.* Паўстанне 1863—1864 гадоў у Беларусі: нарыс баявых дзеянняў. Мінск, 2013; *Тарас О.Е.* Очерк действий повстанцев в губерниях Северо-Западного края // Паўстанне 1863 г. на Беларусі і Кастусь Каліноўскі: матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (Менск, 23 сакавіка 2013) / [пад рэд. А.Я. Тараса]. Рыга, 2013. С. 37—64.

И белорусская историография в этом не является исключением. Ни в Польше, ни в России, ни в Литве, ни в Украине (странах-соседках Беларуси) комплексной монографии по истории восстания издано в период независимости не было. Исключение из данного правила составляет лишь монография варшавского исследователя Давида Файнгауза о восстании в Беларуси и Литве, изданная в 1999 г.³¹ Однако к современным ее следует относить с некоторой натяжкой, так как она была написана еще в 1960-е гг. и работа над ней не была завершена из-за эмиграции ее автора-еврея из Польши в связи с очередной волной антисемитизма в странах бывшего соцлагеря. Хотя здесь также необходимо сделать оговорку. Вопрос о научной актуальности подобной комплексной монографии в разных странах стоит с разной степенью остроты. Например, в России и Украине последние таковые труды были изданы в связи со 100-летним юбилеем восстания еще в 1960-е гг. и, соответственно, написаны еще с марксистских позиций, поэтому упомянутый вопрос необходимо признать острым. В то время как в Польше до настоящего времени не потеряла своей актуальности объемная (около 800 страниц) монография Стефана Кеневича, впервые вышедшая в 1972 г. и увидевшая свое очередное переиздание в 2009 г.³² Поэтому актуальность издания новой монографии не настолько острая, и современные польские историки в большей степени сосредоточивают свое внимание на более глубокой разработке отдельных вопросов и имеют в этом значительные достижения. Например, для публикации работы Франтишки Рамотовской о структуре повстанческих органов власти потребовалось два объемных тома³³.

Однако следует обратить внимание на основные тематические направления, разрабатываемые в белорусской историографии восстания.

Самым активным образом развивается *биографистика*, благодаря чему решается такая проблема, как персонализация событий. Это явилось логическим следствием стремления исследователей к преодолению концентрации на личности К. Калиновского и его ближайших соратниках и разработки документов из белорусских архивов, хранящих огромный массив материалов, касающихся самого широкого круга участников восстания и его подавления. Среди прочих здесь представляют интерес работы Федора Игнатовича об участии в восстании нескольких докто-

³¹ *Fajnhauz D.* 1863: Litwa i Białoruś. Warszawa, 1999.

³² *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 2009.

³³ *Ramotowska F.* Tajemne państwo polskie w powstaniu styczniowym 1863–1864: Struktura organizacyjna. Cz. 1–2. Warszawa, 1999–2000.

ров³⁴, Раисы Овчинниковой о руководителе минской повстанческой организации Корнеле-Герарде Пеликше³⁵, Андрея Киштымова об отце К. Калиновского — Симоне³⁶, Александра Радзюка о влиянии восстания на судьбу одного из самых известных художников Беларуси XIX в. Наполеона Орды³⁷ и др. Всего белорусскими исследователями написано несколько десятков разного рода биографических очерков об участниках восстания.

Существенным достижением в области биографистики стало издание Национальным историческим архивом Беларуси объемного (более 7 тысяч позиций) биографического словаря участников восстания, базирующегося на материалах из его хранилищ³⁸. Меньшего объема биографические перечни и именные списки опубликованы В. Шведом³⁹, Ольгой Горбачевой⁴⁰, Е. Серак⁴¹ и другими историками.

³⁴ *Игнатович Ф.И.* Аптека провизора Игната Адамовича и восстание 1863 г. // Горад Святога Губерта: Альманах лакальнай гісторыі. Вып. VII / Рэдкал. А. Смалянчук [і інш.], Гродна, 2013. С. 124–132; *Игнатович Ф.И.* Врач Ц.М. Цехановский: повстанческий начальник Гродно и общественно-политический деятель Сибири // Горад Святога Губерта: Альманах лакальнай гісторыі. Вып. VIII / Рэдкал. А. Смалянчук [і інш.], Гродна, 2014. С. 106–115; *Игнатович Ф.И.* Гродненский врач Б.К. Заблоцкий — участник восстания 1863–1864 года // Международная научно-практическая конференция «Медицина на рубеже веков: к 100-летию Первой мировой войны». Сборник материалов. Гродно, 2014. С. 171–175; и др.

³⁵ *Аўчынінікава Р.* Карнель Герард Пелікша // Запісы Таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. Вып. 3. 1863 год: Шляхецкае паўстанне ці народная рэвалюцыя? / Уклад. і рэд. А.Я. Тарас. Рыга, 2014. С. 104–124.

³⁶ *Киштымов А.А.* Симон Калиновский отец повстанца: штрихи к биографии // Паўстанне 1863 г. і яго гістарычнае значэнне: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Брэст, 10–11 кастр. 2003 г. / Рэд. рада: М.Э. Часноўскі [і інш.], Брэст, 2004. С. 36–38.

³⁷ *Радзюк А.Р.* Царызм супраць Напалеона Орды // Асоба і час. Беларускі біяграфічны альманах. Вып. 5. Мінск, 2013. С. 27–36.

³⁸ *Матвейчык Д.Ч.* Уздзельнікі паўстання 1863–1864 гадоў: біяграфічны слоўнік (паводле матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі). Мінск, 2016.

³⁹ *Швед В.В.* Рэквіем паўстанцам 1863–1864 гг. (Гродзенская губерня). Мінск, 2017. С. 75–82, 111–137, 165–226; *Швед В.В.* Чыноўнікі-сябры Гарадзенскай ваяводскай арганізацыі 1861–1864 гг. // Гарадзенскі соцыум 2013. Гісторыя і памяць. XV–XX стст. / Пад рэд. А.Ф. Краўцэвіча і А.Ф. Смаленчука. Гародня, 2014. С. 140–152; *Швед В.В.* Шляхта Гродзенскай губерні ў цывільным і вайсковым кіраўніцтве напярэдадні і падчас Студзеньскага паўстання (1861–1864 гг.) // Беларускі гістарычны зборнік — Białoruskie Zeszyty Historyczne. № 41. Беласток, 2014. С. 211–238.

⁴⁰ *Горбачева О.В.* Ссылные 1863–1864 гг. // Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт. Вып. 5. Мінск, 2007. С. 85–114.

⁴¹ *Серак Е.В.* Репрессивная деятельность Ошмянской следственной комиссии в 1863–1864 гг. // Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Ашмяны і Ашмянскі рэгіён: зб. навук. арт. / Уклад.: А.А. Скеп'ян, А.Б. Доўнар; рэдкал. А.А. Каваленя [і інш.], Мінск, 2015. С. 134–143.

Однако в плане биографистики наибольшее внимание исследователей привлекает по-прежнему К. Калиновский. Публикации, посвященные его жизни и деятельности, появляются в течение всего периода независимости. Их выпуск становится особенно интенсивным при проведении разнообразных конференций, посвященных собственно ему, либо во время празднования юбилеев восстания. Однако подобные публикации часто имеют невысокую историографическую ценность по причине неиспользования новых источников и тенденциозности интерпретации имеющейся фактографии. Тем не менее в последние несколько лет в исследовании биографии Калиновского сделаны некоторые успехи. Так, Александром Смоленчуком выявлены сведения о нем в корреспонденции его сестер Казимиры-Изабеллы Богушевич и Марии Плавской⁴², Язепом Янушкевичем выявлены записи о его рождении и крещении⁴³, Сергеем Морозовым проанализирована проблема так называемого «литовского сепаратизма» К. Калиновского и круга его единомышленников⁴⁴. Своеобразным свидетельством интереса белорусских исследователей и публицистов к личности К. Калиновского стала систематизация посвященных ему публикаций и упоминаний в работах и мемуарах, проведенная Фундаментальной библиотекой Белорусского государственного университета и имевшая своим результатом издание отдельного библиографического указателя⁴⁵. Наибольших успехов в исследовании жизни и деятельности К. Калиновского достиг гродненский историк Василий Герасимчик, авторству которого принадлежит ряд публикаций, основной из которых является биографический очерк, изданный отдельной книгой⁴⁶. Значительной заслугой данной работы является введение в научный оборот некоторых важных ранее неизвестных источников (например, рукописи неизданного номера «Мужицкой правды»). В целом, в ней обобщены все известные к настоящему времени сведения о К. Калиновском и сфере его политической деятель-

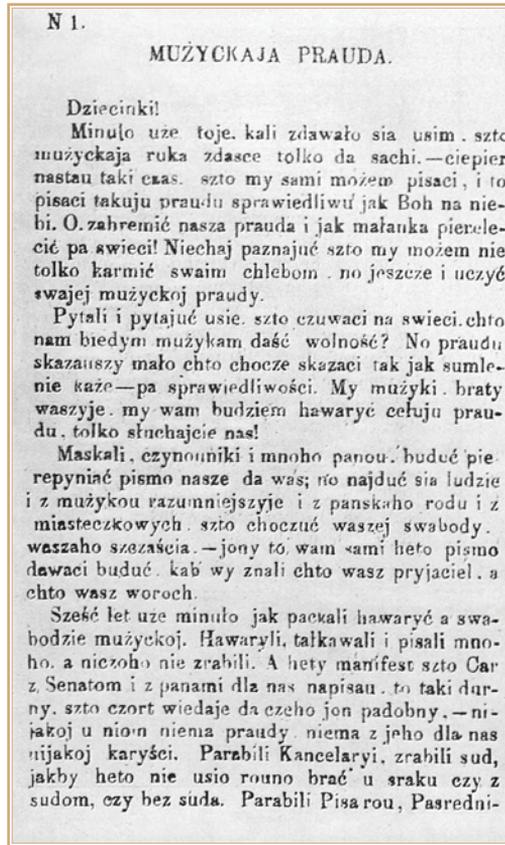
⁴² Смалянчук А.Ф. Асоба Каліноўскага як даследчая праблема // Кастусь Каліноўскі і яго эпоха ў дакументах і культурнай традыцыі: матэрыялы VII міжнароднай навуковай канферэнцыі Беларускага Гістарычнага Таварыства, Менск, 25 верасня 2009 г. / [наук. рэд. А. Смалянчук]. Менск, 2011. С. 9–25; Смалянчук А.Ф. Кастусь Каліноўскі ў лістах Казіміры Багушэвіч і Марыі Плаўскай (1905) // ...Пачуць, як лёсу валяцца мury: Памяці Генадзя Кісялёва. Мінск, 2009. С. 328–337.

⁴³ Янушкевіч Я. Метрыкі хросту Вінцэся-Кастуса Каліноўскага // *Białoruskie Zeszyty Historyczne* = Беларускі Гістарычны Зборнік. № 40. Беласток, 2013. С. 244–248.

⁴⁴ Марозаў С.П. «Літоўскі сепаратыст» Канстанцін Каліноўскі // *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта*. 2018. № 1. С. 35–42.

⁴⁵ Кастусь Каліноўскі: Бібліяграфічны паказальнік / Склад.: А.С. Бункевіч, В.Ф. Шалькевіч; пад рэд.: Т.І. Міцюхінай і Р.І. Пустаход. Мінск, 2000.

⁴⁶ Герасімчык В. Канстанцін Каліноўскі: асоба і легенда. Гродна, 2018.

Первая страница первого номера белорусскоязычной газеты-листочка «Мужицкая правда» (использован польский алфавит)

ности. Однако существенным недостатком работы остается его издание со статусом «научно-популярное издание», что определило соответствующий подход при анализе материала (хотя далеко не всегда) и в известной степени нивелирует его историографическую ценность.

Дальнейшее развитие исследований о К. Калиновском ведет к выходу за рамки собственно исследования истории восстания и переходу к анализу такой проблемы, как формирование и функционирование образа Калиновского — как в концепциях неких политических сил или в политической жизни в целом⁴⁷, так и в культуре Беларуси и белорусов (в широ-

⁴⁷ Вашкевич А.Ф. Кастусь Каліноўскі і беларускі нацыянальны рух у ХХ стагоддзі // Кастусь Каліноўскі і яго эпоха ў дакументах і культурнай традыцыі: матэрыялы VII міжнароднай навуковай канферэнцыі Беларускага Гістарычнага Таварыства, Менск, 25 верасня 2009 г. / [наук. рэд. А. Смалянчук]. Менск, 2011. С. 119–127; Краўцэвіч А. Кастусь Каліноўскі ў беларускім пантэоне // Кастусь Каліноўскі і нацыятворчы працэс у Беларусі: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Лондан, 27–29 сакавіка 2014 г.) / Пад рэд. Алеся Смалянчука і Джыма Дынглі. Мінск, 2015. С. 172–177; Пагарэлы А. Каліноўскі ў пантэоне нацыянальных герояў БХД (1920–30-я гг.) //

ком смысле термина) более позднего периода⁴⁸. Отдельно дискутируется вопрос о месте и роли К. Калиновского и всего восстания в становлении идеи белорусской нации и государства⁴⁹.

Именно на тему роли Калиновского ведутся наиболее горячие и спорные дискуссии, но их содержание находится часто далеко от научных принципов и лежит преимущественно в политической плоскости.

Кастусь Каліноўскі і яго эпоха ў дакументах і культурнай традыцыі: матэрыялы VII міжнароднай навуковай канферэнцыі Беларускага Гістарычнага Таварыства, Менск, 25 верасня 2009 г. / [наук. рэд. А. Смалянчук]. Менск, 2011. С. 157–164; и др.

⁴⁸ *Весьляуха А.* Вобраз Кастуся Каліноўскага ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі і культурнай традыцыі // Кастусь Каліноўскі і нацыятворчы працэс у Беларусі: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Лондан, 27–29 сакавіка 2014 г.) / Пад рэд. Алеся Смаленчука і Джыма Дынглі. Мінск, 2015. С. 160–171; *Гетман І.В.* Вобраз К. Каліноўскага ў заходнебеларускай літаратуры // Паўстанне 1863 г. і яго гістарычнае значэнне: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Брэст, 10–11 кастр. 2003 г. / Рэд. рада: М.Э. Часноўскі [і інш.]. Брэст, 2004. С. 128–133; *Ластоўскі А.* Кастусь Каліноўскі ў калектыўнай памяці жыхароў Беларусі // Кастусь Каліноўскі і нацыятворчы працэс у Беларусі: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Лондан, 27–29 сакавіка 2014 г.) / Пад рэд. Алеся Смаленчука і Джыма Дынглі. Мінск, 2015. С. 130–145; *Макмілін А.* Тэма Каліноўскага ў маладой беларускай паэзіі // Кастусь Каліноўскі і нацыятворчы працэс у Беларусі: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Лондан, 27–29 сакавіка 2014 г.) / Пад рэд. Алеся Смаленчука і Джыма Дынглі. Мінск, 2015. С. 109–118; *Шумская І.* Трансфармацыя вобраза Кастуся Каліноўскага ў культурнай памяці сучаснікаў // Запісы Таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. Вып. 3. 1863 год: Шляхецкае паўстанне ці народная рэвалюцыя? / Уклад. і рэд. А.Я. Тарас. Рыга, 2014. С. 193–196; и др.

⁴⁹ *Голубеў В.Ф.* Любіць Беларусь — нацыянальная ідэя паўстанцаў 1863–1864 гг. // Польшча—Беларусь — агульная гістарычная спадчына: студзеньскае паўстанне ў традыцыі і палітычнай думцы Польшчы і Беларусі : зборнік навуковых прац / Пад рэд. Евы Расоўскай і Аляксандра Вабішчэвіча. Варшава, 2014. С. 161–172; *Жлоба С.П.* Национальный вопрос в публикациях и выступлениях К. Калиновского // Паўстанне 1863 г. і яго гістарычнае значэнне: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Брэст, 10–11 кастр. 2003 г. / Рэд. рада: М.Э. Часноўскі [і інш.]. Брэст, 2004. С. 14–20; *Спирин В.С.* К вопросу о роли восстания 1863–1864 гг. в становлении идеи белорусской государственности // Паўстанне 1863 года і яго гістарычнае значэнне: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, 10–11 кастрычніка 2003 г. Брэст, 2004. С. 120–123; *Тарас А.Я.* Каліноўскі і беларуская ідэнтычнасць // Запісы Таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. Вып. 3. 1863 год: Шляхецкае паўстанне ці народная рэвалюцыя? / Уклад. і рэд. А.Я. Тарас. Рыга, 2014. С. 27–33; *Тоць С.В.* Нацыянальны і сацыяльны дыскурсы ў тэкстах «Мужыцкай праўды» і «Рассказов на белорусском наречии» // Кастусь Каліноўскі і яго эпоха ў дакументах і культурнай традыцыі: матэрыялы VII міжнароднай навуковай канферэнцыі Беларускага Гістарычнага Таварыства, Менск, 25 верасня 2009 г. / [наук. рэд. А. Смалянчук]. Менск, 2011. С. 26–33; *Явароўскі В.* Ідэалогія вызваленчага руху: «Мужыцкая праўда» // Паўстанне 1863 г. на Беларусі і Кастусь Каліноўскі: матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (Менск, 23 сакавіка 2013) / [пад рэд. А.Я. Тараса]. Рыга, 2013. С. 145–161; и др.

Данное явление имеет негативное влияние на историографию, так как политизирует всю тематику восстания в целом (об этом см. ниже).

Некоторые успехи имеются в исследовании биографии главного «тематического антипода» К. Калиновского — виленского генерал-губернатора Михаила Муравьева, являвшегося одним из самых известных чиновников, возглавлявших подавление восстания. Здесь главные заслуги принадлежат Александру Федуте, которым раскрыт сюжет личных взаимоотношений между Муравьевым и санкт-петербургским генерал-губернатором Александром Суворовым⁵⁰, а также написан биографический очерк (в форме предисловия к изданию его мемуаров)⁵¹.

Еще одним активно развивающимся тематическим направлением является *регионалистика* восстания, иначе говоря, его проявления на тех или иных территориях (как правило, в отдельных губерниях, уездах и городах). Здесь наиболее выделяется деятельность гродненских историков, в поле исследования которых находятся события в Гродненской губернии. Наибольших успехов среди них добились вышеупомянутые В. Швед и А. Радзюк, которыми раскрыт широкий круг проблемных вопросов — события в губернии в предшествующий восстанию период, деятельность российских властей по подавлению восстания и проведению репрессивной политики, исполнение смертельных приговоров в Гродно, организационное оформление повстанческих властей⁵² и др. Что касается других регионов Беларуси, то кроме вышеупомянутого С. Глазырина событиям

⁵⁰ Федута А.Ф. Сувораў супраць Мураўёва // АРСНЕ. 2010. № 12. С. 284–299.

⁵¹ Федута А.Ф. «Profession de foi» чалавека літоўскай бойні // Мураўёў М.М. Нататкі пра кіраванне Паўночна-Заходнім краем і пра падаўленне ў ім бунту / [прадмова, каментары: А. Федута]. Мінск, 2016. С. 5–40.

⁵² Радзюк А.Р. Гарадзенскі супраціў 1861 г. // Гарадзенскі соцыум 2013. Гісторыя і памяць. XV–XX стст. / Пад рэд. А.Ф. Краўцэвіча і А.Ф. Смалянчука. Гародня, 2014. С. 110–139; Радзюк А.Р. Дзейнасць следчых і судовых камісій на тэрыторыі Беларусі ў 1863–1867 гг. (на прыкладзе Гродзенскай губерні) // Паўстанне 1863–1864 гг. у Польшчы, Беларусі, Літве і Украіне: гісторыя і памяць: зб. навук. арт. / Уклад.: В.В. Яноўская, А.У. Унучак, А.Э. Фірыновіч; рэдкал. А.А. Каваленя [і інш.]. Мінск, 2014. С. 208–223; Радзюк А.Р. Смяротныя пакаранні ў Горадні ў 1863–1864 гг. // Горад Святога Губерта: Альманах лакальнай гісторыі. Вып. VII / Рэдкал. А. Смалянчук [і інш.]. Гродна, 2013. С. 112–117; Швед В.В. Гродзенская ваяводская рэвалюцыйная арганізацыя 1861–1864 гадоў // Паўстанне 1863–1864 гг. у Польшчы, Беларусі, Літве і Украіне: гісторыя і памяць: зб. навук. арт. / Уклад.: В.В. Яноўская, А.У. Унучак, А.Э. Фірыновіч; рэдкал. А.А. Каваленя [і інш.]. Мінск, 2014. С. 247–255; Швед В.В. Перадпаўстанцкі рух у Гродзенскай губерні ў 1861–1862 гадах // Горад Святога Губерта: Альманах лакальнай гісторыі. Вып. VIII / Рэдкал. А. Смалянчук [і інш.]. Гродна, 2014. С. 78–97; Швед В.В. Рэкіем паўстанцам 1863–1864 гг. (Гродзенская губерня). Мінск, 2017.

в Восточной Беларуси посвящены работы Натальи Процаковой⁵³, Дмитрия Хромченко⁵⁴, Е. Фиринович (Сокольчик)⁵⁵ и др. Действиям повстанцев и российских властей в некоторых регионах Беларуси посвящены некоторые статьи Дмитрия Матвейчика⁵⁶, аналогичным образом пытался исследовать события Олег Карпович⁵⁷ (о специфике некоторых его публи-

⁵³ Працакова Н.А. Инсургенты 1863 года ў турмах Магілёва // Шляхі Магілёўскай гісторыі: зборнік навуковых прац удельнікаў IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць» / Уклад. І.А. Пушкін, В.В. Юдзін. Магілёў, 2005. С. 170–175; Працакова Н.А. Паўстанне 1863 года на Магілёўшчыне ў лёсах // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых прац удельнікаў VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Магілёў, 26–27 чэрвеня 2013 г. / Уклад. А.М. Баццокоў, І.А. Пушкін. Магілёў, 2013. С. 296–301.

⁵⁴ Хромченко Д.Н. Особенности восстания 1863–1864 гг. в восточной части Беларуси (на примере Сенненского уезда Могилевской губернии) // Белорусские земли в составе Российского государства (1772–1917 гг.): материалы Республиканской научно-технической конференции. Минск, 2 декабря 2013 г. / Редкол.: В.А. Божанов, Т.В. Кедрик, Д.Н. Хромченко. Минск, 2013. С. 206–216.

⁵⁵ Сакольчык А.Э. Барысаў і яго ваколіцы ў падзеях 1863–1864 гг. // Гісторыя Друцка-Бярэзінскага краю: матэрыялы Першых грамадскіх навукова-краязнаўчых чытанняў, Мінск-Крупкі-Магілёў, 28 сакавіка — 20 чэрвеня 2015 г. / Уклад. А.П. Аляхновіч; рэдкал. В.У. Арцёховіч [і інш.]. Мінск, 2015. С. 198–202; Сакольчык А.Э. «Нядобра-надзейная» Рэчыца і яе жыхары ў часы паўстання 1863–1864 гадоў // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальных і міждзяржаўных адносін: зборнік навуковых артыкулаў. 2015. Вып. 4. С. 46–51; і др.

⁵⁶ Матвейчык Д.Ч. Паўстанне 1863–1864 гг. у Ашмянах і Ашмянскім павеце // Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Ашмяны і Ашмянскі рэгіён: зб. навук. арт. / Уклад.: А.А. Скеп'ян, А.Б. Доўнар; рэдкал. А.А. Каваленя [і інш.]. Мінск, 2015. С. 123–133; Матвейчык Д.Ч. Стварэнне і дзейнасць паўстанцкіх атрадаў на памежжы Барысаўскага, Сенненскага і Лепельскага паветаў у 1863 г. // Гісторыя Друцка-Бярэзінскага краю: матэрыялы Першых грамадскіх навукова-краязнаўчых чытанняў, Мінск-Крупкі-Магілёў, 28 сакавіка — 20 чэрвеня 2015 г. / Уклад. А.П. Аляхновіч; рэдкал. В.У. Арцёховіч [і інш.]. Мінск, 2015. С. 181–197; Матвейчык Д.Ч. Уладзіслаў Машэўскі і спроба ўзброенага выступлення ў Слуцкім павеце ў 1863 г. // Паўстанне 1863–1864 гг. у Польшчы, Беларусі, Літве і Украіне: гісторыя і памяць: зб. навук. арт. / Уклад. В.В. Яноўская, А.У. Унучак, А.Э. Фірыновіч; рэдкал. А.А. Каваленя [і інш.]. Мінск, 2014. С. 79–92.

⁵⁷ Карпович О.В. Брест-Литовск и Брестский уезд в период восстаний 1831, 1863 гг. // Вестник Брестского государственного университета: научно-теоретический журнал. 2012. № 6. С. 44–50; Карпович О.В. Восстание 1863 года в Игуменском и Слуцком уездах Минской губернии // Записки Таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. Вып. 3. 1863 год: Шляхецкае паўстанне ці народная рэвалюцыя? / Уклад. і рэд. А.Я. Тарас. Рыга, 2014. С. 149–161; Карпович О.В. Восстание 1863 г. в Новогрудском уезде // Белорусские земли в составе Российского государства (1772–1917 гг.): материалы Республиканской научно-технической конференции. Минск, 2 декабря 2013 г. / Ред. колл.: В.А. Божанов, Т.В. Кедрик, Д.Н. Хромченко. Минск, 2013. С. 131–137; Карпович О.В. Восстание 1863 года в Кобринском уезде // Записки Таварыства аматараў беларускай гісторыі імя Вацлава Ластоўскага. Вып. 3. 1863 год: Шляхецкае паўстанне ці народная рэвалюцыя? / Уклад. і рэд. А. Я. Тарас. Рыга, 2014. С. 139–148; і др.

каций см. ниже) и другие исследователи. В целом статьи о событиях восстания в тех или иных регионах составляют самую многочисленную тематическую группу и насчитывают несколько десятков. Кроме того, к ним примыкает большое количество публикаций, сделанных «на местах», которые содействуют, несомненно, распространению тематики восстания географически, однако качество многих из них в плане круга использованных источников и методики проведения исследования остается часто на невысоком уровне, интерпретация имеющейся фактографии нередко является тенденциозной, а эмоциональная риторика используется широко.

Большое внимание белорусскими исследователями уделяется *межконфессиональным взаимоотношениям* и влиянию восстания на положение отдельных конфессий и их представителей во время и после восстания. Данному вопросу посвящены кандидатская диссертация (и монография на ее основе) и статьи Александра Грохоцкого⁵⁸, работы Евгения Усошына⁵⁹, В. Герасимчика⁶⁰, Е. Фиринович⁶¹,

⁵⁸ *Грахоўкі А.П.* «Возвращение в православие»: масавая канверсія каталікоў Беларусі ў праваслаўе ў 60-ыя гады XIX ст. (па матэрыялах Мінскай губерні) // Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX—XX стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы: зборнік навуковых артыкулаў. Ч. 1. Гомель, 2009. С. 21–31; *Грахоўкі А.П.* Правое рэгуляванне парадку рэлігійнай канверсіі ў Беларусі (1863–1905 гады) // Сацыяльна-эканамічныя і правыя даследаванні. 2012. № 1. С. 4–18; *Грахоўкі А.П.* Правое становішча Рускай Праваслаўнай і Рымска-каталіцкай Цэркваў на беларускіх землях (1863–1905 гг.). Гомель, 2017; *Грахоўкі А.П.* Праваслаўная царква як механізм русіфікацыйнай палітыкі М. М. Мураўёва на Беларусі (1863–1865) // Асоба ў гісторыі: гераічнае і трагічнае: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. студэнтаў і аспірантаў, Брэст, 21–22 лістап. 2003 г. / Рэд. рада: М.Э. Часноўскі [і інш.], Ч. 2. Брэст, 2004. С. 55–60; и др.

⁵⁹ *Усошын Я.У.* Пытанне царкоўнай уніі ў агітацыйных матэрыялах паўстанцаў 1863 г. // Религия и общество 3: актуальныя праблемы сучаснага рэлігіяведання: сб. науч. Трудов / Под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. Могилев, 2008. С. 127–130; *Усошын Я.У.* Кастусь Каліноўскі і царкоўная унія // Научные труды Республиканского института Высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1. Минск, 2008. С. 290–297.

⁶⁰ *Герасімчык В.* Праваслаўныя паўстанцы з Гродзенскага ўезда ў атрадзе Лянкевіча // Горад Святога Губерта: Альманах лакальнай гісторыі. Вып. VIII / Рэдкал. А. Смалянчук [і інш.]. Гродна, 2014. С. 98–105; *Герасімчык В.Ф.* Удзел праваслаўнага насельніцтва Беларусі ў паўстанні 1863–1864 гг. // *Архіварыус*: зб. навук. паведамл. і арт. ; вып. 13 / Рэд. Ю.М. Бохан [і інш.]. Мінск, 2015. С. 127–135.

⁶¹ *Фірыновіч А.Э.* Адносіны каталіцкага насельніцтва да канфесійнай палітыкі ўраду Расійскай імперыі ў 60-я гг. XIX ст. // *Історія релігій в Україні: науковий щорічник* / Упоряд. О. Киричук, М. Омельчук, І. Орлевич. Львів, 2011. Книга 1. С. 326–333; *Фірыновіч А.Э.* На стыку веры і палітыкі: касцёльныя дэмаршы 1861–1862 гг. у Расійскай імперыі // *Історія релігій в Україні. Науковий щорічник. Кн. 1.* Львів, 2013. С. 378–387; *Фірыновіч А.Э.* Удзел рымска-каталіцкага духавенства Віцебшчыны ў паўстанні 1863–1864 гадоў // *Віцебскія старажытнасці: Матэрыялы навук. канф., прысвеч.*

Ольги Проценко⁶² и др. Влияние восстания на положение православной церкви в Беларуси анализируется в диссертации и публикациях брестской исследовательницы Екатерины Морозько⁶³. В целом позицию упомянутых исследователей можно свести к следующим постулатам. Представители католического духовенства приняли активное участие в подготовке и ходе восстания, в результате чего на них обрушились суровые репрессии после его подавления. Однако непосредственно в восстании приняло участие некоторое количество православных, главным образом крестьян-белорусов и российских офицеров. Российское правительство перешло к политике прямого давления на Римско-католическую церковь на землях Беларуси и Литвы, в результате чего ее влияние на общественную жизнь было ослаблено, но не ликвидировано. Во время и после восстания были существенно укреплены позиции православной церкви за счет прямой государственной поддержки (организационной и финансовой). Разница между разными исследователями заключается только в оценке степени влияния восстания на упомянутые процессы, степени участия/неучастия в них представителей конкретной конфессии, целесообразности и правомочности проведенных репрессий и т.п. В целом, конфессиональная сторона восстания является одной из хорошо изученных в Беларуси.

Как отдельное направление развиваются *исследования ссылки* участников восстания. Кроме вышеупомянутых работ А. Серак и О. Горбачевой, данной тематике посвящены статьи Виталия Макаревича о высе-

---

90-годдзю з дня нараджэння Л.В. Аляксеева, Віцебск, 28–29 кастр. 2010 г. Мінск, 2012. С. 384–389; и др.

⁶² Проценко О.Э. Конфессиональный аспект истории Гродненской губернии в XIX в. // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зборнік навуковых артыкулаў: у 2 ч. Гродна, 2009. Ч. 1. С. 229–236; Проценко О.Э. О конфессиональной ситуации в Гродненской губернии в XIX в. // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зборнік навуковых артыкулаў. Гродна, 2008. С. 449–453.

⁶³ Морозька К.У. Праваслаўныя братэрствы Пінскага павета (другая палова XIX ст.) // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зборнік навуковых артыкулаў. Ч. 1. Гродна, 2009. С. 252–256; Морозько Е.В. Изменение религиозной ситуации на Пинщине после восстания 1863–1864 гг. // Национализм и концепция гражданского общества в Восточной Европе: сборник материалов Четвертых международных Афанасьевских чтений «Социальные процессы: восточноевропейский контекст» Брест, 15–16 декабря 2008 года / Под общ. ред. М.Э. Чесновского. Брест, 2009. С. 236–243; Морозько Е.В. Конфессиональная и социально-культурная жизнь Беларуси во второй половине XIX — начале XX в. (на примере Минской Православной епархии): дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук: специальность 07.00.02 Отечественная история. Брест, 2011.

лении мелкой шляхты Минской губернии⁶⁴, А. Радзюка и В. Шведа об уничтожении нескольких шляхетских околиц в Гродненской губернии и выселении их жителей в Сибирь⁶⁵, Светланы Луговцовой о белорусских шляхтичах в ссылке в Пермской губернии⁶⁶ и др. Развитие данного направления проходит в общем русле исследований ссылки участников, проводимом также российскими и польскими историками. Например, российская историография, не имеющая на современном этапе особых достижений в исследовании собственно восстания, имеет огромные успехи в разработке проблематики ссылки его участников — со всех охваченных им территорий, в том числе и Беларуси. В России появилась целая плеяда специализирующихся именно на ссылке историков, которыми издано значительное количество соответствующих монографий и еще больше статей, а также защищен ряд диссертаций. Как правило, эти работы касаются проживания ссылных на определенных территориях (губерниях и регионах). Например, Светланой Мулиной исследуется ссылка в Западной Сибири, Вячеславом Павловым — в Казанской губернии, Ириной Никулиной — на Алтае и в других частях Сибири, Людмилой Кононовой — в Архангельской губернии, Татьяной Дворецкой и Леонтием Подлевских — в Вятской губернии, Павлом Казаряном — в Восточной Сибири и т.д. Нередко работы сопровождаются именными списками и биографическими словарями сосланных, часто — весьма объемными. Источниковой основой для таких работ служат, как правило, архивные материалы, хранящиеся в большом количестве в сибирских и иных архивах, содержащие огромный объем исторических сведений и десятилетиями остававшиеся невостребованными исследователями. Именно в таком тематическом направлении, как ссылка, наиболее ярко проявляется

⁶⁴ *Макарэвіч В.С.* Высяленні дробнай шляхты з Мінскай губерні ў 1863–1864 гг. // Беларускі гістарычны часопіс. 2014. № 10. С. 13–22; *Makarewicz W.* Deportacje okolic szlacheckich z gubernii mińskiej w latach 1863–1864 // *Dwór i wieś na Litwie i Białorusi w XIX i na początku XX wieku* / Pod red. Doroty Michaluk. Warszawa, 2014. S. 57–74.

⁶⁵ *Радзюк А.Р.* Зьнішчэнне шляхецкіх ваколіцаў на Гарадзеншчыне ў 1863–1864 гг. // АРСНЕ. 2010. № 12. С. 151–173; *Радзюк А.Р.* Паўстанне 1863–1864 гг. у лёсе жыхароў пяці шляхецкіх ваколіц // *Номо Historicus* 2012. Гадавік антрапалагічнай гісторыі / Пад рэд. А.Ф. Смалянчука. Вільня, 2012. С. 41–68; *Швед В.В.* Рэквіем паўстанцам... С. 220–237.

⁶⁶ *Луговцова С.Л.* «Приговор высочайше утверждён»: шляхтичи белорусских губерний в ссылке в Пермском крае // Выявление и использование возможностей региональной культурной образовательной среды для организации культурно-просветительской деятельности: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. г. Пермь, 13–17 мая 2013 г. Пермь, 2013. С. 78–81.

сотрудничество историков разных государств и реализуется наибольшее количество международных проектов.

В остальном круг рассматриваемых белорусскими исследователями вопросов трудно свести к каким-то группам по причине их большого тематического разнообразия. Например, несколько работ посвящены участию женщин в событиях восстания⁶⁷, в некоторых исследуется отношение крестьянства к восстанию⁶⁸ или участие в нем отдельных групп населения (учащейся молодежи⁶⁹, медицинских работников⁷⁰ и др.) и т.д. Иначе говоря, спектр затронутых вопросов, стоит повториться, весьма широк. Кроме того, проблематика восстания затрагивается почти во всех работах по истории Беларуси последней трети XIX в. в контексте его влияния на те или иные процессы. Например, в монографии Ксении Терешковой⁷¹ прослеживается влияние на количество и на положение ме-

⁶⁷ *Фірыновіч А.Э.* «Жаночы фактар» у паўстанні 1863–1864 гг.: інфармацыйны патэнцыял беларускіх архівасховішчаў // *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук.* 2011. № 2. С. 59–65; *Фірыновіч А.Э.* Падзеі 1863–1864 гг. у жаночай мемуарнай і эпісталайнай спадчыне // *Беларускі археаграфічны штогоднік.* Вып. 14. Мінск, 2014. С. 88–97; *Чарняўская В.А.* «Жаночы след» у «Тыдні хвалаванняў у Магілёўскай губерні» // *Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых прац удзельнікаў VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Магілёў, 26–27 чэрвеня 2013 г.* / Уклад.: А.М. Бацюкоў, І.А. Пушкін. Магілёў, 2013. С. 395–398; *Швед В.В.* Жанчыны ў паўстанні 1863–1864 гадоў на тэрыторыі паўстанцкага Гродзенскага ваяводства // *Гарадзенскі соцыум. Чалавек у прасторы горада. XV–XX стст.: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Гародня, 7–8 лістапада 2014 г.)* / Пад рэд. А.Ф. Смаленчука і А.К. Краўцэвіча. Мінск, 2015. С. 110–120.

⁶⁸ *Лазько Р.Р.* Уззел беларускага сялянства ў паўстанні 1863 г. як пачатак яго палітычнай мадэрнізацыі // *Паўстанне 1863–1864 гг. у Польшчы, Беларусі, Літве і Украіне: гісторыя і памяць: зб. навук. арт.* / Уклад.: В.В. Яноўская, А.У. Унучак, А.Э. Фірыновіч; рэдкал. А.А. Каваленя [і інш.]. Мінск, 2014. С. 179–191; *Баішкоў А.А.* Сялянскія вартавыя атрады ў заходніх губернях Расіі ў час паўстання 1863 г. // *Паўстанне 1863 г. і яго гістарычнае значэнне: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Брэст, 10–11 кастр. 2003 г.* / Рэд. рада: М.Э. Часноўскі [і інш.]. Брэст, 2004. С. 50–52.

⁶⁹ *Фірыновіч А.Э.* Вучнёўская моладзь у паўстанні 1863–1864 гг. // *Европа: актуальныя праблемы этнокультуры: материалы III Международной научно-теоретической конференции.* Минск, 28 апреля 2010 г. / [редкол. В.В. Тугай (отв. ред.) и др.]. Минск, 2010. С. 241–244.

⁷⁰ *Игнатович Ф.И.* Врачи Слонимщины — участники восстания 1863 г. // *Слонімшчына вачыма навукоўцаў і краязнаўцаў: матэрыялы рэгіянальнай гісторыка-краязнаўчай канферэнцыі, прысвечанай 750-годдзю горада Слоніма і 70-годдзю заснавання Слонімскага раённага краязнаўчага музея імя І.І. Стаброўскага / Склад.: Д.С. Аляшкевіч, І.П. Крэнь. Слонім, 2002. С. 207–211; *Игнатович Ф.И.* Медицинское и лекарственное обеспечение участников восстания 1863 года в северо-западном регионе Беларуси // *Мінулае Гродзеншчыны.* Вып. 10. Гродна, 2004. С. 13–21; и др.*

⁷¹ *Церашкова К.С.* Мяшчане ў сацыяльна-эканамічным развіцці беларуска-літоўскіх губерняў (1861–1914 гг.). Мінск, 2018.

щанского сословия в Беларуси в целом, в работах В. Макаревича⁷² — влияние на проведение российскими властями политики «разбора шляхты», в работе Александра Кохановского⁷³ — влияние на трансформационные процессы в белорусском обществе во второй половине XIX в. и др.

Однако развитию историографии восстания во многом мешает политизация тематики, когда авторы публикаций отчетливо становятся на позиции одной из враждующих сторон в восстании и, как результат, начинают прославлять деятельность ее представителей и критиковать их политических оппонентов. Такое отношение исходит из личных политических убеждений собственно авторов, «правильность» которых они пытаются доказывать через использование исторической фактографии на тему восстания. В настоящее время подобная политизация проводится представителями двух идейно-политических течений:

I. Так называемые «белорусские романтики», которые в значительной степени являются идейными потомками «романтического» течения в белорусской историографии позднесоветского периода и первоначального периода независимости. Для них характерны романтизация и прославление деятельности К. Калиновского, круга его единомышленников и всех повстанцев вообще, а также критика (вплоть до демонизации) деятельности российских войск и государственной администрации. Например, многочисленные публикации Витовта (Виктора) Чаропки, в том числе на страницах «Беларускага гістарычнага часопіса» (рус. — «Белорусского исторического журнала»), посвященные биографиям отдельных руководителей восстания⁷⁴, имеют мало общего с научными работами из-за фрагментарности использования источников, причем уже известных, и широкого использования пафосно-героизаторской риторики. Даже его книга имеет соответствующее название — «Герои восстания»⁷⁵. Аналогичный характер имеют публикации Леонида Лыча и многих других авторов.

II. Так называемые «псевдозападнорусисты», которые сами себя выставляют идейными последователями западнорусистов периода Российской империи, хотя таковыми являются только в верности идее три-

⁷² *Макарэвіч В.С.* Разбор шляхты ў беларускіх губернях Расійскай імперыі (канец XVIII—XIX ст.). Мінск, 2018.

⁷³ *Коханоўскі А.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861—1914 гг.). Мінск, 2013.

⁷⁴ *Чаропка В.* Шлях да бессмяротнасці. Зыгмунт Серакоўскі // Беларускі гістарычны часопіс. 2011. № 8. С. 22—30; № 9. С. 29—36; № 10. С. 36—45; *Чаропка В.* Юзаф Каліноўскі: Шлях да святасці // Беларускі гістарычны часопіс. 2013. № 5. С. 32—41; № 6. С. 28—38; и др.

⁷⁵ *Чаропка В.* Героі паўстання 1863 года. Мінск, 2016.

единого русского народа, но при этом практически полностью игнорируют мощную исследовательско-источниковедческую направленность деятельности последних. Для этого течения характерно прославление деятельности российской армии и администрации во время восстания, оправдание или уменьшение масштабов проведенных репрессий, восхваление М. Муравьева и его политического курса, осуждение любой деятельности повстанцев, создание им негативного образа и т.д. К ряду подобных принадлежат публикации Александра Гронского, Александра Бендина, Сергея Трахимёнка, некоторые работы О. Карповича и др.

В своей пропаганде белорусские «псевдозападнорусисты» не являются одиночками. Аналогичные тенденции наблюдаются на сегодняшний день и в России. Их характерной особенностью является воскрешение всех идеологических штампов, поставленных на восстание официальными пропагандистами еще в период Российской империи. Наиболее показательным в этом плане является 15-й том издания «Русский Сборник», посвященный восстанию. Его заглавный текст авторства Олега Айрапетова полностью повторяет схему построения и идеологическое насыщение работ по истории восстания русских дореволюционных историков-пропагандистов (Павла Брянцева, Алексея Сидорова, Ивана Корнилова и др.). В нем правительственные круги Российской империи критикуются за мягкое отношение к «полякам», повстанцы представляются в демоническо-карикатурном образе и т.п. Например, им приписывается, среди прочего, то, что *«свобода и национальное освобождение не мыслятся их вождями без права на угнетение остальных»*⁷⁶. Аналогичным по тональности является предисловие к изданным в 2008 г. в полной версии мемуарам М. Муравьева, являющимся в сущности просто хвалебным панегириком⁷⁷.

Здесь следует сделать небольшую оговорку. Тексты представителей двух вышеназванных течений являются скорее политико-пропагандистскими, а не научными. В контексте развития историографии они вообще могут упоминаться только по двум причинам:

- 1) весьма редко в них все же появляются ссылки на какие-либо новые источники;
- 2) они часто публикуются на страницах изданий, имеющих статус научных, а поэтому требуют своей оценки именно с научных позиций.

⁷⁶ Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский Сборник. Т. 15. М., 2013. С. 11.

⁷⁷ «Готов собою жертвовать...»: записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863–1866 гг. / Сост., вступ. ст., коммент. К. В. Петрова. М., 2008.

Также необходимо отметить, что степень политизации может быть разной даже в текстах одних и тех же авторов. Например, книга А. Бендина (2010 г.) «Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863—1914 гг.)»⁷⁸, на основе которой затем была защищена докторская диссертация (2013 г.) (причем в Санкт-Петербурге, а не в Беларуси, где она вряд ли могла бы даже быть допущенной к защите уже только из-за абсурдности названия), является наиболее «научно-подобной» среди его произведений; в то время как его объемный (более 300 страниц) очерк деятельности М. Муравьева в должности виленского генерал-губернатора (2017 г.), вышедший в серии «Русской славы имени», — не более чем политический памфлет против «*господствующего в стране*»⁷⁹ политического класса бюрократов и его политических противников из лагеря радикальной прозападной оппозиции»⁸⁰.

Ситуацию с оценочными суждениями по отношению к восстанию еще больше запутывает в Беларуси нередкая их изменчивость в текстах одних и тех же белорусских авторов, ярким примером чего являются статьи гродненского историка Валерия Черепицы. Например, в его текстах за 1988 и 1991 гг. образ повстанцев и особенно К. Калиновского представлен в абсолютно положительном свете. Однако уже в последние годы отношение к повстанцам изменилось на радикально негативное. Некоторые фразы в его текстах разных лет являются просто взаимоисключающими. Например, о «Мужицкой правде» в 1988 и 1991 гг. В. Черепица писал следующее: «*Особое значение в пропаганде революционной солидарности имела “Мужицкая правда” — первая белорусская газета, обращенная к крестьянству и написанная на его родном языке*»⁸¹. В 2013 г. о ней же он писал следующее: «*<...> все это типичные прокламации. Тексты сочинялись по-польски, затем переводились на местный белорусский говор с массой полонизмов <...> Текст этих изданий край-*

⁷⁸ Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863—1914 гг.). Минск, 2010.

⁷⁹ Беларусь. — Прим. авт.

⁸⁰ Бендин А.Ю. Михаил Муравьев-Виленский. Усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи. М., 2017. С. 13.

⁸¹ Черепица В.Н. Кастусь Калиновский и развитие революционных связей народов России и Польши // Кастусь Каліноўскі (1838—1864) = Константин Калиновский. Материалы республиканской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося белорусского революционера-демократа и мыслителя К. Калиновского / [сост. Я.И. Мараш]. Гродно, 1988. С. 51; Черепица В.Н. Истоки (очерки из истории русско-белорусско-польских революционных и культурных связей XIX — начала XX века). Гродно, 1991. С. 21.

не однообразен и основан на примитивной идеализации истории Речи Посполитой, изображенной земным раем. Успеха «Мужыцкая праўда» не имела и в целом была встречена крестьянами враждебно, считавшими, что это происки польских панов»⁸².

Кроме вышеотмеченного, тематика восстания напрямую используется в текстах религиозной пропаганды — представителями как православной, так и католической конфессий. Для них характерны концентрация внимания на разных моментах «страдания за веру» (убийствах или иных насильственных действиях) представителей именно своей конфессии, идеализация их действий, демонизация конкретных поступков и всей деятельности конфессиональных оппонентов и т.п. При этом фактография и исторические источники подбираются фрагментарно и интерпретируются тенденциозно, а также в большом количестве используется эмоциональная риторика. В виде взятых из исторических источников нередко преподносятся сведения из произведений религиозной пропаганды предыдущих периодов. При этом схему и логику построения своих пропагандистских произведений представители разных конфессий используют примерно одинаковые.

В общую путаницу в формировании представлений о восстании вносит свой вклад активное использование тематики восстания в литературной публицистике. Характерным при этом является концентрация внимания на известных действующих лицах событий 1863 г., например К. Калиновском и М. Муравьеве. Так, Борис Саченко один из своих очерков о М. Муравьеве позиционирует следующим образом: «Эта дописка — осиноый кол в могилу одного из самых кровавых палачей белорусского, польского и литовского народов»⁸³. Его политическим оппонентом является Вадим Гигин, который свой публицистический опус с прославлением Муравьева назвал «Оклеветанный, но не забытый»⁸⁴. Особую опасность для историографии имеет выход подобных произведений в изданиях со статусом научных, что происходит до сего времени, хоть и с разной периодичностью.

Еще одной неизжитой проблемой остается низкое качество проведения исследовательской и аналитической работы некоторыми историка-

⁸² Черепица В.Н. Была ли крестьянской «Мужыцкая праўда»? // Гродзенская праўда. 2013. 27 красавіка. С. 7.

⁸³ Сачанка Б. Мураўёў-вешальнік // 3 гісторыі на «Вы»: Публіцыстычныя артыкулы. Выпуск другі / Уклад. У. Арлова. Мінск, 1994. С. 205.

⁸⁴ Гигин В.Ф. Оклеветанный, но не забытый (Очерк о М.Н. Муравьеве-Виленском) // Нёман. 2005. № 6. С. 127–139.

ми, когда освоение доступного фактографического материала происходит фрагментарно, а его интерпретация — сомнительна с методической точки зрения. Это, конечно, общенаучная проблема, однако в контексте развития историографии о ней также нельзя не упомянуть. Например, одна из публикаций О. Карповича, помещенная в сборнике материалов научной конференции, характеризуется катастрофически низким качеством из-за допущенных нарушений методики проведения исторических исследований — отсутствие историографического анализа проблемы, непривлечение разных видов источников, низкий уровень эвристической работы, надуманная интерпретация выявленных фрагментарных материалов и др. Всё это привело к огромному количеству фактологических ошибок и абсурдности сделанных выводов⁸⁵.

Также следует упомянуть нередкую недостаточную техническую подготовку научных текстов. Например, В. Черепица одну из глав своей книги в 2009 г. посвятил актуальной проблеме действия российских войск в южной части Гродненской губернии, однако многочисленные приведенные фактографические сведения (даты, имена, события, цифры и др.) и десятки цитат оставлены в тексте без ссылок на конкретные архивные документы, откуда они заимствованы⁸⁶.

Подводя выводы, необходимо отметить, что даже вышеприведенный обзор белорусской историографии восстания 1863—1864 гг. на территории Беларуси свидетельствует о том, какое значительное место занимает данная тематика на современном этапе. В разработке данной проблематики необходимо отметить как позитивные, так и негативные черты. К позитивным необходимо отнести следующее:

исследования истории восстания 1863—1864 гг. следует охарактеризовать как активные — ежегодно издается значительное количество научных работ (преимущественно статей), соответствующими разработками занимается целый ряд исследователей, которые профессионально специализируются именно на данной проблематике, еще большее количество обращается к ней эпизодически либо в контексте его влияния на тенденции развития тех или иных явлений в Беларуси в последней трети XIX в.;

⁸⁵ Более подробно об этом см.: *Матвейчык Д.Ч.* Да пытання аб некаторых хібах пры правядзенні айчыннымі навукоўцамі даследаванняў па гісторыі паўстання 1863—1864 гг. у Беларусі і аб неабходнасці карэктнай працы з архіўнымі крыніцамі (на прыкладзе аднаго артыкула) // *Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт. Вып. 14 / Рэдкал. Ю.М. Бохан [і інш.]. Мінск, 2016. С. 185—191.*

⁸⁶ *Черепица В.Н.* Звенья цепи единой. Большие и малые события в истории Гродненщины XIX—XX столетий. Гродно, 2009. С. 353—393.

Большой вклад сделан в расширение круга используемых источников и укрепление фактографической базы — в научный оборот введены документы из нескольких тысяч архивных дел и десятки мемуарных произведений, некоторые из которых изданы в переводах на белорусский язык; значительные успехи достигнуты в разработке некоторых тематических направлений — регионалистике, биографистике, исследовании межконфессиональных взаимоотношений и ссылки повстанцев; кроме этого, спектр затронутых вопросов в работах белорусских исследователей восстания является весьма широким.

Однако, с другой стороны, остаются неизжитыми некоторые проблемы, которые были привнесены из предыдущих периодов, а некоторые на современном этапе только обострились:

остаётся значительным влияние вненаучных факторов: чрезмерная политизация проблематики, ее идеологизация, литературность многих образов и сюжетов, что проявляется главным образом в подборе и особенно интерпретации источников и в формировании оценочных суждений; тематика восстания сознательно используется в пропагандистских произведениях, созданных для защиты своих политических и других позиций и критики оппонентов;

по-прежнему чрезмерное внимание уделяется деятельности К. Калиновского, а частая «заикленность» работ именно на нем ведет к игнорированию других аспектов и деятелей восстания;

не проведено масштабное научное исследование, которое имело бы своим результатом издание отдельной объемной монографии комплексного характера на тему развития восстания на белорусских землях;

многочисленные источники и их комплексы (в первую очередь рукописные материалы) все еще остаются неиспользованными белорусскими исследователями.

Хотя необходимо также отметить, что упомянутые проблемные моменты представлены на настоящее время в разной степени. Так, неиспользованность источников и «заикленность» на К. Калиновском имеют тенденцию к постепенному преодолению, в то время как политизация тематики только возрастает, о чем свидетельствуют, например, публикации, появившиеся в связи с юбилеями восстания (140-летием в 2003 г. и особенно 150-летием в 2013 г.). И, судя по всему, эти тенденции сохранятся в ближайшем будущем.

REFERENCES

1. *Ajrapetov O.R.* The Kingdom of Poland in the politics of the Empire in 1863–1864 // Russian Collection [Carstvo Pol'skoe v politike Imperii v 1863–1864 gg. // Russkij Sbornik]. Vol. 15. Moscow, 2013. P. 7–138.
2. *Aramovich I.* Dreams. Memories of the partisan movement in Harodnia province in 1863 and 1864 [Mary. Uspaminy ab partyzanskim ruhu w Garadzenskim vajavodstve w 1863 i 1864 gg.] // ARCHE. 2010. № 12. P. 15–71.
3. *Awchynnikava R.* Karnel Gerard Peliksha // Records of the Society of Belarusian history amateurs named after Vaclau Lastouski. Issue 3. 1863: the Noble Uprising or the popular revolution? [Karnel' Gerard Peliksha // Zapisy Tavarystva amataraw belaruskaj gistoryi imja Vaclava Lastowskaga. Vypusk 3. 1863 god: Shljaheckae pawstanne ci narodnaja rjevaljucyja?]. Riga, 2014. P. 104–124.
4. *Bashkow A.A.* Peasant Guards in the western provinces of Russia during the 1863 Uprising // The 1863 Uprising and its historical significance [Sjaljanskija vartavyja atrady w zahodnih gubernjah Rasii w chas pawstannja 1863 g. // Pawstanne 1863 g. i jago gistorychnae znachjenne]. Brest, 2004. P. 50–52.
5. Belarusian encyclopedia: in 18 v. [Belaruskaja jencyklapedyja: u 18 t.]. Minsk, 1996–2004.
6. *Bendin A.Ju.* Mikhail Muravyov-Vilensky. The suppressor and reformer of the North-Western region of the Russian Empire [Mihail Murav'ev-Vilenskij. Usmiritel' i reformator Severo-Zapadnogo kraja Rossijskoj imperii]. Moscow, 2017.
7. *Bendin A.Ju.* The issues of religious tolerance in the North-Western region of the Russian Empire (1863–1914) [Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom krae Rossijskoj imperii (1863–1914 gg.)]. Minsk, 2010.
8. *Bich M.V.* On the national conception of history and historical education in the Republic of Belarus [Ab nacyjanał'naj kancjepcyi gistoryi i gistorychnaj adukacyi w Rjespublicy Belarus'] // Belaruskij gistorychny chasopis. 1993. № 1. P. 15–24.
9. *Bich M.V.* Belarusian Renaissance in XIX — early XX centuries: historical features, relationships with other nations [Belaruskae Adradzhjenne w

- XIX — pachatku XX st.: Gistarychnyja asablivasci, uzaemaadnosiny z inshymi narodami]. Minsk, 1993.
10. *Bich M.V.* Statehood of Belarus: formation, loss, struggle for renewal. IX century — 1918 [Dzjarzhawnasc' Belarusi: Stanawlenne, strata, barac'ba za adnawlenne. IX st. — 1918 g.] // *Belaruskaja minuwshchyna*. 1993. № 5–6. P. 3–9.
  11. *Bich M.V.* National and agrarian issues during the 1863–1864 Uprising [Nacyjanal'nae i agrarnae pytanne w chas pawstannja 1863–1864 gg.] // *Belaruski gistarychny chasopis*. 1993. № 3. S. 25.
  12. *Bich M.V.* In spite of ideological pressure: the history of the liberation movement in Belarus highlighted by U.M. Ihnatouski [Njagledzjachy na idjealagichny prjesing: Gistoryja vyzvalenchaga ruhu na Belarusi w asvjatlenni U.M. Ignatowskaga] // *Naviny AN BSSR*. № 22 (602). 1991. June 14. P. 2.
  13. *Cerashkova K.S.* Townspeople in the socio-economic development of Belarusian and Lithuanian governorates (1861–1914) [Mjashchane w sacyjal'na-jekanamichnym razvicci belarуска-litowskih gubernjaw (1861–1914 gg.)]. Minsk, 2018.
  14. *Charopka V.* Heroes of the 1863 Uprising [Geroi pawstannja 1863 goda]. Minsk, 2016.
  15. *Charopka V.* The path to immortality. Zygmunt Serakouski [Shljah da bessmjarotnasci. Zygmunt Serakowski] // *Belaruski gistarychny chasopis*. 2011. № 8. P. 22–30; № 9. P. 29–36; № 10. P. 36–45.
  16. *Charopka V.* Juzaf Kaliowski: The path to holiness [Juzaf Kalinowski: Shljah da svjatasci] // *Belaruski gistarychny chasopis*. 2013. № 5. P. 32–41; № 6. P. 28–38.
  17. *Charnjawszkaja V.A.* «Women trail» in the «Week of unrest in Mahilioŭ governorate» // *History of Mahilioŭ: past and present* [«Zhanochy sled» u «Tydni hvaljavannjaw u Magiljowskaj guberni» // *Gistoryja Magiljova: minulae i suchasnasc'*]. Mahilioŭ, 2013. P. 395–398.
  18. *Cherepica V.N.* Links of a single chain. Big and small events in the history of Hrodna region in the XIX–XX centuries [Zven'ja cepi edinoj. Bol'shie i malye sobytija v istorii Grodnenshhiny XIX–XX stoletij]. Hrodna, 2009.
  19. *Cherepica V.N.* Origins (essays on the history of the Russian, Belarusian and Polish revolutionary and cultural relations in the XIX — early XX centuries) [Istoki (očerki iz istorii russko-belorussko-pol'skih revoljucionnyh i kul'turnyh svjazej XIX — nachala XX vekov)]. Hrodna, 1991.

20. *Cherepica V.N.* Kastus Kalinovskiy and the development of revolutionary relations between the peoples of Russia and Poland // Kastus' Kalinowski (1838–1864) = Konstantin Kalinovskij [Kastus' Kalinovskij i razvitie revoljucionnyh svjazej narodov Rossii i Pol'shi // Kastus' Kalinowski (1838–1864) = Konstantin Kalinovskij]. Hrodna, 1988. P. 49–55.
21. *Cherepica V.N.* Whether the Peasant Truth was peasant? [Byla li krest'janskoj «Muzhyckaja prawda»?] // Grodzenskaja prawda. 2013. April 27. P. 7.
22. Encyclopedia of the history of Belarus: in 6 vol. [Jencyklapedyja gistoryi Belarusi: u 6 t.]. Minsk, 1993–2003.
23. *Fajnhauz D.* 1863: Litwa i Białoruś. Warszawa, 1999.
24. *Filatava A.* From the chronicle of the skirmishes of rebels [Z hroniki bajavyh sutychak pawstancaw] // Belaruski gistorychny chasopis. 1993. № 3. S. 54–60.
25. *Firy novich A.Je.* Relation of the Catholic population to the confessional policy of the Russian Empire government in the 60s. of the XIX century // History of religions in Ukraine. Research yearbook [Adnosiny katalickaga nasel'nictva da kanfesijnaj palityki wradu Rasijskaj imperyi w 60-ja gg. XIX st. // Istorija religij v Ukraini. Naukovij shhorichnik]. Lviv, 2011. Book 1. S. 326–333.
26. *Firy novich A.Je.* Studying youth in the 1863–1864 Uprising // Europe: the actual issues of ethnic culture [Vuchnjovskaja moladz' u pawstanni 1863–1864 gg. // Evropa: aktual'nye problemy jetnokul'tury]. Minsk, 2010. P. 241–244.
27. *Firy novich A.Je.* The female factor in the 1863–1864 Uprising: the informational potential of Belarusian archival repositories [«Zhanochy faktar» u pawstanni 1863–1864 gg.: infarmacyjny patjencyjal belaruskich arhivashovishchaw] // Vesci Nacyjanal'naj akadzemii navuk Belarusi. Seryja humanitarnyh navuk. 2011. № 2. P. 59–65.
28. *Firy novich A.Je.* At the intersection of faith and politics: Catholic Church demarches in 1863–1864 in the Russian Empire // History of religions in Ukraine. Research yearbook [Na styku very i palityki: kascjol'nyja djemarshy 1861–1862 gg. u Rasijskaj imperyi // Istorija religij v Ukraini. Naukovij shhorichnik]. Lviv, 2013. Book 1. P. 378–387.
29. *Firy novich A.Je.* The 1863–1864 Uprising: known and unknown sources of Belarusian Archives [Pawstanne 1863–1864 gg.: vjadomyja i nevjadomyja krynicy belaruskich arhivaw]. Minsk, 2013.
30. *Firy novich A.Je.* The events of 1863–1864 in female memoir and epistolary heritage // Belarusian Archeographical Year-Book [Padzei 1863–

- 1864 gg. u zhanochaj memuarnej i jepistaljarnaj spadchynе // Belaruski arheagrafichny shtogodnik]. Issue 14. Minsk, 2014. P. 88–97.
31. *FiryNovich A. Je.* The participation of the Roman Catholic clergy of Viciebsk region in the 1863–1864 Uprising // Viciebsk antiquities [Udzел rymaska-katalickaga duhavenstva Vicebshchyny w pawstanni 1863–1864 gadow // Viecebskija starazhytnasci]. Minsk, 2012. P. 384–389.
  32. *Fjaduta A. F.* Suvorov against Muraviov [Suvoraw suprac' Murawjova] // ARCHE. 2010. № 12. P. 284–299.
  33. *Fjaduta A. F.* «Profession de foi» of the man of the Lithuanian massacre // Murauiou M. M. Notes on the management of the North-West Region and the suppression of the rebellion [«Profession de foi» chalaveka litowskaj bojni // *Murawjow M. M.* Natatki pra kiravanne Pawnochna-Zahodnim kraem i pra padawlenne w im buntu]. Minsk, 2016. P. 5–40.
  34. *Gerasimchyk V. F.* Kanstantin Kalinouski: the person and the legend [Kanstancin Kalinowski: asoba i legenda]. Hrodna, 2018.
  35. *Gerasimchyk V. F.* Orthodox rebels from the Hrodna district in the detachment of Liankevich // The town of Saint Hubert: Almanac of the local history [Prawaslawnyja pawstancy z Grodzenskaga wezda w atradze Ljankevicha // Gorad Svjatoga Guberta: Al'manah lakal'naj gistoryi]. Issue VIII. Hrodna, 2014. P. 98–105.
  36. *Gerasimchyk V. F.* The participation of the Orthodox inhabitants of Belarus in the 1863–1864 Uprising [Udzел prawaslawnaga naseł'nictva Belarusi w pawstanni 1863–1864 gg.] // *Arhivaryus*. Issue 13. Minsk, 2015. P. 127–135.
  37. *Getman I. V.* The image of K. Kalinouski in Western Belarusian literature // The 1863–1864 Uprising and its historical meaning [Vobraz K. Kalinowskaga w zahodnebelaruskaj litaratury // Pawstanne 1863 g. i jago gistarychnae znachjenne]. Brest, 2004. P. 128–133.
  38. *Gigin V. F.* Slandered but not forgotten (Essay about M. N. Muraviou-Vilenski) [Oklevetannyj, no ne zabytyj (Ocherk o M. N. Murav'ev-Vilenskom)] // *Njoman*. 2005. № 6. P. 127–139.
  39. The History of Belarus: in 6 v. V. 4. Belarus as a part of the Russian Empire (the end of XVIII — early XX century [Gistoryja Belarusi: U 6 t. T. 4. Belarus' u skladze Rasijskaj imperyi (kanec XVIII — pachatak XX st.)]. Minsk, 2007.
  40. *Glazyryn S. Ja.* The 1863 Uprising in Viciebsk and Mahilioŭ governorates: Thesis for the PhD Degree in History [Pawstanne 1863 goda w Viecebskaj i Magiljowskaj gubernjah: dysertacyja na saiskanne vuchonaj stupeni kandydata gistarychnyh navuk]. Minsk, 2017.

41. *Golubew V.F.* To love Belarus — the national idea of the rebels of 1863–1864 // Poland–Belarus — the common historical heritage: student rebellion in the tradition and political thinking of Poland and Belarus // Poland–Belarus — the common historical heritage: The January Uprising in the tradition of political thinking in Poland and Belarus [Ljubic’ Belarus’ — nacyjanal’naja idreja pawstancaw 1863–1864 gg. // Pol’shcha–Belarus’ — agul’naja gistorychnaja spadchyna: studzen’skae pawstanne w tradyцы i palitychnaj dumcy Pol’shchy i Belarusi]. Warsaw, 2014. P. 161–172.
42. *Gorbacheva O.V.* The exiles of 1863–1864 [Ssyl’nye 1863–1864 gg.] // *Arhivaryus*. Issue 5. Minsk, 2007. P. 85–114.
43. *Grahocki A.P.* «Return to the Orthodoxy»: the mass conversion of the Catholics of Belarus to Orthodoxy in the 60s of the 19th century (based on the materials from Minsk province) // Belarus in the historical retrospective of the 19–20th centuries: ethnocultural, national and state processes [«Vozvrashhenie v pravoslavie»: masavaja kanversija katalikow Belarusi w pravaslawe w 60-yja gady XIX st. (pa matjeryjalah Minskaj guberni) // Belarus’ u gistorychnaj rjetraspektyve XIX–XX stagoddzjaw: jetnakul’turnyja i nacyjanal’na-dzjarzhawnyja pracjesy]. Part 1. Homiel’, 2009. S. 21–31.
44. *Grahocki A.P.* Legal regulation of religious conversion in Belarus (1863–1905) [Pravavoe rjegljavanne paradku rjeligijnaj kanversii w Belarusi (1863–1905 gady)] // Sacyjal’na-jekanamichnyja i pravavyja dasledavanni. 2012. № 1. S. 4–18.
45. *Grahocki A.P.* The legal status of the Russian Orthodox and Roman Catholic Churches on the Belarusian lands (1863–1905) [Pravavoe stanovishcha Ruskaj Pravaslawnaj i Rymska-katalickaj Cjerkvaw na belaruskich zemljah (1863–1905 gg.)]. Homiel’, 2017.
46. *Grahocki A.P.* The Orthodox Church as a mechanism of Russification policy by M.M. Muraviou in Belarus (1863–1865) // A person in history: heroic and tragic. [Pravaslawnaja carkva jak mehanizm rusifikacyjnaj palityki M.M. Murawjova na Belarusi (1863–1865) // Asoba w gistoryi: geraichnae i tragichnae]. Part 2. Brest, 2004. P. 55–60.
47. *Hromchenko D.N.* The features of the 1863–1864 Uprising in the eastern part of Belarus (on the example of Senno district of the Mogilev governorate // Belarusian lands as a part of the Russian State (1772–1917) [Osobennosti vosstanija 1863–1864 gg. v vostochnoj chasti Belarusi (na primere Sennenskogo uezda Mogilevskoj gubernii) // Belorusskie zemli v sostave Rossijskogo gosudarstva (1772–1917 gg.)]. Minsk, 2013. P. 206–216.

48. *Ignatovich F.I.* Pharmacy of the pharmacist Ignat Adamovich and the 1863 Uprising // The town of Saint Hubert: Almanac of the local history [Apteka provizora Ignata Adamovicha i vosstanie 1863 g. // Gorad Svjatoga Guberta: Al'manah laka'l'naj gistoryi]. Issue VII. Hrodna, 2013. S. 124–132.
49. *Ignatovich F.I.* Doctor C.M. Tsekhanovsky: rebel chief in Hrodna and socio-political activist in Siberia // The town of Saint Hubert: Almanac of the local history [Vrach C.M. Cehanovskij: povstancheskiy nachal'nik Grodno i obshhestvenno-politicheskij dejatel' Sibiri // Gorad Svjatoga Guberta: Al'manah laka'l'naj gistoryi]. Issue VIII. Hrodna, 2014. P. 106–115.
50. *Ignatovich F.I.* Doctors of Slonim region — participants of the 1863 Uprising // Slonim region through the eyes of scientists and local historians [Vrachi Slonimshhiny — uchastniki vosstanija 1863 g. // Slonimshchyna vachyma navukowcaw i krajaznawcaw]. Slonim, 2002. P. 207–211.
51. *Ignatovich F.I.* Hrodna Doctor B.K. Zablotskiy — a participant of the 1863–1864 Uprising // International scientific-practical conference «Medicine at the turn of the century: on the 100th anniversary of the First World War» [Grodnenskiy vrach B.K. Zablockij — uchastnik vosstanija 1863–1864 goda // Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Medicina na rubezhe vekov: k 100-letiju Pervoj mirovoj vojny»]. Hrodna, 2014. P. 171–175.
52. *Ignatovich F.I.* Medical and drug provision for participants of the 1863 Uprising in the North-West region of Belarus // The past of Hrodna region [Medicinskoe i lekarstvennoe obespechenie uchastnikov vosstanija 1863 goda v severo-zapadnom regione Belarusi // Minulae Grodzenshchyny]. Issue 10. Hrodna, 2004. P. 13–21.
53. *Ignatovich F.I.* Uladzislau Borzabahaty [Uladzislaw Borzabagaty]. Minsk, 1993.
54. *Javarowski V.* The ideology of the liberation movement: The Peasant Truth // The 1863 Uprising in Belarus and Kastus Kalinouski [Idjealogija vyzvalenchaga ruhu: «Muzhyckaja prawda» // Pawstanne 1863 g. na Belarusi i Kastus' Kalinowski]. Riga, 2013. P. 145–161.
55. *Janowskaja V.V.* Christian Church in Belarus in 1863–1914 [Hryscijanskaja carkva w Belarusi 1863–1914 gg.]. Minsk, 2002.
56. *Janushkevich Ja.* Baptism records of Vincses-Kastus Kalinouski [Metryki hrostu Vincjesja-Kastusja Kalinowskaga] // Belaruskij gistorychny zbornik = Białoruskie Zeszyty Historyczne. № 40. Belastok, 2013. P. 244–248.
57. *Kalinowski K.* For our liberty: works, documents [Za nashuju vol'nasc': Tvory, dokumenty]. Minsk, 1999.

58. Denominations in Belarus (late 18th — 20th centuries) [Kanfesii na Belarusi (kanec XVIII–XX st.)]. Minsk, 1998.
59. Denominational factor in the social development of Belarus (late 18th — early 20th centuries) [Kanfesijny faktar u sacyjal'nym razvicci Belarusi (kanec XVIII — pachatak XX st.)]. Minsk, 2015.
60. *Karpovich O.V.* Brest-Litousk and Brest district during the Uprisings of 1831 and 1863 [Brest-Litovsk i Brestskij uezd v period vosstanij 1831, 1863 gg.] // Vestnik Brestskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 6. S. 44–50.
61. *Karpovich O.V.* The 1863 Uprising in Ihumien and Sluck districts of Minsk governorate // Records of the Partnership of the amateurs of Belarusian history named after Vaclau Lastouski. Issue 3. 1863: a noble rebellion or a popular revolution? [Vosstanie 1863 goda v Igumenskom i Sluckom uездah Minskoj gubernii // Zapisy Tavarystva amataraw belaruskaj gistoryi imja Vaclava Lastovskaga. Vypusk 3. 1863 god: Shljaheckae pawstanne ci narodnaja rjevaljucyja?]. Riga, 2014. P. 149–161.
62. *Karpovich O.V.* The 1863 Uprising in Kobryn district // Records of the Partnership of the amateurs of Belarusian history named after Vaclau Lastouski. Issue 3. 1863: a noble rebellion or a popular revolution? [Vosstanie 1863 goda v Kobrinskom uезде // Zapisy Tavarystva amataraw belaruskaj gistoryi imja Vaclava Lastovskaga. Vypusk 3. 1863 god: Shljaheckae pawstanne ci narodnaja rjevaljucyja?]. Riga, 2014. P. 139–148.
63. *Karpovich O.V.* The 1863 Uprising in Navahrudak district // Belarusian lands as a part of the Russian State (1772–1917) [Vosstanie 1863 g. v Novogrudskom uезде // Belorusskie zemli v sostave Rossijskogo gosudarstva (1772–1917 gg.)]. Minsk, 2013. P. 131–137.
64. *Kasmyljow V.* Polish emblems in the socio-political movement in Belarus in the early 60s of the 19th century [Poł'skaja jemblematyka w gramadska-palitychnym ruhu na Belarusi w pachatku 60-h gg. XIX st.] // Belaruskij gistorychny chasopis. 1993. № 3. S. 51–53.
65. *Kastus Kalinouski*: Bibliographic index [Kastus' Kalinowski: Biblijagrafichny pakazal'nik]. Minsk, 2000.
66. *Kahanowski A.* Social transformation of Belarusian society (1861–1914) [Sacyjal'naja transformacyja belaruskaga gramadstva (1861–1914 gg.)]. Minsk, 2013.
67. *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 2009.
68. *Kisjaljow G.V.* Taste of Belarus. [Smak belaruschyny]. Minsk, 2013.
69. *Kishtymov A.L.* Simon Kalinovskiy the father of the rebel: touches to the biography // The 1863 Uprising and its historical value [Simon Kalinovskij

- otec povstanca: shtrihi k biografii // Pawstanne 1863 g. i jago gistorychnae znachenne]. Brest, 2004. P. 36–38.
70. *Krawcjevich A.* Kastus Kalinouski in Belarusian Pantheon // Kastus Kalinouski and the national-building process in Belarus [Kastus' Kalinowski w belaruskim pantjeone // Kastus' Kalinowski i nacyjatvorchy pracjes u Belarusi]. Minsk, 2015. P. 172–177.
  71. *Lastowski A.* Kastus Kalinouski in the collective memory of the inhabitants of Belarus [Kastus' Kalinowski w kalektywnaj pamjaci zhyharow Belarusi // Kastus' Kalinowski i nacyjatvorchy pracjes u Belarusi]. Minsk, 2015. P. 130–145.
  72. *Laz'ko R.R.* The participation of Belarusian peasants in the 1863 Uprising as the beginning of their political modernisation // The 1863–1864 Uprising in Poland, Belarus, Lithuania and Ukraine: history and memory [Udzel belaruskaga sjaljanstva w pawstanni 1863 g. jak pachatak jago palitychnaj madjernizacyi // Pawstanne 1863–1864 gg. u Pol'shchy, Belarusi, Litve i Ukraine: gistoryja i pamjac']. Minsk, 2014. P. 179–191.
  73. *Lugovcova S.L.* «The verdict is supremely confirmed»: noblemen of Belarusian governorates in exile in Perm region // Identification and use of the opportunities of the regional cultural educational environment for the organization of cultural and educational activities [«Prigovor vysochajshe utverzhden»: shljahtichi belorusskih gubernij v ssylke v Permskom krae // Vyjavlenie i ispol'zovanie vozmozhnostej regional'noj kul'turnoj obrazovatel'noj sredy dlja organizacii kul'turno-prosvetitel'skoj dejatel'nosti]. Perm, 2013. P. 78–81.
  74. *Makarjevich V.S.* The eviction of petty nobility from Minsk governorate in 1863–1864 [Vysjalenni drobnaj shljahty z Minskaj guberni w 1863–1864 gg.] // Belaruski gistorychny chasopis. 2014. № 10. P. 13–22.
  75. *Makarjevich V.S.* The analysis of Szlachta in Belarusian governorates of the Russian Empire (late 18th — 19th centuries) [Razbor shljahty w belaruskich gubernjah Rasijskaj imperyi (kanec XVIII–XIX st.)]. Minsk, 2018.
  76. *Makarewicz W.* Deportacje okolic szlacheckich z gubernii mińskiej w latach 1863–1864 // Dwór i wieś na Litwie i Białorusi w XIX i na początku XX wieku. Warsaw, 2014. P. 57–74.
  77. *Makmilin A.* The topic of Kalinouski in young Belarusian poetry // Kastus Kalinouski and the national-building process in Belarus [Tjema Kalinowskaga w maladoj belaruskaj pajezii // Kastus' Kalinowski i nacyjatvorchy pracjes u Belarusi]. Minsk, 2015. P. 109–118.

78. *Marozaw S.P.* «Lithuanian separatist» Kanstantin Kalinouski [«Litowski separatyst» Kanstancin Kalinowski] // *Vesnik Brjesckaga wniversitjeta*. 2018. № 1. P. 35–42.
79. *Maroz'ka K.U.* Orthodox brotherhoods of Pinsk district (second half of the 19th century) // *Christianity in the historical fate of Belarusian people [Pravaslawnyja bratjerstvy Pinskaga paveta (drugaja palova XIX st.) // Hryscijanstva w gistorychnym ljose belaruskaga naroda]*. Part 1. Hrodna, 2009. P. 252–256.
80. *Matvejchyk D.Ch.* On the issue of some drawbacks of the studies on the history of the 1863–1864 Uprising in Belarus undertaken by Belarusian scholars and about the need for correct work with archive sources (on the example of one article) [Da pytannja ab nekatoryh hibah pry pravjadzenni ajchynnymi navukowcami dasledavannjaw pa gistoryi pawstannja 1863–1864 gg. u Belarusi i ab neabhodnasci karjektnej pracy z arhiwnymi krynicami (na prykladze adnago artykula)] // *Arhivaryus*. Issue 14. Minsk, 2016. P. 185–191.
81. *Matvejchyk D.Ch.* Documents of the National Historical Archive of Belarus about the 1863–1864 Uprising (a brief overview) // *Poland–Belarus — the common historical heritage: The January Uprising in the tradition of political thinking in Poland and Belarus [Dokumenty Nacyjanał'naga gistorychnaga arhiva Belarusi ab pawstanni 1863–1864 gg. (aguł'ny agljad) // Pol'shcha–Belarus' — aguł'naja gistorychnaja spadchyna: studzen'skae pawstanne w tradycyi i palitychnaj dumcy Pol'shchy i Belarusi]*. Warsaw, 2014. P. 185–196.
82. *Matvejchyk D.Ch.* Source study potential of the materials of the National Historical Archive of Belarus in the studies on the history of the exile after the 1863–1864 Uprising and the process of homecoming [Krynicaznawchy patjencyjal matjeryjalaw Nacyjanał'naga gistorychnaga arhiva Belarusi w vyvuchjenni gistoryi ssylki paslja pawstannja 1863–1864 gg. i pracjesu vjartannja na radzimu] // *Belaruski gistorychny chasopis*. 2018. № 1. S. 12–21.
83. *Matvejchyk D.Ch.* The 1863–1864 Uprising in Ašmiany and Ašmiany district // *Belarus from the perspective of local history: Ašmiany and Ašmiany district [Pawstanne 1863–1864 gg. u Ashmjanah i Ashmjanskim pavece // Belarus' praz pryzmu rjegijanal'naj gistoryi: Ashmjany i Ashmjanski rjegijon]*. Minsk, 2015. P. 123–133.
84. *Matvejchyk D.Ch.* The 1863–1864 Uprising in Belarus: the outline of fighting [Pawstanne 1863–1864 gadow u Belarusi: narys bajavyh dziejannjaw]. Minsk, 2013.

85. *Matvejchyk D.Ch.* Creation and activities of rebel units on the border of Barysau, Sianno and Liepiel districts in 1863 // The history of Druck-Biarezina region [Stvarjenne i dzejnasc' pawstanckih atradaw na pamezhzhy Barysawskaga, Sennenskaga i Lepel'skaga pavetaw u 1863 g. // Gistoryja Drucka-Bjarjezinskaga kraju]. Minsk, 2015. P. 181–197.
86. *Matvejchyk D.Ch.* Participants of the 1863–1864 Uprising: biographical dictionary (on the materials of the National Historical Archives of Belarus [Udziel'niki pawstannja 1863–1864 gadow: bijagrafichny slownik (pavodle matjeryjalaw Nacyjanal'naga gistorychnaga arhiva Belarusi)]. Minsk, 2016.
87. *Matvejchyk D.Ch.* Uladzislau Mašeuški and the attempt of the armed uprising in Sluck district in 1863 // The 1863–1864 Uprising in Poland, Belarus, Lithuania and Ukraine: history and memory [Uladzislaw Mashjewski i sproba wzbroenaga vystuplennja w Sluckim pavece w 1863 g. // Pawstanne 1863–1864 gg. u Pol'shchy, Belarusi, Litve i Ukraine: gistoryja i pamjac']. Minsk, 2014. P. 79–92.
88. *Matvejchyk D.Ch.* The contribution of Mikhas Bich to the historiography of the 1863–1864 Uprising in Belarus [Unjosak Mihasja Bicha w gistoryjagrafiju pawstannja 1863–1864 gadow u Belarusi] // Belaruski gistorychny chasopis. 2016. № 8. S. 24–28.
89. *Minejka Z.* From Taiga to the Acropolis: the memories of 1848–1866 [Z tajgi pad Akropal': Uspaminy z 1848–1866 gadow]. Minsk, 2017.
90. *Morožko E.V.* Changing in the religious situation in Pinsk region after the 1863–1864 Uprising // Nationalism and the concept of civil society in Eastern Europe [Izmenenie religioznoj situacii na Pinshhine posle vosstanija 1863–1864 gg. // Nacionalizm i koncepcija graždanskogo obshhestva v Vostochnoj Evrope]. Brest, 2009. P. 236–243.
91. *Morožko E.V.* Denominational and socio-cultural life of Belarus in the second half of XIX — early XX century (on the example of the Minsk Orthodox Eparchy): the PhD Thesis in History [Konfessional'naja i social'no-kul'turnaja zhizn' Belarusi vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv. (na primere Minskoj Pravoslavnoj eparhii): dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskich nauk]. Brest, 2011.
92. *Murawjow M.M.* Essays on the providing leadership to the Northwestern region and the suppression of the rebellion there [Natatki pra kiravanne Pawnochna-Zahodnim kraem i pra padawlenne w im buntu]. Minsk, 2016.
93. Essays on the history of Belarus [Narysy gistoryi Belarusi]. Part 1. Minsk, 1994.

94. *Pagarjely A.* Kalinowski in the pantheon of national heroes of the Belarusian Christian Democracy (BCD) // *Kastus Kaliowski and his era in documents and cultural tradition [Kalinowski w pantjeone nacyjanał'nyh gerojaw BHD (1920–30-ja gg.) // Kastus' Kalinowski i jago jepoha w dakumentah i kul'turnaj tradycyi]*. Minsk, 2011. P. 157–164.
95. The 1863–1864 Uprising in Viciebsk, Mahilioŭ and Minsk governorates: Documents and materials of the National Historical Archives of Belarus [Pawstanne 1863–1864 gadow u Vicebskaj, Magiljowskaj i Minskaj gubernjah: Dakumenty i matjeryjaly Nacyjanał'naga gistorychnaga arhiva Belarusi]. Minsk, 2014.
96. Rebel movement in Hrodna governorate in 1863–1864: collection of documents [Povstanchesкое движение в Гродненской губернии 1863–1864 гг.: сб. документов]. Brest, 2006.
97. *Prachakova N.A.* Insurgents of 1863 in the prisons of Mahilioŭ [Insurgenty 1863 goda w turmah Magiljova // Shljahi Magiljowskaj gistoryi]. Mahilioŭ, 2005. P. 170–175.
98. *Prachakova N.A.* The 1863 Uprising in Mahilioŭ region in destinies // The history of Mahilioŭ: the past and the present [Pawstanne 1863 goda na Magiljowshchynie w ljosah // Gistoryja Magiljova: minulae i suchasnasc']. Mahilioŭ, 2013. S. 296–301.
99. *Procenko O.Je.* Denominational aspect of the history of Hrodna governorate in the 19th century // Christianity in the historical fate of Belarusian people [Konfessional'nyj aspekt istorii Grodnenskoj gubernii v XIX v. // Hryscijanstva w gistorychnym ljose belaruskaga naroda]. Part 1. Hrodna, 2009. P. 229–236.
100. *Procenko O.Je.* About the confessional situation in Hrodna governorate in the 19th century // Christianity in the historical fate of Belarusian people [O konfessional'noj situacii v Grodnenskoj gubernii v XIX v. // Hryscijanstva w gistorychnym ljose belaruskaga naroda]. Hrodna, 2008. P. 449–453.
101. *Radzjuk A.R.* Hrodna resistance in 1863 // *Hrodna socium* 2013. History and memory. The 15th — 20th centuries [Garadzenski supraciw 1861 g. // Garadzenski socyum 2013. Gistoryja i pamjac'. XV–XX stst.]. Hrodna, 2014. P. 110–139.
102. *Radzjuk A.R.* The activities of investigative and judicial commissions in the territory of Belarus in 1863–1867 (on the example of Hrodna governorate) // The 1863–1864 Uprising in Poland, Belarus, Lithuania and Ukraine: history and memory [Dzejnasc' sledchyh i sudovyh komisij na tjerytoryi Belarusi w 1863–1867 gg. (na prykladze Grodzenskaj guberni) //

- Pawstanne 1863–1864 gg. u Pol'shchy, Belarusi, Litve i Ukraine: gistoryja i pamjac']. Minsk, 2014. P. 208–223.
103. *Radzjuk A.R.* The distruction of szlachta villages in Hrodna region in 1863–1864 [Z'nishchjenne shljaheckih vakolicaw na Garadzenshchyne w 1863–1864 gg.] // ARCHE. 2010. № 12. P. 151–173.
  104. *Radzjuk A.R.* The 1863–1864 Uprising in the destiny of the inhabitants of five szlachta villages // Homo Historicus 2012. The yearbook of anthropological history [Pawstanne 1863–1864 gg. u ljose zhyharow pjaci shljaheckih vakolic // Homo Historicus 2012. Gadavik antrapalagichnaj gistoryi]. Vilnius, 2012. P. 41–68.
  105. *Radzjuk A.R.* Death penalties in Hrodna in 1863–1864 // The town of Saint Hubert: Almanac of the local history [Smjarotnyja pakaranni w Goradni w 1863–1864 gg. // Gorad Svjatoga Guberta: Al'manah lakal'naj gistoryi]. Issue VII. Hrodna, 2013. P. 112–117.
  106. *Radzjuk A.R.* Tsarism against Napoleon Orda // A person and time: Belarusian biographical almanac [Caryzm suprac' Napoleona Ordy // Asoba i chas. Belaruski bijagrafichny al'manah]. Issue 5. Minsk, 2013. P. 27–36.
  107. *Ramotowska F.* Tajemne państwo polskie w powstaniu styczniowym 1863–1864: Struktura organizacyjna. Cz. 1–2. Warszawa, 1999–2000.
  108. «Ready to sacrifice myself»: notes by Count Mikhail Nikolayevich Muravyov on the management of the North-Western Territory and on the suppression of the rebellion there. 1863–1866 [«Gotov soboju zhertvovat'...»: zapiski grafa Mihaila Nikolaevicha Murav'eva ob upravlenii Severo-Zapadnym kraem i ob usmirenii v nem mjatezha. 1863–1866 gg.]. Moscow, 2008.
  109. *Sakol'chyk A.Je.* Barysau and its neighborhood in the events of 1863–1864 // The history of Druck-Biarezina region [Barysaw i jago vakolicy w padziejah 1863–1864 gg. // Gistoryja Drucka-Bjarjezinskaga kraju]. Minsk, 2015. P. 198–202.
  110. *Sakol'chyk A.Je.* «Not trustworthy» Rečyca and its inhabitants during the 1863–1864 Uprising // Belarus and the neighbours: ways of the formation of statehood, interethnic and interstate relations [«Njadobranadzejnaja» Rjechyca i jae zhyhary w chasy pawstannja 1863–1864 gadow // Belarus' i susedzi: shljahi farmiravannja dzjarzhawnasci, mizhnacyjanał'nyja i mizhdzjarzhawnyja adnosiny]. Issue 4. Homiel', 2015. P. 46–51.
  111. *Sachanka B.* Muravyov-hangman // Calling History «Dear»: publicistic essays [Murawjow-veshal'nik // Z gistoryjaj na «Vy»: Publicystychnyja artykuly]. Edition 2. Minsk, 1994. P. 205–223.

112. *Serak E.V.* Repressive activities of the Ašmiany Commission of Inquiry in 1863–1864 // Belarus from the perspective of local history: Ašmiany and Ašmiany district [Repressivnaja dejatel'nost' Oshmjanskoj sledstvennoj komissii v 1863–1864 gg. // Belarus' praz pryзму rjeginanal'naj gistoryi: Ashmjany i Ashmjanski rjegijon]. Minsk, 2015. P. 134–143.
113. *Serak E.V.* Exile to Siberia of native Belarusians after the 1863–1864 Uprising: the PhD Thesis in History [Ssylka v Sibir' urozhencev Belarusi posle vosstaniya 1863–1864 gg.: dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk]. Minsk, 2016.
114. Investigative and court case of Kastus Kalinouski [Sledcha-sudovaja sprava Kastusja Kalinowskaga]. Minsk, 2014.
115. *Smaljančuk A.F.* Kalinovsky's personality as a research issue // Kastus Kalinouski and his era in documents and cultural tradition [Asoba Kalinowskaga jak dasledchaja prablema // Kastus' Kalinowski i jago jepoha w dakumentah i kul'turnaj tradycyi]. Minsk, 2011. P. 9–25.
116. *Smaljančuk A.F.* Kastus Kalinouski in the letters of Kazimira Bagushevich and Maria Plauskaya (1905) // To hear how the walls of fate are falling: in memory of Hienadz' Kisialiou [Kastus' Kalinowski w listah Kazimiry Bagushjevich i Maryi Plawskaj (1905) // ...Pachuc', jak ljosu valjacca mury: Pamjaci Genadzja Kisjaljova]. Minsk, 2009. P. 328–337.
117. *Spirin V.S.* To the question of the role of the 1863–1864 Uprising in the formation of the idea of Belarusian statehood // The 1863–1864 Uprising and its historical meaning [K voprosu o roli vosstaniya 1863–1864 gg. v stanovlenii idei belorusskoj gosudarstvennosti // Pawstanne 1863 goda i jago gistorychnae znachjenne]. Brest, 2004. P. 120–123.
118. *Taras A.Ja.* Kalinouski and Belarusian identity // Records of the Society of Belarusian history amateurs named after Vaclau Lastouski. Issue 3. 1863: the Noble Uprising or the popular revolution? [Kalinowski i belaruskaja idjentychnasc' // Zapisy Tavarystva amataraw belaruskaj gistoryi imja Vaclava Lastowskaga. Vypusk 3. 1863 god: Shljaheckae pawstanne ci narodnaja rjevaljucyja?]. Riga, 2014. P. 27–33.
119. *Taras O.E.* Essay on the actions of rebels in the governorates of the North-Western Territory // The 1863 Uprising in Belarus and Kastus Kalinouski [Ocherk dejstvij povstancev v gubernijah Severo-Zapadnogo kraja // Pawstanne 1863 g. na Belarusi i Kastus' Kalinowski]. Riga, 2013. P. 37–64.
120. *Tokc' S.V.* National and social discourse in the texts of the «Peasant Truth» and the «Stories in Belarusian Dialect» // Kastus Kaliouski and his era in documents and cultural tradition [Nacyjanal'ny i sacyjal'ny dyskursy w tjkstah «Muzhyckaj prawdy» i «Rasskazov na belorusskom narechii» //

- Kastus' Kalinowski i jago jepoha w dokumentah i kul'turnaj tradycyi]. Minsk, 2011. P. 26–33.
121. *Usoshyn Ja. U.* Kastus Kalinowski and the Church Union // Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and psychological-pedagogical sciences [Kastus' Kalinowski i carkownaja unija // Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta Vysshej shkoly. Istoricheskie i psihologo-pedagogicheskie nauki]. Part 1. Minsk, 2008. P. 290–297.
  122. *Usoshyn Ja. U.* The question of the Church union in the agitational materials of rebels in 1863 // Religion and Society 3: Actual Issues of Modern Religious Studies [Pytanne carkownaj unii w agitacyjnyh matjeryjalah pawstancaw 1863 g. // Religija i obshhestvo 3: aktual'nye problemy sovremennogo religiovedenija]. Mahilioŭ, 2008. P. 127–130.
  123. *Shal'kevich V.F.* The Apostle of freedom and independence Kastus Kalinowski — revolutionary democrat and social and political activist of Belarus [Apostal svabody i nezalezhnasci Kastus' Kalinowski — rjevaljucyjancer-djemakrat i gramadska-palitychny dziejach Belarusi] // Belaruskaja minuwshchyna. 1993. № 1. P. 30–33.
  124. *Shal'kevich V.F.* «Farewell my peasant people...»: Hronography of the last morning of Kastus Kalinowski // ...To hear how the walls of fate are falling: in memory of Hienadz' Kisialiou [«Byvaj zdarovy, muzhycki narodze...»: Hranagrafija aposhnjaj ranicy Kastusja Kalinowskaga // ... Pachuc', jak ljosu valjacca mury: Pamjaci Genadzja Kisjaljova]. Minsk, 2009. P. 323–327.
  125. *Shal'kevich V.F.* Vikenci Kanstantin Kalinowski // Famous names of the Motherland [Vikenci Kanstancin Kalinowski // Slavutyja imjony Bac'kawshchyny]. Issue 2. Minsk, 2003. P. 207–218.
  126. *Shal'kevich V.F.* Kalinowski: Kanstantin, Kastus or Vikencij? [Kalinowski: Kanstancin, Kastus' ci Vikencij?] // Belaruskaja minuwshchyna. 1994. № 4. P. 43–44.
  127. *Shapnevskaja N.* Documents on the history of the 1863–1864 Uprising in the collection of the National Historical Archives of Belarus in Hrodna [Dokumenty po istorii vosstanija 1863–1864 godov v fondah Nacional'nogo istoricheskogo arhiva Belarusi v Grodno] // Arhivy i spravavodstva. 2013. № 6. P. 107–113.
  128. *Shved V.V.* The military commander of Lida district, the citizen Narbut // Our bloodline [Vajskovy nachal'nik Lidskaga paveta gramadzjanin Narbut // Nash radavod]. Book 6. Lida, 1994. P. 83–87.
  129. *Shved V.V.* The revolutionary organization of 1863–1864 in Hrodna voivodeship // The 1863–1864 Uprising in Poland, Belarus, Lithuania and

- Ukraine: history and memory [Grodzenskaja vajavodskaja rjevaljucyjnaja arganizacyja 1861–1864 gadov // Pawstanne 1863–1864 gg. u Pol'shchy, Belarusi, Litve i Ukraine: gistoryja i pamjac']. Minsk, 2014. P. 247–255.
130. *Shved V.V.* Womens in the 1863–1864 Uprising in the territory of rebel Hrodna voivodeship // Hrodna socium. A person in the urban space in the 15th–20th centuries [Zhanchyny w pawstanni 1863–1864 gadov na tjerytoryi pawstanckaga Grodzenskaga vajavodstva // Garadzenski socyum. Chalavek u prastory gorada. XV–XX stst.]. Minsk, 2015. P. 110–120.
  131. *Shved V.V.* The events of the 1863 Uprising in Slonim district // *Shved V.V.* The activities and figures of Hrodna antiquity [Padzei pawstannja 1863 goda w Slonimskim pavece // *Shved V.V.* Padzei i postaci grodzenskaj dawniny]. Hrodna, 1995. P. 58–66.
  132. *Shved V.V.* Pre-rebel movement in Hrodna governorate in 1861–1862 // The town of Saint Hubert: Almanac of the local history [Peradpawstancki ruh u Grodzenskaj guberni w 1861–1862 gadah // Gorad Svjatoga Guberta: Al'manah lakał'naj gistoryi]. Issue VIII. Hrodna, 2014. P. 78–97.
  133. *Shved V.V.* The Polish question and Belarus in 1772–1863 // The way to mutuality [Pol'skae pytanne i Belarus' u 1772–1863 gadah // Shljah da wzaemnasci = Droga ku wzajemności]. Book II. Belastok, 2000. P. 273–283.
  134. *Shved V.V.* Requiem for Rebels of 1863–1864 (Hrodna governorate) [Rjekviem pawstancam 1863–1864 gg. (Grodzenskaja gubernja)]. Minsk, 2017.
  135. *Shved V.V.* Officials-the members of The Hrodna voivodeship organization in 1863–1864 // The Hrodna Socium 2013. History and Memory. The 15th–20th centuries [Chynowniki-sjabry Garadzenskaj vajavodskaj arganizacyi 1861–1864 gg. // Garadzenski socyum 2013. Gistoryja i pamjac'. XV–XX stst.]. Hrodna, 2014. P. 140–152.
  136. *Shved V.V.* The noblemen of Hrodna governorate in civil and military authority before and during the January Uprising (1863–1864) [Shljahta Grodzenskaj guberni w cyvil'nym i vajskovym kirawnictve napjarjedadni i padchas Studzen'skaga pawstannja (1861–1864 gg.)] // Belaruski gistorychny zbornik = Białoruskie Zeszyty Historyczne. № 41. Belastok, 2014. P. 211–238.
  137. *Shumskaja I.* The transformation of the image of Kastus Kalinouski in the cultural memory of his contemporaries // Records of the Partnership of the amateurs of Belarusian history named after Vaclau Lastouski. Issue 3. 1863: a noble rebellion or a popular revolution? [Transfarmacyja vobrazia

Kastusja Kalinowskaga w kul'turnaj pamjaci suchasnikaw // Zapisy Tavarystva amataraw belaruskaj gistoryi imja Vaclava Lastowskaga. Vypusk 3. 1863 god: Shljaheckae pawstanne ci narodnaja rjevaljucyja?]. Riga, 2014. P. 193–196.

138. *Vashkevich A.F.* Kastus Kalinouski and the Belarusian National Movement in the 20th century // Kastus Kaliouski and his era in documents and cultural tradition [Kastus' Kalinowski i belaruski nacyjanal'ny ruh u XX stagoddzi // Kastus' Kalinowski i jago jepoha w dakumentah i kul'turnaj tradycyi]. Minsk, 2011. P. 119–127.
139. *Vesjaluha A.* The image of Kastus Kalinouski in the modern Belarusian historiography and cultural tradition // Kastus Kalinouski and the national-building process in Belarus [Vobraz Kastusja Kalinowskaga w suchasnaj belaruskaj gistoryjagrafii i kul'turnaj tradycyi // Kastus' Kalinowski i nacyjatvorchy pracjes u Belarusi]. Minsk, 2015. P. 160–171.
140. *Zhloba S.P.* The national question in the publications and speeches of K. Kalinouski // The 1863 Uprising and its historical value [Nacional'nyj vopros v publikacijah i vystuplenijah K. Kalinovskogo // Pawstanne 1863 g. i jago gistorychnae znachenne]. Brest, 2004. P. 14–20.

Ключевые слова:

историография, Республика Беларусь, восстание 1863–1864 гг., К. Калиновский, исторический источник

Dmitriy Matveychik

CONTEMPORARY BELARUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE 1863—1864 UPRISING IN BELARUS

(overview and problems of development)

The article analyzes the problematics of 1863–1864 Uprising in contemporary Belarussian historiography of the modern period (starting with 1991). The author establishes the main tendencies in the Uprising's Belarussian historiography, the thematic direction, examines the input of the major researchers (Mikhail Beech, Gennady Kisilev, Vyacheslav Shalkevich, Valentina Yanovskaya/Grigorieva, Elena Firinovich/Sokolchik, Vyacheslav Shved, Alexander Radyuk, Vasily Gerasimchik, etc.), evaluating the overall existing research corpus. Special attention is given to the introduction of new sources on the history of the Uprising (archive documents, memoirs, etc.). A conclusion is made on the positive and negative moments pertaining to the Uprising's historiography. Among the positive aspects we should name the overall activity of the researchers, a large input into the fact bases and introduced sources, clear success in the development of several key themes (regional studies, biographies, interconfessional relations, exile of the insurgents). Among the negative aspects we must name the strong influence of non-academic factors (politicization, the ideologization of the theme, etc.), overbearing attention to K. Kalinovsky, the lack of a full-scale research or a published monographic study on the history of the Uprising in Belarus, as well as a plentitude of sources that still remain unstudied.

Key words: Historiography, Republic of Belarus, the January Uprising 1863–1864, Konstanty Kalinowski, Historical Source.

Matveychik Dmitriy Cheslavovich — Ph.D. (History), Head of the Publishing Department of the National Historical Archives of Belarus (Minsk, Belarus).

 Матвейчик Дмитрий Чеславович

кандидат исторических наук, заведующий отделом публикации документов Национального исторического архива Беларуси
(г. Минск, Беларусь)

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.33.007

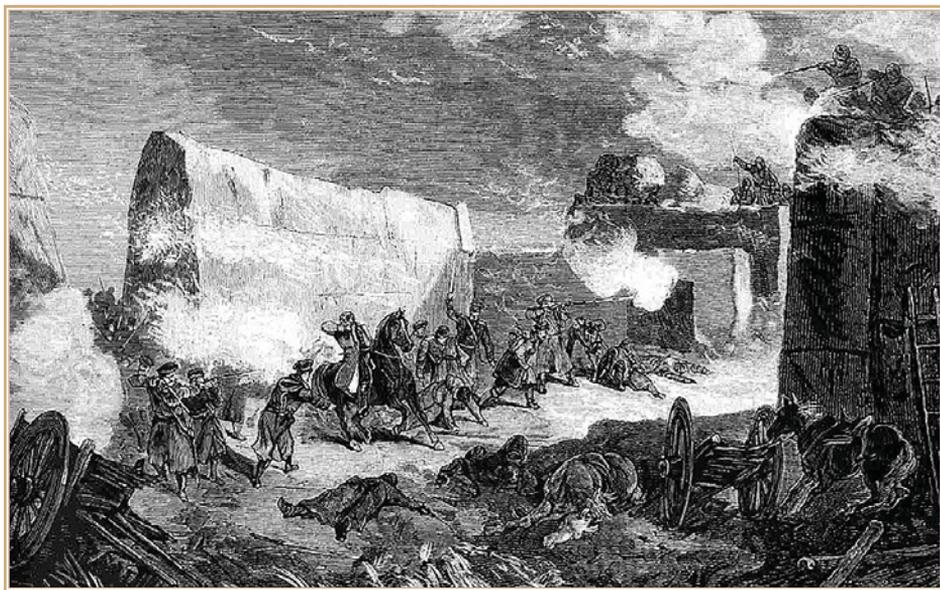
А.С. Сенин

ДОРОГА НА КУШКУ

Международное положение последней трети XIX в. характеризовалось усилением борьбы европейских держав за территориальный раздел мира. Частью этой борьбы был раздел влияния в Средней Азии между Англией и Россией. В годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Англия ускорила создание агентурной сети на территории Средней Азии. В ноябре 1878 г. англо-индийские войска вторглись в Афганистан. Захватив в 1879 г. Кабул и Кандагар, англичане посадили на престол своего ставленника Якуб-хана, вынудив его подписать кабальный Гандамакский договор, превращавший Афганистан в вассала Великобритании. По договору англичане установили контроль над внешней и внутренней политикой Афганистана. Великобритания получила «право на управление» рядом приграничных афганских территорий¹. Наступательная политика Лондона в среднеазиатском регионе вынудила русские власти в 1879 г. принять решение о захвате Ахалтекинского оазиса. Однако первая ахалтекинская экспедиция под командованием генерал-лейтенанта И.Д. Лазарева, а затем генерал-майора Н.П. Ломакина была плохо организована и закончилась неудачей. Это по-

¹ Большая Российская энциклопедия: В 30 т. Т. 1. М., 2005. С. 693.

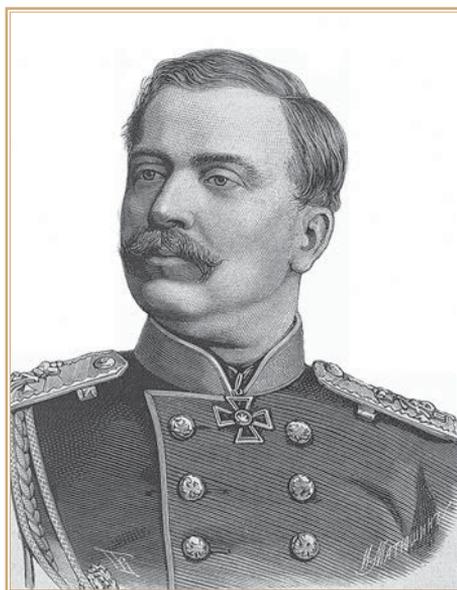

Прорыв в крепость Геок-Тепе одной из атакующих колонн русской армии

дорвало престиж Российской империи в регионе и усилило позиции Великобритании. Англичане немедленно поставили защитникам основного центра сопротивления русским войскам — Геок-Тепе — современное стрелковое оружие, значительно усилив их огневую мощь.

В 1880 г. в Главном штабе Военного министерства Российской империи стало известно о планах англичан приступить к строительству железной дороги от индийских владений через Афганистан в направлении Туркестана. По мнению заведующего передвижением войск по всем железным дорогам и водным путям, члена Особой комиссии для исследования железнодорожного дела в России М.Н. Анненкова, прокладка железной дороги в Афганистане будет иметь серьезные экономические последствия, поскольку облегчит английским купцам доставку товаров на среднеазиатский рынок. В этих условиях российские власти принимают решение о начале сооружения железной дороги от Михайловского залива на восточном берегу Каспийского моря в направлении Кизил-Арвата. В апреле 1880 г. для строительства дороги был сформирован резервный железнодорожный батальон, в декабре преобразованный в 1-й железнодорожный батальон численностью 1136 человек под руководством инженера А.И. Ютовича. Общее руководство постройкой железной дороги было возложено на генерал-майора М.Н. Анненкова². Железная дорога

² Россия — Центральная Азия. Отношения в военной области: история и современность /О. А. Белослудцев, В. В. Корнеев. М., 2007. С. 105.

Михаил Николаевич
Анненков

должна была помочь в благополучном исходе новой (второй) ахалтекинской экспедиции против туркменских племен, которую возглавил герой Русско-турецкой войны, прославленный полководец, генерал-лейтенант М.Д. Скобелев. Он сумел организовать эффективное материально-техническое обеспечение войск. Необходимые грузы доставлялись по морю судами общества «Кавказ и Меркурий». Перевозками руководил С.О. Макаров. В Михайловском заливе был установлен опреснитель воды мощностью в 4 тыс. ведер в сутки. Были созданы базы с запасами продуктов питания. В походе М.Д. Скобелевым использовались последние технические достижения: оптическая и электрическая сигнализация, электрические фонари, холодильники, аэростаты.

В своем подчинении Скобелев имел 8 тыс. человек с 64 орудиями. 23 декабря 1880 г. русские войска осадили крепость Геок-Тепе — основной опорный пункт текинцев. Преодолевая отчаянное сопротивление оборонявшихся, войска под умелым командованием Скобелева 12 января 1881 г. овладели крепостью, а вскоре и всем Ахалтекинским оазисом³. В частности, отрядом полковника А.Н. Куропаткина были без боя заняты Ашхабад и Кизил-Арват. В мае того же года Ахалтекинский оазис был включен в Закаспийский военный отдел, преобразованный в Закаспийскую область с центром в Ашхабаде. После этого туркмены родов теке, салор и сарык подчинились России. Туркменское же население Мервского оазиса не было едино в своих политических симпатиях. Ре-

³ Отечественная военная история. В 3 т. Т. 1. М., 2003. С. 561.

Степан Осипович
Макаров

месленники и торговцы стремились развивать выгодные связи с Россией. Мусульманское духовенство и часть местной знати призывали туркмен стать подданными соседних мусульманских государств. При этом одни ориентировались на Афганистан, другие на Иран. Некоторые враждебные России ханы искали покровительства далекой Великобритании. Британские военные пытались укрепить свое влияние в Мерве, превратив его в опорный пункт для дальнейшего противостояния России. Так, английский полковник Маллесон еще в 1880 г. писал: «Туркмены и безводные пустыни суть лучшие союзники Великобритании». Для превращения Мерва в военно-политическую базу в 1881 г. в Мерв прибыл британский агент Э. О'Донован. Собственно он и поддерживал проанглийскую ориентацию некоторых представителей местной феодальной знати⁴. Другая группа британских разведчиков поддерживала туркменского проповедника Сиях-Пуша, призывавшего местное население к «джихаду». Он сеял вражду и между туркменами, призывая бороться с теми туркменскими племенами, среди которых распространились пророссийские настроения.

Падение Геок-Тепе значительно ослабило позиции Англии. В английской прессе утверждалось, что занятие Россией Мервского оазиса откроет ей путь в Индию. Поэтому английские агенты усилили антироссийскую пропаганду среди туркмен, афганцев, иранцев, провоци-

⁴ Ильясов А. Присоединение Мургабского оазиса к России и происки британского империализма в Туркмении (80-е годы XIX века). Ташкент, 1956. С. 9.

Алексей
Николаевич
Куропаткин

ровали пограничные инциденты. В ответ Россия ускорила строительство Закаспийской военной железной дороги. Работы велись в крайне неблагоприятных условиях: в летние месяцы дневная температура достигала +50 °С. Количество осадков не превышало 200 мм в год. Для подвоза рельсов, шпал, лесных материалов использовался гужевой транспорт. Воду доставляли в бочках, позднее по построенным участкам дороги в цистернах. Это был первый в мире опыт постройки крупной железнодорожной магистрали в пустыне с легко передвигавшимися песками. Для защиты от них применялись заградительные щиты, устраивались лесопосадки, откосы укреплялись глиняными и соевыми растворами. Для укладки рельсов и шпал впервые была применена техника, ставшая прообразом будущего путеукладчика. Известный русский ученый и исследователь Азии Н.М. Пржевальский назвал дорогу «чудом в здешних пустынях»⁵. 20 сентября 1881 г. было открыто движение на всем участке железной дороги от Михайловского залива до Кизил-Арвата (217 верст).

Британское правительство любыми средствами пыталось помешать успехам России в Средней Азии. Особенно его беспокоило присутствие русских войск в окрестностях Мерва. В город постоянно засылались агенты, подстрекавшие местное население бороться с российским присут-

⁵ История железнодорожного транспорта России. Т. 1.: 1836–1917 гг. СПб., 1994. С. 103; Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 801–802.

ствием в регионе. Со своей стороны Россия попыталась укрепить контакты с Мервом, прежде всего торговые. Она попросила подписавшего договор с Россией хивинского хана направить в Мерв своего наместника. Однако посланный в Мерв Юсуф-бай не сумел ослабить царившую в оазисе напряженную обстановку. Не изменилась она и при Абдурахман-бае, преемнике умершего в 1882 г. Юсуф-бая⁶. Он явно превышал свои полномочия и вызвал недовольство местного населения. Ожесточение социальной борьбы и межродовой розни заставило царскую власть ускорить процесс присоединения этой территории к России. Местным властям из Петербурга пришло указание действовать «путем внушений и убеждений», избегать принудительных мер и воздерживаться от предъявления жителям Мервского оазиса требований, которые могли вызвать недовольство российской политикой. По инициативе России для окончательного решения вопроса о судьбе Мерва был созван Генгеш — совет старейшин.

1 января 1884 г. в Мерв съехались около 300 ханов и аксакалов. Перед собравшимися выступили представители русской армии — майор Махтумкули-хан⁷ и штабс-ротмистр Алиханов. Следует отметить, что особенностью политики российского командования на окраинах империи было привлечение в ряды армии, пограничных частей и учреждения МВД местной знати. После выступления на Генгеше этих «русских» офицеров было принято единодушное решение о добровольном вхождении в состав России и 31 января делегация туркмен Мервского оазиса в Ашхабаде дала присягу на верность Александру III. Городу было предоставлено внутреннее самоуправление, не ущемлялось мусульманское вероисповедание, запрещалась работоторговля. К марту 1884 г. в состав империи вошел весь Мервский оазис⁸. Однако некоторые ханы и мусульманские деятели продолжали оставаться враждебными России. Особую активность проявляли Сиях-Пуш и Каджар-хан. 2 марта 1884 г. их сторонники

⁶ Давлетов Дж., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад, 1972. С. 229; Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 384–385.

⁷ Махтумкули-хан пользовался большим авторитетом среди туркмен, поскольку до перехода на русскую службу был одним из руководителей обороны крепости Геок-Тепе.

⁸ Историческая география России, IX — начало XX века: Территория. Население. Экономика / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М., 2013. С. 62, 69. После присоединения к России основных районов Средней Азии Туркестанское генерал-губернаторство было преобразовано в Туркестанский край. Из всех национальных окраин пореформенной России наибольшие особенности сохранило управление Средней Азией.

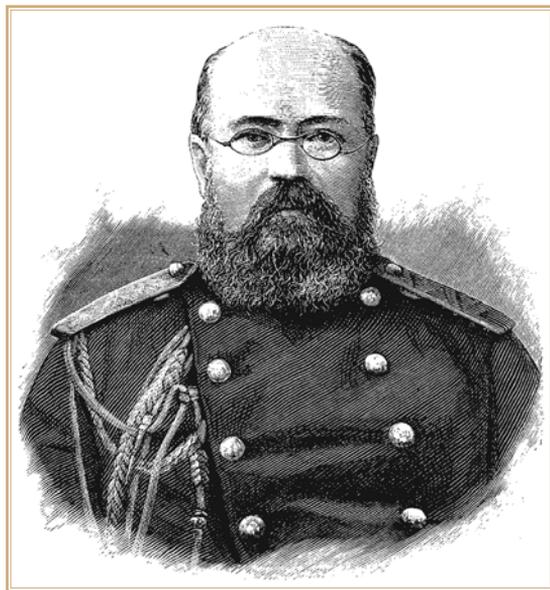
попытались не допустить русский отряд в Мерв, но после небольшой перестрелки были вынуждены отступить. Вскоре Сиях-Пуш был арестован и предан суду⁹.

Новые успехи России в этом регионе еще более обострили русско-английские отношения. Английские вооруженные отряды с согласия афганского эмира заняли позиции в северных провинциях Афганистана, а афганские войска вошли в Пендинский оазис. Лондон отдал приказ о приведении в полную боеготовность 50 тыс. солдат, находившихся в Индии. Был объявлен призыв около 15 тыс. резервистов в самой Великобритании. Соотношение сил складывалось не в пользу России. Среди туркменского населения Пендинского оазиса распространялись слухи о новой войне. Английские агенты пытались подкупить местную знать в районах Серакса, Джама, Кушки, Тахта-Базара, Бала-Мургаба, Меручана и др. Их представители уговаривали туркмен оазиса стать афганскими подданными. В то же время туркменские старшины сообщили русскому командованию в Мерве о происках афганских посланцев. Об интригах англичан доносили и русские разведчики. Так, один из них писал: «Англичане ведут деятельную пропаганду между сарыками, раздавая деньги и распуская слух, что границей Закаспийской области должен быть Ашхабад. Деньги раздавались сначала через афганцев... теперь эта раздача делается самими англичанами»¹⁰.

В начале февраля 1885 г. русскому командованию стало известно о лихорадочных военных приготовлениях противника. Английские офицеры, прибывшие из Герата, были заняты обучением афганской кавалерии. Под их руководством афганские части заняли стратегические пункты вдоль пограничной линии. Отдельные конные отряды стали вклиниваться в пределы отошедших ранее к России земель. 13 марта они начали обстреливать русские посты. Затем афганский отряд численностью 4700 всадников и пехотинцев под командованием Ковсуддин-хана занял Пендинский оазис и закрепился на позиции у Таш-Кепри. Напротив Таш-Кепринского моста через реку Мургаб находился русский отряд в составе 1800 солдат и офицеров при четырех орудиях под командованием генерал-лейтенанта А.В. Комарова. Переговоры между афганским и русским командованием ни к чему не привели. Каждая сторона считала эту местность своей. Афганцы потребовали

⁹ Давлетов Дж., Ильясов А. Указ. соч. С. 237–239.

¹⁰ Там же. С. 245.

Александр
Виссарионович
Комаров

вывести российские войска с мургабских земель. 18 марта началось сражение афганских и русских частей. Россия и Англия оказались на волосок от большой войны¹¹.

Ее не произошло только благодаря неожиданному успеху русских войск. Русская кавалерия под командованием генерал-лейтенанта А.В. Комарова в тот день разгромила регулярные войска эмира. Весь обоз и боезапас были захвачены. По признанию Комарова, «афганцы сражались храбро, энергично и упорно в крытых траншеях, и даже по окончании боя не сдавались». Но русские солдаты, одержав победу над превосходящим по силам противником, еще раз продемонстрировали свое мужество и доблесть. Вместе с ними сражались туркменские милиционеры. Комаров доносил: «Милиция Мервского округа, вооруженная одними саблями, геройски сражалась рядом с казаками в первой линии»¹². Английские войска на помощь афганцам не пришли.

В результате одержанной мургабским отрядом победы Россия заняла Пендинский оазис. Он стал самой южной точкой государственной границы Российской империи. Переход жителей селений верховья

¹¹ Россия — Центральная Азия. Отношения в военной области: история и современность. С. 104–105; Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.; СПб., 2015. С. 98. В ходе сражения в российском отряде было убито 11 человек и ранено 31. Афганцы потеряли более 500 человек убитыми.

¹² Давлетов Дж., Ильясов А. Указ. соч. С. 247.

Мургаба в русское подданство был закреплен в подписанном 10 сентября 1885 г. в Лондоне англо-русском договоре. Однако попытки дестабилизировать обстановку на юге Туркменистана не прекратились. Поэтому Военное министерство и администрация Туркестанского края стали добиваться строительства железнодорожного пути вглубь Средней Азии. 2 июня 1886 г. рельсовый путь пришел в Мерв. Затем, по стратегическим соображениям, строительство было продолжено в сторону Бухарского эмирата, и постепенно рельсы удалились от границы с Афганистаном. Но военная опасность в этом районе сохранялась. Долина Мургаба и Гератская провинция Афганистана рассматривались как наиболее сложный театр военных действий. Дело в том, что англичане и афганцы могли в любой момент направить к границе 154 тыс. солдат и офицеров. В частях русской армии, расквартированных в Средней Азии, было лишь 47 тыс. человек и из них в Закаспийской области 19 тыс.¹³ Границу же с Афганистаном охраняло несколько сотен казаков и в единственном укреплении на этом направлении — Кушкинском посту находились три пехотные роты, полторы сотни казаков и артиллерийская батарея. В случае конфликта на границе российским войскам пришлось бы преодолевать 300 верст тяжелого пути на верблюдах. При этом войска Закаспийской области могли сосредоточиться на границе только на 22-й день с начала мобилизации, а первое подкрепление к ним могло подоспеть лишь на 114-й день. Серьезной была и проблема дальнейшего снабжения войск, так как основные продовольственные склады находились в Мерве, а склады боеприпасов, инженерного имущества и медикаментов — в Ашхабаде¹⁴.

В начале 1890-х гг. возросло количество нападений на служащих и сооружения Закаспийской железной дороги. Новый начальник Закаспийской области генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин доносил в Петербург, что смелость бандитов возросла после объезда в 1891 г. пограничных территорий английскими офицерами Стюартом и Пикоком. Они обучали и вооружали беглых туркмен, переправляли их в тыл русских войск, старались спровоцировать пограничные инциденты.

Поэтому в 1894 г. одновременно от станций Мерв и Теджен возобновились изыскания лучшего направления строительства железной дороги к афганской границе. Путь от Мерва был длиннее на

¹³ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 1425. Оп. 2. Д. 5. Л. 12–13.

¹⁴ Там же. Л. 10 об., 15, 23.

Кушка. Начало XX в.

65 верст, но зато обеспечен почти на всем протяжении водой реки Мургаб, что имело принципиальное значение для строительных работ в условиях Средней Азии. Климат и природные условия не благоприятствовали строителям. Наиболее эффективно строить дорогу можно было только весной и осенью. В жаркое засушливое лето температура поднималась до $+50\text{ }^{\circ}\text{C}$. Равнинная, преимущественно пустынная местность у Мерва и в верховьях Мургаба, минуя относительно плодородные земли вдоль реки с обилием трав и саксауловых кустов (прекрасного топлива и верблюжьего корма), постепенно переходила в плоскогорье, конечный пункт Кушка находился на отметке 645,4 м над уровнем моря.

26 августа 1896 г. Николай II повелел начать строительство Мургабской линии. Военное министерство направило на стройку лучших своих военных инженеров. Заведующим стройкой Мургабской ветви стал полковник Николай Александрович Ульянин. Вехами в его биографии была учеба в Николаевской инженерной академии, участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., строительство Ковенской крепости. В боевых действиях против турецких войск Ульянин сражался под Плевной, на Шипкинском перевале и у деревни Шейново, отличился при штурме Херманклы и в колонне героя войны генерал-лейтенанта М.Д. Скобелева прошел путь от Казанлыка до Адрианополя. За отличие в боях награжден несколькими боевыми орденами. Да и в последующие годы начальники Ульянина отмечали его трудолюбие, добросовестное отно-

шение к делу. Так, за успешное производство работ по сооружению крепости в Ковно ему было выдано солидное денежное вознаграждение. Здесь же, в Ковно, Ульянин познакомился с Владимиром Андреевичем Болотовым, капитаном, производителем работ в Ковенской крепости, также выпускником Николаевской инженерной академии. Видимо, по инициативе Ульянина Болотов в марте 1897 г. был командирован на строительство Мургабской ветки и возглавил 2-ю дистанцию, а вскоре стал помощником заведующего стройкой и начальником технического отделения.

На строительство ветки были направлены специалисты, уже имевшие опыт сооружения Закаспийской железнодорожной магистрали. Здесь прежде всего следует назвать Ивана Ивановича Шевалье-де-ла-Серра. Он также участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., служил начальником Тифлисской инженерной дистанции, в Карском крепостном инженерном управлении, был делопроизводителем по строительной части в Закаспийском областном инженерном управлении. Имел множество русских и иностранных наград. С 5 августа 1897 г. стал техническим инспектором по постройке Мургабской ветки.

Следует также упомянуть Владимира Константиновича Фельдта, сразу после окончания Николаевской инженерной академии получившего приказ о зачислении в Закаспийскую саперную роту. Вместе с воинами-железнодорожниками он находился на самых трудных участках сооружения магистрали и, пожалуй, из всех перечисленных выше офицеров обладал наибольшим опытом строительства в специфических условиях Туркестанского края.

Примечательна дальнейшая судьба этих инженеров. Н.А. Ульянин стал начальником Средне-Азиатской железной дороги, В.А. Болотов был представителем Военного министерства в управлении этой дороги, затем служил в Главном военно-техническом управлении Военного министерства. И.И. Шевалье-де-ла-Серр закончил свой жизненный путь генерал-лейтенантом, начальником инженеров Одесского военного округа. В.К. Фельдт был заведующим строительством, а затем начальником Ковель-Владимир-Волынской железной дороги. В годы Первой мировой войны в чине генерал-майора служил начальником военно-эксплуатационного отдела штаба армий Юго-Западного фронта.

18 сентября 1896 г. начальник Главного штаба Военного министерства генерал от инфантерии Н.Н. Обручев утвердил Инструкцию по постройке Мургабской ветви Закаспийской военной железной до-

Николай
Николаевич
Обручев

роги. Общее руководство строительством осуществляли военный министр и командующий войсками Закаспийской области. Последнему подчинялся заведующий стройкой, который наблюдал за ходом строительства и персонально отвечал за то, чтобы оно велось в соответствии с утвержденными чертежами, схемами, сметами, договорами и из качественных материалов.

Финансировалось строительство по смете Главного штаба Военного министерства. Конкретные решения по стоимости работ принимались Военным советом Закаспийской области по запискам-представлениям заведующего стройкой. Общая стоимость всех строительных работ была определена в 8 718 931 руб.¹⁵ В качестве льгот можно указать бесплатную перевозку к месту строительства рабочих и служащих и уменьшение тарифов на перевозку грузов для Мургабской ветви.

При заведующем стройкой был образован исполнительный орган — Управление по постройке Мургабской ветви. Оно состояло из канцелярии, технического отделения, начальник которого являлся одновременно помощником заведующего стройкой, бухгалтерии. В составе управления числились счетоводы, конторщики, делопроизводители, писари, чертежники, ответственные артельщики и т.д. Всего в управлении, которое размещалось в Мерве, работало 67 человек. Был также создан Хозяйственный комитет. Он имел право самостоятельно принимать решения о заготовках на сумму не свыше 25 тыс. руб. и отвечал за доставку необходимых

¹⁵ Там же. Ф. 1423. Оп. 1. Д.1. Л. 131.

материалов, назначал и проводил торги для ведения работ подрядным способом¹⁶.

Согласно техническим условиям строительства пропускная способность будущей линии определялась в 6 пар поездов, двигающихся со скоростью 25 верст в час. В военное время предусматривалось пропускать 8 пар поездов. Длина состава была определена в 38 вагонов летом и 35 зимой при двух паровозах. Отсюда рассчитывалась длина станционных и запасных путей. На конечных станциях Мерв и Кушка она составляла соответственно 3 и 3,7 версты¹⁷. Длина главного пути составила 295 верст. С учетом станционных и запасных путей, а также путей на разъездах предстояло уложить 315,5 версты пути. Отчуждение земель под строительство проводилось из расчета 12,5 сажени в каждую сторону от полотна, за исключением станций, где отчуждение земли проводилось по мере надобности. 2 декабря 1899 г. военный министр генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин обратился в Государственный совет с прошением о дополнительном изъятии для Мургабской линии из казенного и частного владения 257 десятин земли, в том числе для усиления ее пропускной способности и строительства дополнительно 14 разъездов. После положительного заключения Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета Николай II утвердил прошение военного министра¹⁸.

В целях удешевления строительства Мургабской ветви было решено сооружать станции только через 50 верст. Предполагалось построить следующие станции 4-го и 3-го классов: Каптерхана, Султан-Бенд, Имам-Баба, Сары-Язы, Таш-Кипри, Калла-и-Мор, Кушка. На станции Сары-Язы сооружались главное депо, малые мастерские и поворотный круг. На станции Кушка — оборотное депо с паровозным зданием на два паровоза с поворотным кругом. На этих станциях предполагалось иметь низкие пассажирские платформы. Станции Мерв, Таш-Кипри и Кушка оборудовались также высокими военными платформами. Самые крупные пассажирские здания строились в Сары-Язы и Кушке. Пассажирские здания, депо, другие станционные сооружения имели характерные для Средней Азии черты традиционной архитектуры, строились из жженого кирпича и покрывались железом. Строи-

¹⁶ Там же. Л. 142–142 об.

¹⁷ Там же. Л. 159–160.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1151. Оп. 13. Д. 13. Л. 2–11.

ство их велось по индивидуальным проектам. На всех станциях возводились нефтехранилища, так как предполагалось использовать паровозы с нефтяным отоплением. Для начала эксплуатации на линию нужно было доставить 20 паровозов, 240 простых товарных вагонов грузоподъемностью 750 пудов каждый и 97 платформ (800 пудов каждая), а также 10 пассажирских вагонов 2-го и 3-го классов и 49 цистерн для перевозки нефти¹⁹.

Все земляные работы по трассе велись с учетом устройства в будущем двухпутной линии. Однако для удешевления строительства и скорейшего ввода дороги в эксплуатацию первоначально укладывался лишь один главный путь, 13 верст станционных путей и 7 верст путей на разъездах. Мосты строились деревянными, в расчете на один путь. Из этого исходили при возведении путепроводов, дамб, переездов и т.п. В технических условиях по сооружению линии было сказано: «Общее число различного рода станционных построек должно быть ограничено пределами крайней необходимости»²⁰.

В цепях обеспечения безопасности движения радиус кривых на главном пути составлял не менее 420 м, а в особо трудных условиях рельефа местности — не менее 630 м. Станции сооружались только на прямых участках дороги. В местах, подверженных снежным или песчаным заносам, значительно увеличивалась ширина отчужденной полосы. Вдоль насыпей устраивались канавы для отвода водных потоков, образующихся в весеннее время из-за таяния снегов в горах. Все станции должны были обеспечиваться доброкачественной водой, иметь необходимое количество противопожарных устройств. При строительстве учитывалась и возможность землетрясений. На каждой станции и на перегонах на расстоянии 13 верст устраивались казармы для рабочих по ремонту пути. Они были оборудованы телеграфной связью. Через каждые 6,5 версты строились сторожевые дома для охраны железной дороги.

Весной 1897 г. Хозяйственный комитет объявил первые торги на 1-й дистанции пути (47 верст). Однако желающих взять подряд на ведение земляных работ не оказалось, и Военно-областной совет Закаспийской области разрешил вести работы хозяйственным способом. Управление по постройке само нанимало рабочих и закупало материалы. Фактически провалились торги и по 2-й дистанции. Был заключен

¹⁹ РГВИА. Ф. 1423. Оп. 1. Д. 1. Л. 161–161 об.

²⁰ Там же.

договор с купцом из Мерва С. Сарухановым, подавшим заявку на участие в этих торгах. Дело в том, что условием торгов было требование залога в несколько десятков тысяч рублей. Подрядчиков же с такими капиталами в области были единицы. Когда провалились торги по 3-й и 4-й дистанциям, Военный совет принял решение новых торгов не проводить и вести строительство хозяйственным способом. В решении Совета подчеркивалось: «При таких условиях временем, необходимым для успешности работ, надо дорожить, а не расточать его на повторение торгов, когда от них, как выяснилось в заседании Совета, не ожидается благоприятных результатов». Было признано, что ущерб от потери времени на торги слишком велик, а громадную выгоду «мы приобретаем с более ранним окончанием постройки Мургабской ветви»²¹.

Для проведения торгов на 4-й дистанции были даны объявления в петербургских и московских газетах, а также в газетах «Кавказ» и «Закаспийское обозрение». В результате пришлось заключить договор с шушинским купцом Н. Тер-Микиртичевым при значительно повышенных расценках на земельные работы. С тифлисским гражданином С.Г. Меликовым был заключен договор на строительство пассажирского здания в Ашхабаде²².

Тяжелые климатические условия, более твердый грунт, чем показали первые исследования, болезни нередко приводили к отказам рабочих от работ. По докладным запискам заведующего стройкой Военному совету приходилось повышать расценки, что вызывало неудовлетворение контролировавших финансовую сторону строительства чинов Государственного контроля. На земляных работах было задействовано до 5 тыс. человек, в основном местных жителей, в том числе русских, бухарцев, персов и др. Численность русских рабочих в разное время составляла от 27 до 45%. Рельсы укладывали военнослужащие двух железнодорожных рот. Использовались стальные рельсы преимущественно Путиловского завода и доставленные с Поволжья сосновые шпалы, со сроком службы в 6 лет. Шпалы быстро портились от испепеляющей жары. Попытки пропитать их соляным раствором, нефтью или хлористым цинком положительных результатов не давали и для предохранения от растрескивания их просто укрывали балластом. На песчаных участках вместо балласта полотно обсыпали глиной, причем откосы даже неоднократно. В горных районах применялись полунасыпи и по-

²¹ Там же. Д. 5. Л. 170 об., 173, 174. Ф. 1425. Оп. 2. Д. 4. Л. 8.

²² Там же. Ф. 1428. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–3.

лывьемки. Об обстановке, в которой шло сооружение дороги, свидетельствует телеграмма из Главного штаба руководству Закаспийской области от 19 ноября 1898 г. В ней рекомендовалось снабдить все русское население края оружием и организовать охрану городов и селений. Для охраны транспортной инфраструктуры направлялись два батальона Геок-Текинского пехотного полка, батальон Кушкинского пехотного полка, три сотни пограничной стражи. Готовился план мобилизации, для перевозки сухарей и воды у местного населения закупались бурдюки и верблюды²³.

Весь путь был построен за 1 год, 1 месяц и 19 дней. Скорость укладки составляла от 1 до 2,5 версты в день. Все путевые работы были завершены 4 декабря 1898 г. Тогда же Комитет министров решил выделить дополнительные средства на усиление пропускной способности дороги. Началась замена деревянных мостов на каменные. На отдельных участках были уложены рельсы тяжелого типа. Несмотря на все, построенная дорога оказалась самой дешевой из всех ранее сооруженных в Азиатской части России. Мургабская ветка была окончательно введена в эксплуатацию в 1900 г. и дала жизнь многим новым поселкам в этом южном районе.

В правительственных кругах России Мургабская линия неоднократно рассматривалась в контексте соединения европейских железных дорог с индийскими. Варианты предлагались разные: от Кушки через афганский Герат до Кветты (ныне город, административный центр пакистанской провинции Белуджистан) или от Кушки через иранскую провинцию Хорасан к побережью Индийского океана²⁴. Рассмотрев в 1911 г. варианты индо-европейского транзитного пути через территорию России, Совет министров решил, что он не должен повлечь какой-либо ущерб «для русского государственного казначейства»²⁵. Проект так и не был осуществлен.

Новая страница в истории Мургабской линии открылась с пребыванием советских войск в Афганистане, в связи с внутренним конфликтом в этой стране в 70–80-х гг. прошлого века. Для обеспечения армии военной техникой, боеприпасами, продовольствием потребовалось значительно усилить путь и подвижной состав. Деревянные шпалы были заменены на железобетонные, удлинены пути на станциях и разъездах,

²³ Там же. Ф. 1425. Оп. 2. Д. 1. Л. 9, 11; Д. 8. Л. 1, 34.

²⁴ РГИА. Ф. 274. Оп. 2. Д. 1226. Л. 5 об. — 7.

²⁵ Там же. Л. 21.

а стрелки переведены на электрическую централизацию²⁶. С распадом СССР дорога снова пришла в упадок.

Сегодня интерес к этой линии проявляет Китай в связи с возрождением проекта «Великий шелковый путь». Линия может стать одним из звеньев крупной железнодорожной магистрали, которой предполагается соединить западные районы Китая через Афганистан или Иран с пакистанским портом Гвадар в Индийском океане. Участие России в этом проекте еще раз подтвердило бы прозорливость тех, кто построил Мургабскую железную дорогу в конце XIX в.

---

²⁶ Гудок. 1993. 13 августа.

Ключевые слова:

Закаспийская железная дорога, Кушка, Мерв, р. Мургаб, Пендинский оазис.

Alexander S. Senin

THE ROAD TO KUSHKA

fter the 1880–1881 Campaign, carried out by General M.D. Skobelev, and the annexation of Merv, Russia occupied the Pendinsky oasis in 1885, which became the southernmost point on the borders of the Russian Empire. To secure this territory, the Military Ministry and the Administration of Turkestan called for a railroad system to be built, penetrating Central Asia. In 1886, the Transcaspian Railroad reached Merv and moved on to Samarkand.

Yet the Murgab River valley and the Great Province of Afghanistan were seen as the most complicated potential theatre of war. The article examines the construction of the southernmost Russian railroad system — from Merv to the Kushka Fortress on the Afghan border. Despite the difficult natural obstacles and climate, the Murgab Railroad was successfully built by the Russian military engineers in 1897–1898, being financed by the General Staff of the Ministry of War. The construction cost 8 718 931 rubles.

Key words: the Transcaspian Railroad, Kushka, Merv, the River Murgab, the Pendinsky Oasis.

Alexander Senin — full professor, Department of History of State and Social Institutions in the History and Archive Institute of the Russian State Humanitarian University.

Сенин Александр Сергеевич

доктор исторических наук, профессор кафедры истории
государственных учреждений и общественных организаций
Историко-архивного института РГГУ

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.33.008

Т.А. Матасова

ВЛИЯНИЕ ИЛИ МОЛЧАНИЕ?

Еще раз о роли Софьи Палеолог при дворе Ивана III и степени ее участия в привлечении итальянских мастеров в Москву¹

равнительно недавно на страницах журнала «Исторический вестник» была опубликована статья М.Г. Ракитиной и Л.В. Соловьевой², в которой авторы подвергли довольно резкой критике одно из положений моей книги о Софье Палеолог³, которое мне неоднократно приходилось не только обсуждать в сугубо научных кругах, но и транслировать в рамках научно-популярных лекций и просветительских передач. Речь идет о том, что я, по мнению авторов, несправедливо преуменьшаю степень участия

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19–18–00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

² Ракитина М.Г., Соловьева Л.В. К вопросу об участии Софьи Палеолог в приглашении итальянских архитекторов для перестройки Московского Кремля // Исторический вестник. Т. 28 (175). 2019. Август. С. 28–39.

³ Матасова Т.А. Софья Палеолог. М., 2016 (2-е изд. — 2017). Рец.: Garzaniti M. Da Roma a Mosca. Sofia Paleologa e i Greci in Russia fra la fine medioevo e l'iniziodell'epocamoderna. A proposito della recente biografia di T. Matasova (Mosca 2016) // Studi Slavistici. 2018. Vol. XV. P. 219–226; Акopyян О. Tatiana Matasova, Sophia Palaiologina (Софья Палеолог) (Moscow: Molodaya gvardiya, 2017) [Book review] // Renaissance studies. 2019. Vol. 33. No 2. P. 326–327.

второй супруги Ивана III в деле привлечения итальянских архитекторов в Москву.

В данном материале мне бы не хотелось подробно разбирать допущенные авторами ошибки⁴ и их весьма натянутые⁵ и подчас откровенно архаичные⁶ построения, которые они себе позволяют на страницах

⁴ Например, русские летописи не следует называть «хрониками» (см.: *Ракитина М.Г., Соловьева Л.В.* Указ. соч. С. 36). Двуглавый орел не был (!) «личным гербом семьи Палеологов» (Там же. С. 38). См. об этом: *Агоштон М.* Велюкнкняжеская печать 1497 г.: К истории формирования русской государственной символикн. М., 2005. С. 410–412; *Соловьев А.В.* Геральдические эмблемы Византии и славяне // *Signum.* 2009. № 4. С. 181–182. Странным выглядит и то, что авторы, говоря об интенциях кардинала Виссариона в отношении воспитания детей Фомы Палеолога, ссылаются на глухое свидетельство из книги П. Пирлинга (не только искушенного знатока отношений России и папства, но и глубоко тенденциозного исследователя) о «программе занятий», разработанной для них. Гораздо эффектнее было бы сослаться на русский перевод упомянутого П. Пирлингом документа — письма Виссариона, где он размышляет о принципах воспитания наследников Фомы. См.: *Шичалин Ю.А.* Виссарион. Письма VI–VIII (PG CLXI Migne) // *Ренессанс: Образ и место Возрождения в истории культуры.* М., 1987. С. 73–76.

⁵ Примечательно, с какой уверенностью авторы сообщают подробности об образовании князя Константина Мангупского (будущего прп. Кассиана Учемского) (*Ракитина М.Г., Соловьева Л.В.* Указ. соч. С. 32), тогда как самые ранние сведения о нем относятся к середине XVI или даже к XVII в. (в зависимости от того, какую датировку ранней редакции его жития признать истинной, см. об этом: *Сосновцева Е.Г.* Житие Паисия Угличского: Исследование и тексты. М., 2020. С. 30–50; *Матасова Т.А.* Прп. Кассиан Учемский — грек из окружения Софьи Палеолог и чудотворец «от Итальянских стран»: К истории церковного почитания святого в XVI–XIX вв. // *История и культура Ростовской земли. Материалы XXIX научной конференции.* Ростов, 2020. С. 43–44. Сн. 5). Даже эти поздние свидетельства источников крайне скупо говорят о ранней биографии Кассиана. Вовсе не отрицая историчность прп. Кассиана и его вклад в развитие русской духовности, я вынуждена отметить, что в настоящий момент науке практически ничего не известно о греческом периоде жизни прп. Кассиана. Более того, можно сказать с уверенностью, что даже на рубеже XVII–XVIII вв. в монастыре не было обширной библиотеки. Этот факт примечателен: обители, основанные монахами-интеллектуалами (прп. Сергием Радонежским, прп. Кириллом Белозерским и мн. др.), скоро превращались в серьезные центры книжности. А Кассианова пустынь книжным центром не была (что, разумеется, не означает отсутствия у насельников живой веры). См. подробно: *Матасова Т.А.* Монастырь и мир: Кассианова Учемская пустынь во времена Петра Великого (исследование материалов рукописи Тихонр. № 234) // *Источники по истории русского Средневековья и Нового времени / Отв. ред. А.А. Горский.* Вып. 1. М., 2020. В печати.

⁶ Так, представление о том, что мастер (архитектор, художник, музыкант) второй половины XV в. был при дворе ренессансных государей «самостоятельной самоценной личностью», был «вхож в окружение венценосной особы не как слуга, а как почти равноправный собеседник и советчик» (*Ракитина М.Г., Соловьева Л.В.* Указ. соч. С. 30), более чем устарело. Дело в том, что выделение представителей творческих специальностей как личностей особого рода из общей массы ремесленников в XV в. даже в Италии лишь начиналось. Более того, нередко имел место острый конфликт

серьезного издания. Тем не менее мне кажется, что для развития науки будет полезно, если я, не пересказывая то многое, что написано на эту тему в моей книге, еще раз уточню свою позицию по вопросу о степени вовлеченности Софьи в процесс приглашения мастеров. Целесообразным представляется встроить размышления на эту важную тему в более широкий контекст. Проблема участия (или *не-участия*) Софьи в приглашении «фряжских» мастеров связана как с вопросом о степени ее влияния при московском дворе в целом (и с трансформациями восприятия положения великой княгини на протяжении веков), так и с теми установками, которые ей прививались греко-итальянской культурой еще до свадьбы.

В современных исследованиях о Софье очень важно разделить три сюжета: 1) свидетельства о реальных действиях Софьи (весьма немногочисленные); 2) те изменения при московском дворе, которые связывали с ее присутствием современники; 3) то, что позднее было приписано ей исследователями, склонными переносить матрицы современного мышления и поведения на ту далекую эпоху.

Несомненно, фигура Софьи была глубоко символична и для современников, и для потомков, и для ученых. В их сознании она стала знаком очень существенных изменений в Москве времен Ивана III. Полагаю, не будет большим преувеличением мысль о том, что Софья была одним из важных *символов* той эпохи. Однако Софья едва ли была в числе главных инициаторов этих изменений.

Размышления о ее присутствии и поведении в Москве были важны для русских книжников и аристократов, особенно для тех, кто был недоволен политикой Ивана III. Недаром летописцы уничижительно называли ее «грекиней» и «римлянкой».

между мастером, уже вполне осознавшим себя творческой личностью, и заказчиком, видевшим в нем всего лишь высококвалифицированного ремесленника. Показательно, что в Италии выплаты мастерам во второй половине XV столетия по-прежнему рассчитывались в первую очередь исходя из цены материалов и затраченного времени, а не мастерства исполнения заказа. Этим объясняются сравнительно низкие цены на работу. См.: Головин В.П. Мир художника раннего итальянского Возрождения. М., 2003. С. 116–117. О болезненном процессе осознания заказчиками ценности творческого потенциала мастеров см.: Burke P. Culture and society in Renaissance Italy. 1420–1540. London, 1972. P. 79–80 и др.; The Renaissance in Europe: Courts, patrons and poets / Ed. D. Mateer. New-Haven, 2000. P. 125 и др.; Матасова Т.А. О статусе и правах итальянских архитекторов в России в последней четверти XV — первой половине XVI в. // Собирачество и меценатство в эпоху Возрождения. М., 2015. С. 57–70. Список примеров архаических построений М.Г. Ракитиной и Л.В. Соловьевой можно продолжить.

Ее присутствие было важно для греков, надеявшихся на то, что Иван III как «зять Фомы Палеолога» освободит от турок их родину. Но не сама Софья, а приехавшие с ней греки (в том числе «бояре»⁷ Софьи Палеолог Дмитрий и Юрий Траханиоты и их родственники) действительно участвовали в укреплении Русского государства: переводили на древнерусский язык античные трактаты⁸ и библейские тесты⁹, принимали участие в создании программных для российской монархии сочинений¹⁰ и делали многое другое во имя величия России.

Ее присутствие в Москве было важно и для итальянских мастеров, поскольку они видели в Софье воплощение живой связи знакомого им греко-итальянского мира с почти не известной им северо-восточной страной. Замечу здесь, что М.Г. Ракитину и Л.В. Соловьеву так ослепил «полюемический задор» (выражение Д.С. Лихачева), что они почему-то исходили из того, что я не признаю этого, и сделали этот тезис одним из главных выводов своей работы¹¹, тогда как именно эту мысль я неоднократно высказывала (и подчеркивала!) как на страницах своей книги¹², так и в просветительских выступлениях. Мне близко мнение прот. Георгия Флоровского о том, что *сам брак* Ивана III с Софьей «привел... к сближению Московии с итальянской современностью»¹³. И все же эта идея — о большой роли самого факта присутствия в Москве Софьи — вовсе не тождественна тому, что она своей деятельностью или умением убеждать сыграла большую роль в привлечении мастеров.

Несмотря на «категорическое несогласие»¹⁴ М.Г. Ракитиной и Л.В. Соловьевой, я вынуждена вновь подчеркнуть, что о знакомстве Софьи с Аристотелем Фиораванти нет ни прямых, ни однозначных косвенных свидетельств. Размышления авторов статьи о том, что «странно было бы, что кардинал Виссарион не рассказывал своим воспитанникам

⁷ Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1790. Ч. 13. С. 4.

⁸ Матасова Т.А. Античный географический трактат в Московской Руси: Первая книга «Географии» Помпония Мелы в древнерусском переводе // Средневековая Русь. М., 2016. Т. 12. С. 297–308.

⁹ Фонкич Б.Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. Греческие рукописи в России. М., 1977. С. 44 и др.

¹⁰ Плюханова М.Б. Кипение света: Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. СПб., 2017. С. 391–442.

¹¹ Ракитина М.Г., Соловьева Л.В. Указ. соч. С. 33, 39.

¹² Матасова Т.А. Софья Палеолог. С. 183, 209, 267–268.

¹³ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 58. См.: Матасова Т.А. Софья Палеолог. С. 202.

¹⁴ Ракитина М.Г., Соловьева Л.В. Указ. соч. С. 29.

о знаменитом болонском архитекторе»¹⁵, лишены серьезных оснований. Бесспорно, Аристотель Фиораванти был выдающейся фигурой (это подчеркивали уже первые биографы мастера — Микеланджело Гуаланди и Лука Бельтрами¹⁶). Не менее очевидно, что Виссарион — и в пору болонского, и в пору римского сотрудничества с Фиораванти — высоко его ценил. Но Рим на рубеже 1460–1470-х гг. был буквально переполнен выдающимися мастерами! Круг общения Виссариона был в десятки (сотни?) раз шире круга общения детей Фомы Палеолога. Виссарион действительно курировал воспитание Софьи и ее братьев, но никак не являлся их «воспитателем» в прямом смысле: он не проводил с ними дни напролет, рассказывая обо всем на свете... Почему же именно о Фиораванти Виссарион должен был как-то особенно рассказывать наследникам несуществующего византийского престола?

Едва ли аргументом здесь может стать то, что именно Фиораванти позже появился в Москве. Это, скорее, сам мастер — человек весьма образованный и интересовавшийся жизнью вокруг, не утративший связи

¹⁵ Там же. С. 32.

¹⁶ *Gualandi M.* Aristotele Fioravanti meccanico e ingegnere del secolo XV. Memoria letta nella tornata del 26 giugno 1870 della r. deputazione di storia patria per le provincie di Romagna. Bologna, 1870 [Estratto dagli Atti e Memorie della R. Deputazione di Storia patria. Anno IX]. *Beltrami L.* Aristotele da Bologna al servizio del duca di Milano (1458–1464). Milano, 1888; *Illud.* Vitadi Aristotele da Bologna. Bologna, 1912. С некоторыми важными документами и наблюдениями, которые М. Гуаланди и Л. Бельтрами приводят в своих исследованиях, русскоязычных читателей познакомил К.А. Хрептович-Бутенев (1848–1932) — представитель славного рода, сын дипломата Аполлинария Петровича Бутенева — российского посла в Ватикане при папах Григории XVI и Пии IX. Морской офицер К.А. Хрептович-Бутенев был видным интеллектуалом: он глубоко и вдумчиво изучал не только военное дело, но и русско-итальянские связи XV столетия; позже он сыграл роль в учреждении православного Свято-Сергиевского подворья в Париже. См.: *Хрептович-Бутенев К.А.* Аристотель Фиораванти, строитель Успенского собора // *Старая Москва*. Вып. 1–2. 1912–1914. М., 1993. С. 24–49. В 1930-е гг. материалы этой новаторской статьи бессовестно использовал без ссылок известный советский искусствовед В. Снегирев, на книгу которого неоднократно ссылаются М.Г. Ракитина и Л.В. Соловьева. (См.: *Снегирев В.* Аристотель Фиораванти и перестройка Московского Кремля. М., 1935; *Ракитина М.Г., Соловьева Л.В.* Указ. соч. С. 31, сн. 5; с. 36, сн. 13.) В своей работе В. Снегирев не ограничился лишь присвоением результатов чужого интеллектуального труда, а дополнил их совершенно неприемлемыми сегодня (но пользовавшимися успехом в 1930-е гг.) оценками. «Здесь, в культурно убогой стране, — писал В. Снегирев, — он [Аристотель Фиораванти. — Т. М.] должен был начать с азов строительного дела, обучать туземцев (*sic!*) <..> на каждом шагу должен был считаться с требованиями властей светских и духовных <..> преодолевать местную косность в разных проявлениях» (*Снегирев В.* Указ. соч. С. 96). Прискорбно, что М.Г. Ракитина и Л.В. Соловьева столь неразборчиво подошли к историографии.

с родной Болоньей, через которую проезжала Софья по дороге в Москву¹⁷ — знал о том, что ныне деспина (о которой как о «дочери Фомы Палеолога»¹⁸ говорили по всей Италии) замужем за Иваном III. Это могло стать одним из аргументов в пользу его решения служить великому князю. Но активной, «убеждающей» роли Софьи в привлечении Фиораванти все же не заметно. Разумеется, она могла рассказывать мужу об итальянской церковной и гражданской архитектуре, но она не сообщала ничего принципиально нового: о передовом итальянском зодчестве — искусстве «невиданном и неслыханном» — хорошо знали на Руси с 1439 г., ведь «памятники Флорентийского цикла» полны впечатлений от чудес итальянской архитектуры и инженерии. Особенно ярко это проявилось в анонимном «Хождении на Флорентийский собор»¹⁹ и в «Исхождении» Авраамия Суздальского, описавшего «чюдные» (чудесные) мистерии «Благовещение» и «Вознесение»²⁰. Русские участники собора были поражены и грандиозным куполом Филиппо Брунеллески над базиликой Санта Мария дель Фьоре, под которым был подписан акт о соединении церквей и который И.Е. Данилова справедливо назвала «архитектурной сенсацией века»²¹.

О размышлениях М.Г. Ракитиной и Л.В. Соловьевой о том, что «только после женитьбы на Софье в Москву стали приезжать целые артели итальянских специалистов <..> Странно было бы считать, что Софья не

¹⁷ Яркие известия об этом сообщает болонский историк конца XVI в. Керубино Гирардаччи. См.: *Ghirardacci C. Della historia di Bologna. Parte 3 / A cura di A. Sorbelli. Bologna, 1912. P. 212.* Гирардаччи в числе хронистов, повествующих и о некоторых деяниях Фиораванти. См.: *Ibid. P. 160–161.*

¹⁸ Именно так называют Софью большинство итальянских источников. Это означало, что ее образ был будто символическим продолжением образа ее отца, которого Виссарион сделал подлинным «лицом» антитурецкой борьбы (см. очень подробно: *Ronchey S. L'enigma di Piero. Milano, 2010.*)

¹⁹ Флоренцию автор называет «славным и прекрасным градом» (*Казакова Н.А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1970. Т. 25. С. 67.*) Неизвестный автор обращает внимание на многие архитектурные сооружения, поразившие его величественными размерами и искусным оформлением: «И есть во граде том божница устроена велика, камень морьмор бел, да черн; и у божницы той устроен столп и колоколница, тако же белы камень морьмор, а хитрости ея недоуметь ум наш» (Там же. С. 68). Произвели впечатление на него и крепостная стена, окружавшая город, и многие другие чудеса главного города Возрождения.

²⁰ *Прокофьев Н.И. Русские хождения XII–XV вв. (Приложение 2,3) // Литература Древней Руси и XVIII век. М., 1970. С. 254–264.*

²¹ *Данилова И.Е. Итальянский город XV века: Реальность, миф, образ. М., 2000. С. 93.*

имела к их приглашению никакого отношения»²², следует сказать особо. Многие ученые оказались в плену логической ошибки, емко выраженной в латинской фразе: *post hoc ergo propter hoc* («после этого значит вследствие этого»)»²³...

Данные источников и их интерпретации, существующие в мировой науке к настоящему времени, позволяют сделать вывод о том, что Софья едва ли была активно действующей фигурой. Попытки приписать ей деятельную инициативу, интенцию убеждения, которую она имела ресурс воплощать, говорят о попытке осовременить историю, приписать героям прошлого те качества, которые можно было бы ожидать в сходных обстоятельствах сегодня... Однако живя в XV в., Софья просто не могла быть источником бурной преобразовательной деятельности, ведь влияние женщин (и прямое, и косвенное) на государственные и социальные процессы не только не приветствовалось, но и намеренно ограничивалось, причем не только в России, но и в Италии и других европейских странах тех времен. В данном контексте примечательны слова французского политика и философа XVI в. Жана Бодена, который в одной из своих «Шести книг о государстве» заметил: «Что же касается сословия или категории женщин, я не буду на них останавливаться; я лишь полагаю, что сим подобает держаться в стороне от любых магистратур, руководящих постов, судов, народных собраний и советов и уделять все свое внимание единственно женским и домашним делам»²⁴.

В этом отношении большой интерес представляют основанные на глубоком знании источников наблюдения Дж. Гибсон, показавшей, что образование женщин ренессансной Италии, принципы которого были разработаны мужчинами, было направлено вовсе не на возможность их участия в государственных делах или общественных инициативах, а на решение ровно противоположной задачи²⁵. Речь идет о том, что гуманисты середины — второй половины XV столетия (как раз того времени, когда Софья жила в Риме!) были убеждены, что женщинам нужно давать образование главным образом для того, чтобы воспитывать

²² Ракитина М.Г., Соловьева Л.В. С. 32–33.

²³ См. подробно: Матасова Т.А. Софья Палеолог. С. 200–205.

²⁴ Цит. по: История женщин на Западе / Ред. Ж. Дюби и М. Перро. СПб., 2008. Т. 3. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. С. 183.

²⁵ Gibson J. Educating for Silence: Renaissance Women and the Language Arts // Hypatia. 1989. Vol. IV. No 1. The History of Women in Philosophy. P. 9.

в них послушание и целомудрие, тишину и покорность²⁶. Образование должно было способствовать утверждению пассивной роли женщин в обществе, тогда как активную роль должны были играть мужчины²⁷. Именно поэтому считалось, что женщинам нужно преподавать грамматику и не преподавать риторику²⁸. Если знание грамматики помогало, по мнению гуманистов, воспитывать детей (и в первую очередь мальчиков, будущих государственных мужей, чтобы они с ранних лет приучались к правильно построенным фразам)²⁹ и вести приятную светскую беседу, то знание риторики считалось для женщин излишним. Дело в том, что риторика, призванная убеждать собеседников, воспринималась не как отвлеченная дисциплина или способ увлечь легким рассказом, а как искусство, служившее практическим задачам государственной и общественной деятельности³⁰, до которой женщин целенаправленно старались не допустить³¹. Этим было обусловлено и то, что женщины больше всего изучали Священное Писание и патристику³², а с сочинениями античных языческих авторов как с образцами красноречия женщины знакомились весьма редуцированно, причем нередко в переводах и пересказах³³.

Вероятнее всего, из сходных установок исходил и Виссарион, размышляя в 1465 г. о том, как лучше построить образование детей Фомы Палеолога — человека, которого кардинал сделал подлинным символом противостояния туркам. Сохранившиеся размышления Виссариона, увы, не дают нам подробной картины того, какие именно произведения и в рамках каких дисциплин изучали наследники деспота Морей. Кардинал говорит в основном о том, как им надлежит себя вести в Риме, лишь упоминая, что при «принцах» должен быть не только врач, но и учителя греческого и латыни, а также переводчик и два католи-

²⁶ Ibid. P. 18.

²⁷ Ibid. P. 10.

²⁸ Ibid. P. 11, 12.

²⁹ Ibid. P. 15.

³⁰ Ibid. P. 12, 17.

³¹ Образование женщин даже не ставило целью их возможное участие в общественных делах, имело место убеждение, что женщины вообще не должны заниматься политикой. Ibid. P. 17, 19.

³² Ibid. P. 11.

³³ Конечно, известны и исключения. Так, Изабелла д'Эсте, Вероника Гамбара, Виктория Колонна, Чечилия Галлерани и некоторые другие женщины той поры писали стихи и были весьма утонченными дамами. Но они потому так ярко смотрятся, что были совершенно нетипичны для той эпохи! Где же стихи Софьи Палеолог?..

ческих священника³⁴. Но едва ли можно думать, что их образование мыслилось одинаковым: довольно сложно представить, чтобы юношей 10 и 12 лет (Андрей родился в 1453 г., а Мануил — в 1455 г.) и девушку 14–17 лет (если принять временем рождения Софьи рубеж 1440–1450-х гг.³⁵) учили одному и тому же, пусть даже это родные братья и сестра³⁶. Нельзя исключать и того, что под «детьми Фомы Палеолога» Виссарион понимал поначалу в первую очередь Андрея и Мануила («принцев», «царевичей»³⁷), а не Софью. Именно на мальчиков — вполне традиционно³⁸! — Виссарион изначально рассчитывал как на продолжателей рода Фомы Палеолога. Андрею в конечном счете перешел титул «константинопольского императора», и в этой символической роли он позже принимал участие в папских церемониях³⁹. На Софью же как на возможное звено в деле «спасения Византии» Виссарион обратил внимание, видимо, не сразу, а ближе к концу 1460-х гг., когда стало ясно, что на Андрея (и тем более на Мануила, в итоге принявшего ислам) в деле борьбы отвоевания Греции у турок рассчитывать не приходится, а иные инициативы кардинала в этом направлении также не имели большого успеха. Именно поэтому неверно полагать, что Виссарион изначально и целенаправленно воспитывал Софью как будущую влиятельную государственную деятельницу. Разумеется, кардинал, далеко не сразу приняв решение использовать в своем проекте и Софью, надеялся, что Софья станет *символом* борьбы за освобождение греческого народа и государства от османского ига, и в этом он не обманулся⁴⁰.

³⁴ Шичалин Ю.А. Указ. соч. С. 73–74.

³⁵ См. об этом: Матасова Т.А. Софья Палеолог. С. 13.

³⁶ Несмотря на то, что сам Фома Палеолог был человеком весьма образованным, общался с интеллектуалами Мистры, едва ли можно думать, что он — в условиях междоусобицы на Пелопоннесе и позже в изгнании — сумел организовать полноценное образование своих детей. Не случайно Виссарион в Риме ужасался их манерам и стремился научить «принцев» подобающе вести себя в обществе...

³⁷ Шичалин Ю.А. Указ. соч. С. 73.

³⁸ Примечательно в этом отношении, что придворный Фомы Палеолога Георгий Сфрандзи в своей «Хронике» называет точные даты рождения Андрея и Мануила (см.: Сфрандзи Г. Хроника / Предисл., пер. и прим. Е.Д. Джагацпанян // Кавказ и Византия. Ереван, 1987. Вып. 5. С. 222, 226), но не называет даже год рождения Софьи!

³⁹ См. об этом: *Vespignani G. Attorno al progetto di Crociata di Alessandro VI (1492–1503): Andrea Paleologo nell'affresco dell'appartamento Borgia del Palazzo Vaticano // Erytheia. 2007. Vol. 28. P. 99–112.*

⁴⁰ Здесь уместно вспомнить справедливое мнение М.Б. Плюхановой о том, что «все символические значения перемещения Софьи и ее брака, которыми, вероятно, намеревался снабдить его Виссарион, остались неясно выраженными и, соответственно, плохо услышанными [в Москве]». См.: Плюханова М.Б. Кипение света. С. 484.

Но он вовсе не ожидал, что Софья станет главным реальным проповедником этого: о государственных делах женщинам подобало молчать, а не говорить. Говорить они должны были или с другими женщинами, детьми и слугами, или вести непринужденную беседу, услаждая собеседника⁴¹.

Таким образом, по-видимому, Софья получила вполне хорошее образование⁴², но направлено оно было вовсе не на пробуждение в ней активной общественной или государственной позиции, а на противоположные вещи. Ее вероятное знакомство с грамматикой, Писанием и творениями Отцов Церкви должно было сформировать ее как приятную собеседницу, послушную жену и заботливую мать.

Все эти роли Софья успешно играла в Москве. Именно умение вести ласковую беседу она демонстрировала, когда принимала иноземных послов: Амброджо Контарини в 1476 г. и Юрия Делятора (Георга фон Турна)⁴³ в 1490 г. По удивительно точному наблюдению Контарини — деспина обратилась к нему с «добрыми и учтивыми речами, какие только могли быть сказаны»⁴⁴: ровно так, как ее учили в Риме! Со стратегически же важными государственными задачами справлялись дипломаты Ивана III (в числе которых были и греки из окружения Софьи). Свидетельства о том, что ей преподнесли «птицу папагал да сукно серо»⁴⁵, плохо соотносятся с представлениями, что она была важным звеном в решении важных государственных задач (в том числе о найме мастеров). Отметим, что сохранились известия о том, что говорила

⁴¹ Gibson J. Op. cit. P. 18–19.

⁴² Преувеличивать его значение, впрочем, не стоит. См. подробно: Матасова Т.А. Софья Палеолог. С. 135–136, 267.

⁴³ Об этом итальянце на имперской службе см.: Corti M. «Delator» o Von Turn? // Slavia. 2018. № 2. P. 73–86.

⁴⁴ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 230. Именно так и должны были — по замыслу гуманистов — идеологов женского образования — восприниматься «любезные речи» женщин-аристократок при дворах в Италии. Своими речами женщины должны были *услаждать, а не убеждать*. См.: Gibson J. Op. cit. P. 19–20.

⁴⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1. Стб. 30. Юрий Делятор, прибывший в Москву от «короля римского» Максимилиана в 1490 г., говорил в том числе о возможности брака посланного его правителя с одной из дочерей Ивана III и Софьи. Этот вопрос вполне органично входил в круг семейных забот великой княгини. Попугай же был знаком почтения Максимилиана возможной теще. См.: Матасова Т.А. Попугай в Москве в 1490 году // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. М., 2019. С. 126–130.

лишь с теми послами, которые говорили по-итальянски, то есть были ей близки в культурном смысле.

Если бы Софья постоянно принимала участие в политике как реально действующая фигура, она бы принимала и других послов, но известий такого рода нет. Если бы ее деятельная, а не символическая роль в придворном церемониале была существенна, если бы она регулярно излагала свои суждения и к ее мнению прислушивались, ее имя куда чаще бы мелькало при описании официальных мероприятий. Если бы Софья была действительно причастна к приглашению Фиораванти, то ее имя, вероятно, тоже было бы упомянуто в знаменитом пространном известии из Московского свода конца XV в. о «свершении» Успенского собора, но там фигурируют лишь имена Ивана III, митрополита Геронтия и Аристотеля Фиораванти⁴⁶. Если бы современники связывали приглашение мастера с Софьей, то придворный летописец (кажется, самый лояльный к Софье из всех книжников того времени!) мог бы отметить и роль княгини.

Таким образом, Софья действительно *иногда* (а вовсе не «активно»⁴⁷, как утверждают М.Г. Ракитина и Л.В. Соловьева) принимала участие в придворных церемониях. Ее имя порой действительно присутствовало в ритуальных формулировках в некоторых (далеко не во всех!) дипломатических документах. Речь идет в первую очередь о сношениях с Литвой в середине — второй половине 1490-х гг. и в первые годы XVI в. «Протокольное» упоминание имени Софьи после имени Ивана III там было нужно символически, для придания большей весомости этим текстам. К тому же она лишь формально передавала «от себя» поклоны и дары⁴⁸.

Сохранилось три письма от имени Софьи к дочери Елене Ивановне, ставшей женой великого князя литовского Александра⁴⁹. Но все эти источники представляют собой документы официального делопроизводства, продукты великокняжеской канцелярии, и не являются свидетельствами реального участия Софьи в литовском направлении политики Ивана III⁵⁰. Особняком стоит, впрочем, ее письмо от 15 октября

⁴⁶ Полное собрание русских летописей. М., 2001. Т. 25. С. 232–324.

⁴⁷ Ракитина М.Г., Соловьева Л.В. Указ. соч. С. 35.

⁴⁸ Сборник Императорского Российского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С.181, 201, 205, 220, 235, 236, 237, 239–242, 244, 250, 253, 274, 276, 279–280, 292, 294.

⁴⁹ Там же. Стб. 241, 276, 279–280.

⁵⁰ Думается, что ее имя включено в эти документы, поскольку речь шла об отношениях с Еленой Ивановной, то есть с дочерью Ивана и Софьи.

1497 г.: оно переполнено личными подробностями, его текст переносит в мир женских разговоров матери и дочери: «Да сказывали твои робята Семичовы, что, дал Бог, ты беременна; и аз к тебе приказывала с теми же с твоими робята, чтобы ты еси ко мне о том отписала... и ты бы нынеча ко мне о том отписала: беременна ли еси, и какъ свое время чаешь, о которых днеш?»⁵¹ Едва ли такой вопрос может свидетельствовать о большой роли Софьи в придворной и тем более политической жизни.

Словом, значение деятельности Софьи при московском дворе не стоит преувеличивать. По справедливому мнению В.Д. Назарова, Софья большую часть жизни в Москве была беременна, и «подобный ритм семейной жизни серьезно ограничивал возможности активного участия Софьи в политической или даже в придворной жизни»⁵².

Большое символическое значение имели и реликвии, привезенные Софьей в Москву⁵³. М.Г. Ракитина и Л.В. Соловьева справедливо ссылаются на исследования Д.А. Петрова, разумно предположившего, что изображение двуглавого орла на Боровицкой башне 1491 г. могло быть вдохновлено изображениями двуглавых орлов на некоторых вещах из приданого Софьи. Но можно ли утверждать, что она сама их подбирала для поездки в Москву? Скорее всего, набор реликвий был продуман Виссарионом. Хотя, конечно, Софья наверняка рассказывала об этих реликвиях то, чего в Москве могли и не знать.

Все это говорит о том, что роль Софьи при московском дворе долгое время (по крайней мере, до конца 1490-х гг., когда она действительно была втянута в острое придворное противостояние) была не слишком велика. Она присутствовала как важный символ (причем для разных придворных групп — свой), но не занимала активной позиции, не убеждала. Она больше молчала, чем говорила⁵⁴. Именно поэтому ее голос

⁵¹ Там же. С. 241.

⁵² Назаров В.Д. Палеолог Софья // Большая Российская энциклопедия. М., 2014. Т. 25. С. 126.

⁵³ Византийские древности: Произведения искусства IV–XV вв. в собрании Музеев Московского Кремля. М., 2013. С. 27–29, 207–209, 294–297, 185–189, 340–346. Среди реликвий могла быть частица Креста Господня (Плюханова М.Б. Образ символического перемещения церкви в Италии и России в XV в. // Царский храм: Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры. М., 2008. С. 378–380, 385.

⁵⁴ Нельзя не вспомнить здесь в высшей степени справедливые слова М.Б. Плюхановой о том, что Софья «кажется в русской истории персонажем *безмолвным* [курсив мой. — Т. М.], не освоившимся...». См.: Плюханова М.Б. Образ символического перемещения церкви... С. 378.

не был одним из главных в деле привлечения итальянских мастеров, ведь Иван III и сам знал, где их найти⁵⁵. Другое дело, что уже в ходе подготовки брака Ивана III и Софьи связи с Италией действительно заметно участились. Но и здесь активная роль Софьи не заметна: ведь это не Софья сама устраивала свою судьбу. В отличие от современных невест, полностью поглощенных организацией своего замужества, Софья была лишь «объектом» в политических построениях Виссариона и Ивана III.

Незначительное до рубежа XV–XVI вв. реальное влияние Софьи при московском дворе не означало, что русские придворные о Софье не говорили, не обсуждали ее присутствие рядом с великим князем, круг ее приближенных и их культуру. Напротив, с ней многое связывали, ведь для сознания людей того времени было характерно персонифицировать явления действительности. Софья — представительница *другой* культуры, *другого* мира, после приезда которой «наша земля замешалась и пришли нестроения великие»⁵⁶ — как нельзя лучше подходила на эту символическую роль. Именно поэтому С. Герберштейн, опираясь на московских информаторов, отметил, что «Софья была очень хитра, и по ее наущению князь делал многое»⁵⁷.

На современном этапе развития исторической науки целесообразно разграничивать символизм и реальные интенции и действия (или бездействие) героев прошлого. Стоит осознавать разницу между символическим содержанием их образов, которым их наделяли современники и потомки, и их личной ролью в истории. Казус Софьи Палеолог — отличный пример демонстрации значимости подобного разделения.

⁵⁵ В.И. Савва еще до революции писал об этом: «Нельзя не заметить, что этот государь (Иван III. — Т. М.) был выдающимся политиком, что его крупные политические дела не представляются следствием только влияния на него Софьи; поэтому следует осторожно относиться к показаниям некоторых современников и близких к ним по времени свидетелям, широко, но не всегда определенно рисуя сферу влияния Софьи на ее супруга. В противном случае силуэт Софьи затемнит облик наиболее выдающегося политика из племени Калиты». См.: *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 57. Жалко, что М.Г. Ракитина и Л.В. Соловьева игнорируют мнение этого видного исследователя, утверждая, что «историки XIX в. начиная с Карамзина пытались приписать византийской принцессе чуть ли не ключевую роль в резком смене курса Ивана III...» и лишь «в последнее время наблюдается противоположная тенденция». См.: *Ракитина М.Г., Соловьева Л.В.* Указ. соч. С. 28.

⁵⁶ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1. С. 142.

⁵⁷ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 71.

Мне кажется, что размышления об этих тонких материях полезны не только в пространстве сугубо научного диалога, но и могут послужить делу модернизации просветительских мероприятий, которые призваны не воспроизводить во многом устаревшие, но «простые» и «удобные» схемы, а знакомить широкую публику со Средневековьем во всем его многообразии.

REFERENCES

1. *Agoston M.* Velikoknyazheskaya pechat' 1497 g.: K istorii formirovaniya russkoj gosudarstvennoj simboliki. Moscow, 2005.
2. *Akopyan O.* Tatiana Matasova, Sophia Palaiologina (Sof'yaPaleolog) (Moscow: Molodaya gvardiya, 2017) [Book review] // Renaissance studies. 2019. Vol. 33. No 2. P. 326–327.
3. Akty, sobrannye v bibliotekah i arhivah Rossijskoj imperii Arheograficheskoy ekspedicii imperatorskoj Akademii nauk. Sankt-Peterburg, 1836. Vol. 1. P. 142.
4. Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkih svyazej v XV v. Leningrad, 1971.
5. *Beltrami L.* Aristotele da Bologna al servizio del duca di Milano (1458–1464). Milano, 1888.
6. *Beltrami L.* Vita di Aristotele da Bologna. Bologna, 1912.
7. *Burke P.* Culture and society in Renaissance Italy. 1420–1540. London, 1972.
8. *Corti M.* «Delator» o Von Turn? // Slavia. 2018. № 2. P. 73–86.
9. *Danilova I.E.* Ital'yanskij gorod XV veka: Real'nost', mif, obraz. Moscow, 2000.
10. Drevnyaya rossijskaya vivliofika. Ed. 2. Moscow, 1790. Part 13.
11. *Florovskij G.V.* Puti russkogo bogosloviya. Parizh, 1937.
12. *Fonkich B.L.* Grechesko-russkie kul'turnye svyazi v XV–XVII vv. Grecheskie rukopisi v Rossii. Moscow, 1977.
13. *Garzaniti M.* Da Roma a Mosca. Sofia Paleologa e i Greci in Russia fra la fine medioevo e l'inizio dell'epoca moderna. A proposito della recente biografia di T. Matasova (Mosca 2016) // Studi Slavistici. 2018. Vol. XV. P. 219–226.
14. *Gerbershtejn S.* Zapiski o Moskovii. Moscow, 2008. Vol. 1.
15. *Ghirardacci C.* Della historia di Bologna. Parte 3 / A cura di A. Sorbelli. Bologna, 1912.
16. *Gibson J.* Educating for Silence: Renaissance Women and the Language Arts // Hypatia. 1989. Vol. IV. № 1. The History of Women in Philosophy. P. 9–27.
17. *Golovin V.P.* Mir hudozhnika rannego ital'yanskogo Vozrozhdeniya. Moscow, 2003.

18. *Gualandi M.* Aristotele Fioravanti meccanico e ingegnere del secolo XV. Memoria letta nella tornata del 26 giugno 1870 della deputazione di storia patria per le provincie di Romagna. Bologna, 1870 [Estratto dagli Atti e Memorie della R. Deputazione di Storia patria. Anno IX].
19. *Hreptovich-Butenev K.A.* Aristotel' Fioravanti, stroitel' Uspenskogosobora // *Staraya Moskva*. Vyp. 1–2. 1912–1914. Moscow, 1993. S. 24–49.
20. *Istoriya zhenshchin na Zapade* / Red. Zh. Dyubii M. Perro. Sankt-Peterburg, 2008. T. 3. Paradoksy epohi Vozrozhdeniya i Prosveshcheniya.
21. *Kazakova N.A.* Pervonachal'naya redakciya «Hozhdeniya na Florentijskij sobor» // *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*. Leningrad, 1970. Vol. 25. P. 60–72.
22. *Matasova T.A.* Antichnyj geograficheskiy traktat v Moskovskoj Rusi: Pervaya kniga «Geografii» Pomponiya Mely v drevnerusskom perevode // *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, 2016. Vol. 12. P. 283–348.
23. *Matasova T.A.* Monastyr' i mir: Kassianova Uchemskaya pustyn' vo vremena Petra Velikogo (issledovanie materialov rukopisi Tihonr. № 234) // *Istochniki po istorii russkogo Srednevekov'ya i Novogovremeni* / Otv. red. A.A. Gorskiy. Vyp. 1. Moscow, 2020. *In print*.
24. *Matasova T.A.* O statuse i pravah ital'yanskih arhitektorov v Rossii v poslednej chetverti XV — pervoj polovine XVI v. // *Sobiratel'stvo i mecenatstvo v epohu Vozrozhdeniya*. Moscow, 2015. P. 57–70.
25. *Matasova T.A.* Popugaj v Moskve v 1490 godu // *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya*. Vyp. 6: Shestye chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moscow, 2019. P. 126–130.
26. *Matasova T.A.* Prp. Kassian Uchemskij — grek iz okruzheniya Sof'i Paleolog i chudotvorec «ot Italijskiya strany»: K istorii cerkovnogo pochitanii svyatogo v XVI–XIX vv. // *Istoriya i kul'tura Rostovskoj zemli. Materialy XXIX nauchnoj konferencii*. Rostov, 2020. P. 43–52.
27. *Matasova T.A.* Sof'ya Paleolog. Moscow, 2016 (Ed. 2 — Moscow, 2017).
28. *Nazarov V.D.* Paleolog Sof'ya // *Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya*. M., 2014. Vol. 25. P. 126.
29. *Pamyatniki diplomaticeskikh snoshenij drevnej Rossii s derzhavami inostrannymi*. Sankt-Peterburg, 1851. Vol. 1.
30. *Plyuhanova M.B.* Kipenie sveta: Russkie Odigitrii v liturgicheskoj poeziii v istorii. Sankt-Peterburg, 2017.
31. *Plyuhanova M.B.* Obraz simvolicheskogo peremeshcheniya cerkvi v Italii i Rossii v XV v. // *Carskiy hram: Blagoveshchenskij sobor Moskovskogo Kremlya v istorii russkoj kul'tury*. Moscow, 2008. P. 377–394.

32. Polnoe sobranie russkikh letopisej. Moscow, 2001. Vol. 25.
33. *Prokof'ev N.I.* Russkie hozhdeniya XII–XV vv. (Prilozhenie 2,3) // Literatura Drevnej Rusii XVIII vek. Moscow, 1970. P. 3–264.
34. *Rakitina M.G., Solov'eva L.V.* K voprosu ob uchastii Sof'i Paleolog v priglasenii ital'yanskikh arhitektorov dlya perestrojki Moskovskogo Kremlya // Istoricheskij vestnik. Vol. 28 (175). 2019. Avgust. P. 28–39.
35. *Ronchey S.* L'enigma di Piero. Milano, 2010.
36. *Savva V.* Moskovskie cari I vizantijskie vasilevsy: k voprosu o vliyanii Vizantii na obrazovanie idei carskoj vlasti moskovskih gosudarej. Har'kov, 1901.
37. Sbornik Imperatorskogo Rossijskogo istoricheskogo obshchestva. Sankt-Peterburg, 1882. Vol. 35.
38. *Sfrandzi G.* Hronika / Predisl., per. i prim. E.D. Dzhaqacpanyan // Kavkaz I Vizantiya. Erevan, 1987. Vyp. 5. P. 187–240.
39. *Shichalin Yu.A.* Vissarion. Pis'ma VI–VIII (PG CLXI Migne) // Renessans: Obrazi mesto Vozrozhdeniya v istorii kul'tury. Moscow, 1987. P. 69–79.
40. *Snegirev V.* Aristotel' Fioravanti I perestrojka Moskovskogo Kremlya. Moscow, 1935.
41. *Solov'ev A.V.* Geral'dicheskie emblem Vizantii I slavyane // Signum. 2009. № 4. P. 109–211.
42. *Sosnovceva E.G.* Zhitie Paisiya Uglichskogo: Issledovanie I teksty. Moscow, 2020.
43. The Renaissance in Europe: Courts, patrons and poets / Ed. D. Mateer. New-Haven, 2000.
44. *Vespignani G.* Attorno al progetto di Crociata di Alessandro VI (1492–1503): Andrea Paleologo nell'affresco dell'appartamento Borgia del Palazzo Vaticano // Erytheia. 2007. Vol. 28. P. 99–112.
45. Vizantijskie drevnosti: Proizvedeniya iskusstva IV–XV vv. v sobranii Muzeev Moskovskogo Kremlya. Moscow, 2013.

Ключевые слова:

Софья Палеолог, итальянские мастера, кардинал Виссарион, Фома Палеолог, образование женщин, Ренессанс, московский двор

Tatiana A. Matasova

INFLUENCE OR SILENCE?

Once more on the role of Sophia Palaiologina in the court life of Ivan III and the question of her participation in the invitation of Italian masters to Moscow

The article examines the issue of Sofia Palaiologina in the invitation of Italian masters to Russian service in the last quarter of the 15th century. This issue is examined through a broader problematic context — the limits to which a Grand Princess could take part in Muscovite court life. Paying due attention to the stereotypes, mistaken and/or unproven conclusions dwelling in the academic discourse, the author seeks to separate the image of Sofia Palaiologina as a symbolic figure with the actual surviving evidence of her activity. Alongside the goal of establishing the actual evidence of Sofia's participation in Muscovite court life, the author also seeks to examine the issue of Sofia's education in Rome: during the years spent in Rome, could Sofia have studied rhetoric — an art vital for an active political position? On the basis of the existing corpus of research, the author comes to the conclusion that Sofia Paleologina did not occupy an active position, even though she remained an important symbol for Muscovite court, a symbol that was perceived quite differently by various court groups (proponents and opponents of Ivan III's political course, Greek immigrants, Italian masters, etc.).

The author comes to the conclusion that the role of Sofia Palaiologina should not be exaggerated: it seems that Sofia did wield sufficient influence at court, until the dynastic crisis that erupted on the brink of 15th–16th centuries.

Key Words: Sophia Palaiologina, Italian Renaissance, Roman Catholic Cardinal Bishop Bessarion, Thomas Palaiologos, Women's Education, Muscovite court.

Tatiana A. Matasova — Ph.D. (History), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Russian History to the beginning of the Nineteenth Century of the Faculty of History of the Moscow State University (Moscow, Russia), Researcher of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia).

Матасова Татьяна Александровна

кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), научный сотрудник СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // *Information Support of Science. New Technologies: Collected papers* [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // *Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.*] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1 500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник»
можно он-лайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс — ПА772.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 30.09.2020 г. Формат 70×108 1/16. Усл.-печ. л. 26,3. Заказ № 1028.

Адрес редакции: 119071, г. Москва, Ленинский пр-т. 15А
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2020

---

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии Издательского центра РГГУ. Адрес: 125993, Москва, Миусская пл., 6.
Электронная почта: kentavr@rggu.ru. Тел.: +7 (499) 973-42-05

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

Следующий номер «Исторического вестника»
посвящен дискуссионным
проблемам российской/советской истории
XIX–XX вв., связанных с реформаторскими
и революционными процессами,
социальными движениями.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке